

**ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

2024, Том 4, № 12

Подписано к публикации: 27.12.2024

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горишунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Марица Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

Е-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

© Вестник филологических наук, 2024

Содержание

Гу Тяньчи Особенности источников русских и китайских традиционных праздников	5-10
Мамедов С.З. Виды дискурса в области спорта. Тактика прагматической адаптации и правильного оформления информации при переводе текстов спортивной направленности (на материале русского и английского языков)	11-20
Саушева Е.В. Специфика функционирования единиц военного жаргона в современных англоязычных средствах массовой информации	21-25
Соболева Е.А., Егорова О.Н. Лексические стратегии в дискурсе моды (на материале англоязычных глянцевого журналов мод)	26-31
Томилова А.И., Творогова Е.И. Особенности словообразования современных китайских экономических терминов	32-40
Цахаева М.С., Горбанева А.Н. Сон как художественный прием в романах Ф.М. Достоевского	41-45
Лищенко Н.Ф. Миф об А.С. Пушкине в рунете: к вопросу о методологии исследования	46-51
Лукманова З.М., Кадачиева Х.М. Когнитивные характеристики процесса сокращения в англоязычном медийном дискурсе	52-56
Малханова Л.М. Ассоциативное поле «завтра»: на материале современного русского языка	57-62
Мартазанов А.М. Советская государственность в зеркале «деревенской прозы»	63-68
Магомедова Р.М. Вопросы изучения магического в фольклоре народов Дагестана	69-74
Мутагирова У.А., Пашаева Т.Н. Мотивно-образная система петербургского текста А.С. Пушкина	75-80
У Циньцин Сопоставительный анализ антропоморфных маркеров пространства в китайском и русском языках	81-84
Амирова Х.Р., Нурбагандова Л.А. Специфика информационных программ на региональных телеканалах (на примере ГТРК «Дагестан» и «Наше Национальное Телевидение»)	85-90
Болянос Арсе И.Э. Сопоставительный диахронический анализ переводов на испанский язык творчества Александра Блока	91-105
Гилязова А.Е. Концепция юридического дискурса как разновидность рационального дискурса	106-111
Гоголева М.Т. Локальный диалект якутского языка в произведениях рассказчика П.С. Колтовского: фонетика и лексика	112-117
Сатгарова С.С. Семантико-синтаксическая функция модальных слов крымскотатарского языка в предложении	118-121
Терских Т.Ф. О формировании навыков и умений аудирования у иностранных студентов на подготовительном факультете	122-125
Ястребова А.Э., Таджикива Р.Р. К вопросу о переводе англоязычного детективного текста на русский язык	126-129
Ши Даньдань Роль и место интонации в процессе обучения русскому языку	130-135

Ефремов Д.А. Телеграм-канал «О чём поёт вотячка» как феномен новых этномедиа Удмуртии	136-141
Федорова И.С., Попова М.П. Мифо-фольклорные традиции в творчестве Василия Яковлева: тематика, образы, сюжет	142-148
Санишвили И.Т. Дискурсивные характеристики риторических вопросов в художественной литературе на немецком и русском языках	149-154
Сунь Цици Отражение проблемы столкновения мира детей и мира взрослых в рассказе В.В. Набокова «Лебеда»	155-159
Демьянова А.Д., Самойленко П.Ю. Особенности цифровой информации в современном мире	160-164
Демьянова А.Д., Самойленко П.Ю. К вопросу об авторском праве в рекламной деятельности	165-168
Ковалева А.И. Парадокс как прием языковой игры в русском афоризме	169-174
Мамиева И.В. Образно-смысловое поле диады «пространство-время» в осетинской поэзии К.Л. Хетагурова	175-183
Се Синьюань Концепция «монологичный диалог» В.Н. Топорова и его текстовая перспектива на основе его интерпретации стихов Ахматовой	184-190
Ширинова И.Ф. Роль заимствований в лексическом развитии современного английского языка	191-196
Дюпина Ю.В., Дерикот Т.Е. Особенности восприятия грамматических структур русского языка иностранцами в процессе изучения русского языка как иностранного	197-201
Крыгин Р.В. Крымские реалии в трактате Ш.К. Де Пейсонеля «Die Verfassung des Handels auf dem schwarzen Meere» (в переводе В. Гунна)	202-209
Ма Цзюнь Сравнительное исследование переводческих стратегий двух русских переводов «Лунь Юй» с точки зрения толкования	210-215
Лю Цзытэн Медиапсихология: как медиа влияют на психику и поведение человека в России и Китае	216-221
Чжан Ин Культурные и языковые аспекты басен в русской и зарубежной литературе (сравнительный анализ)	222-227
Варламова А.-С.В. Лингвистический анализ текстов наружных вывесок государственных и муниципальных учреждений (на примере Промышленного округа г. Якутска)	228-232
Арсакаева Х.С., Гишкаева А.А. Образ матери в русской литературе	233-236
Малахова С.А., Кузнецова Л.Э. Лексико-семантический анализ терминов свадебной обрядности в английском языке (лингвокультурный аспект)	237-244
Котлярова Т.Я., Свиркович О.В., Штукина Е.Э. Языковая среда поликультурного социума: эрратологический аспект	245-251
Терских Т.Ф. Устойчивые словосочетания в практике преподавания русского языка как иностранного китайским учащимся	252-255
Чусовлянова С.В., Никулина Д.Н. Поиск эквивалентов на семантическом уровне при переводе научного текста	256-261

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 800.86

¹ Гу Тяньчи

¹ Российский университет дружбы народов

Особенности источников русских и китайских традиционных праздников

Аннотация: в статье рассматриваются особенности источников появления традиционных праздников, сохранившихся по настоящее время в России и Китае. Актуальность темы обусловлена тем, что является ярким и эффективным способом обеспечения единства нации, сплочения народа и остается одним из ключевых моментов любой культуры. В каждой стране существует большое количество праздников, отличающихся по форме и целям, но одними из наиболее важных всегда были и остаются традиционные праздники, сформировавшиеся за столетия развития государства. Цель статьи – раскрыть все особенности источников традиционных праздников в китайской и русской культурах. Для достижения цели изучены труды российских и зарубежных авторов, проведен анализ теоретической литературы, использованы методы сравнения, обобщения, а также лингвистического и концептуального анализа.

В результате работы установлено, что к особенностям источников традиционных праздников в обеих странах относятся: мифичность, обрядность, ритуальность, непосредственная связь с временами года и поклонением силам природы. Несмотря на большое количество различий, отражающих особенности культурного и исторического развития, религии, климатических условий, традиционные праздники России и Китая основываются на двух основных источниках: мифах и легендах, «сельскохозяйственном календаре».

Ключевые слова: праздник, традиции, особенности, источники, культура, торжественные мероприятия, традиционные праздники

Для цитирования: Гу Тяньчи. Особенности источников русских и китайских традиционных праздников // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 5 – 10.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Gu Tianchi

¹ Peoples' Friendship University of Russia

Features of sources of Russian and Chinese traditional holidays

Abstract: the article examines the features of the sources of the emergence of traditional holidays that have survived to the present day in Russia and China. The relevance of the topic is due to the fact that it is a bright and effective way to ensure the unity of the nation, uniting the people and remains one of the key moments of any culture. In each country there are a large number of holidays, differing in form and purpose, but one of the most important has always been and remains the traditional holidays, formed over centuries of development of the state. The purpose of the article is to reveal all the features of the sources of traditional holidays in Chinese and Russian cultures. To achieve the goal, the works of Russian and foreign authors were studied, theoretical literature was analyzed, methods of comparison, generalization, as well as linguistic and conceptual analysis were used.

As a result of the work, it was established that the features of the sources of traditional holidays in both countries include: mythicity, ceremonialism, ritualism, direct connection with the seasons and worship of the forces of nature. Despite the large number of differences reflecting the peculiarities of cultural and historical development,

religion, and climatic conditions, the traditional holidays of Russia and China are based on two main sources: myths and legends, the «agricultural calendar».

Keywords: *holiday, traditions, peculiarities, sources, culture, special events, traditional holidays*

For citation: Gu Tianchi. Features of sources of Russian and Chinese traditional holidays. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 5 – 10.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: December 06, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что праздник является одним из важных элементов любой культуры, способом поддержания единства и гармонии внутри всей нации. По мнению большинства специалистов, изучающих особенности праздников у различных национальностей, массовые торжества позволяют обеспечить передачу значимой культурной и социальной информации от поколения к поколению.

В настоящее время в различных странах, в том числе в России и в Китае, существует большое количество праздников различных направлений, например, государственные, профессиональные, религиозные, церковные и т.д. Самыми древними в обеих изучаемых культурах считаются народно-календарные праздники, основанные на трудовой деятельности людей.

Тема сопоставления источников традиционных праздников в России и Китае является в настоящее время особо актуальной, так как две крупнейшие соседние страны все больше укрепляют сотрудничество по различным направлениям. А праздничная культура обладает сильным имиджем, привлекательностью, позволяет глубоко и точно понять особенности развития страны.

Ряд исследований, проведенных в области культурного обмена и распространения праздничной культуры другого народа, показывает, что изучение и внедрение элементов праздников, присущих другой страны, позволяют также обогатить культуру собственной страны. Так изучение литературы, посвященной проникновению русской праздничной культуры в Китай, позволило Гун Ц. и Шан Б. сделать вывод о выгодном культурном обмене, повышению взаимопонимания между двумя странами [3].

Несмотря на активное всестороннее изучение особенностей источников традиционных праздников в России и Китае остается множество открытых вопросов, касающихся сопоставления данных источников, в том числе в области лексики и языкознания.

Цель данной работы – изучение всех особенностей источников традиционных праздников в китайской и русской культурах.

Для определения особенностей происхождения русских и китайских традиционных праздников в рамках данной работы изучены труды различных отечественных и иностранных специалистов, посвященные источникам образования, этнокультурным, лексическим и другим особенностям праздника в двух странах.

Тема праздника в различных культурах изучается долгие годы, так как праздник занимает немаловажное значение в любой стране. Еще в книге К. Жигульского, изданной в 1985 г., упоминается поговорка о том, что праздник является отражением достоверной стороны национальной культуры [4, с. 53]. И, по мнению большинства специалистов, праздник – это один из наиболее устойчивых элементов, которые сохраняются в рамках государства и нации на протяжении длительного времени.

Праздники, имеющиеся в современных государствах, имеют различные источники и формы, обеспечивающие широкое разнообразие и определяющие содержание культуры народа. Совокупность праздников отражает ценности и взгляды, национальные, религиозные и моральные особенности, историю развития государства.

Наиболее информативными в отношении истории и особенностей страны являются традиционные праздники, появившиеся еще в древности и передаваемые из поколения в поколение [8]. Пережив длительный период трансформации, укладываясь в современные рамки, такие праздники продолжают отражать неотъемлемые элементы народной культуры, сформированные за столетия развития нации.

Материалы и методы исследований

В ходе работы использовались такие методы как: обзор и анализ научной литературы, позволившие выявить основные источники традиционных праздников; сравнение и обобщение, позволившие определить сходства в источниках русских и китайских праздников; лексический и концептуальный анализ, позволившие определить особенности языковой картины мира двух стран.

Методологической базой исследования стали работы российских и зарубежных авторов, посвященные особенностям праздника, как культурного и социального феномена, а также источникам традиционных праздников в России и Китае.

Результаты и обсуждения

Россия и Китай имеют достаточно много общего, в первую очередь обе страны являются многонациональными государствами, имеющими длительную историю, богатую и разнообразную культуру. И в культурах обеих стран праздник занимает важное, особенное место. Собираясь вместе, чтобы отметить какое-либо событие, совершить обряд, отдать долг обычаю, люди испытывают особенные чувства, переживания, испытывают положительные эмоции, которые формируют общественное мнение, мировоззрение, устой общества, определяющие поведение и личностные характеристики представителей нации.

Изучая особенности русских праздников необходимо отметить, что в данной культуре прочно переплетаются различные истоки: язычество и христианство, народные привычки и религиозные представления. Большое количество народных праздников, сохранившихся по настоящее время в России, возникли с давних времен, и отражают особенности времени года. Крестьяне отлично знали, когда нужно сеять, когда жать, когда «готовить сани», а когда «телегу». Каждое событие, связанное с завершением того или иного дела, отмечалось хороводами, песнопениями, общими сборами, плясками.

Такие мероприятия всегда носили позитивный характер, давали людям ожидание чего-то невероятного, веселого, счастливого. Ассоциации, которые до сих пор вызывают праздники: ритуальность, свободное время, веселье, пир, танцы, общение и т.д.

Большое количество современных праздников связано с какими-либо историческими или религиозными датами, мероприятиями. Это и события мирового значения, государственные изменения, смена времен года и т.д. Но важное место по настоящее время занимают и древние даты, возникшие во время язычества.

С приходом христианства на Руси появилось множество новых дат, связанных с Христом и Господом Богом, почитанием святых [13]. Религиозные праздники отличаются от языческих, в первую очередь, особенностями проведения: посещением церкви, причастием и т.д. Но в то же время, имеют общие особенности, в том числе, ритуальность проведения. И языческие и христианские праздники имеют религиозную основу и отражают сочетание многостороннего и длительного развития русской нации.

Китайская культура также богата различными традиционными праздниками, которых на настоящее время насчитывается более ста, и каждый из них имеет свои уникальные особенности [6]. Как и в России, китайские праздники отражают основы общества, имеют тесную связь с историей развития государства. Многие традиционные праздники Китая связаны с сельскохозяйственной деятельностью, с «24 сезонами сельскохозяйственного года» [14, с. 46]. Об этой связи свидетельствуют такие праздники, как Чуньцзе, который отмечается в конце зимы в период начала отдыха, Юаньсяоцзе, означающий начало сельскохозяйственных работ, Дуаньцзе, символизирующий окончание первого сбора урожая и другие [2].

Многие традиционные праздники связаны с представлениями о гармонии и единстве неба, Земли и Человека. На основании этой традиции китайцы считают, что праздники являются связующей нитью между социумом и природой.

Истоки ряда традиционных праздников Китая лежат в древней мифологии. Именно на мифах основываются различные обряды и мистерия. Миф является некой основой, космогонией, включающей ранний аспект ценностей праздника, представляя важные события отдельными знаками, проявлениями, частями [7].

Многочисленные китайские традиционные праздники имеют различные формы и содержание, при этом являясь неотъемлемой частью культуры и отражением истории нации. Одни основаны на мифах и приданиях, другие имеют весьма реалистичную основу, в том числе связанную с сельскохозяйственной деятельностью.

В России ряд традиционных народных праздников совпадает с церковными, например, Яблочный спас и Преображение Господне, Ореховый спас и Успенье Богородицы. И в такие дни можно отметить, что языческие обряды и привычки, сложившиеся за многие столетия, преобладают над христианскими обычаями. Это свидетельствует о том, что источниками многих русских традиционных праздников являются древние языческие обряды, остающиеся по настоящее время неотъемлемой составляющей и религиозных праздников.

Многие русские традиционные праздники, как и китайские, совпадают с циклами земледельческой деятельности, что свидетельствует о прочной и длительной связи народов с землей. Жизнь крестьян, их деятельность, непосредственно зависела от времен года, урожайности земли и они старались жить в гармонии с природой. Это стремление отразилось в сознании, как русских, так и китайцев, и среди основы традиционных праздников необходимо выделить поклонение силам природы, которое первоначально имело форму жертвоприношения [10, с. 42-45].

Церемонии жертвоприношения, символы природы, знаки почитания небесных светил сохраняются и в современных традиционных праздниках. Например, в России такие праздники, как Коляда зимой и Купала летом (праздники зимнего и летнего солнцестояния) отмечаются хороводами, символизирующими движение солнца, кострами зимой и венками летом, форма которых также повторяет форму небесного светила.

В Китае почитаются духи рек, гор, лесов, холмов и других элементов природы. В соответствии с древним трактатом «Чжоули» они имели звериный облик, например, духи воды – вид птиц, гор в виде кошек различных пород и т.д. [1, с. 68-70]. Не менее важными в восточной стране являются и культы почитания солнца и луны. Эти небесные светила чаще всего рассматриваются в паре, в аналогии с теорией «инь» и «янь». Образы различных небесных объектов, например, планет, также сравнивали с разными животными.

В целом многочисленные традиционные китайские праздники, при сопоставлении с современным к ним отношением, отражают сплоченность народа. Традиции и обряды, сохраняемые на протяжении многих столетий, передаваемые из поколения в поколение, обеспечивают вертикальную, горизонтальную и географическую связь всего китайского народа [5].

Проводя сравнение источников традиционных праздников двух стран можно найти много общего. Это, в первую очередь, сельскохозяйственные работы, а также традиции, связанные с поклонением природе, древним духам, мифами и легендами. Анализируя проведение традиционных праздников в России и в Китае также необходимо отметить схожие черты в обычаях и традициях. Например, П. Лукьянцева, в рамках спецвыпуска «Дыхание Китая» провела сравнение празднования русской «Масленицы» и китайского «Праздника Весны (春节)». В ходе подробного изучения автор отметила, что оба обычая, посвященных приходу весны имеют определенные обряды, которые выполнялись еще предками. В Китае это подношения ушедшим предкам и сжигание бумажных денег, в России – сжигание чучела Масленицы [9]. Оба народа имеют свои традиции, привычки, особенности, но, несомненно, радуются приходу весны, ждут обновления природы и чего-то нового в своей жизни.

Проводя сравнение основных источников традиционных праздников в России и Китае, необходимо отметить, что в них есть определенная схожесть, в первую очередь в связи с природой и религией. Все праздники имеют определенную символику, традиционные обряды, неотъемлемые составляющие [14, с. 25-27]. Несмотря на то, что у каждого праздника есть свои особенности и характерные черты, все они отражают историю и культуру народа, особенности религии и мировосприятия.

В научных работах встречаются различные точки зрения и углы обзора, касающиеся темы традиционно-го праздника, как исторического и социального феномена. Его рассматривают и в отношении исторических источников, и религиозного начала, и в отношении лексики, и концептуального понимания.

Так Г.М. Старыгина и И.А. Кунгушева, изучая народные праздники России и Китая, обратили внимание на этнокультурную лексику, которая отражает особенности культуры и истории народа. В ходе работы специалистами было выявлено 7 тематических групп в русской лексике, в том числе: названия праздников; наименования обрядов, ритуалов и действий; участники и мифические персонажи; песни и песнопения; атрибуты праздника; названия используемых растений и цветов; кушанья и напитки, традиционные для праздников. А также 5 групп в китайской лексике: наименование действий во время праздников; кушаний, связанных с обрядами; праздничные украшения; слова, обозначающие праздничные танцы; используемые во время праздника предметы [12].

Анализируя выделенные данными специалистами этнокультурные единицы и группы, относящиеся к праздничной тематике, можно отметить, что большинство из них имеет достаточно древние корни. Слова, обозначающие праздники, действия, украшения и другие традиции, связанные с обрядами, имеют большое значение для изучения культуры и традиций народа. В китайской и русской лексике наблюдается большое количество различий, но можно найти и достаточно много общих черт, характеризующих схожесть двух разных народов.

Для определения особенностей источников традиционных праздников в двух странах интерес представляет и концептуальное значение понятия «праздник». Сравнивая концепты «праздник» и «假期» И.В. Семенова и Ц. Сун отметили, что лексемы в русском и китайском языках имеют схожее прямое значение. Рассматривая различные толковые словари, изучив пословицы и поговорки, специалисты отметили, что базовое значение понятия праздник в обоих языках толкуется, как «традиционное торжество или время жертвоприношения; великий день и т.д.» [11].

Несмотря на разницу в устойчивых выражениях и различные трактовки праздника в двух языках, например, в русских поговорках «праздник» нередко встречается с негативной трактовкой, такой как «безделье», в китайских же чаще описывается, как «время объединения», в концептах много общего. Во время

праздника люди отдыхают, совершают определенные обряды, украшают свои дома, едят определенную пищу и т.д. И в китайском, и в русском языках праздники ассоциируются с массовостью, обрядностью, традиционными действиями.

Это во многом связано с источниками данных праздников – древними обрядами и днями поклонения, когда все люди собирались вместе, чтобы отдать дань богам или силам природы, отметить начало или окончание периода, встретить что-то новое. Дни торжества всегда были долгожданными и для детей, и для взрослых, несли счастье, веселье, удовольствие, сытость и множество других положительных чувств.

Выводы

Таким образом, в современной России и в Китае существует большое количество традиционных праздников, берущих свое начало из давних времен. Источники праздников различны, но изучив особенности праздников в двух странах, можно отметить, что и в России, и в Китае большинство праздников берут начало в древней религии (поклонении богам, силам природы, мифах и легендах), а также в «сельскохозяйственном календаре».

Изучение дат, обрядов, лексических значений, концептов, позволило сделать вывод о том, что основными особенностями источников традиционных праздников являются: ориентация на мифичность, обрядность, ритуальность, а также связь с временами года и силами природы. В источниках традиционных праздников есть большое количество различий, отражающих особенности народа, истории, культуры, и даже климатических условий. При этом главное сходство – соблюдение древних обычаев, связанных с сельскохозяйственными работами и поклонением силам природы.

И русские и китайцы с давних времен занимались земледелием, изучали особенности времен года, знали, что своевременное выполнение тех или иных действий приведет к успеху и достатку в работе и жизни. По настоящее время представители двух стран соблюдают обряды и ритуалы, несмотря на изменение религии и социальной реальности, стремятся поддержать тот порядок вещей, который существовал при их предках.

При этом праздник у русских и китайцев анализируется с отдыхом, счастьем, радостью, что так необходимо в современном мире. И это одна из причин такого большого количества традиционных праздников, сохранившихся по настоящее время в обеих странах.

Список источников

1. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Аггау Литагент «Ломоносовъ», 2015. 238 с.
2. Гу Т. Сравнительные особенности русских и китайских традиционных праздников // Сборник: «Вызовы глобализации и развитие цифрового общества в условиях новой реальности (шифр – МКВГ)». 2024. С. 208 – 214.
3. Гун Ц., Шан Б. Статус исследования русской праздничной культуры в Китае: обзор литературы // Культура и цивилизация. 2024. Т. 14. № 4А. С. 156 – 167.
4. Жигульский К. Праздник и культура: Праздники новые и старые. М.: Прогресс, 1985. 336 с.
5. Кораблева И.С. Китайские народные праздники, их коммуникативные особенности, сплачивающие идеи и традиции // Коммуникология: электронный научный журнал. 2018. № 4. С. 97 – 101.
6. Ли Цян. Историческое происхождение и современная ценность традиционных китайских фестивалей и обычаев. Синьют: Журнал Университета Синьют, 2020. № 6. С. 394 – 398.
7. Ли Чан. Традиционные китайские праздники: происхождение и современное состояние // Проблемы современного востоковедения: материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1-2 июля 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.Р. Боровой (гл. ред.). Минск: БГУ, 2021. С. 180 – 185.
8. Литвинова М.В., Посохова Н.В., Семченкова И.В. Традиционный праздник в современном праздничном календаре: специфика организации и постановки // Наука. Искусство. Культура. 2022. № 1 (33). С. 18 – 32.
9. Лукьянцева П. Чем похожи русская Масленица и китайский праздник Весны // Российская газета – Спецвыпуск: Дыхание Китая № 58 (9003). 2023. URL: <https://rg.ru/2023/03/21/prazdniki-v-krugu-semi.html> (дата обращения 25.08.2024).
10. Мехнецов А.М., Валевская Е.А., Мехнецова К.А. Народная традиционная культура: Статьи и материалы. К 150-летию Санкт-Петербургской консерватории / сост. Г.В. Лобкова. СПб.: Нестор-История, 2014. 440 с.
11. Семенова И.В., Сун Ц. Концепт «праздник/假期» в русской и китайской языковых картинах мира // Эпоха науки. 2016. № 8. С. 236 – 244.
12. Старыгина Г.М., Кунгушева И.А. Этнокультурная лексика русских и китайских народных праздников // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 76. С. 148 – 153.

13. Шарков И.Г., Татарина И.С. Праздничная культура Руси // Наука, образование и культура. 2020. № 1 (45). С. 61 – 63.
14. Яо Л. Русские и китайские праздники: опыт сравнительного анализа: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Владивосток, 2018. 100 с.

References

1. Vasiliev L.S. Cults, religions, traditions in China. Moscow: Array Literary agency "Lomonosov", 2015. 238 p.
2. Gu T. Comparative features of Russian and Chinese traditional holidays. Collection: "Challenges of globalization and the development of a digital society in the context of a new reality (code – MKVG)". 2024. P. 208 – 214.
3. Gun Ts., Shan B. The status of the study of Russian festive culture in China: a literature review. Culture and civilization. 2024. Vol. 14. No. 4A. P. 156 – 167.
4. Zhigulsky K. Holiday and culture: Holidays new and old. Moscow: Progress, 1985. 336 p.
5. Korableva I.S. Chinese Folk Holidays, Their Communicative Features, Unifying Ideas and Traditions. Communicology: Electronic Scientific Journal. 2018. No. 4. P. 97 – 101.
6. Li Qiang. Historical Origin and Modern Value of Traditional Chinese Festivals and Customs. Xinyu: Journal of Xinyu University, 2020. No. 6. P. 394 – 398.
7. Li Chang. Traditional Chinese Holidays: Origin and Current State. Problems of Modern Oriental Studies: Proc. of the I Int. scientific-practical. conf., Minsk, July 1-2, 2021. Belorussian State University; editorial board: V.R. Borovoy (editor-in-chief). Minsk: BSU, 2021. P. 180 – 185.
8. Litvinova M.V., Posokhova N.V., Semchenkova I.V. Traditional holiday in the modern holiday calendar: specifics of organization and production. Science. Art. Culture. 2022. No. 1 (33). P. 18 – 32.
9. Lukyantseva P. How are Russian Maslenitsa and Chinese Spring Festival similar. Rossiyskaya Gazeta – Special Issue: Breath of China No. 58 (9003). 2023. URL: <https://rg.ru/2023/03/21/prazdniki-v-krugu-semi.html> (date of access: 25.08.2024).
10. Mekhnetsov A.M., Valevskaya E.A., Mekhnetsova K.A. Folk traditional culture: Articles and materials. For the 150th anniversary of the St. Petersburg Conservatory. Compiled by G.V. Lobkova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. 440 p.
11. Semenova I.V., Sun Ts. The concept of "holiday/假期" in the Russian and Chinese linguistic pictures of the world. The Age of Science. 2016. No. 8. P. 236 – 244.
12. Starygina G.M., Kungusheva I.A. Ethnocultural vocabulary of Russian and Chinese folk holidays. Bulletin of Amur State University. Series: Humanities. 2017. No. 76. P. 148 – 153.
13. Sharkov I.G., Tatarinova I.S. Festive culture of Rus'. Science, education and culture. 2020. No. 1 (45). P. 61 – 63.
14. Yao L. Russian and Chinese holidays: an attempt at comparative analysis: diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.8. Vladivostok, 2018. 100 p.

Информация об авторах

Гу Тяньчи, Российский университет дружбы народов

© Гу Тяньчи, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81:811.1

¹ Мамедов С.З.

¹ Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

Виды дискурса в области спорта. Тактика прагматической адаптации и правильного оформления информации при переводе текстов спортивной направленности (на материале русского и английского языков)

Аннотация: цель исследования – определить актуальность использования тактики прагматической адаптации, а также тактики правильного оформления информации в рамках стратегии коммуникативно-равноценного перевода при переводе текстов спортивной направленности. В статье рассматриваются примеры переводов текстов вышеуказанного типа с последующим анализом с целью подтверждения применимости вышеуказанной переводческой стратегии и тактик, направленных на ее реализацию при осуществлении перевода спортивных текстов с английского языка на русский. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале русского и английского языков описан принцип ведения переводческой деятельности в рамках коммуникативных ситуаций в индустрии спорта с точки зрения коммуникативно-функционального подхода к переводу с учетом прагматических факторов, таких, как цели, преследуемые коммуникантами и их национально-культурные черты. Также предлагается комплекс переводческих тактик, направленных на реализацию выбранной стратегии в каждой коммуникативной ситуации, в частности тактики прагматической адаптации и тактики правильного оформления информации в рамках стратегии коммуникативно-равноценного перевода при переводе текстов спортивной направленности с целью подтверждения ее применимости (на материале русского и английского языков). В результате определено, что ввиду необходимости не просто перевести тот или иной текст данного типа с одного языка на другой, но и адаптировать его под иностранного получателя (в данном случае – иностранного спортсмена, тренера, спортивного комментатора, студента, обучающегося по специальности «Физическая культура и спорт» или же зрителя, просматривающего то или иное спортивное событие), основываясь на его национально-культурных чертах, а также преследуемых целях и нормах терминологического образования в русском и английском языках, применимы вышеуказанные переводческие тактики в рамках стратегии коммуникативно-равноценного перевода.

Ключевые слова: физическая культура, прагматическая адаптация, коммуникативно-функциональный подход, переводческие тактики

Для цитирования: Мамедов С.З. Виды дискурса в области спорта. Тактика прагматической адаптации и правильного оформления информации при переводе текстов спортивной направленности (на материале русского и английского языков) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 11 – 20.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Mamedov S.Z.

¹ Lobachevsky State University of Nizhni
Novgorod

Types of discourse in the field of sport. Tactics of pragmatic adaptation and proper information processing when translating sport-oriented texts (by the material of the Russian and English languages)

Abstract: *the study is aimed at determining the relevance of using the tactics of pragmatic adaptation, as well as the tactics of correct information processing within the framework of the strategy of communicatively equivalent translation in the translation of sports-oriented texts. The examples of the translation of texts of this type are examined with subsequent analysis aimed at confirming the applicability of the mentioned translation strategy and tactics aimed at its implementation in the translation of sports texts from English into Russian. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time, based on the material of the Russian and English languages, the principle of translation activities within the framework of communicative situations in the sports industry is described from the point of view of a communicative and functional approach to translation, taking into account pragmatic factors, as well as determining the relationship between the translation strategy and a specific communicative situation. A set of translation tactics aimed at implementing the chosen strategy is also proposed, in particular, the tactics of pragmatic adaptation and the tactics of correct information processing within the framework of the strategy of communicative equivalent translation when translating sports-oriented texts to confirm their applicability (based on the material of the Russian and English languages). As a result, it was determined that due to the need not only to translate one or another text of this type from one language to another, but also to adapt it for a foreign recipient (in this case, a foreign athlete, coach, sports commentator, student studying physical culture and sports, or a spectator watching a specific sports event based on national and cultural characteristics, as well as the goals and norms of terminology formation in Russian and English, the mentioned translation tactics are applicable within the framework of the strategy of communicative equivalent translation.*

Keywords: *physical education, pragmatic adaptation, communicative-functional approach, translation tactics*

For citation: Mamedov S.Z. Types of discourse in the field of sport. Tactics of pragmatic adaptation and proper information processing when translating sport-oriented texts (by the material of the Russian and English languages). *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 11 – 20.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: December 06, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Актуальность данного исследования связана с современными тенденциями в развитии лингвистической науки. В настоящее время все больший интерес ученых в этой области сосредоточен на выявлении и систематическом описании взаимосвязи между коммуникативной ситуацией, возникающей в сфере спорта, и переводческой стратегией, применяемой при осуществлении перевода в рамках этой ситуации. Также исследуются комплексные переводческие тактики, которые направлены на реализацию данной стратегии. Проведение подобных исследований позволяет определить необходимые методы перевода текстов данной направленности, исходя из типов аудитории, их национально-культурных особенностей и целей, которые они преследуют.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить ряд задач. Во-первых, выявить различные типы дискурса, фигурирующие в спортивной сфере. Во-вторых, требуется установить переводческую стратегию, используемую при переводе текстов, связанных со спортом. В-третьих, необходимо выделить тактики перевода, направленные на осуществление данной стратегии, включая тактику прагматической адаптации и тактику правильного оформления информации.

Для определения необходимой переводческой стратегии и тактик были использованы следующие методы: анализ коммуникативных ситуаций в сфере спорта, направленный на выявление специфики спортивного дискурса и элементов других видов дискурса, присутствующих в текстах спортивной направленности; сопоставление результатов перевода с коммуникативными ситуациями для определения целей авторов оригинала и цели создания перевода; теоретическое осмысление выбора конкретной стратегии перевода и использование соответствующих переводческих тактик для достижения задач перевода текстов спортивной дестинации, исходя из целей коммуникантов, типа получателя и его национально-культурной принадлежности.

Теоретической базой исследования послужили публикации авторов, в которых рассматриваются характеристики текстов спортивной направленности, а также особенности спортивного дискурса и терминологии (Воронина, 2022; Зильберт Б.А, Зильберт А.Б., 2001; Снятков, 2008), особенности спортивной терминологии и ее перевода (Бобырева, 2013; Гуреева, 2007; Гынин, 1988; Писарев, 2014; Маркосян, 2020) и вопросы выбора необходимой стратегии перевода и переводческих тактик (Сдобников, 2015).

Практическая значимость исследования заключается в том, что выявляемая в статье переводческая стратегия – стратегия коммуникативно-равноценного перевода, и переводческие тактики, направленные на реализацию вышеуказанной стратегии, могут быть использованы при переводе английских текстов спортивной дестинации, предназначенных для русскоязычных спортсменов, тренеров, комментаторов, зрителей и т.д. Полученный результат может быть также применен в процессе преподавания ряда дисциплин, включая «Практический курс перевода первого иностранного языка (английский язык)», а также «Перевод в профессиональной сфере» (Физическая культура и спорт) (английский язык)».

Материалы и методы исследований

В ходе исследования использовались материалы из различных текстов спортивной направленности, таких как спортивные правила, аналитические обзоры, статьи, интервью, комментарии, а также материалы из официальных сайтов спортивных организаций и средства массовой информации. Важным источником также стали учебные и методические пособия по переводу, содержащие примеры спортивной терминологии и тактик перевода. Проведено исследование содержания и структуры спортивных текстов с целью выявления специфических особенностей спортивного дискурса и терминологии. Выполнен анализ коммуникативных ситуаций, характерных для спортивного дискурса, для определения прагматических факторов, влияющих на перевод. Проведен сравнительный анализ текстов оригиналов и их переводов с целью определения эффективных стратегий и тактик перевода.

Теоретическую основу составили труды, посвященные особенностям спортивного дискурса, его терминологии и переводческих стратегий. Практические аспекты исследовались через анализ переводов текстов, направленных на разные категории аудитории (спортсмены, тренеры, болельщики, журналисты). Особое внимание уделялось тактикам прагматической адаптации и правильного оформления информации.

Результаты и обсуждения

Современный мир требует активного использования перевода в различных сферах человеческой деятельности, особенно в науке. В условиях глобализации необходимо постоянно общаться с зарубежными учеными, например, на международных научных конференциях, где требуется устный перевод, а также при изучении иностранной научной литературы, которая изначально написана на иностранном языке и требует письменного перевода.

Настоящая работа посвящена переводу спортивных текстов с английского на русский язык. Однако перед тем, как приступить к рассмотрению вопросов перевода в спортивной сфере, необходимо изучить понятие «спортивный дискурс».

Спортивный дискурс оказывает значительное влияние на институциональные коммуникации, формируя значение и особенности спортивной деятельности. Он осуществляется в устной и письменной формах, передавая смыслы взаимодействия в спортивной среде. Согласно О.В. Ворониной, спортивный дискурс включает устные и письменные тексты, выполняющие несколько функций: определяют спортивную деятельность и правила; регулируют отношения между участниками; формируют представления о ценностях, нормах и идеалах спорта; описывают и оценивают спортивные события и достижения; передают спортивную культуру и ее эволюцию [2, с. 145-146].

Спортивная сфера тесно связана с институциональной структурой спорта. Развитие и поддержка спорта опираются на работу различных организаций и институтов, таких как спортивные федерации, клубы, ассоциации, средства массовой информации и государственные органы. Именно благодаря их деятельности формируется коммуникационная среда, где возникают и распространяются спортивные дискурсы. В спортивной сфере выделяют несколько основных видов спортивного дискурса: аналитический, информационный, мотивационный и исторический. Спортивный дискурс взаимодействует с медийным, политическим и социальным дискурсами, способствуя обмену идеями и формированию общего представления о спорте в обществе. Эта система коммуникации играет важную роль в институционализации и регулировании спорта, влияет на развитие спортивной культуры и определяет восприятие спорта обществом [2, с. 145-146].

Институциональные дискурсы не существуют в изолированной среде, а взаимодействуют между собой, создавая сложную коммуникативную матрицу. Спортивный дискурс, в свою очередь, является площадкой, где сливаются различные языковые традиции и социальные практики.

Соприкосновение спортивного и научного дискурсов приводит к заимствованию терминов из биологии, медицины и психологии в спортивной науке. Педагогический дискурс влияет на спортивный, используя специфические термины и модели обучения. Деловой дискурс связан с коммерциализацией спортивной индустрии. Юридический дискурс определяет правила и наказания в спорте. Военный дискурс применяется в командных видах спорта. Политический дискурс проявляется через выражение политических взглядов в спорте. Театрально-сценический дискурс, в свою очередь, оказывает влияние на спортивные представления и церемонии.

К примеру, такие термины, как «хореография», «драматургия» или «мизансцена» являются неотъемлемыми элементами спортивных представлений.

В наши дни спортивный дискурс активно взаимодействует с масс-медийным дискурсом, поскольку средства массовой информации являются основным каналом распространения спортивного контента. Журналисты, комментаторы и репортеры, работая в спортивной сфере, используют специфические термины и фразы, адаптированные к потребностям широкой аудитории. Поэтому можно выделить такие виды спортивного дискурса, как телевизионный, газетный, радио- и интернет-дискурс. Особое внимание следует уделить интернет-дискурсу, так как он предоставляет спортсменам и болельщикам новые возможности для общения, обмена информацией и выражения своих взглядов.

Спортивный дискурс не всегда выражает явные значения; он может быть полон скрытых посланий и подтекстов, таких как намеки на политические или социальные проблемы. Обнаружить эти имплицитные значения можно с помощью анализа риторических приемов, используемых в спортивном дискурсе.

Известно, что спортивные соревнования и их освещение в средствах массовой информации вызывают сильные эмоции у аудитории: радость, гордость, разочарование, гнев. Именно эмоциональный аспект спортивного дискурса является важным объектом изучения социологов и психологов. Исследование спортивного дискурса имеет большое научное значение, так как оно позволяет понять, как социальные институты взаимодействуют друг с другом, как формируется и распространяется общественное мнение, и как спорт влияет на наше общество.

Спортивный дискурс существенно влияет на современную культуру и общество, формируя ценности, нормы и стереотипы. Спортивные журналисты играют ключевую роль в интерпретации событий и формировании общественного мнения, хотя масс-медийный дискурс может искажать реальность. Телевидение, используя феноменативное представление информации, привлекает широкую аудиторию и создает эмоциональный эффект. Спортивный и масс-медийный дискурсы взаимодействуют, формируя уникальную культуру, язык и восприятие спорта. Спортивный дискурс отражает когнитивные структуры через фонетику, лексику и синтаксис, а также включает пресуппозиции о ценности достижений и правилах. Он пересекается с другими дискурсами, например, политическим, для укрепления национальной идентичности. Интернет и социальные сети расширяют спортивный дискурс, включая дискурс болельщиков с эмоциональностью и жаргоном. Мультиmodalность спортивного дискурса, включая визуальные образы и звуковые эффекты, усиливает его воздействие на аудиторию. Межкультурный спортивный дискурс исследует различия между культурами, акцентируя коллективный дух или индивидуальные достижения [11, с. 12-16].

В сфере научной литературы, посвященной спорту и физической культуре, спортивный дискурс тесно переплетается с научным дискурсом. Здесь рассматриваются различные аспекты, такие как биомеханика, физиология спорта, техническая и психологическая подготовка спортсменов, а также история спортивно-физкультурного движения. Спортивный дискурс также взаимодействует с педагогическим дискурсом, который присутствует в учебных и учебно-методических материалах для спортивных учебных заведений, спортивных педагогов и психологов. Таким образом, спортивный дискурс охватывает всех, кто работает в сфере спортивного образования.

Кроме того, спортивный дискурс пересекается с официально-деловым и юридическим дискурсами в различных письменных спортивно-нормативных текстах. Здесь включены правила соревнований для каждого вида спорта, нормативные акты для присвоения официальных спортивных разрядов и званий (таких как мастер спорта, мастер спорта международного класса, заслуженный мастер спорта), а также система «единой спортивной классификации», где используются значки ГТО («готов к труду и обороне») и другие. Междисциплинарность спортивного дискурса также расширяется на политический и военный дискурсы. По словам Б.А. Зильберта, спортивный и политический дискурсы связаны агональностью, то есть состязательностью. В политическом дискурсе непрерывный диалог-поединок между «партией власти» и оппозицией становится основой, где противники нападают и защищаются. В спорте агональность проявляется в состязаниях и соперничестве между спортсменами и командами, где стремление к победе и превосходству над соперниками играет ключевую роль [6, с. 45-50].

Таким образом, спортивный дискурс является многогранным и пересекается с различными областями знания и деятельности. Он объединяет научные, педагогические, деловые, юридические, политические и военные аспекты, обогащая каждую из них своими особенностями и ценными взаимодействиями [5, с. 107-110].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о многогранности индустрии спорта, в рамках которой выделяется большое количество видов дискурса; помимо вышеназванных, можно также выделить телевизионный, радиийный и газетно-журнальный виды дискурса, фигурирующие в различных коммуникативных ситуациях в сфере спорта. Соответственно, можно сделать вывод о гибридном характере спортивного дискурса, поскольку вышесказанные примеры показывают присутствие различных видов дискурса в рамках различных видов спорта.

Говоря непосредственно о переводе текстов спортивной направленности, в первую очередь следует обратить внимание на широкое использование специальной спортивной терминологии.

Спортивная терминология широко распространена и активно популяризируется СМИ. Она представляет интерес для сопоставительного анализа, так как её лексические единицы обозначают понятия с одинаковым значением у разных народов. Спортивная лексика динамична и обновляется с появлением новых видов спорта и технологий. Например, в связи с ростом киберспорта появились термины «кибератлет» и «компьютерный тренер». Терминология может варьироваться в зависимости от страны: в России используется «гол», в Англии – goal, что обусловлено культурными особенностями. Спортивные термины активно применяются в повседневной жизни, например, выражения «биться за первое место» и «играть на полную мощь» описывают действия и стремления в различных контекстах. Таким образом, спортивная терминология играет важную роль в культуре и коммуникации, помогая описывать спортивные события и отражая динамичность мира спорта [9].

Спортивная лексика, можно представить, как трехэтажное здание с различными уровнями терминологии. Первый уровень – общеспортивная лексика – служит фундаментом и включает базовые термины, такие как «гол», «матч», «судья», применимые ко всем видам спорта. Второй уровень состоит из специализированных терминов, относящихся к нескольким видам спорта, например, «фол», «зона атаки», «ринг», которые уточняют аспекты игр или соревнований. Третий уровень представлен узкоспециализированными терминами, характерными только для конкретного вида спорта, такими как «бут», «кимоно», «татами», которые могут быть непонятны тем, кто не знаком с данным видом спорта. Исследование спортивной терминологии открывает возможность глубже понять этот многогранный язык, его структуры, тонкости и полноту, погружаясь в увлекательный мир спорта.

Структура спортивной терминологии отличается своей запутанностью, что побудило ученых уделить особое внимание изучению ее микросистем, объединяющих термины, относящиеся к конкретным видам спорта. Каждая из этих микросистем обладает своими отличительными особенностями, характерными лексическими единицами и способом организации лексического материала [3, с. 85]. Исследуя микросистемы спортивной терминологии, лингвисты стремятся выявить их структурные закономерности, установить связи между терминами и проследить их эволюцию в контексте развития отдельных видов спорта. Анализ спортивных терминов позволяет ученым определить языковые механизмы, лежащие в основе их образования, такие как аффиксация, словосложение и лексико-семантическое преобразование [1, с. 17].

Помимо изучения микросистем, исследователи также уделяют большое внимание семантическому анализу спортивных терминов. Семантический анализ позволяет раскрыть значение терминов, их лексическое и понятийное содержание, выявить нюансы их употребления и установить их связь с другими элементами спортивной терминологии. Особое внимание уделяется многозначности спортивных терминов, их омонимии и синонимии [1, с. 15].

Исследование спортивной терминологии имеет важное практическое значение. Оно помогает профессиональным спортсменам, тренерам и судьям эффективно общаться и понимать друг друга на поле или на спортивной площадке. Для спортивных журналистов и комментаторов изучение спортивной терминологии необходимо для точного и содержательного освещения спортивных событий. Знание спортивных терминов также обогащает словарный запас любителей спорта, расширяет их кругозор и позволяет им более глубоко проникнуть в увлекательный мир спортивных состязаний. Погружаясь в тонкости спортивных терминов, читатель не только узнает язык спорта, но и понимает его суть и особенности.

Согласно Е.И. Маркосян, спортивная терминология делится на следующие группы:

Термины участников соревнований: Participants (участники), Swimmers (пловцы), Competitors (соперники).

Судейская терминология: Judges (судьи), Panel of judges (судейская коллегия), Chief judge (главный судья), Inspector of turns (судья на повороте), Finish judge (судья на финише), Starter (стартер), Recorder (судья-секретарь), Timekeeper (судья-хронометрист), Announcer (судья-информатор).

Место проведения и организационные аспекты: Swimming pool (бассейн), Long course pool (50-метровый бассейн), Short course pool (25-метровый бассейн), Indoor/Outdoor pool (крытый/открытый бассейн), Competitions (соревнования), The programme of the competitions (программа соревнований), Heats (заплывы).

Дистанции и стили плавания: Distances (дистанции), Stroke(s) (стиль плавания), Freestyle (вольный стиль), Backstroke (плавание на спине), Breaststroke (брасс), Butterfly (бабочка), Individual medley (IM, комплексное плавание).

Результаты и рекорды: Result(s) (результат(ы)), Record(s) (рекорд (ы)), World record (WR), Olympic record (OR), National record (NR).

Следует отметить, терминология развивается, появляются новые термины с изменением технологий и правил [7].

Соответственно, в процессе перевода могут возникнуть сложности, связанные с многозначностью спортивной лексики, которая проявляется как в различных видах спорта, так и в других сферах жизни [4, с. 45]. Я.И. Писарев выделяет три категории многозначных терминов. Первая группа включает термины, используемые в разных видах спорта, но с разными значениями, например, одно и то же слово может иметь разные значения в футболе, баскетболе и хоккее. Во второй группе термины одного спорта, которые могут переводиться несколькими синонимами, например, referee может быть переведено как «судья», «рефери» или «футбольный арбитр». Третья группа терминов обозначает роль спортсмена в игре, как, например, термин defender, который переводится как «защитник» и может использоваться в хоккее, баскетболе и футболе [8, с. 58].

Переводчики спортивной лексики сталкиваются также с проблемами многозначности терминов и выбора подходящего перевода в зависимости от контекста. Например, термин «стратегия» может означать как общий план действий команды, так и индивидуальную тактику спортсмена. Кроме того, специфическая терминология спорта часто не имеет точных эквивалентов на других языках, и переводчики должны выбирать термины, передающие смысл оригинала, но может быть непонятные носителям другого языка. Для успешного перевода необходимо глубокое знание правил и стратегий различных видов спорта, что требует, как языковых навыков, так и специализированных знаний. Также есть термины, входящие в словосочетания, которые не могут использоваться отдельно, так как это меняет их смысл, например, goal kick (удар от ворот) и free kick (свободный удар). Таким образом, возникают трудности, связанными с многозначностью, выбором перевода и специфической терминологией спорта.

В русском языке широко используются англицизмы и американизмы, которые передаются через транскрипцию, транслитерацию и калькирование. Примеры: time-out – «тайм-аут», break point – «брейк-поинт»; однако в ряде случаев требуется также пояснение посредством описательного перевода, к примеру, термин hook – «хук» («короткий боковой удар»). При переводе терминов важно учитывать контекст, чтобы сохранить их смысл и эмоциональную составляющую. Например, goalkeeper переводится при помощи функционального аналога – «вратарь» или транслитерации – «голкипер», что лучше передает его функцию, в отличие от дословного перевода «хранитель гола». Аббревиатуры, в свою очередь, переводятся с помощью калькирования, например, IOC (International Olympic Committee) – «МОК» (Международный Олимпийский Комитет), что сохраняет сокращение и узнаваемость на русском языке.

Как мы видим, перевод спортивных терминов – важная задача, требующая профессионального подхода и знаний специфики языка и спорта. Копирайтеры играют значимую роль в обеспечении понимания и коммуникации в спортивной сфере. Возможно использование эквивалентных выражений для передачи особенностей спортивной культуры разных стран, например, в футболе термин hat-trick переводится посредством транслитерации – «хет-трик». При переводе важно учитывать контекст и нюансы; в баскетболе термин dunk может быть передан через «сэндвич» или «заброс сверху», что отражает и действие, и эмоциональную составляющую. Разумеется, перевод терминов может изменяться со временем из-за появления новых дисциплин и технологий. Например, в киберспорте возникли термины «игровой режим» и «электронный спортсмен». Однако, как уже говорилось, в ряде случаев необходим и описательный перевод, заносимый в сноски или скобки в ситуациях с письменным переводом.

Важно отметить, что перевод спортивных терминов может быть сложным заданием, так как они часто имеют специфическую семантику и ассоциации, связанные с конкретной дисциплиной. Поэтому переводчики должны быть хорошо знакомы с соответствующей сферой спорта и иметь глубокое понимание терминологии, чтобы передать правильный смысл в переводе. Однако в некоторых случаях требуется уточнение. Например, аббревиатура FT (full time) переводится как «Полное время матча». А аббревиатура FT в значении free transfer переводится как «Переход игрока в команду без уплаты какой-либо суммы, в качестве свободного агента». В письменном переводе такие пояснения обычно помещаются в скобки или сноски. Также

мы часто используем дословный перевод для передачи спортивных терминов. Например, *technical area* – «техническая зона», *spectator area* – «зона для зрителей», *Olympic games* – «олимпийские игры» и так далее.

Что касается лексико-грамматических трансформаций, данный вид является более репрезентативным при переводе текстов спортивного дискурса, чем грамматические. На первом месте по количеству употреблений находится приём компенсации. Пример: *They are fighters united in many ways, but operating in a modern sport that is inventing the rules as it goes along.* – «Это бойцы, объединённые во многом, но действующие в современном спорте, который изобретает правила по мере своего развития».

В современном мире существует множество методов и подходов, которые помогают передать смысл высказывания максимально точно. Один из таких методов заключается в полном преобразовании предложения, изменении его лексико-грамматической структуры и добавлении дополнительной информации. Это позволяет не только подчеркнуть основную идею высказывания, но и сделать текст более разнообразным и содержательным.

Давайте рассмотрим пример, чтобы лучше понять этот подход: фразу *I came back stronger* можно переформулировать для обогащения смысла. Используя метод переформулирования, можно сказать: *After a challenging period, I returned with renewed strength and determination* – «После сложного периода я вернулся с обновленной силой и решимостью». Этот пример подчеркивает, что спортсмен сталкивался с трудностями, но вернулся с еще большей силой. Такой подход позволяет передать смысл оригинального высказывания и добавить новую информацию, что важно в копирайтинге для привлечения и удержания внимания читателя. Соответственно, метод переформулирования помогает создать более эффективные и запоминающиеся тексты, способные вызвать эмоциональный отклик у аудитории. Он является мощным инструментом, позволяющим сделать текст более интересным и содержательным. Таким образом, метод целостного преобразования помогает не только передать основную идею, но и внести новые детали.

Говоря об опущениях, в переводе некоторых статей порой выявлялось такое, что целые части предложений не были переданы на русский язык. *Sometimes it feels nice to feel because I remember that I'm strong.* – «Иногда приятно это чувствовать».

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: перевод текстов спортивной тематики должен опираться на соответствующую переводческую стратегию. Цель такого перевода схожа с целью оригинала – информировать читателя о виде спорта, событии или новости, а также оказать эмоционально-психологическое воздействие, сделав мероприятие увлекательным. Если перевод предназначен для иностранного спортсмена, участвующего в международном мастер-классе, необходимо обеспечить доступность и легкость восприятия информации. В этих случаях наиболее подходящей является стратегия коммуникативно-равноценного перевода [10, с. 145].

Рассмотрим несколько практических примеров перевода текстов спортивной направленности с английского языка на русский:

1. Орывок из статьи о футболе *The Ballad of Big Mike* («Баллада о Большом Майке»), взятой из журнала *New York Times*.

«When Tom Lemming looked at left tackles, he thought in terms of others he had selected for his All-American teams who went on to be stars in the N.F.L.: Pace, Jonathan Ogden, Tony Boselli, Walter Jones. These people looked nothing like most human beings or even like the football players Lemming interviewed in the late 1970's and 80's. Among this population of giants, the left-tackle type still stood out. Freak of nature: when he found one of these rare beasts, that's the phrase that popped into Lemming's mind. When Lemming put the high-school junior Ogden on the cover of his annual prep report in 1992, Ogden was 6-foot-9 and weighed 320 pounds. (He would fill out in college.) When he did the same with Pace the next year, pace stood 6-foot-6 and weighed 310 pounds. (And hadn't stopped growing.) The ideal left tackle was big, but a lot of people were big. What set him apart were his subtler specifications. He was wide in the rear and massive in the thighs: the girth of his lower body lessened the likelihood that Lawrence Taylor, or his successors, would run right over him. He had long arms: pass rushers tried to get in tight to the blocker's body, then spin off of it, and long arms helped to keep them at bay. He had giant hands: when he grabbed a defender, it meant something» (<https://www.nytimes.com/2006/09/24/magazine/24football.html?ei=5090&en=e3741d62a638bb81&ex=1316750400&partner=rssuserland&emc=rss&pagewanted=print>).

Перевод: «Когда Том Лемминг смотрел на левых защитников, он думал об игроках, которых он отбирал для своих всеамериканских команд, впоследствии ставших звездами НФЛ: Пейсе, Джонатане Огдене, Тони Боселли, Уолтере Джонсе. Эти люди не были похожи ни на большинство других людей, ни даже на футболистов, у которых Лемминг брал интервью в конце 1970-х и 80-х годах. Среди этих гигантов по-прежнему выделялся левый защитника. «Чудо природы» ...именно эта фраза пришла в голову Леммингу, когда он

нашел одного из этих редких «зверей». Когда в 1992 году Лемминг поместил фотографию ученика средней школы Огдена на обложку своего ежегодного отчета о подготовке к школе, рост ученика был 6 футов 9 дюймов, а вес – 320 фунтов. (Он собирался поступать в колледж). Когда в следующем году он проделал то же самое с Пэйсом, тот был ростом 6 футов 6 дюймов и весил 310 фунтов. (И не переставал расти) Идеальный левый защитник был очень большим, но и многие другие игроки были крупными. Что его отличало от других, так это более специфические характеристики: он был широк в поясице и массивен в бедрах: обхват нижней части его тела уменьшал вероятность того, что Лоуренс Тейлор или его преемники смогут сбить его с ног. У него были длинные руки: игроки, делающие пас, старались плотно прижаться к телу блокирующего, а затем отскочить от него, и длинные руки помогали им сдерживаться. Кисти у него были гигантские: когда он хватал защитника, это что-то предвещало».

Как мы видим, перевод выполнен с сохранением всей информации, имеющейся в тексте оригинала, можно сделать вывод об использовании стратегии коммуникативно-равноценного перевода; что касается переводческих тактик, направленных на реализацию данной стратегии, можно выделить не только тактику максимально полной и точной передачи информации, но и тактики прагматической адаптации текста под русскоязычного получателя и тактики правильного оформления информации, применение которых выражается в следующем: Перевод имени – Tom Lemming – «Том Лемминг», а также имена и фамилии игроков; название N.F.L. переведено посредством транслитерации – «НФЛ», однако в ряде случаев, если текст перевода предназначен для людей, не знакомых или же недостаточно знакомых с футбольной тематикой, необходим и описательный перевод, занесенный в сноски или скобки – «профессиональная лига американского футбола, состоящая из 32 команд, одна из крупнейших профессиональных спортивных лиг в Соединенных Штатах и Канаде и самый высокий профессиональный уровень американского футбола в мире»; согласно нормам русского языка, слово «зверь», употребленное в переносном смысле, занесено в кавычки; также, для лучшего понимания текста перевода русскоязычным получателем, такие единицы измерения, как футы и дюймы следует сопроводить описательным переводом, к примеру, «6 футов 6 дюймов» – «более двух метров», «310 фунтов» – «более 140 килограмм»; следует также обратить внимание на использование межъязыковых соответствий при переводе футбольной терминологии, таких, как left tackle – «левый защитник» или high-school junior – «ученик средней школы» и пояснений – pass rushers – «игроки, делающие пас», run right over him – не «набежать на него», а «сбить его с ног» и it meant something – не просто «это что-то означало», а «это что-то предвещало».

2. «Tyson Fury has rejected the possibility of Anthony Joshua fighting him in between his two bouts against IBF/WBA/WBO heavyweight champion Oleksandr Usyk. Fury isn't going to risk those sweet Saudi paychecks. WBC champion Fury (34-0-1, 24 KOs) says Joshua must "wait his turn" for him to fight him after his two fights with Usyk (21-0, 14 KOs) are completed in Saudi Arabia. Fury Knows AJ is Trouble Why Would Fury risk having his career sent into the trash bin by fighting Joshua in between his money fights with Usyk? Joshua is dangerous and big, and he's not someone Fury can lean on and count on the judges to bail him out. AJ will take the judges out of play, and the mauling bit ain't going to help Fury» (<https://www.boxingnews24.com/2024/04/tyson-fury-on-joshua-he-must-wait-his-turn-until-after-second-usyk-fight/>).

Перевод: «Тайсон Фьюри отверг вероятность боя Энтони Джошуа в перерыве между двумя своими поединками против чемпиона по версиям IBF/WBA/WBO в супертяжелом весе Александра Усика. Фьюри не собирается рисковать своими щедрыми гонорарами в Саудовской Аравии. Чемпион WBC Фьюри (34-0-1, 24 КО) заявил, что Джошуа должен «дождаться своей очереди» на бой с ним после завершения двух его боев с Усиком (21-0, 14 КО) в Саудовской Аравии. Фьюри знает, что Эй Джей – опасный противник, зачем Фьюри рисковать своей карьерой, сражаясь с Джошуа в перерывах между его денежными боями с Усиком? Джошуа – сильный оппонент, и Фьюри не может рассчитывать, что судьи выручат его. Эй Джей нарушит все планы судей, и Фьюри ничего не поможет».

В переводе данного отрывка тактику прагматической адаптации и правильного оформления информации можно выделить в следующем: перевод имен собственных - Tyson Fury - «Тайсон Фьюри», Anthony Joshua – «Энтони Джошуа» / AJ – «Эй Джей»; что касается названий боксерских федераций – IBF/WBA/WBO/WBC, помимо уточнения – «чемпиона по версиям IBF/WBA/WBO», в некоторых случаях, в особенности если перевод предназначен для человека, только начавшего изучать боксерскую тематику, следует прибегнуть к пояснению - IBF - «Международная боксёрская федерация (МБФ) – была образована в 1983 году и объединила боксёров-профессионалов США и других стран, не вошедших в другие боксёрские организации»; WBA – «Всемирная боксёрская ассоциация (ВБА) – старейшая международная ассоциация профессионального бокса»; WBO – ««Всемирная боксёрская организация». Основана в 1988 году, штаб-квартира находится в Пуэрто-Рико»; WBC – «Всемирный боксёрский совет (ВБС) (англ. World Boxing

Council; WBC) – профессиональная боксёрская организация. Основана в 1963 году одиннадцатью национальными организациями бокса: Аргентины, Бразилии, Великобритании, Венесуэлы, Мексики, Панамы, Перу, США, Филиппин, Франции, Чили»; необходимо также обратить внимание на перевод аббревиатуры КО («knock out»), означающей «нокаут», то есть перевод статистик боев Фьюри и Джошуа, для лучшего понимания русскоязычным получателем, также сопровождается пояснениями – «35 боев, 34 победы, из них 24 нокаутом, 0 поражений и одна ничья» (Тайсон Фьюри) и «21 бой, 21 победа, из них 14 нокаутом, 0 поражений). Что касается выражения *risk having his career sent into the trash bin*, при переводе достаточен вариант опущения – «рисковать своей карьерой», однако также возможен вариант «Рисковать испортить свою карьеру»; поскольку речь идет о тексте спортивной направленности, во фразе *dangerous and big*, в свою очередь, со стилистической точки зрения, прилагательное *big* оптимальнее перевести не дословно «большой», а «сильный противник», прибегнув также к использованию добавления. Что касается перевода фразы *AJ will take the judges out of play*, дословный перевод «выведет судей из игры» возможен, однако вариант «нарушит все планы судей», так как данный вариант более доступен для понимания русскоязычным читателем.

Как мы видим, вышеуказанные примеры подтверждают актуальность использования стратегии коммуникативно-равноценного перевода при переводе текстов спортивной тематики; для реализации данной стратегии, применимы не только тактика максимально полной и точной передачи информации, содержащейся в тексте оригинала, но и тактики прагматической адаптации текста под иностранного получателя, исходя из его национальных и культурных особенностей и тактика правильного оформления информации, предназначенная для лучшего восприятия и понимания текста перевода русскоязычным реципиентом.

Выводы

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Проведенный анализ текстов спортивной направленности позволяет сделать вывод о гибридном характере спортивного дискурса, в рамках которого в разных коммуникативных ситуациях выделяются также элементы масс-медийного, театрально-сценического, юридического, делового, политического, военного и многих других видов дискурса.

Анализ переводов текстов спортивной направленности с английского языка на русский, в свою очередь, подтверждает применимость стратегии коммуникативно-равноценного перевода, ввиду необходимости как передать русскоязычному получателю информации, содержащейся в тексте оригинала, так и оказать соответствующее эмоционально-психологическое воздействие; данная стратегия реализуется посредством набора тактик, среди которых можно выделить тактику прагматической адаптации текста под русскоязычного реципиента, исходя из его национально-культурных особенностей, а также особенностей передачи английской спортивной терминологии на русском языке и тактику правильного оформления информации, используемую для лучшего восприятия текста перевода русскоязычным получателем; для реализации данных тактик используются такие способы перевода, как транслитерация, описательный перевод, пояснения, уточнения, заимствования и межъязыковые соответствия.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление переводческих стратегий и тактик, применимых при переводе текстов спортивной направленности, используемых в рамках других коммуникативных ситуаций (имеющих место на стадионе, тренировке, а также на конференции, посвященной актуальным вопросам индустрии спорта и т.д.) с итальянского/турецкого языка на русский и с русского языка на итальянский/турецкий.

Список источников

1. Бобырева Н.Н. Терминология художественной гимнастики: структурно-семантическое сопоставление в русском и английском языках // Казань: Казан. Ун-т, 2013. 208 с.
2. Воронина О.В. Перевод текстов спортивного дискурса с английского языка на русский // Материалы XLVIII Самарской областной научной студенческой конференции. Т. 2. Самара, 2022. С. 145 – 146.
3. Гуреева Е.И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте: дис ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2007. 175 с.
4. Гынин В.И. Некоторые характерные особенности заимствований в спортивной терминологии // Научная речь. М., 1988. С. 88 – 98.
5. Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация. 2001. Вып. 19. С. 103 – 112
6. Зильберт Б.А., Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык, сознание, коммуникация. 2001. Вып. 17. С. 45 – 55

7. Маркосьян Е.И., Карпович О.А. Особенности перевода спортивной терминологии плавания с английского на русский // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы XIV Междунар. науч. конф., посвящ. 99-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2020 г. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/269123> (дата обращения: 12.08.2024).

8. Писарев Я.А. Перевод многозначных спортивных терминов с английского языка на русский язык // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 11. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/11/40947> (дата обращения: 17.05.2018).

9. Попов Р.В. Русская спортивная терминология: «Организация и технология защиты информации»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Северодвинск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2003. 264 с.

10. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: Флинта; Наука, 2015. 461 с.

11. Снятков К.В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Вологда, 2008. 250 с.

12. Berrettini Battles Past Karatsev for Belgrade Title // ATP Tour. – URL: <https://www.atptour.com/en/news/berrettini-karatsev-belgrade-2021-sunday-final> (дата обращения: 10.04.2024).

13. Felix Cash Wins British middleweight title in boxing's shadows as FuryJoshua fee emerges // The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/sport/boxing/felix-cash-british-middleweight-title1837172.html> (дата обращения: 10.04.2024).

References

1. Bobyreva N.N. Terminology of rhythmic gymnastics: structural and semantic comparison in Russian and English. Kazan: Kazan. University, 2013. 208 p.

2. Voronina O.V. Translation of sports discourse texts from English into Russian. Proceedings of the XLVIII Samara Regional Scientific Student Conference. Vol. 2. Samara, 2022. P. 145 – 146.

3. Gureeva E.I. Sports terminology in the linguocognitive aspect: diss ... Cand. Philological Sciences: 10.02.19. Chelyabinsk, 2007. 175 p.

4. Gynin V.I. Some characteristic features of borrowings in sports terminology. Scientific speech. M., 1988. P. 88 – 98.

5. Zilbert A.B. Sports discourse: points of intersection with other discourses (problems of intertextuality). Language, consciousness, communication. 2001. Iss. 19. P. 103 – 112

6. Zilbert B.A., Zilbert A.B. Sports discourse: basic concepts and categories; research tasks. Language, consciousness, communication. 2001. Iss. 17. P. 45 – 55

7. Markosyan E.I., Karpovich O.A. Features of translating sports terminology of swimming from English into Russian. Intercultural communication and professionally oriented teaching of foreign languages: Proc. of the XIV Int. scientific conf., dedicated to the 99th anniversary of the Belarusian State University, Minsk, October 29. 2020. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/269123> (date of access: 12.08.2024).

8. Pisarev Ya.A. Translation of polysemantic sports terms from English into Russian. Modern scientific research and innovation. 2014. No. 11. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/11/40947> (date of access: 17.05.2018).

9. Popov R.V. Russian sports terminology: "Organization and technology of information protection": dis. ... cand. philological sciences: 10.02.01. Severodvinsk: Pomor State University named after M.V. Lomonosov, 2003. 264 p.

10. Sdobnikov V.V. Translation and communicative situation: monograph. Moscow: Flinta; Science, 2015. 461 p.

11. Snyatkov K.V. Communicative and pragmatic characteristics of television sports discourse: dis. ... Cand. of Philological Sciences: 5.9.8. Vologda, 2008. 250 p.

12. Berrettini Battles Past Karatsev for Belgrade Title. ATP Tour. – URL: <https://www.atptour.com/en/news/berrettini-karatsev-belgrade-2021-sunday-final> (дата обращения: 10.04.2024).

13. Felix Cash Wins British middleweight title in boxing's shadows as FuryJoshua fee emerges. The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/sport/boxing/felix-cash-british-middleweight-title1837172.html> (дата обращения: 10.04.2024).

Информация об авторах

Мамедов С.З., Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал), saidmamedow@yandex.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-11

¹ Саушева Е.В.

¹ Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Специфика функционирования единиц военного жаргона в современных англоязычных средствах массовой информации

Аннотация: статья посвящена исследованию функционирования военного жаргона в современном медиадискурсе как индикатора процессов демократизации языка средств массовой информации. Цель исследования заключается в выявлении и комплексном описании семантических и прагматических особенностей военных жаргонизмов в медийных текстах. Научная новизна работы определяется системным анализом трансформации военного жаргона в контексте современных лингвистических тенденций. Методологический инструментарий включает комплекс взаимодополняющих методов лингвистического анализа: контекстуальный, семантический, прагматический, дискурс-анализ и научную герменевтику. Материалами исследования послужили тексты электронных и печатных СМИ, содержащие военную лексику неформального регистра. В ходе исследования установлено, что военный жаргон выполняет когнитивную, эмоционально-экспрессивную, идентификационную и компрессионную функции, способствуя расширению коммуникативных стратегий медиатекста. Выполняемые единицами военного жаргона функции способствуют приданию эмоционального фона сообщению, привлечению внимания реципиента, демонстрации инсайдерского знания профессиональной среды и имплицитному смыслообразованию. Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов исследования в лексикографической практике, преподавании стилистики и теории коммуникации, а также в разработке методик анализа языковых трансформаций в массмедийном дискурсе. Материалы исследования могут быть полезны лингвистам, журналистам, переводчикам и специалистам в области коммуникативистики.

Ключевые слова: военный жаргон, жаргонизм, средства массовой информации, медиадискурс, медиатекст

Для цитирования: Саушева Е.В. Специфика функционирования единиц военного жаргона в современных англоязычных средствах массовой информации // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 21 – 25.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Sausheva E.V.

¹ Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Specifics of functioning of military jargon in modern English mass media

Abstract: the article is devoted to the study of the functioning of military jargon in modern media discourse as an indicator of the processes of democratization of the mass media language. The aim of the study is to identify

and comprehensively describe semantic and pragmatic features of military jargonisms in media texts. The scientific novelty of the work is determined by a systematic analysis of the transformation of military jargon in the context of modern linguistic trends. The methodological toolkit includes a set of complementary methods of linguistic analysis: contextual, semantic, pragmatic, discourse analysis and scientific hermeneutics. The materials of the study were the texts of electronic and print media containing military jargon of informal register. The study found that military jargon performs cognitive, emotional-expressive, identification and compression functions, contributing to the expansion of communicative strategies of the media text. The functions performed by military jargon units contribute to giving an emotional background to the message, attracting the recipient's attention, demonstrating insider knowledge of the professional environment and implicit meaning formation. The practical significance of the work lies in the possibility of applying the results of the study in lexicographic practice, teaching stylistics and communication theory, as well as in the development of methods for analyzing language transformations in mass media discourse. The materials of the study can be useful for linguists, journalists, translators and specialists in the field of communication studies.

Keywords: *military jargon, jargonism, mass media, media discourse, media text*

For citation: Sausheva E.V. Specifics of functioning of military jargon in modern English mass media. *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 21 – 25.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: December 06, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Роль средств массовой информации в современном мире детерминирована комплексным влиянием на формирование общественного сознания, трансляцию социокультурных норм и информационную динамику глобального коммуникативного процесса.

Функциональная парадигма современных СМИ характеризуется полиструктурностью и включает информационно-коммуникативную трансляцию актуальных событийных процессов, формирование общественной повестки дня, конструирование социальных норм и культурных репрезентаций, реализацию механизмов публичной коммуникации и обеспечение каналов обратной связи.

Доминирующими тенденциями развития современных средств массовой информации признается жанровая конвергенция, характеризующаяся размыванием традиционных границ между информационными форматами, усиление визуальной составляющей медиаконтента, расширение интерактивных механизмов коммуникации, прогрессивная интеллектуализация медийного языка, направленная на усложнение и содержательное обогащение коммуникативных стратегий, а также демократизация медийного пространства, проявляющаяся на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях [2, с. 157].

Современные медиатексты представляют собой смешение высокого и сниженного, архаичного и нового, разрешенного и запрещенного, официального и неофициального, публичного и обиходно-бытового. Тенденция к демократизации медиапространства получает вербальное воплощение в слиянии элементов книжной, разговорной, просторечной, жаргонной лексики [4], что обуславливает актуальность изучения семантических и прагматических особенностей языковых единиц субстандарта и специфики их функционирования в медиадискурсе.

В фокусе внимания данного исследования – языковые единицы военного жаргона в языке СМИ. Целью исследования ставится выявление и описание особенностей функционирования военных жаргонизмов в средствах массовой информации как проявление демократизации современных СМИ.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования служат тексты электронных и печатных СМИ, теле- и радиопередач, содержащие военную лексику неформального регистра, а также корпус лингвистических источников, специализированные словари и профессиональные медиаресурсы военной тематики.

Методологический инструментарий включает комплекс взаимодополняющих методов лингвистического анализа: контекстуальный, семантический, прагматический, дискурс-анализ, метод лингвистической интерпретации, компонентного и дистрибутивного анализа, а также метод научной герменевтики для интерпретации семантических трансформации военного сленга в медиапространстве.

Результаты и обсуждения

В условиях трансформации коммуникативной парадигмы, при которой трансмиссионная модель СМИ вытесняется интерактивной [3, с. 407], средства массовой информации демонстрируют устойчивую тен-

денцию к размыванию традиционных стилистических границ, что выражается в постепенном внедрении разговорных элементов в формальный публицистический дискурс.

Такого рода стилистическая диффузия, при которой происходит взаимопроникновение книжной и разговорной речевых стихий, обусловлена усилением неформальной коммуникации в медиапространстве, трансформацией традиционных журналистских канонов, влиянием интернет-коммуникации на язык масс-медиа и стремлением авторов максимально приблизить текст к восприятию современной аудитории.

Ключевым индикатором подобных лингвистических изменений становится появление неформальной лексики, жаргонизмов и разговорных выражений в публицистических текстах. В качестве примера приведем цитату из информационного сообщения:

Haleem Adil Sheikh was taken into custody by policemen in civvies from a Lahore hotel in the wee hours of Wednesday (today), said his spokesperson [14].

В тексте новостной публикации используется военный жаргонизм *civvies*, в рядах представителей вооруженных сил и правоохранительных органов обозначающий гражданскую форму одежды. Употребление жаргонизма в тексте обусловлено прагматическим потенциалом военного жаргона, единицы которого обладают яркой образностью и эмоционально-экспрессивной выразительностью [6, с. 70], позволяющей создать определённый эмоциональный фон восприятия сообщения.

Языковые единицы военного жаргона, как социально маркированные лексико-фразеологические средства, призваны удовлетворять внутригрупповые коммуникативные потребности представителей военной среды в неформальных условиях общения [1].

Функциональная нагрузка военного жаргона выходит за рамки простого коммуникативного инструментария. Он выполняет когнитивную, эмоционально-разрядочную, идентификационную и компрессионную функции, позволяя военнослужащим формировать особое лингвокультурное пространство [8, с. 94-96]. Важными характеристиками являются лаконичность, образность, ситуативная маркированность и высокий потенциал имплицитного смыслообразования.

Приведем примеры:

Why pilots love and hate 'Bitchin' Betty' [16];

Get below 80 feet with any kind of downward vector and "Bitching Betty" would ask you to pull up [15];

The woman behind Bitchin' Betty's voice retires [12];

Leslie Shook, the voice behind the fighter jet alert system referred to as 'Bitchin' Betty', retires at age 60 [10].

Военный жаргонизм *Bitchin' Betty* – разговорное наименование системы голосовых предупреждений в пилотируемой авиации, употребляется как в текстах, профессионально-ориентированных СМИ, к которым относятся американские ресурсы *We are the mighty* и *The Warzone*, так и в текстах новостей общенационального новостного канала *Fox News* и массового информационно-развлекательного издания *Daily mail*, что подтверждает факт тенденции к демократизации языка средств массовой информации.

Обращение к жаргонизму в вышеприведенных текстах статей обусловлено разными свойствами военного жаргона. В общенациональных СМИ жаргонизм используется в рамках стратегий привлечения внимания посредством неформальной номинации, создания эмоционального контекста и демонстрации инсайдерского знания профессиональной среды. В военно-информационных изданиях жаргонизм реализует функцию самоидентификации, благодаря которой его употребление речи позволяет говорящему идентифицировать себя как часть социальной группы, выразить к ней свою симпатию и самоутвердиться в глазах ее представителей [7, с. 4072].

Особенностью профессиональных языков является не только метафорическое переосмысление слов и устойчивых словосочетаний и придание им образности, но и своеобразная «зашифрованность» передаваемого смысла [5, с. 364-365]. Например, стремление военнослужащих максимально полно выразить выполняющие их негативные эмоции, избегая грубых и нецензурных выражений, прослеживается в кодировании смыслов средствами фонетического алфавита: *Alpha Charlie (A** Chewing)* ‘получить устный выговор’, *Whiskey Delta (Weak D***)* ‘трус’, *Alfa Mike Foxtrot (Adios Mother F***)* ‘в мирное время – «до свидания», в военное время – «прощайте» (произносится при наличии угрозы немедленной гибели)’ и многие другие. Приведем примеры:

Operation Charlie Foxtrot: The entire Middle East is at war right now, and the Obama administration's strategic incoherence is aiding and abetting the chaos [11];

'A politicized Charlie Foxtrot:' DeSantis downplays Jan. 6 assault on US Capitol [9];

Whiskey Tango Foxtrot – The justice department has charged Iranian operative Shahram Poursafi in a plot to murder former national security adviser John Bolton [13].

В текстах информационно-аналитических изданий военные фразеологизмы Charlie Foxtrot (cluster F***) ‘полный провал’ и Whiskey Tango Foxtrot (What The F***) ‘что за черт!’ позволяют придать эмоциональную выразительность высказыванию, не прибегая к стилистически сниженной лексике. Зашифрованные в семантике жаргонизмов смыслы – реакция раздражения и злости на ситуацию хаоса, неорганизованности, неконтролируемости процесса и удивления, возмущения или непонимания – способствуют мгновенной трансляции сложного контекста через минимальную языковую конструкцию, что обеспечивает высокую коммуникативную эффективность сообщения.

Трансформация военного жаргона в медийном дискурсе происходит путем десемантизации первичного значения и приобретения новых коннотативных смыслов, что расширяет коммуникативный потенциал языковых единиц.

Выводы

Подводя итог, отметим, что трансформация коммуникативной парадигмы и усиление интерактивности медийной среды обуславливает процесс стилистической диффузии в современном массмедийном дискурсе, характеризующийся активным внедрением разговорных и жаргонных элементов в публицистический текст. Выполняемые единицами военного жаргона функции – трансляции профессионального знания, создания образности, лаконичного выражения зашифрованных смыслов, маркирования принадлежности к социальной группе – способствуют приданию эмоционального фона сообщению, привлечению внимания реципиента, демонстрации инсайдерского знания профессиональной среды и имплицитному смыслообразованию.

Список источников

1. Бойко Б.Л. Военный жаргон ветеранов афганской войны 1979-1989 гг. URL: https://royallib.com/book/boyko_b/voenniy_gargon_veteranov_afganskoj_voyni_1979_1989gg.html?ysclid=m3yq368g1q777641322 (дата обращения: 26.10.2024).
2. Дегальцева А.В., Сиротинина О.Б. Изменения в информационных и аналитических жанрах современных СМИ // Жанры речи. 2023. № 2 (38). С. 155 – 165.
3. Загидуллина М.В., Киклевич А.К. Некоторые аспекты демократизации языка современных российских СМИ // Русистика. 2021. № 4. С. 401 – 418.
4. Кормилицына М.А. Стилистическая контаминация в современном медиадискурсе (на материале печатных СМИ) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. ст. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2015. Вып. 15. С. 23 – 37.
5. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исслед. по соврем. рус. яз. и социолингвистике. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 883 с.
6. Лупанова Е.В. Сленг в армейском вербовочном слогане // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 38. № 1. С. 69 – 75.
7. Романов А.С., Бабушкина Е.В. Профжаргон американского военнослужащего в гендерном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 11. С. 4070 – 4075.
8. Саушева Е.В. Военный жаргон и его свойства в речи представителей американской военной субкультуры // Вестник филологических наук. 2022. Т. 2. № 4. С. 92 – 97.
9. Clickorlando. URL: <https://www.clickorlando.com/news/2022/01/06/a-politicized-charlie-foxtrot-desantis-downplays-jan-6-assault-on-us-capitol/> (дата обращения: 25.10.2024).
10. Daily mail. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-3494209/Leslie-Shook-voice-fighter-jet-alert-refereed-Bitchin-Betty-retires-age-60.html> (дата обращения: 25.10.2024).
11. Foreign policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2015/03/27/operation-charlie-foxtrot-middle-east-yemen-syria-saudi-obama/> (дата обращения: 25.10.2024).
12. Foxnews. URL: <https://www.foxnews.com/video/5124554004001> (дата обращения: 15.10.2024).
13. Politico. URL: <https://www.politico.com/newsletters/playbook-pm/2022/08/10/dems-cruel-summer-gets-a-bit-kinder-00050874> (дата обращения: 25.10.2024).
14. The news. URL: <https://www.thenews.com.pk/latest/971890-men-in-civies-detain-sindh-opposition-leader-haleem-adil-from-lahore-hotel-spokesperson> (дата обращения: 06.10.2024).
15. The Warzone. URL: <https://www.twz.com/38894/fighter-pilots-reveal-why-you-dont-want-to-mess-with-the-a-10-warthog-in-a-dogfight> (дата обращения: 25.10.2024).
16. We are the mighty. URL: <https://www.wearethemighty.com/popular/betty-pilot-voice-warning-system/> (дата обращения: 25.10.2024).

References

1. Boyko B.L. Military jargon of veterans of the Afghan war of 1979-1989. URL: https://royallib.com/book/boyko_b/voenniy_gargon_veteranov_afganskoy_voyni_1979_1989gg.html?ysclid=m3yq368g1q777641322 (date of access: 26.10.2024).
2. Degaltseva A.V., Sirotinina O.B. Changes in information and analytical genres of modern media. Speech genres. 2023. No. 2 (38). P. 155 – 165.
3. Zagidullina M.V., Kiklevich A.K. Some aspects of the democratization of the language of modern Russian media. Russian studies. 2021. No. 4. P. 401 – 418.
4. Kormilitsyna M.A. Stylistic contamination in modern media discourse (based on print media). Problems of speech communication: interuniversity. collection of articles. Saratov: Publishing house of Saratov University, 2015. Iss. 15. P. 23 – 37.
5. Krysin L.P. Russian word, one's own and someone else's: Research in modern Russian language and socio-linguistics. Moscow: Language of Slavic culture, 2004. 883 p.
6. Lupanova E.V. Slang in the army recruiting slogan. Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities. 2023. Vol. 38. No. 1. P. 69 – 75.
7. Romanov A.S., Babushkina E.V. Professional jargon of the American serviceman in the gender aspect. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2023. Vol. 16. No. 11. P. 4070 – 4075.
8. Sausheva E.V. Military jargon and its properties in the speech of representatives of the American military subculture. Bulletin of philological sciences. 2022. Vol. 2. No. 4. P. 92 – 97.
9. Clickorlando. URL: <https://www.clickorlando.com/news/2022/01/06/a-politicized-charlie-foxtrot-desantis-downplays-jan-6-assault-on-us-capitol/> (date of access: 25.10.2024).
10. Daily mail. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-3494209/Leslie-Shook-voice-fighter-jet-alert-refereed-Bitchin-Betty-retires-age-60.html> (date of access: 25.10.2024).
11. Foreign policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2015/03/27/operation-charlie-foxtrot-middle-east-yemen-syria-saudi-obama/> (date of access: 25.10.2024).
12. Foxnews. URL: <https://www.foxnews.com/video/5124554004001> (date of access: 15.10.2024).
13. Politico. URL: <https://www.politico.com/newsletters/playbook-pm/2022/08/10/dems-cruel-summer-gets-a-bit-kinder-00050874> (date of access: 15.10.2024).
14. The news. URL: <https://www.thenews.com.pk/latest/971890-men-in-civies-detain-sindh-opposition-leader-haleem-adil-from-lahore-hotel-spokesperson> (date of access: 06.10.2024).
15. The Warzone. URL: <https://www.twz.com/38894/fighter-pilots-reveal-why-you-dont-want-to-mess-with-the-a-10-warthog-in-a-dogfight> (date of access: 25.10.2024).
16. We are the mighty. URL: <https://www.wearethemighty.com/popular/betty-pilot-voice-warning-system/> (date of access: 25.10.2024).

Информация об авторах

Саушева Е.В., кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка, Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, sausheva_helen@rambler.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'2

¹ Соболева Е.А., ¹ Егорова О.Н.

¹ Армавирский государственный педагогический университет

Лексические стратегии в дискурсе моды (на материале англоязычных глянцевого журналов мод)

Аннотация: изучение лексических стратегий в модном дискурсе позволяет глубже понять, как лингвистические инструменты формируют представление о моде и влияют на восприятие читателей, создавая мощные маркетинговые послания и формируя запоминающиеся образы. В этой статье представлен лексико-семантический анализ лексических стратегий, используемых в глянцевого модных журналах для формирования определённого образа и поведения потребителей. Определение понятия «модный дискурс», его характеристик и проведение подробного анализа выявленных лексических стратегий на примере проанализированных текстов позволило понять не только механизмы влияния языка на восприятие моды, но и выявить, как глянцевые издания конструируют идеальные образы, формируя эстетические ожидания и предпочтения своей аудитории. Таким образом, лексико-семантический анализ модного языка становится не только инструментом для понимания маркетинговых стратегий, но и методом анализа культурных изменений, которые индустрия моды вносит в повседневное восприятие красоты и стиля.

Ключевые слова: дискурс моды, лексические стратегии, метафора, метонимия, лексические группы, методы исследования

Для цитирования: Соболева Е.А., Егорова О.Н. Лексические стратегии в дискурсе моды (на материале англоязычных глянцевого журналов мод) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 26 – 31.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Soboleva E.A., ¹ Egorova O.N.

¹ Armavir State Pedagogical University

Lexical strategies in fashion discourse (on the material of English-language glossy fashion magazines)

Abstract: the study of lexical strategies in fashion discourse provides a deeper understanding of how linguistic tools shape fashion perceptions and influence readers' perceptions, creating powerful marketing messages and forming memorable images. This paper presents a lexico-semantic analysis of the lexical strategies used in glossy fashion magazines to shape a certain image and consumer behaviour. Defining the concept of 'fashion discourse', its characteristics and conducting a detailed analysis of the identified lexical strategies on the example of the analysed texts allowed to understand not only the mechanisms of language influence on the perception of fashion, but also to reveal how glossy publications construct ideal images, forming aesthetic expectations and preferences of their audience. Thus, lexico-semantic analysis of fashion language becomes not only a tool for understanding marketing strategies, but also a method of analysing the cultural changes that the fashion industry brings to the everyday perception of beauty and style.

Keywords: *fashion discourse, lexical strategies, metaphor, metonymy, lexical groups, research methods*

For citation: Soboleva E.A., Egorova O.N. Lexical strategies in fashion discourse (on the material of English-language glossy fashion magazines). *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 26 – 31.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: December 06, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Современная мода, являясь неотъемлемой частью жизни каждого индивидуума, характеризуется высокой динамичностью и многообразием своих проявлений. В контексте современного общества мода приобретает статус одного из самых заметных явлений социальной жизни, неизменно вызывая интерес со стороны различных категорий потребителей. Эксперты склонны полагать, что мода возникает стихийно под влиянием доминирующих в обществе тенденций. Энциклопедия моды и одежды трактует термин «мода» как «быстрое широкое распространение и кратковременное господство определенных вкусов в отношении одежды, предметов быта или в какой-либо другой сфере жизни или культуры» [6]. Стремительное развитие индустрии моды и ее проникновение в различные сферы человеческого существования меняет состав «языка моды», что обуславливает актуальность исследования заявленной проблемы с точки зрения лингвистики.

Институт моды имеет свою языковую репрезентацию, собственный набор речевых событий, а также четко различимые место и ситуацию общения, что предопределяет модели взаимодействия. По мнению И.В. Поповой, язык моды представляет собой «подсистему естественного (национального) языка, обслуживающую сферу общения в индустрии моды» [3].

В настоящее время трансляция модных тенденций в массовых масштабах осуществляется посредством журналов мод. Глянцевые журналы о моде – это не просто источник информации о трендах, они формируют представления о красоте, стиле, идентичности и статусе, влияя на потребительское поведение и формируя образ жизни [4]. Цель исследования состоит в изучении лексических стратегий, используемых в этих изданиях для создания определенного имиджа, воздействия на читателя и формирования потребительского поведения. Поставленная цель предполагает выявление доминирующих лексических групп в текстах глянцевых журналов, классификацию лексических стратегий и анализ функции лексических стратегий в создании смысла и воздействии на читателя.

Материалы и методы исследований

Материалом настоящего исследования выступили аутентичные тексты в сфере моды, отобранные из англоязычных модных журналов «Elle» за 2023 год. Методика исследования основана на комплексном подходе, в основу которого положен качественный контент-анализ, включающий лексико-семантический и стратегический анализ. Основное внимание уделяется интерпретации качественного содержания и стратегическому использованию языка в конкретном контексте модных журналов.

Результаты и обсуждения

В настоящее время изучение дискурса моды в лингвистике привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей (Б. Джонстоун, Т.А. Дейк, Т.Б. Лоуренс, А. Майкл, А. Майр, Н. Фэркло, Н. Филлипс, А. Фрид, К. Харди, С. Эрлих; В.И. Карасик, Е.А. Кожемякин, А.В. Олянич, О.Ф. Русакова, Т.А. Ширяева и др.). Подходы к анализу дискурса моды базируются на понимании моды как социального института – с одной стороны, и глобальной международной индустрии по формированию у покупателей образа модной продукции, ее производству и сбыту – с другой [5].

В современных лингвистических исследованиях дискурс моды рассматривается как институциональный и определяется как «продукт сознательного творчества людей мира моды, являющийся вестиментарным кодом и включающий в себя совокупность значимых оппозиций и правил сочетания элементов одежды» [2]. В этом контексте вестиментарная мода трактуется как единство трех аспектов: визуальное представление одежды в рекламной фотографии, текстовое описание одежды и фактическая одежда. Тексты моды представляют собой своеобразное пространство лингвокультурного наполнения. Задача модного описания заключается в герменевтическом понимании концепта «Мода» как некоего смысла. Крейг Томпсон справедливо указывает, что «дискурс моды предоставляет потребителям плюрализм интерпретационных позиций, которые, в силу их разнообразных ассоциаций, могут позволить им сопоставить противоположные ценности и убеждения. Потребители используют эти противоположные смыслы модного дискурса для решения ряда напряжений и парадоксов, существующих между их чувством индивидуальной агентности (вопросы автономии) и их чувствительностью к источникам социальных предписаний в повседневной жизни (вопросы конформизма) [7].

Ю.С. Болотова предлагает трактовать дискурс моды как в широком, так и в узком смысле. В широком понимании он представляет собой сложное коммуникационное событие между производителями и потребителями моды за определенный период, включая СМИ, маркетинг и рекламу. Узкий смысл подразумевает набор тематически связанных текстов о моде и их связь с языковой реальностью [1].

Модный дискурс характеризуется многоуровневостью, включающей разнообразные формы взаимодействия: от рекламных слоганов до модных блогов, от показов коллекций до повседневных разговоров о стиле. Важную роль в нем играют такие компоненты, как визуальные образы, видеоконтент и дизайнерская одежда. Необходимо отметить, что дискурс моды постоянно эволюционирует под влиянием социальных, культурных и экономических факторов, а также новейших технологий и форм коммуникации. Он не только фиксирует актуальные социальные тренды, но и активно участвует в их формировании, передавая представления о красоте, стиле, статусе и восприятии себя. Для выявления особенностей дискурса моды существенным является выявление используемых в нем стратегий.

Анализ статей англоязычных гляцевых журналов Elle позволил выявить несколько основных лексических групп, часто переплетающихся и взаимодействующих. К ним относятся слова, описывающие стиль («High Jewelry», «Giant Purse», «Slouchy», «Hoop», «Secondhand-clothing», «Aquatic-inspired», «Classic Fall Basics», «Glow-up», «Island Fantasy»), моду («New», «High», «Latest», «Giant», «Chicest», «Historic», «Lovingly», «Elegant», «Casual», «Striking», «Classic», «Glow-up», «Aquatic», «Natural»), стилевые направления («boho», «grunge», «casual»), тренды («must-have», «hot new look», «Sustainable fashion»), бренды («Louis Vuitton», «Fendi», «Parlci», «Luar», «Armani Beauty», «Bumble and bumble», «LoveSeen», «See Management»), события («Project Runway Season 20», «National Hispanic Heritage Month», «President Biden's reelection run»). Лексика представленных семантических групп помогает создать контекст и атмосферу, свойственные модной индустрии. Она отображает современные тенденции и ценности общества, а также мотивирует читателей к приобретению представленных товаров модной сферы.

Ключевую роль в формировании и передаче модных тенденций и концепций в дискурсе моды играют лексические стратегии. Их изучение позволяет понять, каким образом используются языковые средства для создания определенного образа и атмосферы модной индустрии.

Одной из основных лексических стратегий в дискурсе моды является использование специфической терминологии, обозначающей различные элементы модного мира: от одежды и аксессуаров до стилей и тенденций. Эти термины помогают создать узнаваемую лексическую картину, которая обогащает понимание модной культуры и ее особенностей.

Look at Luar's revved-up play on power dressing for fall 2023, which transformed sleeves into architectural wonders; the large, streamlined, balloon-like options at Schiaparelli; or Gucci's sporty, deconstructed take, below [11].

В данном примере используется сочетание общих стилистических терминов («power dressing», «sporty take») и более точных слов, связанных с дизайном («architectural wonders», «streamlined», «balloon-like», «deconstructed»). Это сочетание позволяет дать полное описание представленных стилей, а также информировать читателя о конкретных модных тенденциях осени 2023 года. Термины «architectural wonders» и «streamlined» обладают позитивной коннотацией, что подразумевает высокую оценку дизайнера как креативного и стильного, и направлены на создание впечатления у читателя. Упоминание названий брендов (Schiaparelli, Gucci) также является формой специализированной терминологии, помещающей текст в конкретный контекст высокой моды, придавая описанию достоверность и авторитетность.

Кроме того, в дискурсе моды активно используются метафоры, метонимии и другие стилистические приемы, которые придают текстам модных журналов художественное звучание и образность. Эти лексические стратегии создают эмоциональную привлекательность и помогают читателям лучше воспринимать и интерпретировать модные образы и тренды.

Celine's chain-link-inspired Triomphe logo, a '70s motif designed by house founder Céline Vipiana and resurrected by artistic director Hedi Slimane, nestles in the straps of a glamorous gilded heel [10].

В представленном примере метафора «nestles in the straps of a glamorous gilded heel» в значительной степени способствует созданию общего впечатления элегантности, изысканности и гармоничного дизайна, которое передается в описании каблука Celine. Использование слова «Triomphe» в качестве заимствования ещё больше подчёркивает этот утончённый образ. Описанные лексические стратегии действуют в совокупности, образуя мощное маркетинговое сообщение, которое не только информирует, но и увеличивает воспринимаемую ценность товара у читателя.

В следующем примере используется сочетание метафоры и метонимии для демонстрации влияния кубизма Пабло Пикассо на творчество известного испанского дизайнера обуви Маноло Бланик. Использование имени «Пабло Пикассо» само по себе является ярким примером метонимии, обозначая художе-

ственный стиль, технику и общее влияние Пикассо. Выражение «cubist verve» является еще одной метонимией, где «энергия» передает не только физическое ощущение движения и динамизма, присущее кубистическим полотнам, но и интеллектуальное напряжение, смелость эксперимента и стремление к деконструкции привычных форм, заложенные в самой сути кубизма. Метафора «a touch stone» выступает ключевым элементом анализа. Работы Пикассо не просто вдохновляли М. Бланик, они стали для него своеобразным критерием оценки и ориентиром в процессе создания собственных коллекций. В совокупности умело использованные лексические стратегии выходят за рамки простого описания и активно формируют у читателя понимание сложной взаимосвязи между искусством Пикассо и философией дизайна Маноло Бланик.

Pablo Picasso was a touch stone for Manolo Blahnik this season, and the painter's Cubist verve inspired pieces like this bold zigzag heel [12].

Для лексического оформления англоязычных текстов в сфере моды характерно активное использование интенсификаторов, разговорных выражений и лексических единиц с коннотативным (чаще всего, положительным) значением.

She's built a one-woman empire on bringing the archetype – not the sanitized small-screen version, but the real thing – to the runway and making women all over the world want to buy into the dream [8].

В данном примере применяются различные усилители, такие как «one-woman empire», «all over the world», чтобы акцентировать масштаб успеха и аутентичность бренда Изабель Марант. Тон текста относительно формальный, несмотря на наличие идиоматической фразы «buy into the dream». Хотя лексические конструкции, такие как «built a one-woman empire», «archetype», «runway», «making women all over the world want to buy into the dream», несут в себе положительный оттенок, подчеркивая достижения Изабель Марант как дизайнера, фраза «sanitized small-screen version» создает глубокий контраст, усиливающий яркость этих положительных черт. Описанные лексические стратегии создают яркие образы, задают вдохновляющий тон и эффективно воздействуют на определённую демографическую группу.

Кроме того, для английских текстов в сфере моды характерно активное использование заимствований из других языков, прежде всего, из французского, что обусловлено статусом Франции как страны-законодательницы моды.

For designer Batsheva Hay, the central trope for her prefall 2023 collection was the ideal of the «grunge doll» [9].

В примере используются два заимствованных слова, важных для индустрии моды. Слово «designer» имеет французские корни и используется как заимствование в контексте моды. «Grunge» – заимствованное слово, обозначающее музыкальную и модную субкультуру, зародившуюся на северо-западе Тихоокеанского побережья. В совокупности представленные лексические стратегии создают лаконичное, целенаправленное и очень информативное описание модной коллекции, подчёркивая её уникальные элементы и индивидуальность бренда для конкретной аудитории.

Выводы

Исследование дискурса моды в англоязычных гляцевых журналах Elle демонстрируют сложную взаимосвязь между языковыми средствами и формированием модных тенденций. Ключевым аспектом исследования стало выявление лексических стратегий, используемых для создания специфической атмосферы и убедительного маркетингового сообщения. Были выделены следующие основные группы лексических единиц: термины, описывающие стиль, моду, стилевые направления, тренды и бренды, а также слова, обозначающие события модной индустрии. Их взаимодействие создает контекст, характерный для модной сферы, и мотивирует читателя к приобретению описываемых товаров.

Активное использование в дискурсе моды специализированной терминологии, стилистических фигур, интенсификаторов, разговорных выражений, заимствований и лексических единиц с положительной коннотацией не просто описывает, а активно конструирует восприятие модных тенденций, формируя желаемое представление о продукте и бренде у целевой аудитории. Умелое сочетание различных лексических приемов создает мощное маркетинговое сообщение, повышая воспринимаемую ценность товаров и стимулируя потребительский спрос.

Таким образом, модный дискурс представляет собой многоуровневую систему, включающую различные формы коммуникации и визуальные элементы, постоянно эволюционирующую под влиянием социальных, культурных и технологических факторов. Он не просто отражает, но и активно формирует социальные тренды, транслируя представления о красоте, стиле и статусе.

Список источников

1. Болотова Ю.С. Лингвопрагматический аспект дискурса моды: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. М., 2017. 152 с.
2. Косицкая Ф.Л. Дискурс моды и его жанровая дифференциация // Вестник ТГПУ. 2014. Вып. 4. С. 22 – 26.
3. Попова И.В. Лексико-семантические и стилистические особенности языка индустрии моды (на материале журналов о моде): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. М., 2007. 22 с.
4. Федорова С.В. К вопросу о переводе дискурса моды // Культурология, искусствоведение и филология: от теории к практике. Чебоксары: Среда, 2021. С. 163 – 168.
5. Чернышова А.И. Средства выражения коммуникативной значимости единиц текста в модном дискурсе (на материале англоязычных журналов мод) // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Вып. 2. М.: Издательство: «КДУ», Университетская книга, 2018. С. 554 – 556.
6. Энциклопедия моды и одежды. URL: https://gufo.me/dict/fashion_encyclopedia/ (дата обращения: 15.10.2024).
7. Thompson C., Haytko D. Speaking of Fashion: Consumers' Uses of Fashion Discourses and the Appropriation of Countervailing Cultural Meanings // Journal of consumer research. Vol. 24. 1997. P. 15 – 42.
8. Elle – DecemberJanuary 2023. URL: https://vk.com/doc399904795_671057857?hash=tvZOd4784c3g3wYFTFKgmSuF8XtOQOgmSfMxfOKnlPT&dl=g0reYfyQnERshbXrqVlj33Ez5zrEP5hPwfcLUTJaonP (дата обращения: 11.10.2024).
9. Elle – JuneJuly 2023. URL: https://vk.com/doc399904795_671058022?hash=vdVoZ7zUNPjg1zmCz5IPzQOnEBxPbd4YLaOkDh7Em30&dl=Djza1kToimHzD23vpJD0UwRZ5IM1BLGiEZd8dAQKG2c (дата обращения: 12.10.2024).
10. Elle – February 2023. URL: https://vk.com/doc399904795_671057941?hash=htSYFHVOcHKoafHczCwZUmAMqJDhaQObM8RjguB7vz0&dl=ajPgxR8YXlvtRpkI5OzAouX3X8zS2uKfemWRewc4AQo (дата обращения: 05.11.2024).
11. Elle – November 2023. URL: https://vk.com/doc399904795_671058022?hash=vdVoZ7zUNPjg1zmCz5IPzQOnEBxPbd4YLaOkDh7Em30&dl=Djza1kToimHzD23vpJD0UwRZ5IM1BLGiEZd8dAQKG2c (дата обращения: 20.10.2024).
12. Elle – October 2023. URL: https://vk.com/doc399904795_671058371?hash=A5Wfvx0UDUVsgjF1KpukMPXZTHgOMZOnlWAHWgozF5s&dl=1XIsX2WldGZVnvaIXRUtLXLuxZ1OZaf0MVZjUe5qYwo (дата обращения: 29.10.2024).

References

1. Bolotova Yu.S. Lingvopragmatic aspect of fashion discourse: dis. ... cand. philological sciences: 5.9.8. M., 2017. 152 p.
2. Kositskaya F.L. Fashion discourse and its genre differentiation. Bulletin of TSPU. 2014. Iss. 4. P. 22 – 26.
3. Popova I.V. Lexical-semantic and stylistic features of the language of the fashion industry (based on fashion magazines): dis. ... cand. philological sciences: 5.9.8. M., 2007. 22 p.
4. Fedorova S.V. On the issue of translating fashion discourse. Cultural studies, art criticism and philology: from theory to practice. Cheboksary: Sreda, 2021. P. 163 – 168.
5. Chernyshova A.I. Means of expressing the communicative significance of text units in fashion discourse (based on English-language fashion magazines). Language. Culture. Translation. Communication. Iss. 2. Moscow: Publishing house: "KDU", University book, 2018. P. 554 – 556.
6. Encyclopedia of fashion and clothing. URL: https://gufo.me/dict/fashion_encyclopedia/ (date of access: 15.10.2024).
7. Thompson C., Haytko D. Speaking of Fashion: Consumers' Uses of Fashion Discourses and the Appropriation of Countervailing Cultural Meanings. Journal of consumer research. Vol. 24. 1997. P. 15 – 42.
8. Elle – DecemberJanuary 2023. URL: https://vk.com/doc399904795_671057857?hash=tvZOd4784c3g3wYFTFKgmSuF8XtOQOgmSfMxfOKnlPT&dl=g0reYfyQnERshbXrqVlj33Ez5zrEP5hPwfcLUTJaonP (date of access: 11.10.2024).
9. Elle – JuneJuly 2023. URL: https://vk.com/doc399904795_671058022?hash=vdVoZ7zUNPjg1zmCz5IPzQOnEBxPbd4YLaOkDh7Em30&dl=Djza1kToimHzD23vpJD0UwRZ5IM1BLGiEZd8dAQKG2c (date of access: 12.10.2024).
10. Elle – February 2023. URL: https://vk.com/doc399904795_671057941?hash=htSYFHVOcHKoafHczCwZUmAMqJDhaQObM8RjguB7vz0&dl=ajPgxR8YXlvtRpkI5OzAouX3X8zS2uKfemWRewc4AQo (date of access: 05.11.2024).

11. Elle – November 2023. URL:
https://vk.com/doc399904795_671058022?hash=vdVoZ7zUNPjg1zmCz5IPzQOnEBxPbd4YLaOkDh7Em30&dl=Djza1kToimHzD23vpJD0UwRZ5IM1BLGiEZd8dAQKG2c (date of access: 20.10.2024).

12. Elle – October 2023. URL:
https://vk.com/doc399904795_671058371?hash=A5Wfvx0UDUVsgjF1KpukMPXZTHgOMZOnlWAHWgozF5s&dl=1XIsX2WLDGZVnvaIXRUtLXLuxZ1OZaf0MVZjUe5qYwo (date of access: 29.10.2024).

Информация об авторах

Соболева Е.А., кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», el_al_soboleva@mail.ru

Егорова О.Н., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», olga-nik06@mail.ru

© Соболева Е.А., Егорова О.Н., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.581; 81'373.

¹ Томилова А.И., ¹ Творогова Е.И.

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Особенности словообразования современных китайских экономических терминов

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы словообразования в китайском языке в целом, представляющие большой интерес ввиду слабой изученности и освещенности в самой китайской литературе, и экономических терминов китайского языка в частности, т.к. они представляют сложности для перевода в растущем количестве торгово-экономических сделок и сопутствующей им документации. Авторами статьи изучены существующие подходы к выделению словообразовательных единиц в китайской иероглифической письменности и виды словообразования, из современных экономических медиатекстов отобраны экономические термины и классифицированы по способу словообразования. Исследование основывается на работах отечественных и китайских лингвистов, что наглядно показывает разницу в их понимании описываемого явления, как и разницу культур и менталитетов, отраженных в них. Результаты представлены в виде количественных данных по разным группам и подробно разобранных примерах, которые могут быть использованы при преподавании отдельных дисциплин по китайскому языку, а также в практике перевода.

Ключевые слова: словообразование, словосложение, аффиксальная деривация, китайский язык, экономические термины

Для цитирования: Томилова А.И., Творогова Е.И. Особенности словообразования современных китайских экономических терминов // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 32 – 40.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Tomilova A.I., ¹ Tvorogova E.I.

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Peculiarities of the word formation of modern Chinese economic terms

Abstract: the article examines the issues of word formation in the Chinese language in general, which are of great interest due to the poor knowledge and coverage in the Chinese literature itself, and economic terms of the Chinese language in particular, since they pose difficulties for translation in a growing number of trade and economic transactions and related documentation. The authors of the article studied the existing approaches to the allocation of word-formation units in Chinese hieroglyphic writing and types of word formation, selected economic terms from modern economic media texts and classified according to the method of word formation. The research is based on the works of Russian and Chinese linguists, which clearly shows the difference in understanding of the described phenomenon, as well as the difference in cultures and mentalities reflected in them. The results are presented in the form of quantitative data, detailed examples that can be used in teaching individual disciplines in the Chinese language, as well as in translation practice.

Keywords: word formation, word composition, affixal derivation, the Chinese language, economic terms

For citation: Tomilova A.I., Tvorogova E.I. Peculiarities of the word formation of modern Chinese economic terms. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 32 – 40.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: December 06, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

На сегодняшний момент благодаря стремительному прогрессу в экономических отношениях между Китайской Народной Республикой и Россией, а также дипломатическим связям Китая с другими государствами, появляется огромное количество новых терминов и многосложных слов, что создает рост востребованности качественного перевода в сфере экономики, т.к. именно торгово-экономические отношения как составляющая часть российско-китайских отношений в целом представляются наиболее перспективными к развитию [1, с. 45], а также способствуют повышению товарооборота, увеличению эффективности и интенсивной деятельности экономических субъектов. Дружественные отношения России с Китаем в сфере экономики позволяют российским покупателям активно приобретать не только продукты питания и одежду, но и высокотехнологичное промышленное оборудование, заключать различные контракты, развивать инвестиционные проекты.

Образование термина (или по-другому – терминообразование) является процессом создания новых слов (терминов), которые применяются в конкретных профессиональных сферах деятельности и знаний. Образование новых терминов считается неотъемлемым аспектом развития профессиональных и научных дисциплин, обеспечивающим возможность создания специализированной лексики, которая способствует эффективному взаимодействию и пониманию между специалистами [2]. Терминообразование привлекает внимание исследователей на протяжении многих десятилетий, а применимо к китайскому языку можно отметить, что остается много нерешенных теоретических и практических вопросов с позиции словообразования ввиду иероглифического письма в этом языке, сильно отличающегося в плане выражения и содержания от русскоязычных лексем в целом и экономических терминов в частности. В китайской лингвистике очень долгое время вопросы словообразования не рассматривались совсем, а на современном этапе не наблюдается единства подходов к выделению единиц словообразования, классификации способов словообразования и др. ввиду того, что привычные индоевропейским языкам словообразовательные тенденции и универсалии применимо к китайскому языку требуют значительных уточнений и адаптации. Все вышеизложенное объясняет актуальность проводимого исследования и выбор в качестве материала именно китайских экономических терминов.

Цель данной статьи – проанализировать словообразовательные особенности китайского языка в целом и классифицировать китайские экономические термины по способу словообразования, в частности. Результаты написания данной статьи имеют практическую ценность в преподавании лексикологии, типологии и практического курса перевода китайского языка, при составлении терминологических словарей и словников для экономической сферы, а также переводных словарей для рассматриваемой пары языков.

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования методом сплошной выборки из раздела экономической жизнедеятельности китайской ежедневной газеты «Жэньминь жибао» 人民日报 было отобрано 115 статей за ноябрь и декабрь 2023 г., выходящих на китайском и русском языках, в рамках которых мы выделили 942 терминологические единицы экономической и финансовой сфер. Выбор медиатекста в качестве источника экономических терминов отвечает современным тенденциям в лингвистике, т.к. именно медиатекст (в нашем случае вернее конкретизировать – текст СМИ), мгновенно отражает все мировые процессы, новые обозначения, термины и их производные, в то время как лексикографическим источникам для фиксации лексем требуется гораздо больше времени.

Для достижения поставленной цели в работе использовались следующие методы и приемы: сравнительно-сопоставительный, описательный, сплошной выборки, количественного подсчета, словообразовательный анализ, систематизация и др.

Результаты и обсуждения

А.А. Хаматова отмечает, что способы словообразования являются важным аспектом лексики любого языка. Способы словообразования могут быть рассмотрены с диахронической (процессы преобразования одних единиц в другие) и синхронической (связи сосуществующих единиц) точек зрения [3, с. 56, 77]. Для целей нашего исследования мы изучаем словообразовательные особенности китайских экономических терминов с позиции синхронии.

В отечественной и китайской лингвистике существует большое количество работ, посвященных вопросам китайского словообразования, но их подробный обзор указывает на отсутствие единства критериев в основе предлагаемых классификаций способов словообразования. Некоторые авторы выделяют способы словообразования в широком смысле: синтаксическое (или лексико-синтаксическое), морфологическое, фонетическое, семантическое (или лексико-семантическое) [5, с. 22], а другие в узком понимании, называя их также способами, при этом речь зачастую идет скорее о «подспособах»: словосложение, аффиксацию и/или полуаффиксацию, редупликацию, контракцию, фонетическое и семантическое обособления и др. [9, с. 20-104]. Встречаются работы, где виды словообразования в узком и широком понимании собраны воедино, приводя к определенным сложностям в понимании и систематизации описываемых процессов [11, с. 83-193]. В любом случае, прослеживается традиционная связь словообразования с лексикологией и грамматикой [11, с. 82].

Словообразование рассматривается многими лингвистами как внутренний источник пополнения словарного запаса [8, 14, 15, 16]. С этой позиции можно отметить выделяемые в китайском языке отечественными лингвистами словосложение [9, с. 20-104], аффиксальное словообразование [5, с. 22], морфемную контракцию [9, с. 20-104], лексико-семантическое словообразование [11, с. 83-193], конверсию [5, с. 22], транспозицию [15, с. 121], редупликацию [17, с. 106], иностранные заимствования [11, с. 83-193] и др.

При более детальном сравнении классификаций китайских исследователей можно отметить, что классификация способов словообразования Сунь Чансюй (фонетический, семантический и структурный (лексико-структурный и морфолого-структурный)) [12, с. 78-79] представляется, с одной стороны, шире классификации Ли Цзиньси и Лю Шижу (синтаксический, морфологический, фонетический) [7, с. 84-86], т.к. включает в себя некоторые виды в роли подвидов, а с другой стороны, отмечается некоторая путаница у авторов обеих классификаций в выделении критериев в основании для предложенных классификаций: синтаксис, морфология, внешняя и внутренняя формы слов, функции. Это можно объяснить в некотором роде сложностью определения границ слова в китайском языке, отличия слова от морфемы или словосочетания. Здесь стоит отметить и историческое движение китайского языка от односложной нормы слова к двусложной, чтобы избежать омонимии, полисемии и расширять номинативные возможности языка, который активно пополняется отражающей новые научные, технические и политические реалии лексикой.

В отличие от вышеперечисленных классификаций Жэнь Сюэлян предлагает более разветвленную систему способов и учитывает дополнительно стилистический аспект, а также выделяет синтетический способ, возникающий в результате применения сразу нескольких подспособов одновременно [13, с. 2-5]. Среди отечественных исследователей большое внимание стилистическим способам китайского словообразования уделено в работе А.Н. Сбоева [17, с. 109-135].

Резюмируя вышеперечисленные классификации способов словообразования, стоит подчеркнуть, что фонетический и морфологический выделяются у всех трех авторов, однако каждый из этих способов подразумевает отличающееся друг от друга содержание. Классификация Жэнь Сюэляна является наиболее обширной и отличается тем, что показывает разнообразие словообразовательных способов китайского языка. Тем не менее некоторые из них вызывают сомнения, например, в стилистическом словообразовании выделяются почтительное обращение, тактичное обращение, что с трудом относится к способам образования слов.

В практической части нашего исследования для классификации китайских экономических терминов по способу словообразования мы будем опираться на классификацию подспособов А.Л. Семенаса в узком понимании: сложение, аффиксация, аббревиация и заимствования из других языков и др. [10, с. 38] ввиду преобладающего грамматического характера, проявляющегося в большом внимании к типам связей между компонентами лексических комплексов и их грамматическим характеристикам, что позволяет определенным образом (хотя бы в рамках проводимого нами исследования) разрешить острый дискуссионный вопрос выделения частей речи в китайском языке, который представлен в литературе мнениями от полного отрицания возможности разграничения частей речи до определения направления синтаксической реализации того или иного частеречного значения китайских слов.

Согласно рассматриваемой классификации выделяются следующие типы грамматических связей между компонентами лексических комплексов: «1) атрибутивный (видо-родовые отношения при определении первым компонентным второго) – единственный равноправный тип связи; 2) копулятивный (равноправность компонентов); 3) глагольно-объектный (первый компонент обозначает действие, направленное на второй именной компонент); 4) глагольно-результативный (второй компонент обозначает результат действия первого компонента); 5) субъектно-предикативный (первый компонент – субъект, второй компонент обозначает его действие или состояние) – типы 2-5 характеризуются неравноправным типом связи компонентов» [10, с. 39], функционирование которых мы рассмотрим подробнее на примере отобранных экономических терминов.

Модели существительных.

Как отмечают многие авторы, словосложение по атрибутивному типу среди существительных является наиболее продуктивным, т.к. большая часть китайских существительных образована именно по данной словообразовательной модели: существительное + существительное = существительное. Поскольку терминология в целом, и китайская не исключение, представлена преобладающей долей существительных, то словообразовательная модель по атрибутивному типу связи выступает в качестве основной и при образовании китайской терминологии, особенно при соединении субстантивных компонентов. Например: 衣柜 [yīguì] – гардероб, 衣 [yī] «одежда» + 柜 [guì] «шкаф»; 资料 [zīliào] – данные, 资 [zī] «данные» + 料 [liào] «материал»; 农业 [nóngyè] – сельское хозяйство, 农 [nóng] «земледелие» + 业 [yè] «занятие»; 火灾 [huǒzāi] – пожар, 火 [huǒ] «огонь» + 灾 [zāi] «бедствие».

Следующая модель предполагает образование существительного по тому же атрибутивному типу связи путем объединения адъективного и субстантивного компонентов. Например: 美食 [měishí] – деликатес, 美 [měi] «хороший» + 食 [shí] «еда»; 甜菜 [tiáncài] – свекла, 甜 [tián] «сладкий» + 菜 [cài] «овощ»; 高处 [gāochù] – возвышенность, 高 [gāo] «высокий» + 处 [chù] «место».

Третья модель образования существительного предполагает объединение вербального и субстантивного компонентов по атрибутивному типу связи: глагол + существительное = существительное. Например: 投资 [tóuzī] – инвестиция, 投 [tóu] «вкладывать» + 资 [zī] «деньги»; 飞机 [fēijī] – самолет, 飞 [fēi] «летать» + 机 [jī] «двигатель»; 植物 [zhíwù] – растение, 植 [zhí] «сажать» + 物 [wù] «предмет, вещь».

Следующие две модели базируются на копулятивном типе связей и приводят к образованию существительного путем объединения субстантивных компонентов (сущ.+сущ.) и адъективных компонентов: прилагательное + прилагательное = существительное. Например: 安宁 [ānníng] – спокойствие, 安 [ān] «тихий» + 宁 [níng] «мирный»; 奸细 [jiānxi] – шпион, 奸 [jiān] «коварный, предательский» + 细 [xì] – «тонкий»; 安全 [ānquán] – безопасность, 安 [ān] «спокойный» + 全 [quán] «целый».

Образование существительного по копулятивному типу связи путем объединения вербальных компонентов может идти по следующим формулам: глагол + глагол = существительное, например, 改建 [gǎijiàn] – перестройка, 改 [gǎi] «изменять» + 建 [jiàn] «строить»; 研究 [yánjiū] – исследование, 研 [yán] «изучать» + 究 [jiū] «расследовать»; 运输 [yùنشū] – перевозка, 运 [yùn] «перевозить» + 输 [shū] «транспортировать»; и глагол + существительное = существительное, например, 罢工 [bàgōng] забастовка, 罢 [bà] «перестать, остановиться, увольнять» + 工 [gōng] «работа» и др.

Модели глаголов.

Образование глагола по копулятивному типу связи путем объединения вербальных компонентов: гл. + гл. образует глагол. Вслед за А.Л. Семенасом отметим лидирующую многочисленность этой модели образования сложных, особенно при синонимических отношениях между компонентами. Например: 保存 [bǎocún] – сохранять, 保 [bǎo] «защищать» + 存 [cún] «хранить»; 住进 [zhùjìn] – заселять, 住 [zhù] «проживать» + 进 [jìn] «входить»; 帮助 [bāngzhù] – помогать, 帮 [bāng] «помогать» + 助 [zhù] «содействовать»; 增进 [zēngjìn] – улучшать, 增 [zēng] «увеличивать» + 进 [jìn] «идти вперед».

Значительно реже встречается образование сложных глаголов по атрибутивному типу. Образование глагола по атрибутивному типу связи может происходить путем объединения вербального компонента (глагол) с субстантивным (существительное), адъективным (прилагательное) или вербальным (глагол) компонентом, т.е.: существительное + глагол = глагол, прилагательное + глагол = глагол, глагол + глагол = глагол.

Модель объединения по глагольно-объектному типу связи вербального компонента с субстантивным является наиболее частотной среди других глагольных моделей: глагол + существительное = глагол. Например: 说话 [shuōhuà] – говорить, сказать, 说 [shuō] «говорить» + 话 [huà] «речь»; 谈话 [tánhuà] – разговаривать, 谈 [tán] «разговаривать» + 话 [huà] «речь»; 伤害 [shānghài] – вредить, ранить 伤 [shāng] «ранить» + 害 [hài] «вред».

Модели прилагательных.

Образование прилагательного может происходить по копулятивному типу через объединение двух адъективных компонентов. В этом случае чаще всего происходит объединение синонимичных и ассоциативных компонентов [10, с. 46]. Например, 干净 [gānjìng] – чистый, 干 [gān] «сухой» + 净 [jìng] «чистый»; 重要 [zhòngyào] – важный, 重 [zhòng] «серьезный» + 要 [yào] «важный»; 舒适 [shūshì] – комфортный, 舒 [shū] «расслабленный» + 适 [shì] «комфортный»; 便宜 [piányi] – дешевый, 便 [pián] «выгодный» + 宜 [yì] «уместный».

Другая модель приводит к образованию прилагательного по субъективно-предикативному типу путем объединения субстантивного компонента с адъективным. Например, 人口众多 [rénkǒu zhòngduō] – густонаселенный, 人口 [rénkǒu] «население» + 众多 [zhòngduō] «многочисленный».

Образование прилагательного по атрибутивному типу путем объединения субстантивного, адъективного или вербального компонента с адъективным завершает обзор моделей. Например, 深绿 [shēn lǜ] – темно-зеленый, 深 [shēn] «темный; темно-» + [lǜ] «зеленый»; 暗橙 [àn chéng] – темно-оранжевый, 暗 [àn] «темный» + 橙 [chéng] «оранжевый».

А.Л. Семенас, исследуя лексику китайского языка, выделяет копулятивное сложение как распространенную словообразовательную модель, что мы увидели в примерах выше.

Таким образом, среди проанализированных выше классификаций Ли Цзиньси и Лю Шижу, Сунь Чансюй, Жэнь Сюэлян можно отметить, что фонетический и морфологический способы присутствуют в работах всех авторов, при этом раскрывая разное значение. Термины китайского языка создаются путем сложения, аффиксации, аббревиации и заимствований по конкретным словообразовательным моделям. Предметные и глагольные морфемы входят в состав терминов, созданных посредством копулятивного типа связи. А.Л. Семенас выделяет наиболее продуктивной среди существительных словообразовательную модель по атрибутивному типу связи, среди глаголов самой распространенной обозначает модель по копулятивному типу связи.

В нашем исследовании китайские экономические термины также классифицируются по способу словообразования, в частности по аффиксальному и словосложению.

В китайском языке, как мы видели в рассмотренных ранее классификациях, все авторы выделяют суффиксальный способ образования новых слов в рамках морфологического словообразования, и большинство (но не все) выделяют две разновидности аффиксации: префиксация и суффиксация [18, с. 33]. Аффиксация является распространённым способом образования в современном китайском языке практически наравне со словосложением. При помощи суффиксации создается большинство существительных, глаголов, а также некоторых наречий, при этом все авторы отличают суффиксы от полусуффиксов, но не всегда выделяют отдельно полусуффиксацию как самостоятельный способ. При помощи префиксации образуются небольшое количество существительных и порядковые числительные. Не все авторы уделяют в своих работах внимание префиксации ввиду ограниченности ее применения в китайском языке, что обуславливается типологическими особенностями китайского языка как языка изолирующего типа.

Кроме того, отметим, что в китайском языке словосложение 合词法 [hécífǎ] является базовым способом создания новых слов и основ посредством объединения двух и более слов или основ слов в одном слове [19].

В соответствии с классификацией А.Л. Семенаса, все модели словосложения можно подразделять на 4 типа: атрибутивный, копулятивный, глагольно-объектный, субъектно-предикативный [10, с. 39].

Термины аффиксальной деривации.

В китайском языке присутствует большое количество суффиксов, осуществляющих определенную функцию в языке.

Модели с суффиксами – 子 [zǐ], – 者 [zhě], – 员 [yuán], – 性 [xìng], – 家 [jiā], – 义 [yì] являются одними из наиболее распространенных в современном китайском языке. Суффикс – 子 [zǐ] предусмотрен для образования предметов и предназначен для превращения односложного слова в двухсложное, например, 房 [fáng] и 房子 [fángzi] – дом, квартира. Суффикс 者 [zhě], как правило, образует название профессий, например, 读者 [dúzhě] – читатель, 译者 [yìzhě] – переводчик. Суффикс – 员 [yuán] предназначен для образования существительного, обозначающего профессию, например, 服务员 [fúwùyuán] – официант. Суффикс 性 [xìng] при добавлении к глаголу образует существительное, например, 可能性 [kěnéngxìng] – возможность. Суффикс 家 [jiā], который в некоторых синтаксических контекстах может выступать в роли самостоятельного слова, предусмотрен для обозначения участников процесса (т.е. существительных), например, 作家 [zuòjiā] – писатель, 专家 [zhuānjiā] – специалист. Суффикс – 义 [yì] формирует существительное, например, 共产主义 [gòngchǎnzhǔyì] – коммунизм.

В китайском языке вызывают интерес и полусуффиксы, выступающие в качестве полужнаменательных морфем и обозначающие разные предметы и вещи, а также всевозможного рода процессы. Как мы рассмотрели ранее в обзоре классификаций, некоторые авторы выделяют полусуффиксацию отдельно [9], а некоторые рассматривают как подвид суффиксации [6, 7, 11, 12]. Однозначно можно говорить о наличии полусуффиксов в китайском языке как активной и продуктивной словообразовательной модели.

Самыми распространенными полусуффиксами являются: 1) 品 [pǐn] образует предметы, характерные для данных вещей качества и свойства: 食品 [shípǐn] – продукты питания, 产品 [chǎnpǐn] – продукт [20]; 2) 性 [xìng] образует абстрактные существительные, определяющие разнообразные свойства, характерные для предметов и явлений, происходящих из природы предметов: 耐性 [nàixìng] – терпение; 3) 化 [huà] образует лексемы со значением процесса действия: 自动化 [zìdòng huà] – автоматизация; 4) 物 [wù] участвует в образовании номинаций разных вещей и предметов: 礼物 [lǐwù] – подарок. В редких случаях обозначает живые существа, например, 动物 [dòngwù] – животное [21, с. 59].

Кроме суффиксов, стоит выделить, что в китайском языке существуют и префиксы. Словообразовательные модели с префиксами и полупрефиксами 初 [chū], 老 [lǎo], 小 [xiǎo], 第 [dì], 不 [bù], 非 [fēi], 无 [wú], 超 [chāo] являются одними из наиболее распространенных в современном китайском языке. Префиксы в китайском языке имеют свои определенные значения подобно русскоязычным префиксам, например, полупрефиксы отрицательного значения: 不 [bù], 非 [fēi], 无 [wú]; полупрефикс высшего качества или усиленного действия 超 [chāo], который может переводиться на русский язык в разных контекстах как сверх-, над-, гипер-, супер-, ультра-. Префиксы в китайском языке могут даже образовывать порядковые числительные (第 [dì]) или существительные (老 [lǎo], 小 [xiǎo], 初 [chū]).

Способ аффиксальной деривации является распространенным для использования и образования экономических терминов китайского языка.

Одними из наиболее применяемых моделей суффиксов и полусуффиксов среди рассматриваемых китайских экономических терминов явились: 品 [pǐn], 化 [huà], 性 [xìng], 者 [zhě], 员 [yuán] (суффиксы и полусуффиксы), при помощи которых было образовано 72 терминологические единицы, например, 市场资本化 [shìchǎng zīběn huà] рыночная капитализация = 市 [shì] «рынок» + 场 [chǎng] «место, площадка» + 资 [zī] «деньги, ресурсы» + 本 [běn] «капитал» + 化 [huà] «суффикс, обозначающий процесс действия»; 簿记员 [bùjìyuán] бухгалтер = 簿 [bù] «книга» + 记 [jì] «записывать, отмечать» + 员 [yuán] «человек, осуществляющий определенный вид деятельности».

Одними из наиболее применяемых моделей префиксов и полупрефиксов среди рассматриваемых китайских экономических терминов явились: 不 [bù], 非 [fēi], 无 [wú], 超 [chāo], 小 [xiǎo], при помощи которых было образовано 37 терминологических единиц, например, 不动产 [bùdòngchǎn] – недвижимость = 不 [bù] + 动 [dòng] + 产 [chǎn]; 非商业组织 [fēi shāngyè zǔzhī] – некоммерческая организация 非 [fēi] + 商 [shāng] + 业 [yè] + 组 [zǔ] + 织 [zhī].

Термины словосложения.

Четыре типа отношений в рамках словосложения были подробно описаны ранее в данной работе, и, переходя на анализ китайских экономических терминов, опишем функционирование каждого из них. Так, при словообразовании экономических терминов встречается атрибутивный тип, в котором один из компонентов является основным, а другой компонент уточняющим [19], и преобладает строгая последовательность расположения компонентов относительно грамматики китайского языка, например, 中央银行 [zhōngyāng yínháng] – центральный банк раскладывается на два компонента, в котором 中央 [zhōngyāng] – центр, 银行 [yínháng] – банк, основное слово находится в конце, в данном случае этим словом является 银行 [yínháng] – банк.

Также находит применение и копулятивный тип, термины которого образуются посредством либо синонимичных компонентов, например, 生产 [shēngchǎn] – производство, где 生 [shēng] – производить, 产 [chǎn] – производство, либо антонимичных компонентов, например, 买卖 [mǎimài] – купля-продажа, где 买 [mǎi] – покупать, 卖 [mài] – продавать.

Глагольно-объектный тип приводит к образованию терминов посредством глагольной (действие) именной основ (объект действия), например, 保存期 [bǎocún qī] – срок хранения, где 保存 [bǎocún] – хранить (действие), 期 [qī] – срок хранения.

Субъектно-предикативный тип, в котором первая часть термина означает субъект, а вторая – его действие, является наименее распространенным в китайском языке [18], например, 价格暴跌 [jiàgé bàodiē] – резкое падение цен, где 价格 [jiàgé] – цена (субъект), 暴跌 [bàodiē] – резко упасть/снизиться (действие субъекта).

Выводы

Таким образом, после рассмотрения 922 терминологических единиц с точки зрения словосложения по 4 основным типам образования терминов и терминов словосочетаний, можно отметить, что по атрибутивному типу

словосложения образовано 688 терминологических единиц, по копулятивному типу – 124 терминологических единиц, по глагольно-объектному типу – 78 терминологических единиц, по субъектно-предикативному типу – 32 терминологических единиц. Так как 20 терминов являются терминами словами и являются однокомпонентными, то они не рассматривались с точки зрения словосложения и были исключены из данной классификации.

В результате исследования атрибутивный тип словосложения явился наиболее продуктивным, так как по данному типу образовано 688 терминологических единиц, что составляет 73% от всех рассматриваемых китайских экономических терминов данной классификации, по копулятивному типу словосложения образовано 13,2% (124 терминологических единицы), по глагольно-объектному типу образовано 8,3% (78 терминологических единиц), субъектно-предикативный тип наименее распространен среди китайских экономических терминов, так как по данному типу образовано всего 3,4% (32 терминологических единицы).

Исследование посредством аффиксального способа словообразования выявило всего 109 китайских экономических терминов среди всех рассматриваемых, что составляет 11,6% от общего количества терминов. 72 терминологических единицы образованы при помощи суффиксации, что составляет 7,6% от общего количества рассматриваемых китайских экономических терминов, и 37 терминологических единиц образованы при помощи префиксации, что составляет 3,9% от общего количества рассматриваемых китайских экономических терминов.

Можно сделать вывод, что в экономическом терминообразовании китайского языка как подсистеме языка проявляются и общие тенденции китайского словообразования, которые поддаются влиянию помимо основных лингвистических факторов (длина, структура, принадлежность к определенной терминосистеме и др.) еще и факультативному, о котором говорил В.М. Лейчик – воздействие эпохи [22, с. 68], который вне зависимости от области науки терминов накладывает свой отпечаток на предпочитаемую длину термина и ведущий способ словообразования.

Список источников

1. Граб П.А. Развитие торгово-экономических отношений России и Китая: этапы, проблемы // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. 2022. № 3. С. 44 – 51.
2. Терминообразование в языкознании: сложности и решения // Научные Статьи. Ру – портал для студентов и аспирантов. URL: <https://nauchniestati.ru/spravka/problemy-terminoobrazovaniya-v-yazykoznanii/> (дата обращения: 19.04.2024).
3. Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка. М.: Муравей, 2003. 224 с.
4. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие, 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
5. Фролова О.П. Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка. Монография. М.: Восточная книга, 2011. 168 с.
6. Ли Цзиньси. Исследование словообразования и словника китайского языка // Вестник Пекинского педагогического университета. 1959. Ч. 1. С. 83 – 104.
7. Ли Цзиньси, Лю Шижу. Ханьюй юйфа цзяоцай (учебные материалы по грамматике китайского языка). Пекин, 1959. 595 с.
8. Чэнь Х. О способах образования новых слов в русском и китайском языках: черты сходства и различия // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2019. № 1. С. 492 – 498.
9. Горелов В.И. Лексикология китайского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
10. Семенас А.Л. Лексика китайского языка. 2-е изд., стер. М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. 310 с.
11. Кленин И.Д., Щичко В.Ф. Лексикология китайского языка. М.: Восточная книга, 2013. 272 с.
12. Сунь Чансюй. Ханьюй цыхуй (Лексика китайского языка). Чаньчунь, 1956. 493 с.
13. Жэнь Сюэлян. Ханьюй цзаоцыфа (Словообразование китайского языка). Пекин, 1981. 290 с.
14. Шевелева И.А., Митина О.А. Способы пополнения словарного состава английского языка в 2021 и 2022 гг. (на материале электронного словаря “Oxford Advanced Learner’s Dictionary”): словообразовательные и лексико-семантические особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 6. С. 1954 – 1958. URL: <https://www.gramota.net/articles/phil20220311.pdf> (дата обращения: 22.10.2024).
15. Боженкова Н.А., Борко О.В., Полескова Э.Е. К вопросу о способах словообразования в современном китайском языке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2012. № 2. С. 121 – 125.

16. Ду Ц. Словообразовательный потенциал и его интерпретация в русском и китайском языкознании // Китайско-белорусские языковые, литературные и культурные связи: история и современность: материалы международной научной конференции, Минск, 17-18 мая 2019 года / отв. ред. Н.Н. Хмельницкий. Минск: Белорусский государственный университет, 2019. С. 31 – 38.
17. Сбоев А.Н. Структурно-семантический и лингвокультурный аспекты интернет-лексики современного китайского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. Владивосток, 2018. 33 с.
18. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1989. 318 с.
19. Чубинец А.А., Хоречко У.В. Особенности терминообразования в современном техническом китайском языке (на основе литературы сферы машиностроения) // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). С. 1706 – 1708. URL: <https://moluch.ru/archive/91/20084/> (дата обращения: 08.05.2024).
20. Восемьсот слов современного китайского языка. Китайский язык, 1979. № 5. С. 337 – 338.
21. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка // Грамматическая природа слова. М.: 1968. С. 80.
22. Лейчик В.М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 63 – 73.

References

1. Grab P.A. Development of trade and economic relations between Russia and China: stages, problems // Development of customs affairs of the Russian Federation: Far Eastern vector. 2022. No. 3. P. 44 – 51.
2. Terminology formation in linguistics: difficulties and solutions. Scientific Articles. Ru – portal for students and graduate students. URL: <https://nauchniestati.ru/spravka/problemy-terminoobrazovaniya-v-yazykoznanii/> (date of access: 19.04.2024).
3. Khamatova A.A. Word formation of the modern Chinese language. Moscow: Muravei, 2003. 224 p.
4. Zemskaya E.A. Modern Russian language. Word formation: textbook, 3rd ed., corrected. and add. M.: Flinta: Nauka, 2011. 328 p.
5. Frolova O.P. Word formation in the terminological vocabulary of the modern Chinese language. Monograph. M.: Vostochnaya kniga, 2011. 168 p.
6. Li Jinxi. Study of word formation and vocabulary of the Chinese language. Bulletin of Beijing Normal University. 1959. Part 1. P. 83 – 104.
7. Li Jinxi, Liu Shizhu. Hanyu yufa jiaocai (educational materials on Chinese grammar). Beijing, 1959. 595 p.
8. Chen H. On the methods of forming new words in Russian and Chinese: similarities and differences. Russian language and culture in the mirror of translation. 2019. No. 1. P. 492 – 498.
9. Gorelov V.I. Lexicology of the Chinese language: a textbook for students of pedagogical institutes in speciality. No. 2103. Moscow: Education, 1984. 216 p.
10. Semenas A.L. Vocabulary of the Chinese language. 2nd ed., reprinted. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2005. 310 p.
11. Klenin I.D., Shchichko V.F. Lexicology of the Chinese language. Moscow: Vostochnaya kniga, 2013. 272 p.
12. Sun Changxu. Hanyu cihui (Vocabulary of the Chinese language). Changchun, 1956. 493 p.
13. Ren Xueliang. Hanyu zaocifa (Word formation of the Chinese language). Beijing, 1981. 290 p.
14. Sheveleva I.A., Mitina O.A. Ways to replenish the vocabulary of the English language in 2021 and 2022 (based on the electronic dictionary “Oxford Advanced Learner’s Dictionary”): word-formation and lexical-semantic features. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2022. No. 6. P. 1954 – 1958. URL: <https://www.gramota.net/articles/phil20220311.pdf> (date of access: 22.10.2024).
15. Bozhenkova N.A., Borko O.V., Poleskova E.E. On the issue of word formation methods in the modern Chinese language. Bulletin of the South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogy. 2012. No. 2. P. 121 – 125.
16. Du C. Word-formation potential and its interpretation in Russian and Chinese linguistics. Chinese-Belarusian linguistic, literary and cultural ties: history and modernity: materials of the international scientific conference, Minsk, May 17-18, 2019. Ed. N.N. Khmel'nitsky. Minsk: Belarusian State University, 2019. P. 31 – 38.
17. Sboev A.N. Structural-semantic and linguacultural aspects of the Internet vocabulary of the modern Chinese language: dis. ... Cand. of Philological Sciences: 10.02.22. Vladivostok, 2018. 33 p.
18. Gorelov V.I. Theoretical grammar of the Chinese language: a textbook for students of pedagogical institutes in the specialty "Foreign language". Moscow: Education, 1989. 318 p.

19. Chubinets A.A., Khorechko U.V. Features of term formation in modern technical Chinese (based on the literature of mechanical engineering). *Young scientist*. 2015. No. 11 (91). P. 1706 – 1708. URL: <https://moluch.ru/archive/91/20084/> (date of access: 08.05.2024).

20. Eight hundred words of the modern Chinese language. *Chinese language*, 1979. No. 5. P. 337 – 338.

21. Korotkov N.N. Main features of the morphological structure of the Chinese language. *Grammatical nature of the word*. Moscow: 1968. 80 p.

22. Leichik V.M. Optimal length and optimal structure of a term. *Questions of linguistics*. 1981. No. 2. P. 63 – 73.

Информация об авторах

Томилова А.И., кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Творогова Е.И., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

© Томилова А.И., Творогова Е.И., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1

¹ Цахаева М.С., ¹ Горбанева А.Н.

¹ Дагестанский государственный университет

Сон как художественный прием в романах Ф.М. Достоевского

Аннотация: в статье рассматривается роль сновидений в романах Ф.М. Достоевского. Один из самых распространенных приемов в поэтике романов Достоевского выполняет несколько функций и представлены они в разных видах: сны-символы, сны-предсказания, сны-воспоминания и т.д. Исследуются традиции использования этого приема в русской классической литературе. В статье делаются выводы, что сны Раскольникова в романе «Преступление наказание», Ипполита и Мышкина в романе «Идиот», сны двух братьев Карамазовых в одноимённом романе связаны с развитием сюжетов, у них есть символическое значение, но прежде всего они способствуют раскрытию психологии каждого из героев. Сны могут быть небольшими или напротив объемными, напоминающими целые рассказы, эти сны неотделимы от сюжета, хотя никак не связаны с его событиями. Они представляют собой, зачастую, законченные новеллы. Это позволяет читателям произведения рассмотреть жизнь персонажа не только с объективной стороны, но и раскрывает его внутреннюю, глубоко спрятанную жизнь. Более того, сам Достоевский не дает какого-либо однозначного толкования этих сновидений, Достоевский не объясняет нам его значение. его символику.

Ключевые слова: Достоевский, сновидения, Раскольников, поэтика

Для цитирования: Цахаева М.С., Горбанева А.Н. Сон как художественный прием в романах Ф.М. Достоевского // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 41 – 45.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Tsakhaeva M.S., ¹ Gorbaneva A.N.

¹ Dagestan State University

Dream as an artistic device in the novels of F.M. Dostoevsky

Abstract: the article examines the role of dreams in the novels of F.M. Dostoevsky. One of the most common devices in the poetics of Dostoevsky's novels performs several functions and they are presented in different forms: dreams-symbols, dreams-predictions, dreams-memories, etc. The traditions of using this device in Russian classical literature are studied. The article concludes that the dreams of Raskolnikov in the novel "Crime and Punishment", Ippolit and Myshkin in the novel "The Idiot", the dreams of the two Karamazov brothers in the novel of the same name are associated with the development of plots, they have a symbolic meaning, but above all they contribute to the disclosure of the psychology of each of the heroes. Dreams can be small or, on the contrary, voluminous, reminiscent of entire stories, these dreams are inseparable from the plot, although they are in no way connected with its events. They are often complete short stories. This allows readers of the work to consider the character's life not only from an objective side, but also reveals his inner, deeply hidden life. Moreover, Dostoevsky himself does not give any unambiguous interpretation of these dreams, Dostoevsky does not explain to us its meaning. its symbolism.

Keywords: Dostoevsky, dreams, Raskolnikov, poetics

For citation: Tsakhaeva M.S., Gorbaneva A.N. Dream as an artistic device in the novels of F.M. Dostoevsky. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 41 – 45.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: December 06, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Сон – это один из достаточно распространённых приемов в мировой литературе, начиная с древности до наших дней. Вряд ли мы найдём писателя, который не обращался бы к этому художественному средству, для того чтобы достичь определённых целей, связанных с главной задачей повествования. Во всем известном “Слове о полку Игореве” один из князей видит смутной сон, в котором выражена одна из важнейших идей о раздробленности русского государства. Это 12 век. Этот факт говорит о том, что сон является одним из древнейших художественных приемов не только в европейской, но и в русской литературе. Сновидения всегда вызывали интерес и любопытство человека. Анализ снов – это целое направление в науке, вклад в это направление сделали Зигмунд Фрейд, Карл Юнг и т.д. Существует целое направление в медицине, которое изучает природу сновидений с точки зрения психологии, психиатрии, неврологии и так далее. Большой вклад в этой области сделал русский учёный Иван Павлов. Но сон и сновидения изучаются не только с точки зрения медицины, как любая сфера жизни человека, они интересны как способ проявления личности на бессознательном уровне. Начиная с античности в трудах древнегреческих философов, мы можем встретить разнообразные трактовки сновидений и их классификации. Сновидения всегда интересовали и будут интересовать человека, вероятно потому, что оно наиболее загадочное состояние для нас. Огромное количество исследователей в области психологии и сегодня посвящает сну свои диссертации и исследования. В литературе сновидение является одним из приемов исследования человека, сны выполняют огромное количество функций. Если вернуться в далёкое прошлое, то мы можем встретить такое мнение, что сновидения являются неким мостиком между могучими богами и человеком. Люди тратили много времени, для того чтобы разгадать значение снов. Так называемые сонники составлялись ещё до нашей эры. Отношения к сновидениям было достаточно мистическим. Но уже тогда же Аристотель называет сон продолжением реальности. В своей работе «О сновидениях» он даёт определение этому состоянию, отрицая его божественное происхождение, называя их просто явлением природы. Эти тезисы разделял и упоминал Зигмунд Фрейд, который много лет посвятил изучению и толкованию сновидений и создал крупнейшую монографию под аналогичным названием. Для Фрейда, который был известным психоаналитиком, сновидения стали объектом изучения с разных точек зрения. Таким образом, начиная с далекого прошлого, сновидения изображались в художественных произведениях, играли там значительную роль. Изучению этого художественного явления посвятили свои исследования М. Бахтин, швейцарский литературовед А. Бегин и другие. Первые работы, в которых были осуществлены попытки проанализировать сон в контексте творчества определенного писателя, были предприняты в начале 20-го века М. Гершензоном. Он обратился к творчеству А.С. Пушкина, точнее к роману «Евгений Онегин», уделив пристальное внимание сну Татьяны. В 40-50 годы 20-го века сновидениям в литературных произведениях посвятил свою работу И.В. Страхов. Он сосредоточил своё внимание на сновидениях в произведениях Льва Толстого и обозначил их сюжетно-психологическую функцию. В последние два десятилетия интерес к роли снов вырос, появление новых исследовательских трудов обозначило начало глубокого анализа этого художественного приема. В последние годы появились исследования, полностью посвящённые этому художественному приему в произведениях того или иного писателя.

Материалы и методы исследований

Материалом для данного исследования романы Ф.М. Достоевского. Методы исследования: сопоставительно-исторический, компонентный, сравнительно-типологический.

Результаты и обсуждения

Литературоведческое изучение сновидений должно строится на анализе структуры произведения. Анализ поэтики сновидений не менее важен, чем анализ других композиционных элементов текста. В творчестве Достоевского мы можем встретить немало произведений, герои которых видят сны. Нужно отметить, что Достоевский продолжает традиции замечательных русских писателей Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и так далее. Безусловно, огромное влияние на Достоевского оказали произведения двух великих классиков А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. В их произведениях сны играли важную роль и выполняли разнообразные функции. В процессе формирования реализма как творческого метода, интерес к психологии сновидения лишь растёт. В этом смысле, безусловно, первенство принадлежит Пушкину, он открыл эту сферу жизни человека как объекта изображения. У Пушкина мы можем встретить несколько сюжетных сновидений, которые играют в произведении ключевую роль: это сон Татьяны из романа «Евгений Оне-

гин», сон Германа из повести «Пиковая дама» и, естественно, сон Петра Гринёва из «Капитанской дочки». Это не просто констатация факта, что герои видят сны. Это достоверные картины, в которых смешиваются явь и фантастика, это живое изменение картин и момент пробуждения. В романах Достоевского мы можем обнаружить, что все эти художественные особенности снов Пушкина, наши своё выражение или продолжение. М. Бахтин совершенно справедливо отмечает, что, несмотря на то, что в русской литературе изображение сновидений встречается часто, но нет такого писателя, в творчестве которого сны играли бы такую важную роль [2]. В романах Достоевского, а кроме них и в других произведениях писателя, мы можем обнаружить сны, которые выполняют самые разнообразные художественные задачи. В произведениях Ф.М. Достоевского сон выполняет целый ряд функций. В ранней прозе Достоевского в рассказах и первых романах герои видят сны, они достаточно разнообразны и играют определенную роль. Так, например, в рассказе «Сон смешного человека» мы можем наблюдать, что Достоевский огромное внимание уделяет поведению своего героя, изучает границу между сном и реальностью. Но если в раннем творчестве героям Достоевского снятся сны, которые уводят их от реальности, то в более поздних произведениях, начиная с романа «Преступление и наказание», это сны, наполненные глубоким философским смыслом. Используя приём сновидений, писатель безусловно следовал определённым традициям, сложившимся в мировой и русской литературе. Сны Раскольникова в романе «Преступление и наказание», Ипполита и Мышкина в романе «Идиот», сны двух братьев Карамазовых в одноимённом романе связаны с развитием сюжетов, у них есть символическое значение, но прежде всего они способствуют раскрытию психологии каждого из героев. Сны могут быть небольшими или напротив объёмными, напоминающими целые рассказы, эти сны неотделимы от сюжета, хотя никак не связаны с его событиями. Они представляют собой, зачастую, законченные новеллы. Это позволяет читателям произведения рассмотреть жизнь персонажа не только с объективной стороны, но и раскрывает его внутреннюю, глубоко спрятанную жизнь [11]. Более того, сам Достоевский не даёт какого-либо однозначного толкования этих сновидений, Достоевский не объясняет нам его значение. его символику. Эти сновидения зачастую фантастические, мистические. В идейной структуре романа «Преступление и наказание» важное место занимают апокалиптические сны, которые Раскольников видит, находясь в бреду [8]. Эти сны подготовили духовное возрождение героя, отказ от его антигуманной идеи [11]. Происходит осознание последствий, которые привели бы к гибели человечество. «...Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований.

Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать». Эта картина была навеяна библейскими пророчествами и выполняла сразу две функции: во-первых, объясняла отказ героя от бесчеловечной теории и возможность его духовного возрождения, а, во-вторых, подводила итог всему философскому роману [3].

Целый ряд исследователей рассмотрели и вывели некую классификацию снов и отметили, что в романах Достоевского представлены сны-предчувствия, сны-воспоминания, сны-разоблачения, философские сны [10]. Назиров, один из исследователей, посвятивших сновидением в произведениях русских писателей свою большую работу, предложил условно разделить сны на иллюстративно-психологические и сюжетные [9]. Кроме того, Назиров приводит три основных функции сновидений персонажей: первая – возвращение в прошлое или попадание в будущее, вторая – сюжетообразующая функция, третья – самопознание героя, то есть изображение подсознания, психики [9]. Сновидения могут выполнять три функции одновременно. Нужно отметить, что сновидения для Достоевского являются одним из самых любимых приемов, вероятно потому, что этот прием позволяет показать человека, чья деятельность, чье существование показано с объективной точки зрения, но чей внутренний мир является интереснее и богаче того, что происходит с ним в реальной жизни. Сон упоминается в названии произведений Достоевского как минимум три раза – это «Дядюшкин сон», «Петербургские сновидения в стихах и прозе», «Сон смешного человека». Сны, которые видят герои романов Достоевского, очень разнообразны. А автор использует множество разновидностей снов, которые свидетельствуют о разных состояниях человека, его психики, его настроения. Это и бред, и галлюцинации, и полусон. Сущность сна очень точно определил герой романа «Преступление и наказание» Свидригайлов: «Сновидения – это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку

их не зачем видеть... Ну а чуть заболел... Тот час и начинается сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что, когда умрёт человек, то прямо перейдёт в другой мир». Таким образом, сон предстает своего рода посредником между душевным миром человека и каким-то другим миром, то есть он становится симптомом духовной болезни. Но Достоевский изображает не душевнобольных, а показывает людей, одержимых какой-либо идеей. В некоторых исследованиях Родион Раскольников назван «идейным» героем, и мы согласны с этим определением. Сон здесь играет очень важную роль. Назначение сна, в данном случае, выполняет функцию раскрытия особого психологического состояния героя не только через поступки, высказывания, отношение к нему других героев. Сны героев Достоевского метафоричны и загадочны, они содержат пророчества, они подталкивают героев к каким-то действиям [6]. Сны романа Достоевского требуют разгадки, потому что они являются частью бессознательного. Они могут представлять собой кошмар или бред, но по факту, они заставляют героя увидеть правду своего сердца. В одном из эпизодов главный герой Раскольников говорит Соне, что сон, который он увидел после своего преступления, объяснил ему, что он не должен был его совершать. В самом романе, если говорить о снах именно Раскольникова, их всего пять. Все они разнообразны по настроению и содержанию. Один из снов, в котором Раскольников убивает мёртвую старуху, является метафорическим, так обозначил его Кондратьев [7]. Во сне описывается вечер с яркой полной луной. Герой спешно идёт по улице, он находится в каком-то бессознательном состоянии, это будет перекликаться с тем, как Раскольников действительно идёт убивать старуху-процентщицу. Какой-то мещанин ведёт героя в квартиру старухи и затем исчезает, оставляя Раскольникова в пустой квартире, в окна которой глядит луна. Она привлекает внимание Раскольникова, в помещении становится все тише и тише, когда наступает абсолютная тишина раздаётся звук, который станет сбывшимся пророчеством. Раскольников будет бить топором деревянное тело старухи, во сне это происходит абсолютно сознательно. Старуха и так была мертва, убить её уже было невозможно. Отгадка этого сна придёт к Раскольникову потом, он выскажет Соне догадку, что его потащил черт, а только потом объяснил, что он не имел право туда ходить, герой не должен был совершать этого убийства. Раскольников сделает вывод, что черт посмеялся над ним, отсюда и смех старухи во сне, смех, который его страшно пугает, который звучит как бы вдруг, будто с того света. Сон этот является пророческим, в нём есть загадка и отгадка, он должен пониматься как отражение духовной смерти героя. Раскольников сам скажет, поскольку это понял: «Я себя убил таким разом и укукошил себя навеки». Сновидения в литературе изначально были тесно связаны с мифом, имеют с ним одну природу [5]. И мифы, и сны нуждаются в толковании. На мифы зачастую опирается устное народное творчество, собственно, сновидения тоже важнейший элемент фольклора. Они составляют важную часть некоторых жанров: сказок (спящие принцессы, например), былин (спящие богатыри) и других.

Выводы

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть роль сновидений в романах Ф.М. Достоевского, в частности в романе «Преступление и наказание». Мы пришли к выводу, что одно сновидение может выполнять несколько функций одновременно: служить средством психологической характеристики или выражения авторской точки зрения, они могут связывать прошлое и настоящее или двигать сюжет. Автор не даёт нам готовых решений, предлагая самим понять, чему служат сновидения в его романах.

Список источников

1. Анненский И. Мечтатели и избранник. Книги отражений. М., 1979. С. 232 – 248
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 167.
3. Буянова Е.Г. Романы Ф.М. Достоевского. М., 2002. С. 46.
4. Кадушина О.И. Сны преступника с «нежным сердцем»: поэтика пространственной организации сновидений Родиона Раскольникова // Уральский филологический вестник. № 4. С. 17 – 26.
5. Кадушина О.И. Миг «свободы» «приговоренного смерти»: поэтика пространственной организации первого сна Родиона Раскольникова // Актуальные проблемы филологии: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых. Екатеринбург, 22 апреля 2021 г. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2021. Вып. 22. С. 135 – 146.
6. Кондратьев Б.С. Сны в художественной системе Ф.М. Достоевского. Мифологический аспект. Арзамас, 2001. С. 41.
7. Кондратьев Б.С. О мифологической природе сновидений в творчестве Ф.М. Достоевского // Приволжский научный вестник. 2013. № 12 (28). Ч. 1. С. 100 – 102.
8. Макушина И.Н. Поэтика литературных сновидений // Университетские чтения – 2017: материалы научно-методических чтений ПГУ 12-17 января 2017 г. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2017. С. 42 – 47.

9. Назиров Р.Г. Реминисценции и парафраза в «Преступлении и наказании» // Достоевский. Материалы исследования. Л., 1976. С. 88 – 95.
10. Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. Саратов, 1982. С. 159.
11. Фридлиндер Г.М. «Идиот» // История русского романа: в 2 т. Т. 2. Л., 1964. С. 221 – 234.
12. Щенников Г.К. Функции снов в романах Достоевского // Художественное мышление М. Достоевского. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1978. С. 126 – 144.

References

1. Annensky I. Dreamers and the Chosen One. Books of Reflections. Moscow, 1979. P. 232 – 248
2. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow, 1972. 167 p.
3. Buyanova E.G. Novels by F.M. Dostoevsky. Moscow, 2002. 46 p.
4. Kadushina O.I. Dreams of a Criminal with a "Tender Heart": The Poetics of the Spatial Organization of Rodion Raskolnikov's Dreams. Ural Philological Bulletin. No. 4. P. 17 – 26.
5. Kadushina O.I. The Moment of "Freedom" of the "Sentenced to Death": The Poetics of the Spatial Organization of Rodion Raskolnikov's First Dream. Actual Problems of Philology: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. Ekaterinburg, April 22, 2021. Ekaterinburg: Ural. state ped. univ., 2021. Iss. 22. P. 135 – 146.
6. Kondratiev B.S. Dreams in the artistic system of F.M. Dostoevsky. Mythological aspect. Arzamas, 2001. 41 p.
7. Kondratiev B.S. On the mythological nature of dreams in the works of F.M. Dostoevsky. Privolzhsky scientific bulletin. 2013. No. 12 (28). Part 1. P. 100 – 102.
8. Makushina I.N. Poetics of literary dreams. University readings – 2017: materials of scientific and methodological readings of PSU on January 12-17, 2017. Pyatigorsk: PPU Publishing House, 2017. P. 42 – 47.
9. Nazirov R.G. Reminiscences and paraphrase in "Crime and Punishment". Dostoevsky. Research materials. L., 1976. P. 88 – 95.
10. Nazirov R.G. Creative principles of F.M. Dostoevsky. Saratov, 1982. 159 p.
11. Friedlander G.M. "The Idiot". History of the Russian novel: in 2 vol. Vol. 2. L., 1964. P. 221 – 234.
12. Shchennikov G.K. Functions of dreams in Dostoevsky's novels. Artistic thinking of M. Dostoevsky. Sverdlovsk: Sred.-Ural. book publishing house, 1978. P. 126 – 144.

Информация об авторах

Цахаева М.С., Дагестанский государственный университет, madyla93@mail.ru

Горбанева А.Н., Дагестанский государственный университет

© Цахаева М.С., Горбанева А.Н., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

УДК 821.161.1

¹ Лищенко Н.Ф.

¹ Псковский государственный университет

Миф об А.С. Пушкине в рунете: к вопросу о методологии исследования

Аннотация: в статье анализируются подходы к изучению современного бытования мифа об А.С. Пушкине. Особое внимание уделяется актуальным методологическим проблемам при изучении пушкинской мифологии в интернет среде. Научная новизна работы заключается в определении принципов изучения рецепции образа Пушкина пользователями интернета.

Ключевые слова: Пушкин, Пушкинский миф, мем, интернетлор

Для цитирования: Лищенко Н.Ф. Миф об А.С. Пушкине в рунете: к вопросу о методологии исследования // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 46–51.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Lischenko N.F.

¹ Pskov State University

The myth of A.S. Pushkin in Runet: on the issue of research methodology

Abstract: the article analyzes approaches to the study of the modern existence of the myth of A.S. Pushkin. Special attention is paid to the topical methodological problems in the study of Pushkin's mythology in the Internet environment. The scientific novelty of the work lies in determining the principles of studying the reception of Pushkin's image by Internet users.

Key words: Pushkin, Pushkin myth, memes, internetlor

For citation: Lischenko N.F. The myth of A.S. Pushkin in Runet: on the issue of research methodology. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 46–51.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: December 06, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

В последнее столетие гуманитарная мысль неоднократно обращалась к теме мифа и его функционирования в культурном сознании современности [7, с. 50-52]. Отдельное внимание уделялось пушкинскому мифу. Под этим понятием, согласно определению М.В. Загидуллиной, подразумевается «совокупность реакций национального масштаба на творчество и личность Александра Сергеевича Пушкина, в основе которых лежит признание его Первым Национальным Поэтом» [11, с. 9]. Имя А.С. Пушкина хорошо известно всем жителям в России: это хрестоматийный образ, активно используемый коллективным сознанием и рождающий бесконечное число интерпретаций. Причинами возникновения пушкинского (как и любого другого) мифа, как отмечает Загидулина, являются две важнейшие потребности любой нации: 1) потребность в самоидентификации; 2) потребность в воплощении сакрального. Пушкинский миф удовлетворяет обе эти потребности: во-первых, Пушкин – национальный символ, выразитель русского менталитета и, во-

вторых, Пушкин – поэт-пророк. Мифотворчество в отношении Пушкина, как доказано исследователями, создано и развивается по общим законам функционирования мифа. В частности, в связи с Пушкиным проводятся культовые практики: празднования памятных дат, сакрализация музеев, потомков, пушкинских мест. Пушкин признается национальной святыней в массах и воспринимается образом единения нации. Наконец, Пушкин становится инструментом манипуляции коллективным сознанием (шоколад «Пушкин» как маркетинговый ход, детские пушкинские рисунки на концерте Аниты Цой в год празднования 200-летия рождения поэта как антураж, свидетельствующий о причастности к русской классической поэзии, ряд примеров можно продолжить).

Начавший формироваться в литературе XIX в., пушкинский миф в современном социокультурном пространстве имеет ценность, сопоставимую с самим творчеством поэта [21, с. 201-207]. При этом пушкинский миф во многом опирается на биографию поэта. Литература активно использует мифологемы чудо-ребенка, сверчка (прозвище поэта), потомка африканца, пророка и др. В.И. Новиков в статье «Двадцать два мифа о Пушкине» приходит к выводу, что если представить все мифы о Пушкине как земной шар, то личность поэта окажется в центре него, равноудаленной от всей мифологии [19, с. 178-193].

Помимо литературного мифа об А.С. Пушкине, существует музейная и народная мифологии. Так, С.С. Гейченко создает музейный сакральное пушкинское пространство государственного музея-заповедника «Михайловское»: деревья, выдавшие Пушкина, баня, в которой он мылся, «Онегинская скамья», аллея Керн и так далее [8, 9].

Благодаря распространению в народной среде образования и включению А.С. Пушкина в школьные программы, в 1920-е гг. вышел в массовую среду (Анненкова, 1996. С. 75-109). В фольклорном сознании А.С. Пушкин – пляшущий, гуляющий, употребляющий «крепкое словцо», играющий в карты – живой, свой, истинно народный поэт [17, с. 26-34].

Одним из убедительных свидетельств масштабной известности А.С. Пушкина и народной любви к нему сегодня является его востребованность интернет пользователями (Кто же в России...). В русскоязычном сегменте интернет среды (рунете) распространены мемы о Пушкине, анекдоты, мотиваторы и демотиваторы и другие формы интернет-творчества. Наблюдаемая тенденция функционирования пушкинского мифа в рунете обуславливает актуальность настоящего исследования, научная новизна которого заключается в поиске методов изучения рецепции образа Пушкина пользователями интернета.

Задачи исследования:

- описать подходы к изучению функционирования мифа в рунете,
- определить актуальные методологические проблемы при изучении,
- обозначить возможные принципы отбора текстов для исследования.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили интернет-ресурсы: сайты и социальные сети («Одноклассники», «ВКонтакте», «Пикабу»). Теоретическую базу исследования составляют работы Е.М. Мелетинского, М. Элиаде, М.М. Бахтина, К. Леви-Стросса, К.Г. Юнга, Дж. Кэмпбелл, С.Ю. Неклюдова, Р. Докинза. Практическая значимость заключается в определении методов и подходов изучения современного мифотворчества в интернет среде.

Результаты и обсуждения

Один из методов изучения репрезентации образа А.С. Пушкина в интернете демонстрируют В.И. Абрамова и Ю.В. Архангельская, анализируя биографическую составляющую рецепции образа А.С. Пушкина в рунете. Исследователи справедливо отмечают, что в русскоязычном сегменте сети Интернет представлены уже укоренившиеся в отечественной культуре пушкинские мифологемы: потомок африканца; первый русский лицеист; Пушкин и няня; любвеобильный человек; Болдинская осень; Пушкин и Натали; Пушкин-дуэлянт; последняя дуэль (Пушкин и Дантес). В целом пушкинские мифологемы, используемые в рунете, соотносятся с биографическими фактами о жизни поэта [1, с. 357-361]. Интернет миф о Пушкине в этом отношении сопоставим с литературным мифом о поэте, но не ограничивается им. В поле пушкинской интернет мифологии также входят, во-первых, хрестоматийные тексты А.С. Пушкина, во-вторых, тексты культуры (искусства) об А.С. Пушкине. В качестве часто используемых можно назвать пушкинские портреты О.А. Кипринского (рис. 1), пролог к поэме «Руслан и Людмила» (1820 г.), стихотворения «Осень» (1833 г.) (рис. 2) и «Я помню чудное мгновение» (1825 г.), роман «Евгений Онегин» (рис. 3), поэма «Медный всадник» (1833 г.) и другие, что требует дополнительного исследования.

Когда речь идет о формах выражения современной мифологии в интернет среде, возникает определенная терминологическая проблема. Так, В.И. Абрамова и Ю.В. Архангельская отмечают, что репрезентантам образа А.С. Пушкина в рунете являются креолизованные тексты, интернет-презентемы, мемы, мотива-

торы, демотиваторы, сетевые анекдоты, стишки-пирожки. В данном исследовательском подходе понятие «мем» разводится с другими форматами интернет-сообщений, этот термин используется в «узком» значении «комплексного феномена интернет коммуникации, представляющего собой целостную, завершённую единицу, с текстом и картинкой в квадратной рамке» [13]. В исконном значении термин «мем» имеет двойную этимологию: от греческого *mimeme* («подражать», «подобие») и от английского *memory* («память»). Автор термина «мем» («мим») английский биолог Ричард Докинз пришел к мысли о том, что процесс биологической эволюции, в которую включены ДНК, гены и живые организмы, не единственный на Земле. Человек является свидетелем и участником эволюции другого рода – развития культуры. Носители информации меняются и приспособляются, имитируя самые удачные образцы. Носителями такой информации, аналогичными гену в биологической эволюции, Ричард Докинз назвал «мемы» («мимы»): «Примерами мимов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мимы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [13, с. 110]. Итак, понятие «мем» в первоначальном значении можно назвать «широким»: оно связано одновременно с памятью и способностью меняться, имитировать, мимикрировать и не ограничивается формой «мема» в «узком» смысле этого слова, а может существовать во многих других формах: картинки, фразы, сленга, демотиватора (картинки с подписью), гифки, коуба, ролика или даже движения, переходящие из онлайн-среды в офлайн [14, с. 219-235].

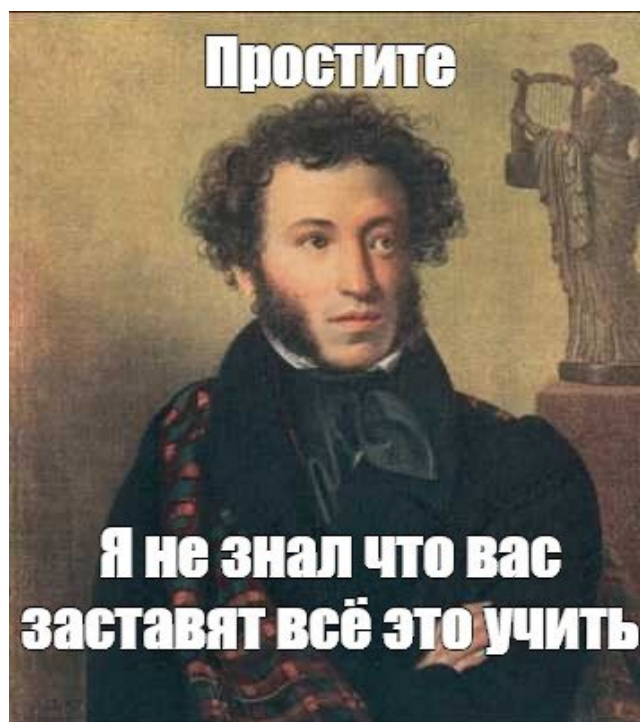

Рис. 1. Портрет А.С. Пушкина авторства О.А. Кипринского в форме мема.
Fig. 1. Portrait of A.S. Pushkin by O.A. Kiprinsky in the form of a meme.

Кроме того, исходя из определения Докинза, термин «мем» («мим») применим не только к интернет коммуникации, но и к письменной, устной, вербальной, невербальной, непосредственной и опосредованной, официальной, формальной и неформальной, познавательной, убеждающей, экспрессивной, суггестивной, ритуальной, речевой, паралингвистической, вещественно-знаковой и т.д. Мему свойственны такие черты, как вирусность (способность быстро распространяться), реплицируемость (способность воспроизводиться, размножаться), серийность (способность образовывать серии), эмоциональность (способность передавать эмоции и апеллировать к ним), минимализм формы, полимодальность (сочетание вербального и визуального каналов коммуникации), актуальность (привязанность к конкретному социальному и культурному контексту), юмор, фантазийный характер (игровое начало), медийность (визуализированность, анонимность, детабуизация) и мимикрия (подражание различным жанрам: карикатуре, плакату, комиксу и т.д.) [13]. Интернет-мем формирует определенные когнитивное поле [13]. Популярность и распространенность опреде-

ленного мема зависит как от личностных качеств человека, его распространяющего, так и от социокультурной среды. Таким образом, интернет-мемы имеют схожие черты с коммуникацией в среде устной культуры (использование клише, воспроизведение в изменяемых копиях, анонимность), однако от традиционного устного народного творчества отличаются отсутствием патриархальных свойств. Такие явления определяют, как «интернет-фольклор» [2, 6], сетевой фольклор или «интернетлор» [20]. Тексты интернетлора относят к постфольклору, который, как правило, идеологически маргинален и фрагментирован в соответствии с профессиональными, социальными, возрастными и иными расслоениями общества.носителем постфольклора в основном является житель города. Исследуя пушкинский миф в рунете, мы имеем дело с одной стороны, с мемом в «широком» понятии Р. Докинза, с другой стороны, с постфольклором.

Рис. 2. Иллюстрация к стихотворению А.С. Пушкина «Осень» (1833 г.).
Fig. 2. Illustration for the poem by A.S. Pushkin “Autumn” (1833).

Рис. 3. Иллюстрация к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин».
Fig. 3. Illustration for the novel by A.S. Pushkin “Eugene Onegin”.

Актуален вопрос о применимости такого базового фольклористического метода как паспортизация текста, предполагающая информацию об информанте и географии текста, представить которых в интернет пространстве не всегда возможно. Скорее можем вести речь об определенных сегментах рунета: сайты (например, «Пикабу») и социальные сети. Последние в современной культуре более популярны, при этом

неоднородны по аудитории. По данным исследовательской компании Mediascope, в 2024 году самой популярной соцсетью является Telegram, им пользуются 91% россиян для общения с друзьями и близкими (70%), чтения новостей (56%) и работы (35%). Второй по популярности является «ВКонтакте», охватывающая ежемесячно 85% аудитории, на третьем месте – TikTok (44% аудитории). У «ВКонтакте», Telegram и TikTok, как отмечает Mediascope, сходные по составу аудитории, которые в целом близки к среднему жителю России.

Внутри социальной сети речь может идти также об определенных комьюнити, объединенных общими интересами. Например, паблик «Пушкин-наше ВСЕ!» в «ВКонтакте», насчитывающий на 24.11.2024 г. 456 подписчиков можно более точно описать по составу участников. Следовательно, фольклористический принцип локального изучения традиции применим и к исследованию интернетлора. При этом следует учитывать, что пользователями как сайтов, так и социальных сетей могут выступать не только жители России, но и других стран. Поэтому понятие «рунета» свидетельствует не столько о географическом признаке, сколько языковым: речь идет о русскоязычном контенте (русском тексте).

Выводы

Мир интернета сегодня дискретен (фрагментарный, прерывистый, дробный и максимально персонифицированный) и А.С. Пушкин в современном рунете весьма многообразен. При этом поэт остается узнаваемым, то есть имеет определенный набор устойчивых характеристик, отражающих память о нашем герое, систему ценностных ориентаций и стереотипы общества. Среди актуальных примеров – юмористический рассказ о Пушкине как создателе биткойна на «Пикабу», где проявляется ирония над Пушкиным как героем-демиургом. В современных реалиях Пушкин становится героем-трикстером, что отражает и фольклорный миф о поэте, организованный по законам карнавальная культура [4, с. 8-9]. Не случайно, говоря о юбилейных ритуальных практиках в отношении А.С. Пушкина, М.В. Загидуллина подчеркивает травестированность формы их освещения [11, 12].

Список источников

1. Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Пушкинский миф в фольклоре рунета: биографический аспект // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4 (49). С. 357 – 361.
2. Алексеевский М.Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность). URL: mdalekseevsky.narod.ru/alekseevsky-congress.pdf (дата обращения: 13.08.2024).
3. Анненкова А.А. Пушкин в «простонародном сознании» // Московский пушкинист: Ежегодный сборник. 1996. Вып. 3. С. 75 – 109.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Азбука, 2021. 640 с.
5. В Mediascope назвали соцсети-лидеры по аудитории в России. URL: <https://secrets.tinkoff.ru/novosti/popularnie-socsety-v-rossii/> (дата обращения: 22.08.2024).
6. Власова Г.И. Интернет-поздравления как жанр постфольклора // Интернет и фольклор: сб. ст. 2009. С. 284 – 301.
7. Галанина Е.В. Миф как феномен современной культуры // Вестник Томского государственного университета. Культурология. 2007. № 305. С. 50 – 52.
8. Гейченко С.С. Пушкиногорье. М.: Молодая гвардия, 1981. 280 с.
9. Гейченко С.С. У Лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. Л.: Лениздат, 1986. 494 с.
10. Докинз Р. Эгоистичный ген. Litres. 2016. 610 с.
11. Загидуллина М.В. Культуртрегерская деятельность СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2009. № 1. С. 18 – 21.
12. Загидуллина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск, 2001. 244 с.
13. Канашина С.В. Что такое интернет мем // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-internet-mem/viewer> (дата обращения: 28.10.2024).
14. Колозариди П. Мем о бесславии // Логос. 2016. Т. 26. № 6 (115). С. 219 – 235.
15. Кто же в России не поверит и не прислушается к Пушкину? Мемы, блоги, пародии как свидетельства народной любви. URL: https://mel.fm/ucheba/uchitelya/9875206-pushkin_memes (дата обращения: 24.10.2024).
16. Ланская Ю.С. Американские «Bogus Warnings» («ложные предупреждения об опасности») и российские «письма несчастья» // Интернет и фольклор: сб. ст. М., 2009. С. 158 – 169.
17. Лищенко Н.Ф. Репрезентация образа А.С. Пушкина в фольклорном дискурсе цифровой эпохи (на материале Пушкиногорья) // Русская словесность. 2024. № 5. С. 26 – 34.
18. Неклюдов С.Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2 – 4.

19. Новиков В. Двадцать два мифа о Пушкине // *Время и мы*. 1999. № 143. С. 178 – 193.
20. Хоруженко Т.И., Граматчикова Н.Б. Постфольклор и интернетлор. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та., 2017. 62 с.
21. Шеметова Т.Г. Пушкинский миф: функционирование в современной литературе // *Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия*. 2010. С. 201 – 207.

References

1. Abramova V.I., Arkhangelskaya Yu.V. Pushkin's myth in the folklore of the Runet: a biographical aspect. *Scientific notes of the Novgorod state university*. 2023. No. 4 (49). P. 357 – 361.
2. Alekseevsky M.D. Internet in folklore or folklore on the Internet? (Modern folklore studies and virtual reality). URL: mdalekseevsky.narod.ru/alekseevsky-congress.pdf (date of access: 13.08.2024).
3. Annenkova A.A. Pushkin in the "common consciousness". *Moscow Pushkinist: Annual collection*. 1996. Iss. 3. P. 75 – 109.
4. Bakhtin M.M. *The Works of Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: Azbuka, 2021. 640 p.
5. Mediascope Named the Social Networks That Are the Leading in Audiences in Russia. URL: <https://secrets.tinkoff.ru/novosti/popularnie-socsety-v-rossii/> (date of access: 22.08.2024).
6. Vlasova G.I. Internet Congratulations as a Post-Folklore Genre. *Internet and Folklore: Collection of Articles*. 2009. P. 284 – 301.
7. Galanina E.V. Myth as a Phenomenon of Contemporary Culture. *Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies*. 2007. No. 305. P. 50 – 52.
8. Geychenko S.S. *Pushkinogorye*. M.: Molodaya Gvardiya, 1981. 280 p.
9. Geychenko S.S. *At Lukomorye: Stories of the Keeper of the Pushkin Reserve*. L: Lenizdat, 1986. 494 p.
10. Dawkins R. *The Selfish Gene*. Litres. 2016. 610 p.
11. Zagidullina M.V. Cultural activities of the media. *Sign: problematic field of media education*. 2009. No. 1. P. 18 – 21.
12. Zagidullina M.V. *Pushkin myth at the end of the 20th century*. Chelyabinsk, 2001. 244 p.
13. Kanashina S.V. What is an Internet meme. *Issues of journalism, pedagogy, linguistics*. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-internet-mem/viewer> (date of access: 28.10.2024).
14. Kolozaridi P. Meme about infamy. *Logos*. 2016. Vol. 26. No. 6 (115). P. 219 – 235.
15. Who in Russia will not believe and listen to Pushkin? Memes, blogs, parodies as evidence of people's love. URL: https://mel.fm/ucheba/uchitelya/9875206-pushkin_memes (date of access: 24.10.2024).
16. Lanskaya Yu.S. American "Bogus Warnings" and Russian "Letters of Misfortune". *Internet and Folklore: Coll. Art. Moscow*, 2009. P. 158 – 169.
17. Lishchenko N.F. Representation of the Image of A.S. Pushkin in the Folklore Discourse of the Digital Age (Based on the Materials of Pushkinogorye). *Russkaya Literaturnost*. 2024. No. 5. P. 26 – 34.
18. Neklyudov S.Yu. *After Folklore. Zhivaya Antiina*. 1995. No. 1. P. 2 – 4.
19. Novikov V. Twenty-two Myths about Pushkin. *Vremya i Me*. 1999. No. 143. P. 178 – 193.
20. Khoruzhenko T.I., Gramatchikova N.B. *Postfolklore and Internetlore*. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2017. 62 p.
21. Shemetova T.G. Pushkin's myth: functioning in modern literature. *Bulletin of the Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy*. 2010. P. 201 – 207.

Информация об авторах

Лищенко Н.Ф., кандидат филологических наук, Псковский государственный университет, nadezhdalishenko@yandex.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский язык) (филологические науки)
УДК 81.11

¹ Лукманова З.М., ¹ Кадачиева Х.М.

¹ Дагестанский государственный университет

Когнитивные характеристики процесса сокращения в англоязычном медийном дискурсе

Аннотация: статья посвящена исследованию сокращения как когнитивного процесса в англоязычном медийном дискурсе. В современном мире языки тесно взаимосвязаны с развитием социума – носителя данного языка. В этой связи сокращение как непрерывный процесс языковой экономии является одним из самых высокочастотных феноменов современного состояния английского языка. Следуя новой модели ускорения ритма жизни, прогресса, речевые модели слов и предложений могут меняться в зависимости от потребностей говорящего и реципиента. На современном этапе развития английского языка сокращение – широко распространенное явление на всех уровнях языка и речи.

Примерно 90% всей англоязычной лексики претерпевает изменения в этой связи, причем сокращаются речевые формулы как в письменной, так и в устной форме. Особую актуальность данное исследование приобретает при анализе сокращений на когнитивном уровне и в качестве когнитивного механизма выражения мысли. Особый интерес представляют процессы сокращения в англоязычном медийном дискурсе, который является объектом данного исследования.

Цель статьи заключается в изучении основных когнитивных механизмов, сопутствующих проявлению процесса сокращения в англоязычном медийном дискурсе. Эта цель, в свою очередь, предполагает реализацию следующих задач: анализ основных когнитивных механизмов, предполагающих действие закона языковой экономии в английском языке; определение природы сокращений в языке; исследование структурных типов сокращений, наиболее часто используемых в англоязычном медийном дискурсе; выявление когнитивных механизмов, способствующих процессу сокращения на синтаксическом уровне. Статья представляет интерес для аспирантов и преподавателей, исследующих принципы языковой экономии в современном английском языке.

Ключевые слова: когнитивные механизмы, сокращение, англоязычный медийный дискурс, принцип языковой экономии

Для цитирования: Лукманова З.М., Кадачиева Х.М. Когнитивные характеристики процесса сокращения в англоязычном медийном дискурсе // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 52 – 56.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Lukmanova Z.M., ¹ Kadachieva Kh.M.

¹ Daghestan State University

Cognitive features of the abbreviation process in English media discourse

Abstract: the article is devoted to the study of abbreviation as a cognitive process in the English-language media discourse. In the modern world, languages are closely interconnected with the development of society - the native speaker of a given language. In this regard, abbreviation as a continuous process of linguistic economy is one of the most frequent phenomena of the current state of the English language. Following the new model of accelerating the rhythm of life, progress, speech patterns of words and sentences can change depending on the needs of the speaker

and the recipient. At the current stage of development of the English language, abbreviation is a widespread phenomenon at all levels of language and speech.

Approximately 90% of all English-language vocabulary undergoes changes in this regard, and speech formulas are abbreviated both in written and oral form. This study acquires particular relevance when analyzing abbreviations at the cognitive level and as a cognitive mechanism for expressing thoughts. The processes of abbreviation in the English-language media discourse, which is the object of this study, are of particular interest.

The aim of the article is to study the main cognitive mechanisms accompanying the manifestation of the process of reduction in the English-language media discourse. This aim, in turn, involves the implementation of the following tasks: analysis of the main cognitive mechanisms that suggest the action of the law of linguistic economy in the English language; determination of the nature of abbreviations in the language; study of the structural types of abbreviations most frequently used in the English-language media discourse; identification of cognitive mechanisms that facilitate the process of reduction at the syntactic level. The article is of interest to graduate students and teachers studying the principles of linguistic economy in modern English.

Keywords: cognitive mechanisms, abbreviation, English media discourse, the principle of speech economy

For citation: Lukmanova Z.M., Kadachieva Kh.M. Cognitive features of the abbreviation process in English media discourse. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 52 – 56.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: December 06, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

В данной статье мы исследуем различные типы аббревиатур (340 примеров), полученных в результате сплошной выборки из медийных текстов на английском языке, рассматриваем контексты когнитивных механизмов сокращения на синтаксическом уровне (70 случаев). При этом применяются описательный метод исследования, метод дешифровки, контекстуальный метод, методы семного, компонентного и когнитивного анализа.

Известно, что в современном английском языке существует тенденция к упрощению системы языка. В этой связи экономия языковых средств в медийном дискурсе английского языка полностью подтверждает эту тенденцию в виде сокращенных формул, преследующих своей целью создание кратких обозначений или синтаксических конструкций под воздействием когнитивных механизмов. В данном исследовании мы постараемся показать основные механизмы воздействия закона языковой экономии на новые формулы сокращения в рамках когнитивных процессов, происходящих в ментальном сознании носителей английского языка.

Материалы и методы исследований

Как известно, когнитивная лингвистика утверждает, что ментальное отражение действительности, происходящее в сознании индивида, возможно исследовать с помощью прямой взаимосвязи его с языком, при этом связь между ментальным сознанием носителей данной культуры напрямую взаимосвязана с процессами отражения ими окружающей действительности в сокращенной форме.

Цель когнитивной лингвистики – описать порядок возникновения и прохождения процессов восприятия реального мира, его дальнейшей категоризации или классификации в рамках того, как отражается мир данным этносом и носителями данной культуры [6, с. 12].

Кроме того, с помощью когнитивной лингвистики имеется возможность провести комплексный анализ лексем и сопутствующих им в речи элементов языка, которые позволяют разделить данные лексемы как относящиеся к определенному социуму и отличающиеся в силу этого от подобных слов в других культурах [8, с. 94]. Более того, именно в силу различных когнитивных механизмов, протекающих в сознании представителей данной лингвокультуры, возможно образование сокращенных форм от всем известных речевых формул, принятых в данном социуме.

Методологическая взаимосвязь когнитивной лингвистики с лингвистической семантикой дает возможность стремительно развиваться ее семантическому аспекту в рамках когнитивного направления лингвистики.

По мнению В.Г. Костомарова, действие закона экономии языковых средств, прежде всего, выражается в языке в процессе образования новых, сокращенных слов при помощи разнообразных морфологических и синтаксических приемов, каковыми являются, например, стяжение, блендинг, компрессия синтаксических структур и др. [5, с. 47].

В. Уитней полагает, что закон языковой экономии – это один из главных векторов развития языка, ибо данный закон является результатом общепринятой и широко используемой в языке и речи тенденции к сокращению слов, при котором смысл высказывания кратко записывается и не теряется [11, с. 147].

Результаты и обсуждения

Сегодня, в век новейших технологий и цифровизации, закон языковой экономии действует как никогда раньше. Англоязычный социум стремится отразить в языке и речи стремительный темп своего развития, используя более сжатые, сокращенные формулы вместо обычных, общепринятых. Порой такие сокращения невозможно расшифровать даже в контексте, для этого необходимы знания энциклопедического или страноведческого характера. Особенно это касается медицинских терминов, профессиональных слов и выражений, а также – прозвищ и паремий интернационального характера.

Точно также в газетных текстах на английском языке авторы публикаций используют сокращения, так сказать, на современный лад, имея в виду компрессию как наиболее распространенную в мемах и рекламных продуктах форму сокращения [9, с. 68]. Этот выбор в пользу компрессии значительно оправдывается сжатой формой изложения, удобством размещения (особенно рекламного текста), а также – быстротой и лаконичностью выдаваемой информации. С помощью языковой компрессии появляется возможность достаточно сжато передать значение двух или более синтагм, что значительно облегчает процесс речевой коммуникации и, в то же время, экономит время на само общение с адресатом, которому понятно значение нового сокращенного слова.

Закон языковой экономии отражает различные уровни модификации в языке, при которой возможно более компактно выражать мысль при помощи минимального количества знаков.

Отсюда следует, что языковая экономия – это один из важнейших и основополагающих мотиваторов естественного развития английского языка.

Выводы

Наш подсчет случаев использования сокращения в английском медийном дискурсе показывает, что наиболее популярными в этом текстовом жанре являются акронимы и инициализмы. Менее популярны, почти в два раза, в указанном дискурсе контрактуры и усечения. Менее всего обнаружены случаи использования сокращенных формул по грамматическому признаку.

Сокращения представляют собой ресурс для пополнения словарного состава языка, так как каждый раз возникает новое (сокращенное) слово, которое в скором времени закрепляется в языке и речи и со временем вытесняет исходное словосочетание с таким же смыслом. Особенно это актуально в медийном дискурсе, где современная лексика все время пополняется новыми терминами и вызванными необходимостью компрессии новыми сокращениями. Таким образом, происходит постоянная качественная перестройка вокабуляра с учетом новых сокращений. Важно отметить, что ряд подобных сокращений уже прочно вошел в современные англоязычные толковые словари как полноценные слова с пометой о различных частях речи, что говорит о том, что английский язык постоянно развивается и пополняется именно за счет закона языковой экономии.

Другим достаточно распространенным видом сокращений, функционирующим в рамках когнитивных механизмов, является компрессия. Этот процесс, в отличие от морфологических способов сокращения, представляет собой упрощенное высказывание с сохранением того же смысла и с минимальным наполнением смысловой конструкции, которое производится с учетом требований синтаксиса данного языкового этноса и в рамках действия закона речевой экономии.

Суть данного процесса заключается в том, что сокращение синтаксической конструкции высказывания передается при помощи ключевых слов высказывания, часто – с сопровождением невербальных способов выражения мысли. В любом случае, следует помнить о принятой в данном языке речевой норме и правилах составления синтаксических конструкций, их связи с исходным текстом [10, с. 70].

Есть мнение о том, что компрессия – это самый удобный способ для сокращения любых элементов языка, и для любой речевой ситуации [3].

В то же время, считается, что компрессия не меняет сути той полной синтаксической конструкции, из которой вывели краткое высказывание, а значит, компрессия реализуется при помощи различных уровней форм языка, передающих одинаковую в краткой форме смысловую информацию [7, с. 123].

Мы согласны с данным определением компрессии и, вслед за авторами этих слов, полагаем, что компрессия полностью передает все основные языковые признаки исходного словосочетания в сокращенном слове, сохраняя при этом и семантические оттенки высказывания в новоиспеченном слове.

Компрессию следует также считать и базовой когнитивной процедурой, которая формирует процесс сокращения информации в виде сокращения языковых знаков. В нашей выборке практически 50% случаев содержат пример компрессии. Например:

They'd rather be nice to their enemies in case they'd had forgiven all the previous actions in Gaza (The Times, December 15, 2023);

It'd be the most unprecedented regime in the history of the country (The Guardian, September 20, 2023).

Наряду с указанным процессом компрессии существуют и другие механизмы сокращения в языке. Например, эллиптические конструкции, которые также используют минимальную форму при максимальной информативности, особенно когда речь идет о опущении служебных слов, без которых нет угрозы потерять смысл всего высказывания. Данный тип сокращения широко используется в различных речевых жанрах, но в последние десятилетия также распространился на язык прессы.

В нашей выборке они составили 22% (16 примеров):

Could he give any? (answers) – No! It'd be incredulous! (The Guardian, April 27, 2023);

... and it's not the way they usually took it – they always did ... (The Times, November 11, 2023).

Еще одним средством языковой компрессии служит парцелляция (12 примеров). Большинство лингвистов сходятся во мнении о том, что в языке современной английской прессы отчетливо просматривается тенденция к все большему использованию сокращенных слов и синтаксических конструкций в медийных текстах [1, с. 184]. Следует также отметить, что в американской прессе парцелляция используется значительно чаще, по сравнению с британской. Мы полагаем этот факт объясняется действием американского варианта английского языка как более упрощенного и удобного для англоязычного читателя.

Например, можно проследить этот процесс в парцеллированных конструкциях (мы насчитали таких конструкций 18%) типа:

... And art never dies (The Guardian, May 15, 2023);

Every day. Everywhere and forever (The Times, December 25, 2023).

Чаще всего прием парцелляции встречается в речи политических или общественных деятелей, особенно в форме интервью.

Еще одним важным компонентом когнитивного процесса сокращения можно назвать процесс инференции, или дешифровки сокращенного слова. Механизм инференции предполагает переработку известной информации с учетом опыта и интуиции реципиента.

Особенно это заметно в ставших сейчас популярными в медиа Интернет-мемах, расшифровку которых невозможно произвести без специальных знаний, чаще всего, страноведческого характера. Выборка включает 10% примеров инференции (7 примеров):

It's Supertuesday and I'm going to Florida (www.memegenerator.net);

DUI – driving under influence – вождение в нетрезвом состоянии:

A number of new taxes had been imposed since the DUI was registered several times in Toronto (The Guardian, January 28, 2023).

Механизм инференции включает в себя как сокращение определенных синтаксических структур, так и отказ от тех компонентов высказывания, которые можно восстановить из контекста без потери основной идеи.

Следовательно, компрессия является своеобразным инструментом для экономии языковых средств посредством сокращения. При этом происходит кодирование информации, то есть сжатие ее до сокращенных буквенных знаков, происходящее при помощи инференции или декодирования, и способствующее возникновению разнообразных интерпретаций данного сокращения (таблица 1).

Таблица 1

Синтаксические средства выражения языковой экономии в англоязычном медийном дискурсе.

Table 1

Syntactic means of expressing linguistic economy in English-language media discourse.

№ п/п	Наименование процесса	Количество (%)
1	Компрессия	52
2	Эллипсис	20
3	Парцелляция	16
4	Инференция	12

Таким образом, важнейшими в процессе действия закона языковой экономии когнитивными механизмами в англоязычном медийном дискурсе являются компрессия, инференция, эллипсис и парцелляция.

Наиболее распространенным способом производства сокращений при воздействии принципа языковой экономии в англоязычном медийном дискурсе выступает компрессия. Безусловно, когнитивные механизмы сокращения требуют своего дальнейшего исследования, с учетом способов экономичной передачи речевых

сигналов и изучения разнообразных средств языковой компрессии. язык современной англоязычной прессы и периодики как нельзя лучше отражает динамику развития и употребления сокращения как когнитивного механизма и указывает на лингвокультурную специфику английского этноса при отражении носителями языка тех продуктивных формул ментального сознания, которые приводят к сокращению речевых моделей без ущерба для смысла.

Список источников

1. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 278 с.
2. Головач О.А. Принцип экономии в лингвистике // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 3. С. 137 – 139.
3. Кармазина К.Г. Усечение как способ компрессивного словообразования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (31). С. 107 – 111.
4. Конопкина Е.С. Контаминация в современном английском языке: структура, семантика, прагматика // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 8. Филология. Искусствоведение. Вып. 51. С. 88 – 93.
5. Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 412 с.
6. Маслова А.В. Лингвокультурология. М.: Наука, 2001. 362 с.
7. Панченко А.И. Труды по общему языкознанию и русскому языку / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 2. 848 с.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2005. 289 с.
9. Шамак И.А., Красноперова Ю.В. Лексические средства реализации принципа экономии в языке (на материале англоязычной прессы) // Амурский научный вестник. 2022. № 3. С. 67 – 73.
10. Шагланова Е.А. Использование иноязычных слов в компрессии текста // Вестник БГУ. 2013. № 11. С. 70 – 75.
11. Whitney W.D. Language and the Study of Language: Twelve Lectures on the Principles of Linguistic Science. NY: Falcon, 2012. 356 p.

References

1. Valgina N.S. Text Theory. Moscow: Logos, 2003. 278 p.
2. Golovach O.A. The Principle of Economy in Linguistics. Vector of Science of Togliatti State University. 2011. No. 3. P. 137 – 139.
3. Karmazina K.G. Truncation as a Method of Compressive Word Formation. Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research. 2021. No. 2 (31). P. 107 – 111.
4. Konopkina E.S. Contamination in Modern English: Structure, Semantics, Pragmatics. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2010. No. 8. Philology. Art Criticism. Iss. 51. P. 88 – 93.
5. Kostomarov V.G. Language and Culture. Moscow: Indrik, 2005. 412 p.
6. Maslova A.V. Lingvoculturology. Moscow: Nauka, 2001. 362 p.
7. Panchenko A.I. Works on General Linguistics and the Russian Language. Ed. by E.A. Zemskaya, S.M. Kuzmina. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2007. Vol. 2. 848 p.
8. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive Linguistics. Moscow: AST: “East-West”, 2005. 289 p.
9. Shamak I.A., Krasnoperova Yu.V. Lexical means of implementing the principle of economy in language (based on the English-language press). Amur Scientific Bulletin. 2022. No. 3. P. 67 – 73.
10. Shaglanova E.A. Using foreign words in text compression. BSU Bulletin. 2013. No. 11. P. 70 – 75.
11. Whitney W.D. Language and the Study of Language: Twelve Lectures on the Principles of Linguistic Science. NY: Falcon, 2012. 356 p.

Информация об авторах

Лукманова З.М., Дагестанский государственный университет

Кадачиева Х.М., кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, Дагестанский государственный университет

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1:159.9:364.62

¹ Малханова Л.М.

¹ Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова

Ассоциативное поле «завтра»: на материале современного русского языка

Аннотация: в статье рассматривается ассоциативное поле понятия «завтра» в современном русском языке, основанное на результатах двух этапов экспериментов: ненаправленного и направленного ассоциативного. Исследование охватывает 407 респондентов различных социальных и возрастных групп, позволяя глубже понять, как формируются представления о будущем в русском языковом сознании. Ассоциативный анализ, основанный на методике, предложенной Поповой З.Д. и Стерниным И.А., состоял из двух этапов (свободного и направленного). Ненаправленный эксперимент выявляет ключевые семантические единицы, где ядром ассоциативного поля становится сема «следующий день». Направленный эксперимент подтверждает взаимосвязь понятия «завтра» с утренним временем и ближайшим будущим, что подчеркивает его значимость в повседневной жизни.

Полученные данные показывают, что восприятие «завтра» обогащено не только хронологическими аспектами, но также эмоциональными ожиданиями и личными переживаниями, что может указывать на феномен прокрастинации. Статья выделяет когнитивные признаки и выводит структуру понятия, в которой определяются ближние и дальние периферии смыслов, связанных с личным опытом участников. Это исследование подчеркивает необходимость интеграции качественных и количественных методов в психолингвистических исследованиях, открывая новые горизонты для понимания культурных и социальных аспектов восприятия времени в современном обществе, а также расширяя лексикографические определения термина.

Ключевые слова: ассоциативное поле, понятие «завтра», семантический анализ, ассоциативный эксперимент, ассоциации, семантема, восприятие времени, структура поля

Для цитирования: Малханова Л.М. Ассоциативное поле «завтра»: на материале современного русского языка // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 57 – 62.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Malkhanova L.M.

¹ Banzarov Buryat State University

Associative field “zavtra”: based on the material of the modern Russian language

Abstract: the article examines the associative field of the concept of "zavtra" in modern Russian, based on the results of undirected and directed associative experiments. The study covers 407 respondents of various social and age groups, allowing for a deeper understanding of how ideas about the future are formed in the Russian linguistic consciousness. Associative analysis, based on the methodology proposed by Popova Z.D. and Sternin I.A., consisted of two stages (free and directed). The undirected experiment reveals key semantic units, where the core of the associative field is the seme "next day". The directed experiment confirms the relationship of the concept of "zavtra" with morning time and the near future, which emphasizes its importance in everyday life. The data obtained show that the perception of "zavtra" is enriched not only with chronological aspects, but also with emotional

expectations and personal experiences, which may indicate the phenomenon of procrastination. The article highlights cognitive features and derives a conceptual structure that identifies near and far peripheries of meanings related to the participants' personal experiences. This study highlights the need to integrate qualitative and quantitative methods in psycholinguistic research, opening new horizons for understanding the cultural and social aspects of time perception in modern society, as well as expanding the lexicographic definitions of the term.

Keywords: *associative field, concept of "zavtra", semantic analysis, associative experiment, associations, semanteme, perception of time, field structure*

For citation: Malkhanova L.M. Associative field "zavtra": based on the material of the modern Russian language. *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 57 – 62.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: December 06, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Семантические исследования понятий занимают важное место в языковедческой науке, предоставляя уникальную возможность для глубокого анализа связи между языковыми формами и человеческим восприятием, мышлением, а также культурным контекстом. Понятие «завтра» выступает центральным элементом в области семантики и психолингвистики [5, с. 89], ассоциируясь не только с временными категориями, но и с широким спектром эмоций, ожиданий и предвкушений, связанных с будущим. Ввиду возрастающего интереса к взаимосвязям между языком и сознанием, данное исследование представляет собой актуальный шаг к пониманию того, как различные культурные и социальные факторы формируют восприятие будущего и влияют на повседневную жизнь.

Материалы и методы исследований

Как отмечает Рахилина Е.В., семантическая структура слов, (включая «завтра»), основана на сложном взаимодействии между языковыми формами и реальностью, что демонстрирует проекцию действительности в семантику языка [7, с. 282]. Это подчеркивает, что различные способы описания такого понятия, как «завтра», дают возможность постичь закономерности осмысления временной абстракции, когнитивные процессы, отражающие восприятие будущего. В своих исследованиях Яковлева также указывает, что языковые формы не просто отражают реальность, но и активным образом участвуют в её формировании, подчеркивая значимость изучения семантики в контексте культурной и социальной среды [10, с. 196].

В рамках семантического анализа слова «завтра» рассматривалась не только специфика обозначения временного отрезка, но и многослойная семантическая структура, интегрирующая как образные, так и аксиологические компоненты. Важно отметить, что подход, основанный на диалогизме Бахтина, позволяет увидеть, как разные культурные, эмоциональные и исторические контексты влияют на формирование ассоциативного поля данного понятия [1, с. 25].

Результаты и обсуждения

Ассоциации, связанные с понятием «завтра», не являются статичными; наоборот, они представляют собой динамичную сеть взаимоотношений, в которой каждый элемент может обогащать и изменять значение другого. Например, ожидания и страхи, сопряженные с будущим, могут варьироваться в зависимости от жизненного опыта респондента, что демонстрирует многозначность понятия.

В таком русле важно отметить, что семантическое поле описывается как система взаимосвязанных семантем, объединенных общим значением, что позволяет осуществлять анализ через различные исследовательские подходы: когнитивный [6, с. 112], социолингвистический [2, с. 190] и психолингвистический [9]. Каждое из этих направлений исследует как языковое выражение семантики, так и ее влияние на мышление и поведение индивидов в контексте времени и будущего.

Изучение семантических полей путем проведения ассоциативных экспериментов предоставляет возможность выявить ключевые семы и их взаимосвязи, что создает подходы для анализа языковых знаний, понимания ментальных образов, культурных представлений и социальных факторов. Ассоциативный эксперимент, активно применяемый в психолингвистике и социолингвистике, и предполагает, что участникам предлагается высказать свободные ассоциации, что позволяет выявить индивидуальные восприятия и социальные стереотипы, связанные с исследуемым словом. Результаты таких экспериментов описываются в терминах частотности ассоциаций, что дает возможность выделить наиболее значимые и типичные семы.

В данном исследовании использована методика ассоциативного эксперимента, предложенная Поповой З.Д. и Стерниным И.А. [6, с. 116-121]. Исследование проходило в два этапа: ненаправленный и направленный ассоциативный эксперимент. На первом этапе было необходимо выявить ключевые семантические единицы. Второй этап был предназначен для более глубокого формирования семантического поля понятия «завтра», что позволяло четко выделить ядро и периферию этого поля. Дополнительно был проведен анализ взаимосвязей сем понятий «завтра» с культурными и социальными контекстами, что дало возможность глубже понять, как образы будущего формируются в сознании человека [4, с. 21]. Результаты направленного ассоциативного эксперимента демонстрируют многогранность понятия «завтра», который включает как четкие, так и размытые представления. Каждая категория респондентов (студенты, работающие специалисты, пенсионеры и безработные) формирует свои ассоциации по-разному, что открывает новые горизонты для анализа и понимания.

В результате исследования становится очевидным, что семантическое поле «завтра» предоставляет важные инсайты о культурных и социальных аспектах восприятия времени и будущего, что подчеркнет необходимость дальнейших исследований, направленных на интеграцию качественных и количественных методов анализа.

На первоначальном этапе в эксперименте приняло участие 307 респондентов, среди которых были жители городских и сельских территорий Республики Бурятия и Иркутской области. Из общего числа участников, 132 составили горожане, тогда как сельские жители превысили эту цифру, достигнув 175. Участники варьировались по возрасту, социальному статусу и уровню образования, что отражает разнообразие выборки (таблица 1).

Таблица 1

Результаты исследования.

Table 1

Research results.

Возрастные группы	18-25	26-35	36-45	46-55	55-60	60-70 и выше
Количество респондентов	116	51	38	62	18	22

Согласно процентному распределению, большинство информантов обладали средним образованием (53%), за ними следовали респонденты с высшим образованием (35%), а 12% не имели образования.

Цель свободного ассоциативного эксперимента заключалась в создании ассоциативного поля вокруг слова-стимула "завтра". Участникам было предложено немедленно зафиксировать первое пришедшее на ум слово-реакцию, что привело к получению 307 различных ответов. Созданное ассоциативное поле располагалось следующим образом:

- Завтра (307): следующий день (51 реакция), будущий день (30), предстоящий день (28), утро (21), последующий день (19), наавтра (18), ближайший день (12) и другие.

Результаты анализа, осуществлённого с применением семемной атрибуции, показали когнитивные признаки лексем, структурированные следующим образом:

1. «Следующий день» (51), «будущий день» (30), «предстоящий день» (28), «последующий день» (19), «наавтра» (18), «ближайший день» (12) составляют ядро понятия с 69 реакциями (50,8%).

2. К ближней периферии относятся признаки, связанные с временным аспектом: «скоро» (11), «вот-вот» (10) и другие, с 66 реакциями (21,5%).

3. Периферийные семы включают «утро» (21) и «завтрак» (8), составившие 10,4%.

4. Периферию представляют семы, отмеченные соотношением надежды и обязательств, с менее выраженной частотностью (8,5%).

5. Дальняя периферия связана с семой «воспроизводимость» (3,9%).

Данные полученные в процессе эксперимента, отражают глубинные представления носителей русского языка о понятии "завтра", демонстрируя как конкретные, так и абстрактные аспекты, что позволяет детально анализировать семантическую структуру данного понятия.

Для более детального анализа были выделены основные семы понятия «завтра», которые демонстрируют частоту упоминаний различных ассоциаций (таблица 2).

В целях верификации содержания лексем "завтра" в русском языковом сознании был осуществлён направленный ассоциативный эксперимент, включавший 100 информантов с разнообразным возрастным, социальным и образовательным статусом. Участникам эксперимента было предложено предложить определение к слову "завтра", при этом отвечать следовало исключительно существительными, что соответствует методике Поповой и Стернина (2007). Общее количество полученных реплик составило 100.

Таблица 2

Результаты исследования.

Table 2

Research results.

Семантические семы «завтра»	Кол-во реакций	Процент
следующий день	51	17%
будущий день	30	10%
предстоящий день	28	9.33%
утро, утречко	21	7%
последующий день	19	6.33%
назавтра	18	6%
ближайший день	12	4%
скоро	11	3.67%
день	11	3.67%
вот-вот	10	3.33%
не за горами	10	3.33%
в скором времени	9	3%
грядущее	8	2.67%
завтрак	8	2.67%
надежда	8	2.67%
всегда	7	2.33%
обещание	7	2.33%
продолжение	7	2.33%
дата	7	2.33%
на днях	7	2.33%
никогда	5	1.67%
планы	4	1.33%
немедля, немедленно	3	1%
сутки	2	0.67%
не сегодня-завтра	2	0.67%
понедельник	2	0.67%
крайний срок	2	0.67%
новая жизнь	2	0.67%
на свежую голову	1	0.33%

Результаты опроса показали следующие ответы:

- 1) "день, следующий за сегодняшним" – 55 человек (55% от общего числа ассоциатов);
- 2) "утро" – 21 человек (21%);
- 3) "ближайшее будущее" – 11 человек (11%);
- 4) "далёкое будущее или никогда" – 5 человек (5%);
- 5) "ожидание положительных изменений" – 4 человека (5%);
- 6) "всегда" – 4 человека (4%).

Анализ данных направленного эксперимента позволил выделить ключевые смысловые пласты: "завтра" как день, следующий за сегодняшним (55%), утро следующего дня (21%), ближайшее будущее (11%), неопределённое будущее (5%) и ожидания положительных изменений (4%). Таким образом, почти 87% участников ассоциировали "завтра" с представлением о ближайшем будущем, указывая на то, что этот семантический признак является ядром семантемы.

Кроме того, важным для испытуемых является не только хронологический аспект, но и эмоциональные ожидания, связанные с завтрашним днем. Интересно, что в определённых контекстах слово "завтра" может интерпретироваться как синоним "никогда", что указывает на явление личной прокрастинации. Эти различные значения составляют ближнюю и дальнюю периферию ассоциативного поля.

Обобщив результаты направленного и свободного экспериментов, можно выделить итоговую семантему слова "завтра", которая отражает исследуемое понятие в сознании носителей русского языка. Ядром оказы-

вается сема "следующий день", в то время как ближняя периферия включает семы "утро следующего дня" и "ближайшее будущее", а дальняя периферия представлена семой "всегда" и "никогда". Выделение ядра и периферии основано на принципе частотности реакций.

Эксперименты выявили, что личностные и психологические особенности ассоциативных реакций испытуемых во многом зависят от их жизненного опыта, родов занятий и социальной идентичности. Респонденты, разнообразные по профессии и уровню жизни, часто соотносили свои ассоциации с собственным опытом, таким как работа или личные интересы.

Результаты нашего исследования подтвердили, что психолингвистическое значение слова "завтра" шире и более многозначно, чем его лексикографические определения. Например, лексикографически "завтра" определяется как "день, следующий за сегодняшним", однако в ассоциативном эксперименте это значение интерпретируется как "последующий день". Это свидетельствует о том, что слово "завтра" в сознании носителей языка содержит более широкий круг значений, чем фиксируется в словарях, и включает фоновый культурологический контекст.

Выводы

Таким образом, проведённые психолингвистические эксперименты позволили выделить ключевые образы, кодирующие понятие "завтра" в сознании носителей языка, и выявить когнитивные признаки, репрезентирующие это понятие. На основе когнитивной интерпретации ассоциатов сформулированы следующие ключевые когнитивные признаки:

- День, следующий за сегодняшним;
- Утро следующего дня;
- Ближайшее будущее;
- Неопределённое далёкое будущее;
- Импликация значений "всегда" (повторяющиеся действия) и "никогда".

Эти признаки образуют когнитивные слои понятия "завтра" и служат основой для дальнейших исследований и интерпретации в рамках психолингвистики.

Список источников

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. Учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2015. 337 с.
3. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 206 с.
4. Желтикова И.В. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. № 2. С. 15 – 32.
5. Попова Е.А. Ассоциативно-семантический потенциал наречий завтра и сейчас в аспекте восприятия времени носителями русского и испанского языков // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2012. Вып. 2 (28). С. 89 – 99.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. С. 226.
7. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 274 – 323.
8. Стернин И.А., Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
9. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Воронеж, 2011. 192 с.
10. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

References

1. Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity. Compiled by S.G. Bocharov, notes by S.S. Averintsev and S.G. Bocharov. Moscow: Iskusstvo, 1979. 423 p.
2. Belikov V.I., Krysin L.P. Sociolinguistics. Textbook for undergraduate and graduate students. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2015. 337 p.
3. Golovakha E.I., Kronik A.A. Psychological Time of the Personality. Kiev: Naukova Dumka, 1984. 206 p.
4. Zheltikova I.V. Studies of the Future and the Place of the Concept "Image of the Future" in Them. Philosophical Thought. 2020. No. 2. P. 15 – 32.

5. Попова Е.А. Associative and semantic potential of the adverbs tomorrow and now in the aspect of time perception by native speakers of Russian and Spanish. Bulletin of PSTGU III: Philology. 2012. Iss. 2 (28). P. 89 – 99.
6. Попова З.Д., Sternin I.A. Cognitive linguistics. Moscow: AST: "East-West", 2007. 226 p.
7. Rakhilina E.V. Cognitive semantics: history, personalities, ideas, results. Semiotics and informatics. Iss. 36. Moscow, 1998. P. 274 – 323.
8. Sternin I.A., Попова З.Д. Semantic and cognitive analysis of language. Voronezh: Istoki, 2007. 250 p.
9. Sternin I.A., Rudakova A.V. Psycholinguistic meaning of the word and its description. Voronezh, 2011. 192 p.
10. Yakovleva E.S. Fragments of the Russian linguistic picture of the world (models of space, time and perception). Moscow: Gnosis, 1994. 344 p.

Информация об авторах

Малханова Л.М., Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, larisa.malkhanova@mail.ru

© Малханова Л.М., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.161.1

¹ Мартазанов А.М.

¹ Чеченский государственный университет
им. А.А. Кадырова

Советская государственность в зеркале «деревенской прозы»

Аннотация: статья посвящена вопросу о специфике художественной репрезентации советской государственности в русской «деревенской прозе» второй половины XX века. Анализ текстов В. Белова, В. Распутина, Ф. Абрамова убеждает в том, что отношение «деревенщиков» к советско-коммунистическим реалиям носило весьма неоднозначный характер. Так, в частности, в ряде произведений упомянутых прозаиков всецело амбивалентным оказывается изображение колхоза: с одной стороны, безоговорочно осуждается порочная практика превращения сельского труженика в бездумного исполнителя, с другой – воспеваются дух братской взаимопомощи, царивший до поры до времени в советской колхозной деревне, особенно в первые послевоенные годы.

Ключевые слова: «Деревенская проза», крестьянское прошлое, советская цивилизация, Распутин, Белов, Абрамов

Для цитирования: Мартазанов А.М. Советская государственность в зеркале «деревенской прозы» // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 63 – 68.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Martazanov A.M.

¹ Kadyrov Chechen State University

Soviet statehood in the mirror of "village prose"

Abstract: the article is devoted to the issue of the specificity of artistic representation of Soviet statehood in Russian "village prose" of the second half of the 20th century. Analysis of the texts of V. Belov, V. Rasputin, F. Abramov convinces us that their attitude to Soviet-communist realities was quite ambiguous. Thus, in particular, in a number of works by the aforementioned writers, the depiction of the collective farm is entirely ambivalent: on the one hand, the vicious practice of turning a rural worker into a thoughtless performer is unconditionally condemned, on the other, the spirit of brotherly mutual assistance that reigned for a time in the Soviet collective farm village, especially in the first post-war years, is praised.

Keywords: "Village prose", peasant past, Soviet civilization, Rasputin, Belov, Abramov

For citation: Martazanov A.M. Soviet statehood in the mirror of "village prose". Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 63 – 68.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: December 06, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Актуальность работы. Тема советской государственности в деревенской прозе в настоящий период времени мало исследована. Как известно, основной отличительной чертой «деревенской прозы», бесспорно, самого мощного и яркого течения в русской литературе второй половины XX века, явилась «обращенность художника к прошлому, взятому в качестве этического и эстетического критерия настоящего» [9].

Основная цель – провести всесторонний анализ данной проблемы в произведениях русских писателей советского периода.

Задачи: 1. Выявить специфику художественных произведений изучаемого периода; 2. Определить общие и отличающиеся идеи и тематику данных произведений.

Материалы и методы исследований

Материалом послужили прозаические произведения таких писателей, как В. Распутин, Ф. Абрамов, А. Солженицын, В. Астафьев и другие.

Использованы метод литературного анализа и интертекстуальный метод, который способствует установлению множественных связей рассматриваемого текста с другими.

Все представители этого литературного течения так или иначе противопоставили в своих произведениях крестьянское прошлое современности. Изначально тема деревни получила свою реализацию «в социально-экономическом плане» [15]. «Основные герои “деревенской прозы” олицетворяют или просто отстаивают традиции и устои прежней жизни. Глазами таких персонажей увидена современная действительность, их устами она сурово осуждается» [6]. При этом прошлое, ставшее у «деревенщиков» этическим и эстетическим мерилем советской действительности 1960 – 1980-х годов, представляло собой комплекс традиций и духовных ценностей, уходящих в глубь веков. Рассматривают данную тему и «через призму фольклорных образов» [16]. Не случайно же мастера «деревенской прозы» так настойчиво подчеркивали архаический характер воспеваемых ими ценностных ориентиров. Так, например, В. Белов неоднократно указывал, что гармонический жизненный уклад северных земледельцев сложился еще в языческие времена: «Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад» [4]. Аналогичным образом и В. Распутин возводил ключевые особенности сибирского характера, основанного на «недюженном духе», к давним временам – когда только начался процесс освоения Сибири русскими: «Сибирь заселяли люди отчаянные» [10].

Результаты и обсуждения

Определение «деревенская проза» носит условный характер [5]. Согласно широко распространенной сегодня точке зрения, «деревенская проза» не скрывала своего негативного отношения к коммунистической идеологии и колхозному строю, а потому с неопочвеннических позиций подвергла критике многие явления советской действительности. А. Разувалова охарактеризовала «деревенщиков» как «носителей и защитников “русскости” против “советскости”, отстаивавших традиционные национальные ценности перед лицом власти, чей политический генезис был связан с “интернационалистской” идеологией разрушения» [8].

Впрочем, рассуждать о политических взглядах «деревенщиков» следует с большими оговорками, поскольку у каждого из них были свои собственные персональные счеты с советской властью. Так, например, В. Астафьев в 1990-е годы обрушил на советско-коммунистический режим предельно резкую критику, подчеркивая его (режима) сатанинскую, более отвратительную, чем даже у немецкого фашизма, сущность: «Коммунисты принесли огромное зло не только русскому человеку, но и миру» [3]. Можно уверенно констатировать, что на заключительном этапе своей творческой биографии Астафьев превратился в единомышленника великого антисоветчика А. Солженицына, который, подобно многим другим диссидентам, рассматривал коммунизм как порождение Дьявола, раковую опухоль на теле человечества: «...никакое существование с ним на одной планете невозможно: либо он прорастет человечество как рак и убьет его; либо человечество должно от него избавиться, и то еще потом с долгим лечением метастазов» [13].

Разумеется, астафьевскую яростную демонизацию советской власти следует признать нетипичным для «деревенской прозы» явлением, поскольку в большинстве случаев антисоветизм «деревенщиков» носил, по точной характеристике А. Разуваловой, «скрытый, “ползучий”» [8] характер. Следует признать правоту вышеупомянутого Солженицына, который отметил, что «деревенщики», в отличие от диссидентов, практиковали не столько прямое и открытое осуждение советской цивилизации, сколько демонстративное дистанцирование от нее: В. Распутин, В. Белов, Ф. Абрамов и В. Шукшин, по словам автора «Архипелага ГУЛАГа», писали свои произведения, «как бы позабыв» [12] о коммунистическом режиме. Действительно, персонажи «деревенской прозы» зачастую существовали словно вне привычных для тогдашней литературы социально-политических реалий, они уходили от советского «пошехонства» либо метафизически, в мир собственных онтологических раздумий, подобно беловскому Ивану Африкановичу Дрынову, либо прямо и

непосредственно – как можаевский Федор Фомич Кузькин, официально порвавший все отношения с колхозной системой.

Итак, изложенная выше идея, согласно которой мастера «деревенской прозы» в своих произведениях противопоставили советской современности архаические традиции отдаленного крестьянского прошлого, кажется весьма убедительной. Между тем анализ целого ряда текстов В. Распутина, Ф. Абрамова, В. Белова убеждает, что это не совсем так. Парадоксальным образом «традиции и устои прежней жизни», к которым апеллируют позитивные персонажи «деревенской прозы», предьявляя суровый счет советской действительности 1960 – 1980-х годов, зачастую обнаруживают связь с не столь отдаленными, советскими же временами. Прошлое, на которое с ностальгической грустью оглядываются герои-протагонисты писателей-«деревенщиков», – это во многих случаях отнюдь не дореволюционная деревня, а советский колхоз военной поры или же первых послевоенных лет.

Так, например, в распутинской повести «Деньги для Марии» (1967), где действие происходит в 1960-е годы, перед нами типичная для большинства произведений «деревенской прозы» ситуация противопоставления прежнего коллективизма и нынешней разобщенности. Мария, малограмотная и не подготовленная к работе в торговле женщина, согласилась пойти в продавщицы, поддавшись на уговоры: «Мария понимала, что деревню и правда надо кому-то выручать» [11]. Мария выручила деревню, которая без продавцов «намаялась власть» [11], но за пропажу денег (в магазине выявлена крупная недостача, причина которой – неопытность главной героини) приходится отвечать ей одной. Выясняется, что спасти героиню от тюремного срока очень легко, для этого каждый колхозник должен внести небольшую сумму (чуть больше четырех рублей). Однако случившаяся беда обнажает резкое изменение нравственного климата деревенского общества. Дед Гордей, доморощенный философ, сурово осуждает нынешнюю жизнь, где исчезли прежние традиции бескорыстной взаимопомощи: «...когда у нас раньше бывало, чтоб деревенские друг дружке за деньги помогали? Хошь дом ставили, хошь печку сбивали. Так и называлось: помочь. <...> А теперь все за деньги. Огород спасет – десятка, сена привезет – десятка, а если отвернется, не чихнет на тебя, то дешевле – рубль. Работают за деньги и живут за деньги. Везде выгоду ищут – ну, не стыд ли?» [10]. «Люди, покинувшие свои дома, деревни и корни, всегда остаются без корней» [14]. При этом читателю становится ясно, что под прежней нравственной жизнью, когда деревенские помогали друг дружке, подразумеваются совсем недавние, послевоенные годы. Тогда, например, вся деревня дружно встала на защиту попавшего в беду председателя колхоза, а теперь Марии почти никто не пришел на помощь.

Отчасти аналогичным образом и в следующей повести Распутина («Последний срок», 1971) подчеркивается, что раньше люди жили дружно и нравственно, а теперь утрачены дружеские и родственные связи, равно как и этические ценности. Причем братство, о котором с грустью вспоминает сын старухи Анны Михаил, существовало, как выясняется, совсем недавно, в рамках все того же колхозного уклада. Мы видим, что колхоз военных и первых послевоенных лет предстает как едва ли не идеальная форма совместного трудового жизнеустройства. Аналогичным образом и Люся, старшая сестра Михаила, вспоминает братство тогдашней поры, когда «то, что было не под силу одной семье, делали миром» [11] – причем, на воскресники все приглашенные шли с удовольствием, а неприглашенный «понимал, что хозяева не считают его своим, что ему отказано в дружбе и в доверии» [11]. Конечно, людям свойственно идеализировать прошлое, и можно было бы именно этим обстоятельством объяснить ностальгическую грусть, с которой распутинские персонажи оглядываются назад. Однако в повести «Последний срок» (как, впрочем, и в «Деньгах для Марии») достоверность подобных воспоминаний подтверждается логикой авторского повествования и объективным развитием сюжета.

Распутинские повести, как и произведения других мастеров «деревенской прозы», позволяют предположить, что бесчеловечные тоталитарные законы, которые существовали в сталинские годы, далеко не всегда исполнялись, зачастую они оставались только на бумаге, а жизнь крестьян фактически подчинялась совсем иным, неписанным поведенческим нормам. В этом плане характерна история о том, как старуха Анна («Последний срок») без колебаний наказала сторожа Дениса Агаповского, который выстрелом из ружья ранил ее младшего сына (голодный ребенок собирал, т.е., разумеется, «воровал» колхозный горох): она в упор из двух стволов всадила в самого Дениса заряд соли – в результате сторож «до-о-олго ни сидеть, ни лежать не мог, на карачках ползал» [11]. А ведь в те времена любое присвоение колхозного добра, включая хлебные колоски или гороховые стручки, считалось преступлением, влекущим за собой многолетний лагерный срок – причем, дети не освобождались от уголовной ответственности. Что же касается вооруженного нападения на сторожа, охранявшего государственную собственность, то подобная акция советским правосудием того времени однозначно трактовалась как политический террор. Пытался ли пострадавший сто-

рож Агаповский апеллировать к советскому законодательству? Судя по всему, да, но безуспешно – во всяком случае, до суда над Анной дело не дошло: «Ее еще судить хотели, да как-то замялось потом» [11].

В процитированных фрагментах из произведений Распутина герои добрым словом поминают прежнюю жизнь не только за царивший в ней дух братства, еще одной важной ее ценностью был бескорыстный ударный труд, который приносил людям, советским колхозникам, ни с чем не сравнимую радость.

Особенно много места поэзия бескорыстного колхозного труда занимает в произведениях Ф. Абрамова. Изнуряющая работа для его героев является главным смыслом существования. За каким-то порогом тяжесть труда спадает и начинается творчество, разгул чувств, веселье духа. А потом настает покой» [7]. В романе «Дом» (1978), где действие происходит в 1970-е годы, конфликт Михаила Пряслина с односельчанами обусловлен его неистовым «трудоголизмом»: герой ненавидит царящую в его совхозе праздность и не находит ей никаких оправданий. «Больно на работу жаден. Житья людям не дает, – так объясняет Лизавета Пряслина причины неприязненного отношения пекашинцев к Михаилу.

Современному читателю хорошо понятна позиция земляков Михаила Пряслина, которые в сталинские годы досыта нахлебались пустопорожними трудоднями, а ныне твердо убеждены, что любая работа должна достойно оплачиваться. Сам Абрамов в советские годы вел отчаянную борьбу с колхозно-коммунистической уравниловкой. В 1963 году писатель опубликовал публицистическую повесть «Вокруг да около», где доказывалась необходимость достойного материального стимулирования труда колхозников. За это произведение, кстати сказать, Абрамова обвинили в антисоветской клевете, подвергли травле и фактически наложили на публикацию его произведений запрет, который действовал 5 лет.

Однако же в 1979 году Федор Абрамов напечатал открытое письмо землякам, жителям родной Верколы, обвинив их в праздности и иждивенчестве. Автор «Братьев и сестер» осудил крестьян за то, что они, старательно обихаживая собственные индивидуальные участки, уклонялись от работы на совхозных угодьях: «Чувствуете ли вы свою ответственность за запущенное хозяйство? Всегда ли выполняете свои обязанности? <...> Не превращаетесь ли – вольно или невольно – в нахлебников у государства?» [1, с. 28]. Абрамов даже поставил веркольским крестьянам в пример партийных руководителей района: «Когда же это было, чтобы в страду работоспособные мужики были в отпуске? Секретари райкома годами не бывают в летнее время на отдыхе. А в Верколе до чего додумались? В июле, в самый разгар страды, дали отпуск шести самолучшим мужикам» [1].

Многие представители прогрессивной советской интеллигенции резко осудили Абрамова за это письмо: еще бы, тогда мало кто сомневался, что проблемы сельского хозяйства в нашей стране обусловлены исключительно пороками плановой социалистической экономики. Все были уверены, что как только рухнет колхозный строй, тут же начнется стремительный подъем земледелия и животноводства, а на основе рыночной экономики вырастет новая, гораздо более совершенная, чем прежде, этика. Сегодня мы понимаем, что Федор Абрамов, который, прекрасно сознавая необходимость структурных преобразований (вот, например, абрамовские размышления, датированные 1973 годом. Он не считал рыночные реформы панацеей, оказался гораздо дальновиднее большинства своих современников.

Ярким примером отмеченного выше парадоксального совмещения в образе крестьянского прошлого, «взятого в качестве этического и эстетического критерия настоящего», особенностей, характерных для отдаленных времен, с атрибутами недавнего колхозно-советского уклада, можно назвать стихотворение Н. Рубцова (как известно, этот вологодский поэт был весьма близок «деревенщикам») «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...». Лирический герой этого произведения скачет ночью по родным местам; горько неудовлетворенный современностью, он мысленно устремляется «по следам миновавших времен» к гармоническому прошлому. Минувшее, по которому тоскует «таинственный всадник», казалось бы, представляется отдаленной стариной, никак не связанной с советской действительностью.

Однако апология религиозной веры, символом которой выступает белоколонный «храм старины», не мешая лирическому герою погружаться в благостно-умиротворенные воспоминания о колхозном трудовом братстве первых послевоенных лет.

Выводы

Таким образом светлый образ прежней гармонии, которая в стихотворении противостоит нынешней ущербной действительности, вбирает в себя как храм далекой старины, так и картины советского праздника, где колхозники ощущали себя одной семьей.

Итак, есть все основания утверждать, что отношение «деревенской прозы» к колхозному строю, равно как и к советской цивилизации в целом, было неоднозначным. Безоговорочно отвергая начатое в годы коллективизации отчуждение сельского труженика от земли и превращение его из полноправного хозяина в бездумного исполнителя чужих указов, «деревенщики» в большинстве своем принимали и воспевали тот

дух артельной взаимопомощи и бескорыстного общинного труда, который до поры до времени царил в колхозной деревне. Авторы «деревенской прозы», ведя мужественную борьбу против издержек и пороков советской государственности, не впадали при этом в избыточный максимализм и не выплескивали вместе с водой ребенка. В этом плане очень яркий пример являет собой позиция Олеси Смолина, главного героя повести В. Белова «Плотницкие рассказы» (1968). «Смолин, чья жизнь была безжалостно исковеркана большевистской коллективизацией, решительно отказывается от демонизации советской власти и ее функционеров: «А я <...> сроду так не делал, чтобы, осердясь на вошей, да шубу в печь», – говорит он. – <...> Бог с ними. Была вина, да вся прощена» [4].

Список источников

1. Абрамов Ф. О хлебе насущном и хлебе духовном. М.: Молодая гвардия, 1988. 206 с.
2. Абрамов Ф. Собр. соч.: в 6 т. Л.: Художественная литература, 1991. Т. 2. 608 с.
3. Карпов В. Астафьев В. Дойдем до пропасти – вернемся к земле // Литературная газета. 1997. № 3. С. 11.
4. Белов В. Избранные произведения в 3-х т. М.: Современник, 1984. Т. 2. 453 с.
5. Богданова О.В. Современная русская классика: духовные традиции отечественной прозы второй половины XX века // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17. Вып. 3. С. 301 – 311.
6. Большев А. Шедевры русской прозы в свете психобиографического подхода. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 348 с.
7. Золотусский И. Федор Абрамов: Личность. Книги. Судьба. М.: Советская Россия, 1986. 160 с.
8. Ковский В. Литературный процесс 60-70-х годов (Динамика развития и проблемы изучения современной советской литературы). М.: Наука, 1983. 336 с.
9. Разуvalова А. Писатели-"деревенщики". Литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 612 с.
10. Распутин В. Моя и твоя Сибирь // Декоративное искусство. 1985. № 3. С. 11 – 18.
11. Распутин В. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. 415 с.
12. Солженицын А. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 года // Новый мир. 2000. № 5. С. 186.
13. Солженицын А. Публицистика: в 3-х т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. Изд-во, 1995. Т. 2. 619 с.
14. Сүй Сюзин. Анализ повести В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой» с точки зрения экокритики // Modern Humanities Success. 2024. № 9. С. 39 – 44.
15. Хомяков В.И. Нравственно-философская модель «деревенской прозы» середины 1950-х годов // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 2 (83). С. 160 – 163.
16. Черникова Н.А. Русская «деревенская» проза второй половины XX в. в зеркале болгарской русистики // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 1 (90). С. 93 – 96.

References

1. Abramov F. On Daily Bread and Spiritual Bread. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1988. 206 p.
2. Abramov F. Collected Works: in 6 vol. Leningrad: Fiction, 1991. Vol. 2. 608 p.
3. Karpov V. Astafyev V. We Reach the Abyss – Return to the Land. Literary Gazette. 1997. No. 3. 11 p.
4. Belov V. Selected Works in 3 vol. Moscow: Sovremennik, 1984. Vol. 2. 453 p.
5. Bogdanova O.V. Modern Russian Classics: Spiritual Traditions of Russian Prose of the Second Half of the Twentieth Century. Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2016. Vol. 17. Iss. 3. P. 301 – 311.
6. Bolshev A. Masterpieces of Russian Prose in Light of the Psychobiographical Approach. SPb.: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2011. 348 p.
7. Zolotussky I. Fyodor Abramov: Personality. Books. Destiny. Moscow: Soviet Russia, 1986. 160 p.
8. Kovsky V. Literary Process of the 60-70s (Dynamics of Development and Problems of Studying Contemporary Soviet Literature). Moscow: Nauka, 1983. 336 p.
9. Razuvalova A. "Village" Writers. Literature and Conservative Ideology of the 1970s. Moscow: New Literary Review, 2015. 612 p.
10. Rasputin V. My and Your Siberia. Decorative Art. 1985. No. 3. P. 11 – 18.
11. Rasputin V. Selected Works: in 2 vol. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1990. Vol. 1. 415 p.
12. Solzhenitsyn A. Speech at the Presentation of the Solzhenitsyn Prize to Valentin Rasputin on May 4, 2000. Novy Mir. 2000. No. 5. 186 p.
13. Solzhenitsyn A. Journalism: in 3 vol. Yaroslavl: Verkh.-Volzh. kn. Publishing House, 1995. Vol. 2. 619 p.

14. Xu Xiuqing. Analysis of V.G. Rasputin's Novel "Farewell to Matera" from the Point of View of Ecocriticism. *Modern Humanities Success*. 2024. No. 9. P. 39 – 44.
15. Khomyakov V.I. Moral and philosophical model of "village prose" of the mid-1950s. *Scientific notes of the Oryol State University*. 2019. No. 2 (83). P. 160 – 163.
16. Chernikova N.A. Russian "village" prose of the second half of the 20th century in the mirror of Bulgarian Russian studies. *Scientific notes of the Oryol State University*. 2021. No. 1 (90). P. 93 – 96.

Информация об авторах

Мартазанов А.М., доктор филологических наук, профессор, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, am_martazanov@mail.ru

© Мартазанов А.М., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 398.4

¹ Магомедова Р.М.

¹ Дагестанский государственный университет

Вопросы изучения магического в фольклоре народов Дагестана

Аннотация: магия – это одна из неотъемлемых частей любого верования, любой религии. Проявление магических ритуалов исследователи обнаружили на самых ранних этапах человеческого развития. В современной жизни магические ритуалы не потеряли своей актуальности как в примитивных ранних формах, так и в монотеистических религиозных системах, так как верующий всегда надеется на сверхъестественную помощь от своей религии, магическое влияние ее на его повседневную жизнь. О магических представлениях древних дагестанцев говорят наскальные рисунки в пещерах. Эти изображения являются памятниками магических верований древних дагестанцев, связанных с охотой. Все обряды весеннего-летнего цикла, встреча весны, праздник первой борозды, обряд вызывания дождя, вызывания солнца сопровождалась мольбой, обращенной к Всевышнему. Мольбы о здоровье, о богатом урожае, о хорошем потомстве были основаны на вере, что все в мире, и горе, и радость, происходит по воле Всевышнего. Сакральное значение мольбы основано на вере людей в магию слова, произнесенного всем коллективом, здесь на лицо вера человека в надличностную, космическую волю, способную решить любую проблему молящегося.

Ключевые слова: магическое, верования, фольклор, дагестанцы, аварцы, магические представления, наскальные рисунки, календарно-обрядовая поэзия

Для цитирования: Магомедова Р.М. Вопросы изучения магического в фольклоре народов Дагестана // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 69 – 74.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Magomedova R.M.

¹ Dagestan State University

Questions of the study of magic in the folklore of the peoples of Dagestan

Abstract: magic is one of the integral parts of any belief, any religion. Researchers discovered the manifestation of magical rituals at the earliest stages of human development. In modern life, magical rituals have not lost their relevance both in primitive early forms and in monotheistic religious systems, since the believer always hopes for supernatural help from his religion, its magical influence on his daily life. Cave paintings in caves speak about the magical ideas of the ancient Dagestanis. These images are monuments of the magical beliefs of ancient Dagestanis associated with hunting. All the rites of the spring-summer cycle, the meeting of spring, the feast of the first furrow, the rite of causing rain, causing the sun were accompanied by a prayer addressed to the Almighty. Pleas for health, for a rich harvest, for good offspring were based on the belief that everything in the world, both sorrow and joy, happens according to the will of the Almighty. The sacred meaning of supplication is based on people's faith in the magic of the word spoken by the whole team, here on the face of a person's faith in a transpersonal, cosmic will capable of solving any problem of the supplicant.

Keywords: magical, beliefs, folklore, Dagestanis, Avars, magical representations, rock carvings, calendar and ritual poetry

For citation: Magomedova R.M. Questions of the study of magic in the folklore of the peoples of Dagestan. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 69 – 74.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: December 06, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Актуальность исследования. Изучение первобытных убеждений и относящихся к ним обрядов важно для исследования фольклорного наследия народов Дагестана. Мировоззрение древнего человека может служить важным ресурсом анализа происхождения аварского народа, его внутриэтнических связей. На первичных этапах этих верований нашли отражение представления древних аварцев о мире, природе, окружавшей их действительности и происходивших в ней процессах. Своевременность рассматриваемой темы связана и с тем, что выявление и анализ древнейших рудиментов, которые присутствуют в современном религиозном сознании аварцев, могут стать важным материалом по истории обрядовой культуры аварского народа.

Цель исследования: дать полную картину магических представлений аварского народа и их отражение в обрядах, обычаях и фольклоре. Достижение поставленной цели связано с решением следующих задач:

- изучить проблему исследования ранних верований, в том числе магии, в отечественной науке и дагестанской фольклористике;
- определить связь магических представлений с различными явлениями хозяйственной и семейной жизни народов Дагестана;
- изучить особенности магических форм и их проявление в ритуалах и обрядах аварцев;
- рассмотреть особенности проявления магических представлений в различных жанрах аварского фольклора.

Методология исследования. В работе использованы сравнительно-исторический, типологический, структурный методы, метод полевых фольклорных исследований.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются фольклорные материалы, собранные дагестанскими фольклористами, а также наш собственный полевой материал.

Результаты и обсуждения

Изучение культурно-исторического содержания языка, языка как памятника культуры естественно ведет к раскрытию и описанию его внутренней формы [3].

В этом направлении дагестанскими учеными проделана определенная работа. За последние десятилетия ими изданы тематические сборники («Жанры фольклора народов Дагестана», «Современный фольклор народов Дагестана», «Мифология народов Дагестана», «Проблемы мифологии и верований народов Дагестана», «Магическая поэзия народов Дагестана», «Календарно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа» и др.) и опубликованы специальные работы, связанные с домонотеистическими верованиями народов Дагестана, в том числе аварцев [1, 9]. Здесь в научный оборот вводится богатый фольклорный материал (предания, эпос, сказки, песни, благопожелания, проклятия, поговорки, запреты, поверья).

Поверья и запреты не только отражают материальную и духовную культуру народа, но и играют важную роль в организации быта [2].

В фольклористике под магией принято понимать определенные ритуальные действия, направленные на сверхъестественное воздействие на кого-либо (что-либо). Подобные действия бесконечно разнообразны по сложности, целевой направленности, по психологическому механизму действия. Длительность и устойчивость бытования древних магических обрядов в Дагестане в Новейшее время объясняется рядом причин объективного и субъективного характера [6].

Магическим может быть просто жест, движение рук, но может быть и сложный процесс, в котором может участвовать множество людей. Магические обряды могут быть лечебными (знахарство) и предохранительными, т.е. направленными на благо человека – это в первую очередь создание различных оберегов, амулетов и их освящение. Однако они могут быть и вредоносными – это наведение на человека или на скот порчи, сглаза, проклятия. Известны также формы хозяйственной магии, которую используют для улучшения урожая, для поимки промыслового зверя и т.д.

Так, «каждый народ имеет специфические особенности символизации, в которой проявляются процессы самоидентификации» [10]. В данном случае «метафора появляется как один из более важных типов человеческого мышления» [7].

Фольклор – явление не только этнокультурное, но и регионально маркированное [4].

Неотъемлемой частью фольклора народов Дагестана являются магические обряды. О магических представлениях древних дагестанцев говорят наскальные рисунки в пещерах. Эти изображения являются памятниками магических верований древних дагестанцев, связанных с охотой. Все древние обряды народов Дагестана пронизаны магическими поверьями, которые трансформировались и продолжили свое развитие и в исламский период. К примеру, в магических целях люди использовали различные религиозные атрибуты: Коран, подставка под него. Все обряды весеннего-летнего цикла, встреча весны, праздник первой борозды, обряд вызывания дождя, вызывания солнца сопровождалась мольбой, обращенной к Всевышнему. Мольбы муллы в сопровождении всего джамаата о здоровье, о богатом урожае, о хорошем потомстве и т.д. были основаны на вере, что все в мире, и горе, и радость, происходит по воле Всевышнего. Сакральное значение мольбы основано на вере людей в магию слова, произнесенного всем коллективом, здесь на лицо вера человека в надличностную, космическую волю, способную решить любую проблему молящего.

Один из наиболее частных магических обрядов связан с рождением и воспитанием детей. Чтобы выжить, человечество должно было заботиться о воспроизводстве и сохранении потомства, и поэтому с древних времен до сегодняшних дней в обрядах народов Дагестана сохранились устойчивые магические ритуалы, обряды.

Уже во время свадебного обряда просят Всевышнего дать хорошее здоровое потомство молодым. Наиболее часто встречаются вербальные формулы благопожеланий типа: «Да родится у тебя семь сыновей и семь дочерей», «Пусть всегда тебя окружают дети и внуки» и др. Кроме того, свадебный обряд насыщен различными действиями, которые по магическим верованиям должны были помочь молодым создать большую здоровую семью. Молодых невесту во время свадебной процессии сопровождают многодетные женщины удачливые в семейной жизни. По магическим представлениям их личные качества, способствующие созданию крепкой счастливой семьи должны передаваться тем, кто только вступает в брак. К примеру, у народов Южного Дагестана принято в свадебную корзину невесты для стола класть куриное мясо, вареные яйца, а свадебный стол ставить дерево, украшенное яйцами и фруктами. Все это символизировало плодородие, изобилие, множественность, которые должны были передаться молодой семье. На протяжении всей свадьбы исполнялись песни, в которых также речь шла о будущей счастливой семейной жизни, о необходимости «свить свое гнездо». Данный вид магии основан на подобию, на вере в возможность передачи свойств при прикосновении.

Другая наиболее употребляемая практика магии у народов Дагестана связана с рождением детей. Самое большое горе для молодой семьи было отсутствие детей. Дети, особенно сыновья укрепляли положение женщины в семье и обществе. Большая семья, большое количество мужских рук позволяли создать больше материальных благ, что способствовало прочности позиций семьи в обществе. Многодетная семья имела большие перспективы в будущем. Поэтому женщины с древности искали пути лечения от бесплодия, нередко в отсутствии медицины обращались к всевозможным знахаркам, совершали магические действия. Самым распространенным было посещение бездетными женщинами пиров, могил святых, шейхов. Они использовали землю этих мест, растирали им свое тело, разводили в воде и омывались.

По магическим представлениям бесплодность могла быть нанесенная извне передача болезненных свойств одного человека на другого – «чилла». Для того чтобы смыть «чилла» молодую девушку купали в воде, в которой омывали умершего человека. Измерив, отмеряли семь шерстяных ниток разных цветов в рост девушки, наматывали их на руку, завязывали узлом и клали вместе с покойным в могилу. Считалось, что покойник забирает болезнь девушки с собой в землю. Затем из савана этого покойника вытягивали семь нитей и обвязывали ими щиколотку бездетной женщины, и она в течении семи дней не должна была снимать их с ноги. Как видим, здесь налицо различные виды магии: вредоносная (наведение порчи), контактная (прикосновение к святым могилам, использование воды и савана покойника), лечебная (испрашивание здоровья, используя церемонию ритуала).

Множество магических практик в фольклоре народов Дагестана связано с рождением ребенка. К примеру, так как роженица достаточно слаба и уязвима, для того чтобы оградить ее от негативных воздействий, у некоторых народов Дагестана рисовали вокруг нее и ребенка охранительный круг из шерстяной веревки и никому не позволялось переступить его.

Новорожденный ребенок так же был уязвим для различных болезней и вредоносной магии. По магическим представлениям аварцев от вредоносной магии, сглаза, порчи, козней джинов охранять ребенка может какой-либо стальной предмет: нож, ножницы. При выносе новорожденного ребенка из дома в пеленку или за пазуху клали кусок хлеба. Как защиту от джинов у изголовья ребенка в качестве оберега клали Коран.

Для защиты ребенка от сглаза пришивали к его одежде различные бусинки, яркие пуговицы, колечки от кольчуги, серебряные украшения.

Важно было также выяснить виновника «глаза» или «порчи». У табасаранцев записан следующий ритуал. Женщина изготавливала из теста шарики в количестве людей, которые, по ее мнению, могли бы навести «порчу». Каждый шарик наделялся именем «подозреваемого». Женщины клали их сначала в огонь, а затем погружали их в холодную воду. Женщина была уверена в том, что утонувший, не всплывший на поверхность шарик, указывает на виновного. Водой, в которой «топили» шарики поили больного ребенка, так как она считалась целебной.

Магические ритуалы обычно использовались не только в самых значимых для человека событиях, но и общества в целом, к определенным событиям времени: в день весеннего равноденствия, в день зимнего солнцестояния, и т.д. Дни эти выбирались неслучайно. Люди верили, что в эти переломные моменты их слова приобретают могущество и силу, действия имеют сокральную значимость, приготовленная еда приобретает чудодейственную силу, влияет на дальнейшую судьбу человека, на весь его род, весь джамаат. У древнего человека были свои представления о дне или ночи распределения, когда «открываются небеса» и все желания, высказанные в это время, сбываются. Никто не знал, когда этот момент будет, но в этот момент происходило необычное: на мгновение останавливалась вода, или яркое свечение в том месте, где его не должно быть и т.д. И застигнутые врасплох, люди в это время непроизвольно произносили восклицания неожиданно для себя.

У многих народов Дагестана с началом календарного и хозяйственного года связывались действия, имевшие магический смысл. Так, лезгины, рутульцы, табасаранцы, агульцы, цахуры в день весеннего равноденствия в ночь с 21 по 22 марта прыгали через костры с возгласами «Здоровье нам, болезнь огню», «Чтобы ребенок получил загар, чтобы хвори ушли» и т.д. Веря в магическую и оздоровительную силу огня и взрослые, и дети и даже больные прыгали через костер, надеясь на оздоровление и очищение от глаза и порчи.

При этом они приговаривали:

Мои болезни огню,
Здоровье – моему телу,
Пусть здоровье будет,
Пусть пламя огня усилится!
Пусть будут дни теплыми,
Да не будет засухи!
Да уйдет подальше беда,
Да будет нам благодать! [8].

Обряды и ритуалы дагестанцев всегда связаны с земледельческим календарем и имели практическое значение. Важную часть обряда составляют песни. Коллективные песнопения имели цель – повлиять на враждебные силы природы, как-то умиловить, задобрить их.

Праздничные обряды языческого календаря основывались на стремлении людей удовлетворить практические нужды. Такими были и песни, составляющие важнейшую часть обрядов. Песнопениями народ стремился повлиять на естественный ход природных явлений, расположить, воображаемые силы природы, к себе, как-то умиловить их. В основе подобных песнопений лежит вера в силу коллективно произносимого слова.

Магические верования сильнее всего проявлялись в обрядах, связанных с изменениями погоды. Во многих местах Дагестана существовали камни большего или меньшего размера, поворачивая, которые надеялись изменить и погоду.

В обряде вызывания дождя многие народы Дагестана приписывали магическую силу черепу жеребца-производителя. Дождь пытались вызвать и путем его имитации, поливая водой специально наряженных в зеленые ветки или траву людей, или использовали изготовленные крест на крест прибитые друг к другу жерди. При вызывании солнца куклу одевали в одежду желтого и красного цвета (цвета солнца) и носили по селу сухой.

Для того, чтобы пошел дождь, брызгали друг на друга водой из речки или родника имитируя его. При этом они пели:

Гудил, гудил, эйгудил!
Гудил хочет дождя!
Пусть дожди идут для полей,
Пусть будет зерно в изобилии для людей!
Чтобы гудилу нашему пошел дождь, аминь! [8].

В разных обрядах магической направленности большое значение придавалось сопровождавшим их вербальным формулам – вербальная магия. Так лезгины и табасаранцы, заклиная дождь пели: «Вызываем дождь, чтобы всюду был дождь, дождь нашим полям, зерно нашим закромам! Солнце, луна туда, дожди, зелень – сюда» [8].

Народ рисовал в песне жалостную картину высушенной жаром земли – воды нет, воды жаждет все живое на земле – ягнята, телята; трава высохла от жары, горы, равнины, поля, ждут воды. Подробное перечисление всего того, что происходит в результате засухи, по представлениям народа, должно было разжалобить силы, от которых зависел дождь. У лакцев, например, дети пели:

Зеленые травы хотят воды,
Зеленое поле высыхает,
Жаль хлеба погибают,
Жаль лисята хотят пить,
Жаль телята хотят пить,
Склоны гор высохли от жары,
Сгорела трава на равнине.
Поля хотят воды,
Чтобы дать урожай [8].

Магическую силу приписывали и благопожеланиям, которые положено было произносить перед началом каких-то трудовых процессов или знаменательных событий в жизни человека.

Ряд символических обрядовых действий в процессе исторического развития получил несколько трансформированную интерпретацию [5].

Выводы

Как видно из приведенных примеров, магия глубоко укоренилась в обрядовой (календарной и семейной) поэзии народов Дагестана. Во многих жанрах фольклора сохранились отголоски магических представлений наших предков, превратившиеся постепенно в обряды и ритуалы всех народов Дагестана.

Список источников

1. Аварские народные пословицы и поговорки / сост. С.З. Алиханов. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. 182 с.
2. Гайсина Ф.Ф. Поверья, приметы и запреты башкир, связанные со строительством нового дома и переездом // *Modern Humanities Success*. 2024. № 11. С. 98 – 103.
3. Гусейнова М.Б., Магомедова С.А. Лексико-семантический анализ пословичных выражений в языках народов Дагестана // *Вестник филологических наук*. 2024. Т. 4. № 9. С. 58 – 62.
4. Кириченко Ю.С. Лексико-семантические маркеры фольклоризации в поэмах И. Григорьева и И. Чернухина // *Вестник филологических наук*. 2024. Т. 4. № 10. С. 52 – 60.
5. Магомедова Р.М. Особенности отражения магических представлений в аварском фольклоре // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2020. Т. 35. Вып. 4. С. 91 – 97.
6. Сефербеков Р.И. Синкретизм традиционных верований и ислама у народов Дагестана в начале XXI века: магический обряд связывания пасти волку // *Исламоведение*. 2018. Т. 9. № 2. С. 102 – 114.
7. Сюй Чжэнюй. Метафорические образы животных в баснях И.А. Крылова в сопоставлении с китайской лингвокультурой // *Современный ученый*. 2024. № 8. С. 83 – 88.
8. Аджиев А.М., Абакарова Ф.О., Халилов Х.М. Традиционный фольклор народов Дагестана / отв. ред. Г.Г. Гамзатов, У.Б. Далгат. М.: Наука, 1991. 493 с.
9. Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992. 273 с.
10. Юсупова Н.М. Фольклорные символы как источник символизации у татар (на материале орнитоморфной и цветовой символики) // *Вестник Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина*. 2016. № 4 (53). С. 138 – 145.

References

1. Avar folk proverbs and sayings. Compiled by S.Z. Alikhanov. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1991. 182 p.
2. Gaysina F.F. Beliefs, signs and taboos of the Bashkirs associated with the construction of a new house and moving. *Modern Humanities Success*. 2024. No. 11. P. 98 – 103.
3. Guseynova M.B., Magomedova S.A. Lexical and semantic analysis of proverbial expressions in the languages of the peoples of Dagestan. *Bulletin of philological sciences*. 2024. Vol. 4. No. 9. P. 58 – 62.
4. Kirichenko Yu.S. Lexical and semantic markers of folklorization in the poems of I. Grigoriev and I. Chernukhin. *Bulletin of philological sciences*. 2024. Vol. 4. No. 10. P. 52 – 60.

5. Magomedova R.M. Features of the reflection of magical ideas in Avar folklore. Bulletin of the Dagestan State University. Series 2. Humanities. 2020. Vol. 35. Iss. 4. P. 91 – 97.
6. Seferbekov R.I. Syncretism of traditional beliefs and Islam among the peoples of Dagestan at the beginning of the 21st century: the magical rite of tying the wolf's mouth. Islamic studies. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 102 – 114.
7. Xu Zhengyu. Metaphorical images of animals in the fables of I.A. Krylov in comparison with the Chinese linguoculture. Modern Scientist. 2024. No. 8. P. 83 – 88.
8. Adzhiev A.M., Abakarova F.O., Khalilov H.M. Traditional folklore of the peoples of Dagestan. Ed. G.G. Gamzatov, U.B. Dalgat. Moscow: Nauka, 1991. 493 p.
9. Khalidova M.R. Mythological and historical epic of the peoples of Dagestan. Makhachkala, 1992. 273 p.
10. Yusupova N.M. Folklore symbols as a source of symbolization among the Tatars (based on ornithomorphic and color symbolism). Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenina. 2016. No. 4 (53). P. 138 – 145.

Информация об авторах

Магомедова Р.М., кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы народов Дагестана, ФГБОУ «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала. nurselin7@mail.ru

© Магомедова Р.М., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1.

¹ Мутагирова У.А., ¹ Пашаева Т.Н.

¹ Дагестанский государственный университет

Мотивно-образная система петербургского текста А.С. Пушкина

Аннотация: в статье исследуется тема Петербурга в произведениях Пушкина, в том числе определены основные этапы формирования в его творчестве «петербургской повести» как особой жанровой разновидности. Автор выявляет устойчивые мотивы и образы этого сюжета, которые будут унаследованы и трансформированы Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским, писателями натуральной школы. Автор устанавливает, что тексты Пушкина взаимно дополняют друг друга, создавая целостный, но противоречивый с точки зрения духовно-нравственной его оценки образ Петербурга. Также в статье рассматриваются взгляды Пушкина на роль Петербурга в истории России, определяются прогрессивные его стороны (экономика, культура, эстетика, укрепление мощи страны) и трагические последствия для народа (расслоение населения, бюрократизация, обезличивание, отрыв от национальных корней).

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Петербург, маленький человек, фантастика, мотивы, Петр I, петербургская повесть, «Евгений Онегин», «Медный всадник», «Пиковая дама», «Станционный смотритель»

Для цитирования: Мутагирова У.А., Пашаева Т.Н. Мотивно-образная система петербургского текста А.С. Пушкина // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 75 – 80.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Mutagirova U.A., ¹ Pashaeva T.N.

¹ Dagestan State University

Motif-figurative system of the Petersburg text of A.S. Pushkin

Abstract: the article examines the theme of St. Petersburg in Pushkin's works, including defining the main stages of the formation of the "Petersburg story" in his work as a special genre variety. The author identifies stable motifs and images of this plot, which will be inherited and transformed by N.V. Gogol, F.M. Dostoevsky, and writers of the natural school. The author establishes that Pushkin's texts complement each other, creating a holistic, but contradictory from the point of view of its spiritual and moral assessment, image of St. Petersburg. The article also examines Pushkin's views on the role of St. Petersburg in the history of Russia, defining its progressive aspects (economy, culture, aesthetics, strengthening of the country's power) and tragic consequences for the people (stratification of the population, bureaucratization, depersonalization, separation from national roots).

Keywords: A.S. Pushkin, Petersburg, the little man, fiction, motives, Peter I, the Petersburg story, "Eugene Onegin", "The Bronze Horseman", "The Queen of Spades", "The Stationmaster"

For citation: Mutagirova U.A., Pashaeva T.N. Motif-figurative system of the Petersburg text of A.S. Pushkin. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 75 – 80.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: December 06, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Пушкин первым в русской литературе нарисовал целостный художественный образ Петербурга и образно-символически осмыслил его значение для судеб российского народа. Вслед за Пушкиным эту тему продолжили Н.В. Гоголь, писатели натуральной школы, И.А. Гончаров, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, поэты Серебряного века и XX столетия, внося свой вклад в создание многожанрового и полифоничного Петербургского текста.

Уже в 1828 г. в небольшом стихотворении Пушкина, посвященном А.А. Олениной, с помощью лаконичных деталей набрасывается эскиз «города контрастов»:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит.

Здесь заключена формула, которая последовательно будет разворачиваться в разных произведениях: «Арапе Петра Великого», «Домике в Коломне», «Евгении Онегине», «Пиковой даме», «Медном всаднике». В каждом из них в соответствии с законами жанра отражена та или иная грань противоречивого города, в сумме дающая многомерный и объемный его образ.

Актуальность исследования темы Петербурга определяется тесной связью истории северной столицы с историософией и геополитикой России, а также сегодняшней общественной и культурной ситуацией, когда особенно остро стоит вопрос самоопределения страны, выбора дальнейшего пути развития, выстраивания отношений с Европой и Азией.

Пушкинский Петербург в разных произведениях исследовали Б. Томашевский, Г. Макогоненко, Н. Михайлова, С. Бочаров, О. Седакова, М. Виротайнен, Т. Цивьян, С. Джанумов и др. Однако практически не проведен целостный анализ мотивной структуры «петербургской повести», не прослежена историческая поэтика его сюжета и жанра.

Цель нашей работы – выявить функции петербургского хронотопа в разных произведениях Пушкина, проследить процесс возникновения и формирования в «петербургской повести», определить его устойчивые сюжетно-мотивные составляющие, смысл символики, а также рассмотреть идейное и образное содержание посвященных Петербургу произведений Пушкина.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования стали тексты произведений Пушкина, в которых изображен Петербург: «Арап Петра Великого», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Станционный смотритель», «Медный всадник». В работе использовались сравнительно-исторический, сравнительно-типологический метод, а также методы целостного и мотивного анализа.

Результаты и обсуждения

В 1828 г. в неоконченном историческом романе «Арап Петра Великого» Пушкин рисует первые шаги новой столицы Российской империи. Изображая юность своего предка Ибрагима Ганнибала, автор обращается к событиям начала XVIII века. Ещё кипит работа по строительству города, призванного «прорубить окно» в Европу. Упоминаются некоторые конкретные топографические названия уже готовых объектов: Ораниенбаум, Зимний дворец, Царицын сад. «Ибрагим с любопытством смотрел на новорожденную столицу, которая подымалась из болота по манию самодержавия. Обнаженные плотины, каналы без набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю победу человеческой воли над сопротивлением стихий» [11, т. 5, с. 16].

Видя кипучую деятельность в Петербурге, Ибрагим представляет и всю Россию как огромную мастерскую, где каждый работник занят делом. Пётр ни минуты не сидит без дела. Он разбирает бумаги и дает указания чиновникам в токарной. Доклад Ивана Корсакова царь выслушивает на корабельной верфи. «Россия молодая» крепнет и набирается сил для будущих побед.

Кроме грандиозной строительной работы, в романе глазами Корсакова, ожидавшего увидеть «варварский Петербург», описывается «ассамблея». В ней участвуют и дамы, которые раньше по старинным, патриархальным обычаям были затворницами в своих домах. В ассамблее всё как в европейских странах: модные наряды дам и кавалеров, танцы в строго определенном порядке, который, как оказалось, тут знают лучше, чем «заморская обезьяна» Корсаков, только приехавший из Парижа.

Но в домашней жизни бояр, как мы видим на примере семьи Ржевских, приняты старинные обычаи. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», говоря словами Пушкина. Образ Петербурга в романе раскрывается в противопоставлении его Парижу с его разворотом. Бояре высмеивают некоторые новшества. Истори-

ческий колорит старины дому Ржевского придают и некоторые домашние лица: за обедом гостей развлекают шутиха, барская барыня, карлица.

Приехавшие из Парижа Ибрагим и Корсаков наблюдают в русской жизни это причудливое сплетение европейского и русского, старого и нового. Но патриархальные устои еще крепки: танцы танцами и любовь любовью, но замуж Наталья должна выйти по воле родителей, после традиционного сватовства.

Пушкин показал, с каким трудом осуществляются нововведения Петра, какое огромное сопротивление они встречают в боярстве, не желающем менять привычный образ жизни: сбривать бороды, одеваться во фраки.

В стихотворном романе «Евгений Онегин» описание города не самоцель автора, оно связано с раскрытием характера современника – продукта своей среды. Детали образа искусно вплетены в сюжет.

Нельзя не согласиться с мнением Н.А. Казаковой, высказанным в «Онегинской энциклопедии»: «Петербург в «Евгении Онегине» сопоставлен с Москвой и в то же время противопоставлен ей; две столицы предстают в романе в сложном диалектическом единстве: здесь сталкиваются старое и новое, Запад и Восток, отечественное и мировое» [9, с. 271]. Петербург, как и задумывал его основатель, стал «окном в Европу».

Н.И. Михайлова справедливо отмечает: «Первую главу романа можно назвать энциклопедией Петербурга» [8, с. 25]. Многогранный образ Петербурга включает в себя различные аспекты города. В первую очередь это жизнь аристократии. Светское общество изображено почти с энциклопедической полнотой, но неоднозначно, полифонично, с его привлекательных и негативных сторон. Основные городские локусы – Невский проспект, набережная Невы, Миллионная улица и, вероятно, набережная Фонтанки (вряд ли гувернёр водил мальчика Евгения в Летний сад издали). Также упоминаются Летний сад, Малая Морская улица, гостиница «Лондон», Театральная площадь.

В кабинете Онегина повествователь воссоздает интерьер, перечисляет его значимые детали: Байрона портрет, статуэтка Наполеона – «столбик с куклой чугунной», груда книг, предметы роскоши (фарфор и бронза), средства ухода за собой (гребенки, пилочки, духи).

Один день Онегина, который подробно описан в 1 главе, дает представление о режиме дня столичного дворянина: балы, театры, рестораны. В описании всех этих топов, особенно бала, преобладает мажорный тон: «Люблю я бешеную младость, / И тесноту, и блеск, и радость, / И дам обдуманый наряд» [11, т. 4, с. 30].

В изображении света в 1-й главе много добродушной, мягкой иронии, здесь нет едких, сатирических красок. Из южного «прекрасного далёка» в 20-е годы сосланному поэту чаще вспоминались позитивные стороны петербургской жизни: «волшебный край» театра, веселье балов и образы красавиц. Большой свет включает и самого автора, и круг приятелей его, таких как Вяземский, Каверин, Катенин и Чаадаев. С другой стороны, большой свет – это «светская чернь», мир щёголей, теперь называющих себя «денди», сплетни, интриги, лицемерие и фальшь.

Суммарные характеристики света в шестой, седьмой и восьмой главах значительно язвительнее и резче: роман писался 8 лет, а с ним эволюционировал и сам Пушкин, и его отношение к свету менялось. От главы к главе, сатирические краски сгущаются, возникает символика омота, маскарада:

В мертвящем упоенье света,

В сем омуте, где с вами я

Купаюсь, милые друзья! [11, т. 4, с. 130].

Особое внимание уделено светской «науке страсти нежной», которая противопоставлена неподдельному чувству Татьяны. Именно эта наука во многом повинна в пресыщении, душевной усталости, сплине Евгения.

Однако Петербург – это не только большой свет. Пушкин с восторгом описывает театральную жизнь, называет имена великих драматургов Фонвизина, Озерова, Шаховского, Княжнина, Дидло, называет имена актрисы Семеновской, балерины Истоминой. Автор с ностальгией вспоминает театр, хотя его приятель Онегин со скукой отворачивается от сцены, зевнув, и со словами «Балеты долго я терпел, но и Дидло мне надоело» покидает зал.

Круг чтения дворян – ещё одна сторона петербургской жизни. В Петербурге в это время в моде английский романтизм в лице главного его представителя Байрона, которым увлекается Онегин. В моде также иностранные гувернёры, которые учат детей всему «шутя», «понемногу» – отсюда поверхностное образование столичного дворянина

В первой главе после описания онегинского дня как контраст спящему еще аристократу дано описание утреннего трудового «Петербурга неугомонного», где на работу идут купец, разносчик, охтинка, извозчик, хлебник.

В восьмой главе действие снова переносится в Петербург. Описание света, данное глазами Музы, теперь провинциальной барышни, начинается довольно благодушно: она любит «шумной теснотой, // Мельканьем платьев и речей...», «Ей нравится порядок стройный // Олигархических бесед...» [т.4., с. 164].

Но через несколько строф автор уже от себя описывает светское общество резко сатирически:

Тут был однако цвет столицы,
И знать и моды образцы,
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы [11, т. 4, с. 165].

Автор перечисляет завсегдатаев этого пестрого круга: злые дамы, не улыбающиеся девицы, странный посланник, старик, шутивший «не смешно», «на все сердитый господин», «Проласов, заслуживший / Известность низостью души», «диктатор бальный/ Стоял картинкою журнальной, / Румян, как вербный херувим, / Затянут, нем и недвижим», и «путешественник залетный, перекрахмаленный нахал» [11, т. 4, с. 175].

Обобщающую оценку этой стороне петербургской светской жизни автор дает словами Татьяны:

А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище [11, т. 4, с. 176].

Метафоры вихрь, мишура, маскарад подчеркивают фальшивость, неестественность этой жизни. На описании света в 8 главе лежит отсвет последекабрьской эпохи. На это намекают и печальные слова в финале: «Иных уж нет, а те далече» [11, т. 4, с. 177].

Пушкин продолжает тему Петербурга в «белкинской» повести «Станционный смотритель». Здесь она все еще не главная, на первом плане – описание судьбы «маленького человека». Но тема «маленького человека» окажется неразрывно связана с темой Петербурга. События, происходящие в столице, – кульминация сюжета. Минский грубо выгоняет Вырина, сунув ему деньги за дочь.

Счастливым финалом истории любви и пребывания Дуни в Петербурге, – исключение из общих правил: «Много их в Петербурге молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу, вместе с голью кабацкою» [11, т. 4, с. 165].

В первой повести о маленьком человеке определились основные мотивы сюжета петербургской повести как особой разновидности жанра: столкновение маленького человека со значительным лицом, в котором герой терпит поражение и гибнет. Присутствует также мотив бунта (попытки бунта) маленького человека против несправедливости, а также мотив обмана, лжи, который станет одним из главных у Гоголя.

В фантастической светской повести «Пиковая дама» петербургские реалии размыты: нет названий улиц, домов, единственное исключение – Обуховская больница. С. Фомичев справедливо отметил: «Не сомненно, что реальные черты города здесь скрадываются намеренно, что позволяет исподволь нагнетать фантастическую атмосферу в повести» [16, с. 199]. Фантастика придает таинственно-мистический, готический колорит происходящему и самому городу.

В отличие от маленького человека Евгения, человека бедного и скромного, Германн – человек хищного типа. Пушкин впервые представляет новый тип – героя-индивидуалиста; у него, как говорит Томский, «профиль Наполеона» и «душа Мефистофеля».

Разночинец, военный инженер Германн не вхож в свет, он встречается с людьми высшего круга только за карточным столом. Он ищет в этот круг, но не через труд и старания, а через тайну, чтобы без риска выиграть в нечестной игре. В петербургский сюжет вплетаются новые мотивы – денег, возмездия некой высшей силы. В этой петербургской повести, как и в «Медном всаднике», есть мотив безумия: Германн, проиграв, сходит с ума.

Пушкин противопоставляет в хронотопе Петербурга два исторических пласта: XVIII век и начало XIX века. В Германне писатель отразил дух нового времени, дух индивидуализма, жажды наживы и власти. А в образе графини воплощен образ светской львицы, «Венеры московской», как называли ее в Париже. Если графиня 60 назад играла в карты из азарта, то Германн – ради денег. На смену чувственным страстям пришла страсть к капиталу и карьере. Пушкин точно указал направление, в котором развивалось петербургское и в целом европейское общество.

В «Медном всаднике» Пушкин рисует Петербург иной, чем представлен в романе «Евгений Онегин». Автор, рассказывая об основании города Петром, выражает своё отношение к Петербургу в восторженных одических строках: «Люблю тебя, Петра творенье». Он перечисляет всё, что ему нравится в Петербурге: военные парады, салюты, прекрасные дворцы и замки, белые ночи. Но художественная правда трагической судьбы Евгения, описанная в жанре «петербургской повести», вносит трагический диссонанс в эту оду.

Главный герой, Евгений тоже «маленький человек», мелкий чиновник со скромными мечтами о создании семьи. Но и они рушатся, так как в петербургском потоке гибнет его невеста. Символом каменного и бездушного Петербурга становится Медный всадник – памятник императору Петру. Ему, строителю города, грозит кулаком взбунтовавшийся Евгений. Конь олицетворяет Россию, а всадник – самодержавную власть. В ключевой сцене потопа всадник обращен спиной к герою, к маленькому человеку, чьи интересы не имеют значения в государственном масштабе.

Один из главных конфликтов повести – это противостояние города и стихии. Нева – символ природы, которая мстит человеку за стремление покорить её, и символом народного мятежа. Стихия – природный враг Петрова дела, но, как верно отметил С. Бочаров, обе эти надличные силы действуют заодно – против маленького человека [1, с. 139]. Некоторые исследователи видят в бунте Невы аллюзию на декабрьское восстание (А. Белый, Д. Благой и др.).

В описании города часто упоминаются различные материалы: гранит, в который «оделася» Нева, «узор чугунный» ограды, «медный всадник», «бронзовый конь» и «железо». В поэме также присутствует образ «Руси деревянной», то есть народной: «чернели избы», «ветхий домик», «забор некрашенный», «обломки хижин». Дерево противопоставляется камню и железу, символизируя непрочность, бедность и незащищенность. Семантика железа, как отметил А. Перзекке [10], близка к семантике камня – это постоянство, и в то же время жестокость, твердость, сила, грубость. Железо, как пишет В.Н. Топоров, символизировало в том числе неумолимость [14, с. 147].

Евгений, преследуемый медным всадником, гибнет. Фантастика в повести, допускающая реалистическую мотивировку (безумие героя), – образное выражение безумия и фантастичности самого города, демонической природы Медного всадника. С. Бочаров выделяет особый феномен – «петербургское безумие» [1, с. 305], и исходной точкой этого высокого безумия был замысел этого «самого умышленного» (Достоевский), «бесноватого» (Ахматова) города.

Выводы

Итак, в творчестве Пушкина сформировалась такая жанровая разновидность, как петербургская повесть – итог историософских размышлений поэта о прошлом и настоящем России, о реформах Петра и их последствиях. Основные мотивы жанра, из которых складывается сюжет «петербургской повести» – судьба маленького человека, его конфликт со значительным лицом или с надличными обстоятельствами, жалкий «бунт» героя и его гибель. Несмотря на это, Петербург представлен в творчестве Пушкина как важное стратегическое достижение Петра, как мост, связавший Россию с Европой и укрепивший империю.

Но поэт видит и отрицательные последствия этой победы стихиями – бедствия народа, отрыв дворянства от национальной почвы, его расслоение, проникновение европейского индивидуализма, буржуазных ценностей, власть денег и чинования. Устойчивыми мотивами этого жанра стали мотив бунта маленького человека, безумия, иллюзорности и обманчивости парадной стороны города. Символика произведений о Петербурге – образы маскарада, карточной игры, камня, железа, медного всадника, потопа и др. – придает образу города многослойность и глубину.

Список источников

1. Бочаров С.Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012. 341 с.
2. Виролайнен М.Н. Медный всадник. Петербургская повесть // Звезда. 1999. № 6. С. 208 – 219.
3. Гришаева Г.В. Пушкинский Петербург // Музейные чтения: материалы I научно-практической конференции. Саранск, 2023. С. 64 – 73.
4. Джанумов С.А. Образ Петербурга в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 1. С. 93 – 106.
5. Душенко К.В. Два Петра и два Петербурга: Мицкевич и Пушкин // Человек: образ и сущность. 2019. № 5 (40). С. 202 – 234.
6. Конгаз И.Д., Мухурджиши Ю. «Медный всадник» А.С. Пушкина: К вопросу о структуре образа Петербурга // Палимпсест: Литературоведческий журнал. 2022. № 4 (16). С. 89 – 94.
7. Макогоненко Г.П. Пушкин и Гоголь. Л., 1985. 352 с.

8. Михайлова Н.И. Первая глава «Евгения Онегина»: из наблюдений над текстом // Болдинские чтения: сборник материалов международной научной конференции. Нижний Новгород, 2024. С. 25 – 29.
9. Онегинская энциклопедия в 2 т. М., 1999. С. 271 – 275.
10. Перзеке А.Б. Стихийные первоэлементы и бурный пейзаж в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник». URL: <http://www.info-library.com.ua/books-text-10601.html>
11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959-1962.
12. Томашевский Б.В., Шлионский Л.И., Назарова Л.Н., Медерский Л.А. Пушкинский Петербург. СПб.: Акад. проект, 2000. 2-е изд. 430 с.
13. Стеклова И.А. Образ петербургской набережной в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Знание. Понимание. Умение. М., 2014. № 2. С. 286 – 293.
14. Топоров В.Н. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 147.
15. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. СПб, 2003. С. 30 – 32.
16. Фомичев С.А. Пушкинская перспектива. М: Знак, 2007. 536 с.
17. Цивьян Т.В. Интерьер петербургского пространства в «Пиковой даме» Пушкина // Язык: тема и вариации. М., 2008. Т. 2. С. 263 – 271.
18. Яцевич А.Г. Пушкинский Петербург. СПб.: Петрополь, 1993. 431 с.

References

1. Bocharov S.G. Genetic memory of literature. Moscow: RSUH, 2012. 341 p.
2. Virolainen M.N. The Bronze Horseman. Petersburg story. Zvezda. 1999. No. 6. P. 208 – 219.
3. Grishaeva G.V. Pushkin's Petersburg. Museum readings: materials of the 1st scientific and practical conference. Saransk, 2023. P. 64 – 73.
4. Dzhanumov S.A. The image of St. Petersburg in the poem by A.S. Pushkin "The Bronze Horseman". Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. 2020. No. 1. P. 93 – 106.
5. Dushenko K.V. Two Peters and Two Petersburgs: Mickiewicz and Pushkin. Man: Image and Essence. 2019. No. 5 (40). P. 202 – 234.
6. Kongaz I.D., Mukhurdzhishi Yu. "The Bronze Horseman" by A.S. Pushkin: On the Structure of the Image of Petersburg. Palimpsest: Literary Studies Journal. 2022. No. 4 (16). P. 89 – 94.
7. Makogonenko G.P. Pushkin and Gogol. L, 1985. 352 p.
8. Mikhailova N.I. The First Chapter of "Eugene Onegin": From Observations on the Text. Boldino Readings: Collection of Materials of the International Scientific Conference. Nizhny Novgorod, 2024. P. 25 – 29.
9. Onegin Encyclopedia in 2 vol. Moscow, 1999. P. 271 – 275.
10. Perzeke A.B. Elemental Primary Elements and Stormy Landscape in the Poem by A.S. Pushkin "The Bronze Horseman". URL: <http://www.info-library.com.ua/books-text-10601.html>
11. Pushkin A.S. Complete Works in 10 volumes. Moscow: GIHL, 1959-1962.
12. Tomashevsky B.V., Shlionsky L.I., Nazarova L.N., Medersky L.A. Pushkin's Petersburg. SPb.: Acad. project, 2000. 2nd ed. 430 s.
13. Steklova I.A. The Image of the St. Petersburg Embankment in the Novel by A.S. Pushkin "Eugene Onegin". Knowledge. Understanding. Skill. Moscow, 2014. No. 2. P. 286 – 293.
14. Toporov V.N. Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia: in 2 vol. Vol. 2. Moscow, 1991. 147 p.
15. Toporov V.N. St. Petersburg Text of Russian Literature. St. Petersburg, 2003. P. 30 – 32.
16. Fomichev S.A. Pushkin Perspective. Moscow: Znak, 2007. 536 p.
17. Tsivyan T.V. The Interior of St. Petersburg Space in Pushkin's "The Queen of Spades". Language: Theme and Variations. M., 2008. Vol. 2. P. 263 – 271.
18. Yatsevich A.G. Pushkin's Petersburg. SPb.: Petropol, 1993. 431 p.

Информация об авторах

Мутагирова У.А., Дагестанский государственный университет, umutagirova@list.ru

Пашаева Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-22

¹ У Циньцинь

¹ Московский государственный университет

Сопоставительный анализ антропоморфных маркеров пространства в китайском и русском языках

Аннотация: в настоящей статье сопоставлены характерные для русского и китайского языков устойчивые способы обозначения пространства в таких измерителях, как части тела человека и его движения. В центре внимания – средства выражения показателей пространства (длина, ширина, высота). В статье приведена сравнительная таблица традиционных русских и китайских антропоморфных маркеров, характеризующих пространство, а также их соответствия в современных единицах измерения. Данное исследование позволяет показать, какую роль играют антропоморфные пространственные маркеры в социокультурной реальности, как представители разных культур членят пространство.

Ключевые слова: антропоморфизм, антропоморфные маркеры пространства, русский язык, китайский язык

Для цитирования: У Циньцинь. Сопоставительный анализ антропоморфных маркеров пространства в китайском и русском языках // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 81 – 84.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Wu Qinqin

¹ Moscow State University

Comparative analysis of anthropomorphic space markers in Chinese and Russian

Abstract: this article compares the stable ways of marking space in such meters as human body parts and movements, which are characteristic of the Russian and Chinese languages. The focus is on the means of expressing space indicators (length, width, height). The article presents a comparative table of traditional Russian and Chinese anthropomorphic markers characterizing space, as well as their correspondence in modern units of measurement. This study allows us to show what role anthropomorphic spatial markers play in social-cultural reality, how representatives of different cultures divide space.

Keywords: anthropomorphism, anthropomorphic markers of space, Russian language, Chinese language

For citation: Wu Qinqin. Comparative analysis of anthropomorphic space markers in Chinese and Russian. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 81 – 84.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: December 06, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Необходимость исследования способов выражения размерности пространства обусловлена тем, что пространство само по себе является формой конструирования мира в сознании человека. В этой сфере мы мо-

жем обнаружить как универсалии, так и специфику для двух языков – русского и китайского. Человеческое познание разнообразно, и в этом процессе человек пытается включить себя в познание мира. Мы называем это антропоморфизмом. С древних времен и до наших дней части тела человека являются мерой пространства: расстояния, длины, ширины, высоты, уровня, объема. В этом также проявляется антропоморфизм. В настоящей статье мы коснемся вопросов, связанных с исторической метрологией и сравним традиционные русские и китайские меры длины, ширины и высоты, которые выражаются при помощи частей тела человека или его действий – антропоморфных маркеров пространства, попытаемся найти универсальные и специфические черты.

Цель этой статьи – поиск универсальных из специфических способов выражения пространства при помощи антропоморфных маркеров (частей тела человека, его действий).

Актуальность данного исследования заключается в том, чтобы сравнить и сопоставить сходства и различия между разными языками с точки зрения единиц измерения, выражаемых частями человеческого тела и движениями. Это может помочь лучше понять историю различных языков и особенности специфики восприятия пространства в разных культурах.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили китайские и русские традиционные меры длинных, ширины, высоты, выраженные при помощи антропоморфных измерителей. Основным методом работы является метод сопоставительного и ономазиологического анализа.

Результаты и обсуждения

Как известно, человек измеряет мир и пространство вокруг себя при помощи самых доступных для него единиц – частей собственного тела или производимых им движений. Именно эти измерители были исторически первыми в древней метрологии. Хотя в настоящее время мы измеряем пространство при помощи точных международных единиц измерения, традиционные меры продолжают использоваться в языке: Ср. это в двух шагах отсюда; он на голову выше меня. Традиционные меры мы можем наблюдать во фразеологии: семь пядей во лбу, мерить на свой аршин, писать аршинными буквами, косая сажень в плечах [1, 2].

Сопоставим 10 традиционных мер пространства в русском и китайском языках (таблица 1). В таблице мы можем видеть, что в русской и китайской традиционных метрических системах используются похожие антропоморфные маркеры.

Таблица 1

10 традиционных мер России и Китая, использующих антропоморфные маркеры.

Table 1

10 traditional measures of Russia and China using anthropomorphic markers.

Русский язык	Китайский язык
Шаг (71 см)	步(1.66 м) bu - шаг
Палец (2 см)	指(1.5 см) zhi - палец
Пядь (17.78 см)	拃(20 см) zha - пядь
Ладонь (7.5 см)	掌(15 см-20 см)zhang - ладонь
Локоть (45 см)	肘(44.5 см) zhou - локоть
Аршин (71.12 см)	臂(87.5 см) bi - рука

В русском языке для обозначения расстояния используются такие слова, как шаг (71 см), палец (2 см), пядь (17.78 см), ладонь (7.5 см), локоть (45 см), аршин (71.12 см), махая сажень (1.78 м), косая сажень (2.48 м). В китайском языке части тела, применяемые для измерения, несколько отличаются по размерности: палец (1,5 см), ладонь (15 см-20 см), пядь (20 см), локоть (44,5 см), рука (87,5 см), и шаг (1,66 м).

В Китае, так же как и в России, длина пути измерялась в шагах (ср. рус. шаг, кит. 步). При этом надо отметить не только сходство, но и различие в двух языках при обозначении пространства. Так, например, в китайском языке мера длины расстояния могла измеряться (1) в мелких шагах 碎步, (2) в коротких (маленьких) шагах 小步, (3) в широких (больших) шагах 阔步. Применение того или иного маркера к обозначению расстояния зависело от длины пути. Кроме того, в китайском языке мера большого расстояния (аналогичная русской версте) соответствует тремстам шагам и называется ли (里), однако в отличие от версты, ли равняется примерно пятистам метрам. Таким образом, что в китайском языке шаг больше дифференцирован, чем в русском.

Два разных народа, русский и китайский, сочли удобным снимать маленькие мерки пальцами. И если палец и пядь незначительно различаются, то единица измерения ладонь vs 掌 (ладонь) отличается в двух языках. В русском языке в качестве измерителя расстояния используется ширина ладони, в то время как в китайском 掌 – это расстояние по прямой от кончика среднего пальца до центра запястья. Из-за разного понимания слова «ладонь» существуют и различия в его описании в современных единицах измерения, сантиметрах. Иначе говоря, китайский маркер ладонь почти в два раза больше русского эквивалента. И в отличие от других единиц измерения тела в китайском языке, понятие «ладонь» расплывчато. В древних текстах расстояние между «ладонями» колеблется от 15 см до 20 см. Принято считать, что ладонь у женщины небольшого размера, а у мужчины ладонь большого размера. То есть длина «ладони» варьируется от 15 см до 20 см, что является диапазоном в китайском языке, а не точным числом.

Более крупная единица измерения аршин по длине аналогична эквивалентной единице измерения в китайском языке, но семантически не симметрична. Соответствующая единица в переводе с китайского означает локоть, а в русском аршин – это расстояние от плеча до кончика пальцев. По приведенной таблице видно, что соответствующие единицы измерения по-русски, махая сажень по-китайски, все же мало чем отличаются по расстоянию, что представляет собой схожесть восприятия пространства разными народами. Но стоит упомянуть, что, в китайской письменности в иероглиф заложена особая семантика, то есть сам китайский иероглиф «度» имеет значение «линейка» [9].

Русское слово косая сажень обозначает расстояние по диагонали между кончиком среднего пальца на одной стороне тела и пальца ноги на другой стороне тела. Однако в процессе сбора данных мы не обнаружили, что у китайцев был подобный измеритель пространства.

Важно отметить, что система мер, основанная на антропоморфных маркерах пространства, с течением времени стремилась к унификации. Так, и в русском и в китайском языке изначально неточные измерители пространства (палец, ладонь, шаг и пр.) выстраиваются в полноценную метрическую систему (таблица 2).

Таблица 2

Традиционные меры расстояния России и Китая.

Table 2

Traditional measures of distance in Russia and China.

Русский язык	Китайский язык
Вершок (4.4 см)	寸 (cun, 3.33 см)
Пядь (17.78 см)	咫 (zhi, 26.64 см)
Фут (30.48 см)	尺 (chi, чи, 33.3 см)
Аршин (71.12 см)	—
По величине эквивалентно русской маховой сажени	步 (bu, шаг, 166.5 см)
По величине эквивалентно русской косой сажени	仞 (ren, 2 м 33 см)
—	寻 (xun, 2 м 66 см)
—	丈 (zhang, 3 м 33 см)
Верста (1.067 км)	里 (li, ли, 4 м 99 см)
Миля (7.468 км)	舍 (she, 15 км)

Как мы можем заключить, в китайском языке 步 (bu, шаг, 166.5 см) – это самая крупная единица измерения 尺 (chi, 33.3 см), и есть поговорка, что «пять чи – это шаг». 尺 (chi, чи, 33.3 см) является очень важной единицей измерения в китайском языке, в таблице мы можем видеть, что 仞 (ren, 2 м 33 см), 寻 (xun, 2 м 66 см) и 丈 (zhang, 3 м 33 см) являются соответственно тремя уровнями единиц измерения над 步 (bu, шаг, 166.5 см), в древней литературе «семь чи – это ren», «восемь чи – это xun», «десять чи – это zhang». А когда речь заходит о единице измерения ещё на верхнем уровне, то она становится «триста шагов – это ли». («пять чи – это шаг») [9]. Понятие 舍 (she, 15 км) обычно применяется в маршах и боях для обозначения больших дистанций [10, 12]. Аналогично в русском языке, 1 миля = 7 вёрст, 1 верста = 500 сажений, 1 сажень = 3 аршина [1].

Выводы

Мы видим, что между русским и китайским языками существует много сходств и различий в иерархическом понимании единиц измерения. В русском и китайском языках можно увидеть сходства в отборе традиционных антропоморфных маркеров для измерения пространства. Для измерения расстояния в русском и

китайском языке используются одни и те же части тела человека (палец, пядь, ладонь, локоть, рука) или движения (например, шаги). С течением времени неточные измерители стремятся к образованию классификации мер с общим основанием. Отметим основные различия:

- 1) Шаг в китайском языке более дифференцирован;
- 2) Существуют различия в протяженности измерителя (ср. ширина ладони в рус. и длина в китайском);
- 3) В китайском языке отсутствует измеритель «косая сажень», а маховой сажени соответствует обхват.

Итак, мы видим, универсальные черты не только в членении пространства в двух языковых картинах мира – русской и китайской – но и сходство в отборе антропоморфных маркеров для обозначения длины, ширины и высоты. В то же время отличия, существующие в метрологических системах двух языков, должны быть учтены при переводе, в практике преподавания двух языков.

Список источников

1. Бутков П.Г. Объяснение русских старинных мер, линейной и путевой. Санкт-Петербург: Изд-во: Б.и., 1844. С. 11 – 12.
2. Кулебякин Е.В. Антропоморфизм, его сущность и роль в становлении общественного сознания. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1985. С. 178.
3. Gazette of the State Council of the People's Republic of China. Beijing: People's Justice, 1985. 316 p.
4. Schinz A. The magic square: cities in ancient China. London: Edition Axel Menges, 1996. 428 p.
5. Nachum D., Edward M.R. Calendrical calculations. London: Cambridge University Press, 2014. 207 p.
6. Wilkinson E. Chinese History: A Manual (2nd ed.). Cambridge: Harvard University Asia Center, 2000. P. 244 – 245.
7. 权度法, 政府公报. Beijing: Office of the President, 1915. P. 85 – 94.
8. 张延明, 丘光明, 中国古代计量史图鉴. Hefei: Hefei University Press, 2005. 520 p.
9. 吴承洛, 中国度量衡史. Beijing: The Commercial Press, 1993. 175 p.
10. О системе Россійскихъ мѣръ и вѣсовъ // Полное собрание законов Российской империи. 1835. Т. 10. С. 1010 – 1011.

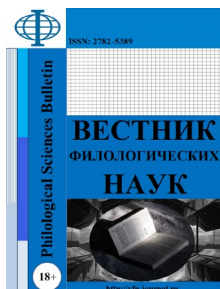
References

1. Butkov P.G. Explanation of old Russian measures, linear and track. St. Petersburg: Publishing house: B.i., 1844. P. 11 – 12.
2. Kulebyakin E.V. Anthropomorphism, its essence and role in the formation of public consciousness. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern University, 1985. 178 p.
3. Gazette of the State Council of the People's Republic of China. Beijing: People's Justice, 1985. 316 p.
4. Schinz A. The magic square: cities in ancient China. London: Edition Axel Menges, 1996. 428 p.
5. Nachum D., Edward M.R. Calendrical calculations. London: Cambridge University Press, 2014. 207 p.
6. Wilkinson E. Chinese History: A Manual (2nd ed.). Cambridge: Harvard University Asia Center, 2000. P. 244 – 245.
7. 权度法, 政府公报. Beijing: Office of the President, 1915. P. 85 – 94.
8. 张延明, 丘光明, 中国古代计量史图鉴. Hefei: Hefei University Press, 2005. 520 p.
9. 吴承洛, 中国度量衡史. Beijing: The Commercial Press, 1993. 175 p.
10. On the system of Russian measures and weights. Complete collection of laws of the Russian Empire. 1835. Vol. 10. P. 1010 – 1011.

Информация об авторах

У Циньцинъ, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 13120025711@163.com

© У Циньцинъ, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.41

¹ Амирова Х.Р., ¹ Нурбагандова Л.А.

¹ Дагестанский государственный университет

Специфика информационных программ на региональных телеканалах (на примере ГТРК «Дагестан» и «Наше Национальное Телевидение»)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности подачи новостей в информационных программах двух региональных телеканалов республики Дагестан: ГТРК «Дагестан» и «Наше Национальное Телевидение». Автор делает акцент на особенностях структуры и специфике содержания новостей в информационных выпусках, характере подачи материалов и расположения сюжетов в зависимости от актуальности темы и значимости события для местного зрителя. В статье представлены результаты исследования контента новостных программ ведущих телеканалов и выявлено их соответствие ожиданиям зрительской аудитории.

Ключевые слова: телевидение, новости, информационная программа, войс, видеоряд, синхрон, верстка, сюжет, контент

Для цитирования: Амирова Х.Р., Нурбагандова Л.А. Специфика информационных программ на региональных телеканалах (на примере ГТРК «Дагестан» и «Наше Национальное Телевидение») // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 85 – 90.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Amirova H.R., ¹ Nurbagandova L.A.

¹ Dagestan State University

The specifics of information programs on regional television channels (using the example of STRBC “Dagestan” and “Our National Television”)

Abstract: the article describes the features of news presentation in information programs of two regional TV channels of the State Television and Radio Broadcasting Company “Dagestan” and “Our National Television”. The author focuses on the structural features and specific content of news in news releases, the nature of the presentation of materials and the location of stories depending on the relevance of the topic and the significance of the event for the local viewer. The article presents the results of a study of the content of news programs of leading television channels and reveals their compliance with the expectations of the viewing audience.

Keywords: television, news, information program, voice, video, synchronized, layout, plot, content

For citation: Amirova H.R., Nurbagandova L.A. The specifics of information programs on regional television channels (using the example of STRBC “Dagestan” and “Our National Television”). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 85 – 90.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

На сегодняшний день любая телекомпания, рассчитывающая на высокий рейтинг, начинает свою деятельность с новостей и уделяет им значительное внимание. Новости отражают процессы в обществе, рассказывают о проблемах людей, о положительных и негативных изменениях в жизни социума и этим самым притягивают внимание большого числа, как зрителей, так и рекламодателей, что становится главной мотивацией развития редакции новостей для руководства канала. Одной из существенных характеристик современного состояния информационного вещания становится регионализация [1, с. 176]. Под данным термином следует понимать интерес региональной аудитории к новостям местного масштаба. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения ВЦИОМ, 47% респондентов доверяют региональным новостям. Это связано с тем, что местные телеканалы более приближены к зрителю, они чаще заявляют о локальных проблемах, рассказывают о выдающихся представителях края, а иной раз воспринимаются как более близкие к народу. Именно на этом факторе – близости к повседневным проблемам и нуждам людей – и основывается развитие региональных СМИ: газет, радиовещания, отдельных телепередач на республиканском телеканале областных студий, а затем и самостоятельных местных телеканалов [4, с. 26-28].

Актуальность исследования обусловлена тем, что новостные программы регионального телевидения занимают ведущие позиции в способах передачи информации в регионе и играют важную роль в формировании телевизионного и информационного пространства России.

Основная цель исследования состоит в анализе структуры, верстки и тематического наполнения новостных программ двух ведущих телеканалов республики Дагестан. Данная цель предопределила необходимость решения следующих задач: ознакомление с тематическим наполнением выпусков региональных информационных программ «Вести» на ГТРК «Дагестан» и «Новости-24» на ННТ; выявление принципов построения верстки данных новостных программ; определение основных проблем в организации подачи новостных событий и выявить степень зрительского участия в формировании тематических предпочтений редакции.

Материалы и методы исследований

При исследовании данной работы применялись следующие методы: теоретический анализ литературных источников; обзор, изучение и метод контент-анализа телевизионных программ, описание.

Результаты и обсуждения

По количеству государственных и негосударственных СМИ Дагестан занимает одно из ведущих мест среди субъектов России. На территории республики зарегистрировано более пятисот печатных и электронных СМИ. Однако основная часть из общего числа СМИ приходится на газеты и журналы и их онлайн-версии. Полноценно функционирующих крупных телекомпаний в Дагестане на сегодняшний день всего три – ГТРК «Дагестан», РГВК «Дагестан» и Наше Национальное Телевидение (ННТ).

ГТРК «Дагестан» – это филиал Всероссийской телевизионной и радиовещательной компании ВГТРК. Телеканал перекрывает федеральный показ «Россия 1». Информационное вещание "Вести Дагестан" началось в 2003 году с 3-х выпусков программы «Новости» в день. Сегодня в эфир выходят 7 блоков новостей, а программа носит название «Время новостей». Главная особенность вещания ГТРК «Дагестан» заключается в том, что это единственная в России телерадиокомпания, которая вещает на 14-ти конституционных языках народов Дагестана. Новости представлены на аварском, даргинском, цахурском, лезгинском, лакском, кумыкском, чеченском, рутульском, агульском, ногайском, татском, азербайджанском, табасаранском и русском языках. Такого изобилия лингвистических форм нет ни в одной информационной редакции страны.

В своих выпусках новостей ГТРК Дагестан делает упор на общественно-политическую жизнь региона. Преобладают новости о прошедших совещаниях и конференциях с участием руководства республики. Верстка информационной программы выстроена рандомно, нет единой линии последовательности тем. Выпуски часто начинаются с политической информации, либо с информации о чрезвычайном происшествии. К примеру, выпуск от 26 апреля 2024 года начинается с события, которое в редких случаях может вызвать общественный интерес:

«Председатель народного собрания Дагестана Заур Аскендеров принял участие в заседании комиссии совета законодателей по проблемам международного сотрудничества, которое состоялось в эти дни в Санкт-Петербурге. Был обсужден вопрос о развитии межрегионального сотрудничества с африканскими государствами в контексте итогов второго саммита «Россия-Африка», прошедшего в июле 2023 года».

Чаще всего новости подобного характера установлены в верстке программы на первых позициях по умолчанию, поскольку ГТРК «Дагестан» представляет интересы федеральной компании. В данном случае обсуждается вопрос международного характера в контексте участия в заседании региональных политиков. При этом, невозможно не заметить такую погрешность, как сложность подачи информации, а именно сложная форма конструкций предложений. Это становится причиной смысловой загруженности уже в

начале выпуска, что понижает интерес аудитории к дальнейшему просмотру [2]. Кроме того, не развивается тема общественного интереса к проектам, нет в качестве постфактума версии того, как событие отразится на жизни народа в частном порядке. По стилю работы с информацией журналистов относят в условную группу «общественных защитников». Эта идеология призывает работников СМИ к решению социальных проблем, формированию гражданского самосознания и социальной ответственности [6, с. 37-47].

Следующая новость этого выпуска строится аналогичным образом:

«Председатель Правительства Дагестана Абдулмуслим Абдулмуслимов сегодня принял участие в церемонии передачи нового медицинского автотранспорта главным врачам медучреждений республики. Всего премьер министр передал ключи от 47 новых машин. Автомобили выехали в муниципалитеты с центральной площади Махачкалы <...>».

На наш взгляд, новость звучала бы лучше, имея следующую форму: «47 новых машин получают больницы Дагестана. Теперь добираться до медорганизаций станет проще тем, кто это не может это сделать самостоятельно из-за проблем со здоровьем. Автомобили выделены в рамках программы «Развитие здравоохранения в Дагестане». Таким образом, мы подчеркнули социальную значимость события, выделив в первую часть новости именно позитивные изменения, которые сделают жизнь уязвимой части населения проще [2, с. 222].

Середина выпуска чаще всего посвящена актуальным вопросам из жизни общества. К примеру, в выпуске новостей от 15.05.24 появился сюжет об открытии единого контакт-центра при компании «Россети Северный Кавказ». Тема для жителей региона актуальная, отключения электричества – явление частое на территории Дагестана. Структура сюжета выстроена с учетом интересов аудитории: сначала зрителям рассказали о том, как работает центр, какие обращения поступают, а затем показали, как устраняются нарушения на месте аварии электросетей. Зрелищный видеоряд с демонстрацией работ энергетиков в высокогорье привлекает внимание зрителя. Далее следует официальная речь генерального директора компании, который посетил центр и проверил ход работ в компании. Такой подход способен вызвать интерес у аудитории, тогда как в иной версии структуры сюжета – от официального лица к сотрудникам компании – зрительская реакция с большей вероятностью будет противоположна. Тем не менее, хотелось бы добавить, что сюжету не хватило «народного мнения». Уместным дополнением материала было бы интервью с теми, кто обращался в центр и кому оказали помощь в решении проблемы.

В выпуске новостей от 16.05.2024 социально-значимой темой становится благоустройство двора по проспекту Акушинского в Махачкале, инициированное главой региона по просьбе местной жительницы. В выпуске от 28.05.24 – новые квартиры для четырехсот молодых семей, которые не могли получить эти квартиры ранее, из-за недобросовестных застройщиков и «банального долгостроя» – как обозначила ведущая. В дело вмешалось руководство региона и о том, к каким позитивным изменениям удалось прийти, рассказывается в сюжете. Материал начинается с небольшого синхрона счастливой женщины, которая заходит в недостроенное помещение и с улыбкой на лице рассказывает о том, как планирует обустроить квартиру. Заселения они ждут уже 16 лет, и, по их словам, дело сдвинулось с мертвой точки после распоряжений Главы республики. Автор сюжета ненавязчиво повествует нам историю со счастливым концом, к которой удалось прийти благодаря действиям властей, что в свою очередь способно сыграть значительную роль в укреплении доверия между руководством региона и обществом. Ненавязчивость – ключевой положительный аспект в подаче данной информации. По мнению экспертов, главная причина угасания интереса аудитории, заключается в том, что редакции не выполняют свою миссию формирования общественного мнения, «а общественное мнение есть продукт публичного обсуждения, то есть формирование не есть навязывание «правильной» официальной точки зрения» [3, с. 82].

Частая практика информационной редакции ГТРК «Дагестан» завершение выпуска «на доброй ноте». Существует негласное правило телевизионщика о том, что зрители чаще запоминают первый сюжет и последний, поэтому эти два материала должны быть максимально ориентированы на общественный интерес [7]. Положительный пример «бантика» в конце выпуска мы можем наблюдать в эфире от 26.04.24. Ведущая завершает 10-минутный блок новостей войсом на тему того, как на мосту над Сулакским каньоном турист из Архангельска сделал предложение своей спутнице.

Выпуск от 15.05.24 завершается сюжетом о семье Аслудиновых, готовящихся к празднованию бриллиантовой свадьбы. Супруги прожили вместе 60 лет, и именно им посвятила сюжет редакция телеканала в Международный день семьи, любви и верности. Автор начинает сюжет с синхрона главы семьи, у которого на текущий момент уже 25 внуков и 18 правнуков. Далее повествуется о важности правильного воспитания и главных особенностях подхода к воспитанию в семье Аслудиновых. Примечательно, что в сюжете нет ни одного интервью с участием лиц женского пола, жену главы семьи мы не видим крупным планом на протяжении всего сюжета, разве что на общих кадрах вместе с остальными членами семьи. Связано это с усто-

ями семьи, или это авторское решение, зрителю остается додумывать самому. В целом, завершение выпуска на подобных «добрых» сюжетах оставляет приятные впечатления, несмотря на официальный тон большей части сюжетов «Вести» ГТРК «Дагестан».

Наше национальное телевидение значительно уступает в возрасте ГТРК Дагестан. Первый эфир ННТ состоялся всего 10 лет назад в 2014 году. Это частная телевизионная компания, учредителем которой выступает духовное управление мусульман Дагестана. В качестве основной цели вещания, компания выделяет «наиболее полное и качественное информирование зрительской аудитории о событиях в мире, России и Республике Дагестан» – размещено на сайте канала в разделе информации о ННТ. Телеканал с момента начала вещания часто меняет направленность, изначально компания позиционировала себя как СМИ религиозного характера, в эфире появлялись ведущие в мусульманской одежде, транслировались новости и передачи с уклоном на религиозный компонент. Спустя четыре года, с целью привлечь внимание разных слоев населения республики, телекомпания меняет вектор направления и становится все более схожей по типу производимого контента с другими телекомпаниями региона (РГВК Дагестан и ГТРК Дагестан). Это отражается на имидже ведущих, на производимых материалах, и, в конечном счете, на аудитории канала, которая после трансформации заметно возросла. Единственное, что осталось неизменным, это упор на укрепление традиционных ценностей, освещение событий культурного, религиозного, и этнического формата, которые лежали в основе концепции телеканала еще на начальном этапе его формирования.

Информационная программа «Новости 24» выходит 12 раз в день. Из них обновленные выпуски можно увидеть в 12.00 и 18.30. Информационная редакция ННТ склонна позиционировать себя как «народное ТВ». Редакция выпускает сюжеты социальной значимости, специальные корреспонденты проводят журналистские расследования. Верстка телеканала прямо противоположна разобранной нами ранее верстке телеканала ГТРК Дагестан. Сюжеты о мероприятиях с присутствием официальных лиц в начале выпуска здесь можно отследить за редким исключением. Чаще всего события, открывающие выпуск, соответствуют разделу чрезвычайные происшествия, преступления, крупные аресты, криминал. В случае если день не был информационно насыщен, в начало выпуска выносятся застоявшаяся социальная проблема или данные рейтингов, свидетельствующие об ухудшении качества жизни местных жителей:

«Жилые комплексы Дагестана не попали ни в один федеральный рейтинг по уровню инфраструктуры» (выпуск от 30.11.23). Или: «В Дагестане отмечается рост цен на мясо и мясную продукцию в среднем на 10%» (выпуск от 30.11.23).

Почти во всех случаях, за исключением праздничных дней, выпуск начинается с события с негативным содержанием. Их суть экспрессивно отражается в шпигелях программы. При этом, экспрессивность подразумевает за собой широкое понятие, которое охватывает такие категории как эмотивность, эмоциональность, оценочность, интенсивность, образность [5, с. 15]. Приведем несколько примеров:

«Цена жизни – 10 тысяч рублей. За отказ дать в долг, житель села Ирганай зарезал и закопал своего друга» (выпуск от 16.04.24). «Не кнутом и не пряником, а половником: жительница Махачкалы систематически избивала 4-летнюю дочь» (выпуск от 16.04.24).

Гипербола, используемая в текстах журналистов, задает еще более угнетающий тон событию. Например, в войсе о росте цен на мясо, ведущая усиливает эффект эмоционального воздействия: «В Дагестане отмечается рост цен на мясо и мясную продукцию в среднем на 10%. Так, если в ноябре предыдущего года килограмм говядины стоил примерно 481 рубль, то в этом году ее стоимость доходит АШ до 520 рублей» (выпуск от 20.04.24).

Или: «Регион захлестнула волна самоубийств. Многие годы Дагестан был регионом-исключением и случаи суицида здесь были единичными. «Теперь же, единичные, стали привычными» (выпуск от 06.02.24)», – говорится в стендапе сюжета про суицид в Дагестане. Весь стендап построен на субъективных утверждениях, не подкрепленных никакими фактами, но усиливающих мысли о негативной тенденции среди аудитории. Подобные приемы, как и логично выстроенная верстка информационной программы, могут гарантировать интерес аудитории, о чем свидетельствуют многочисленные просмотры размещенных видео на канале «Новости Дагестан» (канал принадлежит телекомпания ННТ) видеохостинга Youtube. Но главным фактором привлечения аудиторного интереса к телекомпания является внимание информационной редакции канала к общественным проблемам. К примеру, в выпуске от 7 февраля 2024 года обсуждается набравшая тема ограбления канала имени Октябрьской революции. Источник питьевой воды нередко становится причиной трагедий для махачкалинцев. Журналист новостной редакции телеканала попытался разобраться, почему доступ к КОРУ не закрывают и могут ли жители столицы рассчитывать на создание безопасного пространства вокруг него. Корреспондент привлекает к сюжету местных жителей, которые заявляют об остро стоящей проблеме и возлагают надежду быть услышанными. Демонстрируется и версия ре-

шения проблемы от администрации города представителем ФГБУ «Дагмелиоводхоз». Такие сюжеты помогают обществу сообщить властным структурам о том, что нуждается в пристальном внимании и не остаться голословными. Это способствует налаживанию связи общества с чиновниками без лишней бюрократии и при содействии четвертой ветви власти – журналистики. Пожалуй, это основная специфическая черта телеканала «Наше национальное телевидение».

Но, как и во многих региональных СМИ, эфир телеканала «Наше национальное телевидение» не обходится без лексических ошибок. Особенно этим изобилуют анонсы программы:

«Процедура банкротства по-дагестански: Следственный комитет РД возбудил уголовное дело против жителя Хасавюрта, который отобрал квартиру у девочки-инвалида» (выпуск от 23.04.24). Здесь мы наблюдаем несоответствие первой части предложения по отношению ко второй. Двосточие предполагает дальнейшее раскрытие смысловой нагрузки, но в чем здесь заключается процедура банкротства – неясно. Возможно, это изложено в самом сюжете, но на этапе анонса это звучит неоправданно.

«Браконьеров за решетку, а рыбу на свободу. Почти на 18 млн рублей незаконно выловили осетровых в Дагестане» (выпуск от 23.04.24). При произношении этих строчек ведущей, на экране изображена выловленная и обезглавленная рыба. Какую свободу планирует дать мертвой рыбе редакция телеканала – вопрос риторический. «В первый раз, но, возможно, не последний – гигантская снежная лавина сошла в Цунтинском районе» (выпуск от 15.04.24). Здесь очевидно неуместный прогноз от лица ведущей звучит угрожающе и семантически неверно.

Выводы

После рассмотрения эфирных особенностей новостных программ на исследуемых телеканалах нами было выявлено, что их вещание имеет различие в том, что они выходят в эфир с разной периодичностью и форматы их телевизионных выпусков отличаются. Исходя из анализа, можно заметить как положительные тенденции развития, так и проблемы, требующие решения. Среди положительных тенденций можно выделить общую для двух телеканалов черту – наличие сюжетов на общественно важную проблематику. Среди ключевых проблем, требующих решения – низкое качество подачи сюжетов данной категории. На качество информационного вещания влияет множество факторов. В числе приоритетных – подбор сюжетов с учетом интересов массовой аудитории, плюрализм мнений по существу обсуждаемых вопросов. Однако современная практика регионального информационного вещания подтверждает, что даже хорошо зарекомендовавшие себя правила формирования профессиональной репутации далеко не всегда оказываются востребованными. Это объясняется и возросшим уровнем политизации, при которой социально значимые сюжеты отходят на второй план, уступая место ангажированным материалам. Так, проведенное нами исследование показало, что повестка ГТРК «Дагестан» в большей мере выражает интересы и идеи субъектов политики, то ННТ наиболее полно отображает общественную повестку, так или иначе переплетенную с религиозной составляющей. Региональные государственные телеканалы распределяют новостной контент в соотношении 60% политики, 40% – остальное – среди которых – ЧП (в зависимости от масштаба), экономика, сельхозпроизводство, образование, наука и спорт. Частный телеканал наименее ангажирован с правительством, поэтому наиболее свободен в формировании повестки. Все это не может не отражаться на рейтингах каналов, в котором ГТРК «Дагестан» заметно уступает частному телеканалу «Наше национальное телевидение».

Список источников

1. Цвик В.Л., Назарова Я.В. Телевизионные новости России. М.: Аспект Пресс, 2002. 176 с.
2. Ильяхов М., Сарычева Л. Пиши, сокращай 2025. Как создавать сильный текст. М.: Альпина Паблишер, 2024. С. 2.
3. Фомичева И.Д. Социология СМИ. М.: Аспект Пресс, 2007.
4. Булацкий В.Г. Тенденции развития регионального телевидения в Беларуси // Журналист. 2020. С. 26 – 28. URL: <http://www.dompressy.by/2020/05/20/tendencii-razvitiya-regionalno-televideniya-v-belarusi/> (дата обращения: 06.10.2024).
5. Селезнева Н.Е., Барская О.В. Языковые средства выразительности в англоязычных военных публикациях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 15 – 22. URL: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-15-22> (дата обращения: 11.09.2024).
6. Иванян Р.Г. Журналист социальной сферы: личностные и профессиональные характеристики – 2004 / ред. С.Г. Корконосенко. СПб., 2005.
7. Воеводина Л.Н., Мурзаева В.В. Телевидение в современном культурном пространстве: кризис и переоценка ценностей // Культура и образование. 2020. С. 25 – 32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/televidenie-v-sovremennom-kulturnom-prostranstve-krizis-i-pereotsenka-tsennostey/viewer> (дата обращения: 25.10.2024).

References

1. Tsvik V.L., Nazarova Ya.V. Television news of Russia. Moscow: Aspect Press, 2002. 176 p.
2. Ilyakhov M., Sarycheva L. Write, shorten 2025. How to create a strong text. Moscow: Alpina Publisher, 2024. 2 p.
3. Fomicheva I.D. Sociology of the media. Moscow: Aspect Press, 2007.
4. Bulatsky V.G. Trends in the development of regional television in Belarus. Journalist. 2020. P. 26 – 28. URL: <http://www.dompressy.by/2020/05/20/tendencii-razvitiya-regionalnogo-televideniya-v-belarusi/> (date of access: 06.10.2024).
5. Selezneva N.E., Barskaya O.V. Language means of expression in English-language military publications. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2022. Iss. 1 (219). P. 15 – 22. URL: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-15-22> (date of access: 11.09.2024).
6. Ivanyan R.G. Journalist in the social sphere: personal and professional characteristics – 2004. Ed. S.G. Koronosenko. St. Petersburg, 2005.
7. Voevodina L.N., Murzaeva V.V. Television in the modern cultural space: crisis and reassessment of values. Culture and education. 2020. P. 25 – 32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/televidenie-v-sovremennom-kulturnom-prostranstve-krizis-i-pereotsenka-tsen-nostey/viewer> (date of access: 25.10.2024).

Информация об авторах

Амирова Х.Р., Дагестанский государственный университет, khadykurbanova@mail.ru

Нурбагандова Л.А., кандидат филологических наук, доцент, кафедра электронных СМИ, Дагестанский государственный университет, mila7903@yandex.ru,

© Амирова Х.Р., Нурбагандова Л.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-26 347.78.034

¹ Боланьос Арсе И.Э.

¹ Государственный университет просвещения

Сопоставительный диахронический анализ переводов на испанский язык творчества Александра Блока

Аннотация: цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать проблемы межъязыковой передачи особенностей русской символистской поэзии Серебряного века на испанский язык на примере переводов одного из крупнейших представителей этого направления – Александра Блока. В работе рассматриваются переводы, совершенные за последние полвека как в Испании, так и в Латинской Америке.

Настоящее исследование предполагает сравнительный диахронический анализ переводов Федора Кельвина и Сесара М. Арконады (1974), переводов Клары Ханес в сотрудничестве с Амайей Лакаса (1999), переводов Самуэля Фейхоо и Нины Булгаковой (1970) и перевода Хоакина Торкемады (2022), а также оригинального текста. Необходимо также исторический анализ процесса появления русской поэзии в Испании и Латинской Америке: с его помощью может быть определена достоверность источников и проведено сравнение переводов 25, 30 и 50-летней давности.

Основываясь на настоящем анализе, мы сможем понять суть ошибок в переводах поэзии русского символизма на испанский язык, а также проследить связь этих ошибок с доступностью переводчику оригинальных источников. Кроме того, для того, чтобы узнать, в какой степени оригинальный текст находит отражение в переводе, нами было проведено углубленное исследование морфологического, синтаксического и лексического уровней языка нескольких стихотворений.

В том, что касается аспекта стилистики, нам был рассмотрен перевод метафор и эпитетов, характерных для символизма, а также проанализированы особенности метрики, рифмы и ритма русской поэзии.

Практическая ценность исследования состоит в том, что рассмотренные в статье проблемы не были изучены ранее. Настоящий анализ представляет большой интерес для работ в области перевода поэзии с русского языка на испанский.

Так же, с целью обогащения результатов исследования, нами предложены переводы собственного авторства, оценку которых мы оставляем на усмотрение читателей.

Ключевые слова: сопоставительный диахронический анализ, поэтический перевод, проблемы перевода, Александр Блок, русский Серебряный век, межъязыковая передача

Для цитирования: Боланьос Арсе И.Э. Сопоставительный диахронический анализ переводов на испанский язык творчества Александра Блока // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 91 – 105.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Bolanos Arce I.E.

¹ Federal State University of Education

Comparative diachronic analysis of Spanish translations in the literary works of Alexander Blok

Abstract: this article aims to analyze the interlingual transmission problems of Russian symbolist Silver Age poetry into Spanish using the example of translations by one of the largest representatives of this trend, Alexander Blok. This research examines the translations made over the past half century both in Spain and in Latin America.

The present study involves a comparative diachronic analysis of translations by Fyodor Kelin and Cesar M. Arconada (1974), translations by Clara Hanes in collaboration with Amaya Lacasa (1999), translations by Samuel Feijoo and Nina Bulgakova (1970) and translations by Joaquin Torquemada (2022), as well as the original text. A historical analysis about the process of the emergence of Russian poetry in Spain and Latin America is also necessary: with its help, the reliability of sources can be determined and translations of 25, 30 and 50 years ago can be compared.

Based on this analysis, we will be able to understand the essence of errors in translations of Russian symbolism poetry into Spanish, as well as trace the connection of these errors with the availability of original sources to the translator. In addition, in order to find out to what extent the original text is reflected in the translation, we conducted an in-depth study of the morphological, syntactic and lexical language levels of several poems.

As for the stylistic aspect, we considered the translation of metaphors and epithets characteristic of symbolism, as well as analyzed the features of the metric, rhyme and rhythm of Russian poetry.

The practical value of the research consists in the fact that the problems discussed in the article have not been studied previously. This analysis is of great interest for works in the field of translation of poetry from Russian into Spanish.

Furthermore, in order to enrich the research results, we have proposed translations of our own authorship whose evaluation in quality is at the discretion of the readers.

Keywords: *comparative diachronic analysis, poetry translation, translation problems, Alexander Blok, Russian Silver Age, interlingual transmission*

For citation: Bolanos Arce I.E. Comparative diachronic analysis of Spanish translations in the literary works of Alexander Blok. *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 91 – 105.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Процесс перевода русской символистской поэзии на испанский язык на протяжении многих лет сталкивался с целым рядом препятствий: ограничения, которые были наложены франксистским режимом и просуществовали на протяжении значительной части XX века, отсутствие переводчиков со знанием языка оригинала, ограничения, введенные для приглушения русского литературного и культурного богатства сегодня. Все эти факторы в той или иной степени повлияли на передачу изящества русских стихов начала прошлого века в переводах.

Если для французской и английской языковой традиции символисты, принадлежащие к периоду, известному сегодня как Серебряный век, были важными фигурами, то для испанского читателя этот период оказывается значим куда в меньшей степени. Наибольшее внимание – как в Испании, так и в Латинской Америке – обратил на себя Александр Блок. Нет нужды говорить о том, что количество антологий, вобравших стихи других поэтов, которые в России получили не меньшее или даже большее признание – таких, как Брюсов, Бальмонт, Белый или Сологуб – крайне невелико.

Многие переводоведы, поэты и исследователи говорят о творчестве Блока как о выдающемся. Торкемада Санчес, признанный испанский исследователь и переводчик, говоря о поэте, подчеркивает: «Блок... символист, который входит за рамки и превосходит каноны этого литературного течения, расширяя его, но не разрушая» [1, с. 27]. В свою очередь, кубинский писатель и художник Самуэль Фейхоо упоминает, что «творчество Александр Блока – одно из высших достижений русской поэзии и представляет собой, пожалуй, самую сложную страницу ее развития» [2, с. 9]. В то же время, великие русские писатели и поэты, такие, как И.Г. Эренбург, признают ценность стихов Блока, сравнивая его с величайшими фигурами в истории русской литературы: «Пушкин был первой любовью России, после него она много любила, но Блока она познала в страшные роковые дни, в великой огневнице, когда любить не могла, познала и полюбила» [3, с. 32].

Материалы и методы исследований

Для настоящего исследования были избраны стихи именно этого автора, а также четыре наиболее актуальные их перевода XX и XXI веков. Мы подробно проанализируем факторы, оказавшие непосредственное влияние на перевод творчества Блока на русский язык: начнем с источников, которыми пользовались переводчики, продолжим существенным стилистическим анализом некоторых выбранных нами стихотворений и закончим переводами других стихотворений поэта собственного авторства.

Результаты и обсуждения

Источники переводов поэзии символистов на испанский и их влияние на окончательный результат.

Главным представителем русской поэзии в исторической перспективе признан А.С. Пушкин. Его творчество полностью до сих пор не переведено на испанский язык, и если в Испании по нему написано некоторое количество работ, то в Латинской Америке этот автор практически неизвестен. Как справедливо отмечает Висенте Каскарра, «поэзия – это большая пустота, в которой время от времени появляются гении, такие как Пушкин или Блок» [4, с. 49].

Трудность перевода Пушкина, как и любого большого поэта, очевидна. Понять объем этой задачи мы постараемся в этом разделе. Чтобы прояснить, насколько мало количество качественных переводов русских символистов на испанский, нам необходимо погрузиться в исторический контекст.

Между 1920 и 1924 годами в России происходила массовая высылка интеллигенции. Покидая страну, ведущие деятели русской культуры отправлялись в Берлин, Прагу или Париж. Именно здесь, во французской столице, и обосновалась коммуна ведущих русских интеллектуалов и писателей – авторов большого количества признанных шедевров. Здесь, во Франции, многие из этих произведений переводились на французский язык, но до Испании они доходили лишь в ограниченных масштабах.

С этого момента нам становятся ясно, с чем могло быть связано такое большое количество ошибок в испанских переводах, которые составляют антологии поэзии русского Серебряного века. Источником, с которого осуществлялся перевод, был не непосредственно русский, но некоторый третий язык. «Многое из переведенного было получено «из третьих рук» – в первую очередь, с французского языка – и это работы крайне низкого качества» [4, с. 49].

Октябрьская революция получила большой отклик в Испании. Русские приезжали в Испанию, испанцы – в Россию. Именно в это время русская литература стала переводиться непосредственно с языка оригинала.

С началом гражданской войны в Испании деятельность, связанная с литературным переводом, практически прекращается. «Многие издания первых переводов русских писателей не сохранились, поскольку в Испании приход к власти в 1939 г. Франко ознаменовался чисткой библиотек, и в это время значительная часть русских фондов была сожжена» [5, с. 116].

Русские книги из Свободного института просвещения сжигали на улице. В Национальной библиотеке долгое время даже работал цензор – священник, который запрещал чтение всякой русской книги.

Начиная с 1970-х годов русская литература в переводе стала появляться в Южной Америке, особенно в Аргентине, где особенно важную роль сыграли женщины. Таков случай Ирины Сергеевны Богдащевской – переводчицы, которой «мы обязаны, в частности, переводами многих русских поэтов так называемого Серебряного века» [6, с. 275].

В разгар перестройки в Испании просыпается настоящая лихорадка по поводу всего, что связано с русской культурой и литературой, в частности. Переводится большое количество произведений, о русской литературе много говорят: в середине 90-х годов русская литература входит в моду. Но после падения СССР Россия перестает быть в центре внимания, а вместе с тем из моды исчезает и русская литература, упоминания которой постепенно уходят из СМИ, в то время как сами тексты практически не издаются.

Русская литература всегда переводилась в пылу политических или социальных событий, и крайне редко – из соображений подлинного культурного интереса. Динамика интереса к стране характеризуется огромными скачками взлетов и падений. В истории испанской мысли были периоды огромного интереса к русской литературе, а рядом с ними – периоды, в которых этой литературы практически не существовало.

К счастью, на протяжении истории эта проблема зачастую снималась благодаря наличию превосходного посредника в лице Франции. Большая часть того, что в Испании известно сегодня о русской культуре, и, конечно, о литературе страны, в свое время появилось в испанском культурном поле и продолжает появляться сегодня через Францию. Негативная сторона этого феномена заключается в том, что творчество русских поэтов Серебряного века «переводилось, главным образом, интуитивно, без систематического исследования и детального знакомства с источниками, как правило, с влиянием уже существующих переводов на другие языки» [4, с. 49].

Так, одной из вытекающих проблем становится частотная деформация русских имен – феномен, во многом актуальный и сегодня: при переводе с французского или английского языков зачастую допускается, помимо прочих неточностей, буквальное копирование тех транслитераций, которыми имена переводились с языка оригинала.

Сохранение метра, ритма и рифмы при переводе творчества А.А. Блока

Мы можем с уверенностью сказать, что, в отличие от работы с прозаическими текстами, перевод поэзии, как правило, сопряжен с рядом дополнительных трудностей, присущих жанру: наличие риторических фи-

гур, формальные особенности или особенности, связанные с интерпретацией оригинала. В разговоре же о символизме количество трудностей только возрастает. План метафорического, таинственности, мистицизма настроения, которым пронизан поэтический язык, должны быть переданы с сохранением системы стихосложения, стилистических приемов и рифмы, характерной для русской системы стихосложения. Нельзя, при этом, забывать и о том, что напрямую на строфическое, метрическое и ритмическое оформление текста влияют различия в морфологическом строе языков.

Говоря о переводе поэзии символистов необходимо «подчеркнуть сложность, с которой достигается совмещение всех частей головоломки: как на грамматическом, так и на лексическом уровне» [7, с. 565].

То, что в языке оригинала автор мог выразить одним словом, в языке перевода зачастую нуждается в двух или более словах – особенно учитывая тот факт, что русский язык «в отличие от испанского, обладает гораздо более активной словообразовательной системой» [8, с. 54].

Все это очень проблематично для перевода, особенно поэзии. Более того, в большинстве (кроме одного случая) переводов стихов Блока, собранных в антологию, рассматриваемую в настоящем исследовании (и во многих других случаях, оставшихся за рамками нашего анализа), переводчики предпочли попросту перейти на технику «свободного стиха», за редким случаем обращая внимание на структуру поэмы и опираясь в первую очередь на воспроизведение содержания.

Ниже в качестве примера представлен диахронический анализ переводов с разницей в практически тридцать лет. Анализ переводов стихотворений «Нет конца лесным тропинкам...» (таблица 1), «Судьба сама мне завещала» (таблица 2), «Душа молчит» (таблица 3), «Тихая ночь» (таблица 4) будет основываться на версиях Самуэля Фейхоо и Нины Булгаковой (1970) и Клары Ханес в сотрудничестве с Амайей Лакаса (1999).

Таблица 1

Стихотворение «Нет конца лесным тропинкам» А.А. Блока и его переводы на испанский язык.

Table 1

A.A. Blok's poem «There is no end to the forest paths» and its translations into Spanish.

<p>Нет конца лесным тропинкам. Только встретить до звезды Чуть заметные следы... Внемлет слух лесным былинкам.</p> <p>Всюду ясная молва Об утраченных и близких... По верхушкам елок низких Перелетные слова...</p> <p>Не замечу ль по былинкам Потаенного следа... Вот она – зажглась звезда! Нет конца лесным тропинкам.</p> <p>2 сентября 1901. Церковный лес</p>	<p>Solo quisiera encontrar, antes de la estrella, Las huellas apenas visibles... Atiende el oído a las hierbas del bosque.</p> <p>En todas partes se oye el rumor claro Sobre los perdidos y los familiares... Por las cimas de los abetos bajos Vuelan las palabras... Quizás note, por las briznas, Una huella oculta... He aquí ¡Se encendió la estrella! No tienen fin los senderos del bosque.</p> <p>Перевод Самуэля Фейхоо и Нины Булгаковой</p> <p>No tienen fin los senderos del bosque. Tan sólo quisiera, antes de que asome la estrella, Encontrar su rastro apenas visible... A las hierbas del bosque está atento el oído.</p> <p>Por todas partes se oye el claro rumor Que envuelve a los seres perdidos y queridos... Por las cumbres de los bajos abetos Vuelan las palabras...</p> <p>Tal vez pueda captar en las briznas, Una huella oculta... Ya está aquí, ¡se ha encendido la estrella! No tienen fin los senderos del bosque!</p> <p>Перевод Клары Ханес и Амайи Лакаса</p>
--	---

Сразу обращает на себя внимание тот факт, что оригинал стихотворения отличается большим благозвучием и строки связаны между собой четкой консонантной рифмой, в то время как ни в одном из переводов метрический рисунок не сохраняется, а мелодические требования русского стихосложения не соблюдены.

Более того, в версии 1970 года не сохранена даже структура из трех строф по четыре строки в каждой – это удалось добиться только в версии 1999 года. Как кажется, оригинальная версия, с которой производился перевод, была некорректно или произвольно отпечатана, в связи с чем переводчик решил изменить структуру стихотворения.

Вероятно, заметив анжамбеман в первой строфе, в которой второй и третий стих относятся к одному предложению, переводчик воспользовался грамматическими паузами (посредством запятых и многоточий), чтобы избежать таким образом неточностей в тексте перевода – так получится терцет.

Что касается второй строфы, то ясные причины для обоснования принятого решения, на наш взгляд, отсутствуют. Если взять за точку отсчета определение «эквивалентности в переводе», предложенное Ю.Л. Оболенской, мы поймем, что эквивалентность «подразумевает такую интерпретацию оригинального текста, которая позволяет достичь функционального сходства в тексте перевода. В свою очередь, функциональное сходство предполагает сходство стилистическое, то есть эквивалентность выразительных средств, которая, разумеется, не может быть сведена к формальному тождеству языковых элементов. Кроме того, эквивалентность перевода неизбежно обусловлена историческим и культурным контекстом времени его создания» [9, с. 122].

Исходя из этого определения, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев важную роль играет участие в процессе носителя языка: именно непосредственное знание языка оригинала, исторического и социального контекста оригинального текста и культуры помогают значительно снизить вероятность ошибок. В нашем случае такой работы проведено не было.

Не было предпринято ни одной попытки перевода с сохранением рисунка рифмы, тем более сохранения консонантной рифмы, несмотря на всю важность этого элемента как отличительной черты русской поэтики. Более того, первый перевод представляет не меньшее (а возможно, и большее) количество неточностей, чем перевод 1999 года (выполненный испаноговорящими переводчиками). В довершение, не переведена даже первая строка «Нет конца лесным тропинкам» в начале стихотворения.

Другим аргументом против перевода Самуэля Фейхоо и Нины Булгаковой можно назвать тот факт, что их работа хронологически ближе к моменту написания стихотворения Блока (1901 год), в связи с чем мы могли бы ждать от нее большей верности оригиналу – но и этого не происходит.

Возможно, решающий фактор кроется в личностях самих авторов перевода. Иными словами, Клара Ханес и Амайя Лакаса – испанские писатели, поэты и переводчики с литературным образованием, в то время как Самуэль Фейхоо – кубинский самоучка со средним образованием. И хотя Фейхоо, несомненно, является признанным мастером поэтического искусства, в нашем случае творчество и глубокое знание оригинала должны идти рука об руку. Поскольку, судя по имеющимся данным, Самуэль Фейхоо всю жизнь прожил на Кубе, он, скорее всего, не знал русского языка, в связи с чем ответственность ложится на второго соавтора – Нину Булгакову, о которой мы не нашли никаких сведений.

Антология 1970 года – одна из первых, в которых мы находим перевод этих стихов на испанский, что позволяет нам интуитивно сделать вывод о том, что это перевод был выполнен не с другого перевода, а непосредственно с языка оригинала.

Перевод же 1999 года, как кажется, мог быть выполнен не с оригинального источника, а с перевода на другой европейский язык. Наиболее вероятным кажется вариант, при котором перевод осуществлялся с французской или английской версии – в то время переводы русских символистов на эти языки были куда более многочисленны, чем их переводы на испанский. «Это допущение кажется особенно вероятным, когда мы говорим о русском Серебряном веке и особенно о произведениях авторов-символистов» [10, с. 67].

В разговоре о стихотворении «Судьба сама...» мы в первую очередь обращаем внимание на строфическую структуру, и теперь уже версия 1999 года не имеет сходства с оригиналом. Стихотворение Блока состоит из восьми строк, написанных четырехстопным ямбом, в то время как в переводе представлены только шесть строк – в отличие от версии 1970-го, в которой изначальное количество строк сохраняется. Рифма в данном случае также отсутствует в обеих версиях.

Версия 1999 года опускает использование заглавных букв в словах «Идеал» и «Поэзия», в то время как версия 1970-го сохраняет заглавную букву в первом слове, а второе передает со строчной. Такое употребление может считаться грубой ошибкой, поскольку основная идея стихотворения – страсть к поэтическому идеалу.

Стоит отметить, что в версии 1999 года отсутствует анжамбеман, присутствующий в оригинале, в то время как версия 1970-го остается верной русскому тексту. Систематический отказ от передачи этого тропа

не позволяет читателю ощутить остроту, которую хочет передать автор в оригинале. Пунктуационная пауза и постоянная цезура фрагментируют строки, замедляют ритм и создают ощущение рассогласованности текста. Эта же особенность характерна для стихотворения «Душа молчит. В холодном небе...», где мы наблюдаем злоупотребление цезурой в последней строке.

Таблица 2

Стихотворение «Сама судьба...» А.А. Блока и его переводы на испанский язык.

Table 2

A.A. Blok's poem «As fate willed me...» and its translations into Spanish.

<p>Сама судьба мне завещала С благоговением святым Светить в преддверьи Идеала Туманным факелом моим. И только вечер – до Благого Стремлюсь моим земным умом, И полный страха неземного Горю Поэзии огнем.</p> <p>26 мая 1899</p>	<p>El mismo destino me legó Alumbrar el umbral del Ideal En sagrada veneración Con mi antorcha neblinosa. Una vez caído el anochecer, al Bondadoso Me tiendo con mi mente terrenal Y lleno del temor místico Ardo con el fuego de la poesía.</p> <p>Перевод Самуэля Фейхоо и Нины Булгаковой</p>
	<p>El mismo destino, con veneración sagrada, Me legó iluminar el umbral del ideal Con mi nebulosa antorcha, Y apenas llega la tarde yo, con mi mente terrena, Me encamino hacia el Altísimo, preso en celestial temor. Ardo en el fuego de la poesía.</p> <p>Перевод Клары Ханес и Амайи Лакаса</p>

Таблица 3

Стихотворение «Душа молчит» А.А. Блока и его переводы на испанский язык.

Table 3

A. A. Blok's poem «My soul is quiet. The taut string...» and its translations into Spanish.

<p>Так – белых птиц над океаном Неразлученные сердца Звучат призывом за туманом, Понятным им лишь до конца.</p> <p>3 февраля 1901</p>	<p>Así de las aves blancas sobre el océano los corazones inseparables Suenan con su llamada, tras de la bruma, Que solamente ellas entienden.</p> <p>Перевод Самуэля Фейхоо и Нины Булгаковой</p>
	<p>Así, de igual modo, en pos de la otra, Resuena, tras el cerco de brumas Del océano, la llamada indescifrable Del corazón de las aves blancas.</p> <p>Перевод Клары Ханес и Амайи Лакаса</p>

С нашей точки зрения, решения, принятые переводчиками Кларой Ханес и Амайей Лакаса при работе с этим стихотворением, могут скорее быть названы неудачными.

Наконец, перед нами стихотворение «В ночь молчаливую чудесен». Помимо того, что в данном случае переводчиками сохраняется рисунок рифмы (а точнее, его отсутствие), в обеих версиях внимание уделяется количеству строк и строк в каждой строфе. Кроме того, соблюдены перечисления и грамматические паузы.

Отдельно стоит обратить внимание на тот факт, что в версии 1970 года при переводе строки «Проходишь медленнее ты» использованы две запятые «Pasas, más despacio, ...» с целью увеличения паузы и передачи этой паузы не только в речи, но и на письме.

Даже несмотря на то, что в оригинале это средство не используется, его применение переводчиком представляется нам крайне удачным решением.

Таблица 4

Стихотворение «Тихая ночь» А.А. Блока и его переводы на испанский язык.

Table 4

A.A. Blok's poem «The silent night is wonderful...» and its translations into Spanish.

<p>В ночь молчаливую чудесен Мне предстоит твой светлый лик. Очарованья старых песен Объемлют душу в этот миг.</p> <p>Своей дорогой голубою Проходишь медленнее ты, И отдыхают над тобою Две неподвижные звезды.</p> <p>13 июня 1900</p>	<p>La noche silenciosa, con misterio Me presenta tu faz clara. Los encantos de las viejas canciones Toman el alma en este instante.</p> <p>Por su camino azul Pasas, más despacio, Y sobre ti descansan Dos estrellas inmóviles.</p> <p>Перевод Самуэля Фейхоо и Нины Булгаковой</p>
	<p>La noche silenciosa me ofrece Con misterio tu faz clara. El hechizo de antiguas canciones En este instante llena mi alma.</p> <p>Por su camino azul Pasas tú más despacio, Y sobre ti descansan Dos estrellas inmóviles.</p> <p>Перевод Клары Ханес и Амайи Лакасы</p>

Таблица 5

Перевод стихотворения «Нет конца лесным тропинкам» (разработан автором).

Table 5

Translation of the poem «There is no end to the forest paths» (made by the researcher).

<p>Нет конца лесным тропинкам. Только встретить до звезды Чуть заметные следы... Внемлет слух лесным былинкам.</p> <p>Всюду ясная молва Об утраченных и близких... По верхушкам елок низких Перелетные слова...</p> <p>Не замечу ль по былинкам Потаенного следа... Вот она – зажглась звезда! Нет конца лесным тропинкам.</p> <p>2 сентября 1901. Церковный лес</p>	<p>No tienen fin los senderos del bosque. Quisiera encontrar antes de la estrella Los apenas visibles rastro y huella... Oye el rumor de las hierbas del bosque</p> <p>Por doquëer existe un rumor claro De los seres perdidos y de estima... De los bajos abetos en la cima Vüelan las palabras sin reparo...</p> <p>Quizás note en las hierbas del bosque El rastro oculto de la secreta huella... Aquí está ella, ¡se encendió la estrella! No tienen fin los senderos del bosque.</p> <p>Перевод Боланьос Арсе Ильды Эунисе</p>
--	---

С нашей точки зрения, перевод этого стихотворения может быть назван удовлетворительным на всех трех уровнях: строфическом, синтаксическом и фонетическом.

Тем не менее, те трансформации, которые стихотворения Блока переживают в обоих переводах, не позволяют испанскому читателю даже предположить, что оригинальное произведение следует каким-либо эстетическим или формальным критериям. Едва ли соответствует оригиналу и длина строк, которую мы об-

наруживаем в переводе. Русский язык обладает большей способностью к агглютинации, что делает его куда более экономным в плане длины законченных предложений.

Предложения перевода, учитывающие проблемы морфологической типологии

Мы, с нашей стороны, также попробовали осуществить перевод проанализированных выше стихотворений. Результаты представлены ниже (таблицы 5-8).

С точки зрения структуры все стихотворения были переведены одиннадцатисложником, с сохранением строфической схемы оригинала, консонантной рифмы и анжамбемана. Несмотря на то, что ради сохранения музыкальности стиха нам пришлось пойти на некоторые синтаксические уступки (среди прочего, изменить порядок строк и применить различные поэтические приемы – диалефа, синалефа, сокращение слогов), основной смысл и содержание оригинального текста были сохранены.

Мы понимаем, что «Поэзию А. Блока переводить сложно еще и потому, что он сам переводчик – с небесного на земной язык» [11, с. 10]. Нашим переводом мы лишь хотим обогатить с то богатство знаний, которое содержится в испанских переводах русской поэзии Серебряного века. Удачны ли принятые наши решения – оставим на усмотрение читателя.

Таблица 6

Перевод стихотворения «Сама судьба...» (разработан автором).

Table 6

Translation of the poem «As fate willed me...» (made by the researcher).

Сама судьба мне завещала С благоговением святым Светить в преддверьи Идеала Туманным факелом моим. И только вечер – до Благого Стремлюсь моим земным умом, И полный страха неземного Горю Поэзии огнем. 26 мая 1899	Me fue legado por el mismo azar Con una reverencia sagrada La antesala del Ideal alumbrar Por medio de mi antorcha nublada. Y hasta el Altísimo al atardecer Me acerco con mi mente terrenal Para preso en temor celestial En el fuego de la Poesía arder. Перевод Болянос Арсе Ильды Эунисе
---	--

Таблица 7

Перевод стихотворения «Тихая ночь» (разработан автором).

Table 7

Translation of the poem «The silent night is wonderful...» (made by the researcher).

В ночь молчаливую чудесен Мне предстоит твой светлый лик. Очарованья старых песен Объемлют душу в этот миг. Своей дорогой голубою Проходишь медленнее ты, И отдыхают над тобою Две неподвижные звезды. 13 июня 1900	Me presenta la noche silenciosa Con misterio tu claro semblante. Encantos de las canciones añosas El alma envuelven en este instante. Aún tú más despacio al pasar A través de tu propio azul sendero, Y así se ven sobre ti descansar Dos quietos, inmóviles luceros. Перевод Болянос Арсе Ильды Эунисе
---	--

Морфология, синтаксис и лексика переводов поэмы «Двенадцать» на испанский язык.

Наш анализ перевода поэмы «Двенадцать» будет основываться сопоставлении работы Федора Кельина и Сесара М. Арконады (1974 г.) и версии Клары Ханес в сотрудничестве с Амайей Лакаса (1999 г.).

Проанализированные фрагменты представлены (таблицы 9-15).

Ключ к пониманию двух этих антологий заключается в том, что лишь один из переводов был выполнен напрямую с языка оригинала. Таким образом, речь пойдет о сопоставлении перевода с третьего языка (1999 г.) и переводе непосредственно с русского (1974 г.).

Начнем с анализа терминологии, выбранной переводчиками.

Таблица 8

Перевод стихотворения «Душа молчит» (разработан автором).

Table 8

Translation of the poem «My soul is quiet. The taut string...» (made by the researcher).

Душа молчит. В холодном небе Всё те же звезды ей горят. Кругом о злате иль о хлебе Народы шумные кричат... Она молчит, – и внемлет крикам, И зрит далекие миры, Но в одиночестве двуликом Готовит чудные дары, Дары своим богам готовит И, умащенная, в тиши, Неустающим слухом ловит Далекий зов другой души... Так- белых птиц над океаном Неразлученные сердца Звучат призывом за туманом, Понятным им лишь до конца. 3 февраля 1901	Calla el alma. A ella en frío firmamento Todas las mismas estrellas en llama. Por oro o por el pan en detrimento La ruidosa gente alrededor clama... Calla y ve los lejanos horizontes Y aquel clamor el alma va escuchando Pero ella en una soledad bifronte Maravillosa ofrenda preparando, Prepara a sus propios dioses ofrenda Y ella ya en el silencio, empapada, Con oído implacable se encomienda Buscar de otra alma lejana llamada... Y de las blancas aves sobre el mar süena el corazón inseparable Que tras la bruma marina al llamar Para otros entes es indescifrable. Перевод Боланьос Арсе Ильды Эунисе
---	---

Термин «товарищ» встречается в оригинальном тексте до восьми раз и является крайне значимым для советской эпохи – как внутри, так и за пределами России. На испанский язык этот термин практически во всех соответствующих текстах, документальных фильмах, статьях и архивах переводится как «*samarada*». Несмотря на это, проанализировав стратегии перевода этого слова в нашем случае, мы обнаруживаем использование переводчиками трех различных слов: «*hermano*» (брат), «*samarada*» (товарищ) и «*compañero*» (партнер, коллега, компаньон). И если «*samarada*» и «*compañero*» в испанском языке могут быть использованы как синонимы, то употребление третьего слова в данном случае ничем не мотивировано: оно не влияет ни на морфологическую структуру стиха (в переводе 1999 структура поэмы не соблюдена, в то время как оба термина обладают одинаковым по количеству словарным составом), ни на рифму. С нашей точки зрения, использование слова «*samarada*» в данном случае неизбежно и обязательно: дело в том, что «Двенадцать» – это произведение с сильной исторической, религиозной и культурной подоплекой. Очень желательно не потерять в переводе те элементы, коннотации и понятия, которые блок использует для передачи сущности национальной культуры». С другой стороны, использование в данном случае слова «брат» совершенно неуместно, так как речи о должной степени равенства в тексте не идет. И это лишь первая проблема.

Второй вопрос заключается в неверном употреблении термина «товарищ» в единственном или множественном числе. Как в переводе 1999 года, так и в версии 1974 года мы можем заметить, что «товарищи» в испанском представлены в единственном числе, тогда как в оригинале слово употреблено во множественном. То же самое актуально и в обратную сторону.

Ниже приведены примеры не только переводческих ошибок, но и неточности, способные ввести читателя в заблуждение и даже дезинформировать его.

«Винтовочки» ни в коем случае не могут быть переведены словом «*cañones*» (пушки), точно так же как «четыре» не могут превратиться в «*dos*» (два).

С точки зрения не столько лингвистики, сколько самой логики, куда логичнее предположить, что двенадцать солдат идут с винтовками – а не пушками – за плечами.

По поводу второго случая заметим, оправдывая принятое переводчиком решение, что цифра «два» действительно куда чаще используется для передачи близости или скорости. Так, мы обнаруживаем выражения вроде «*solucionar problemas en dos pasos*» (букв. «решить проблему в два шага»), «*estar a dos pasos de la locura*» (букв. «быть в двух шагах от безумия»), tienda «*A dos pasos*» (магазин «В двух шагах»). Возможно, переформулирование в переводе произошло именно в силу этих фразеологических особенностей испанского.

Таблица 9

Сопоставительный анализ фрагментов поэмы «Двенадцать» А.А. Блока и их переводов на испанский язык.

Table 9

Comparative analysis of fragments of the poem «The Twelve» by A.A. Blok and their translations into Spanish.

Оригинальный текст	Перевод 1999 года	Перевод 1974 года
Что нынче невеселый, Товарищ поп?	¿No te sientes ya alegre? ¡Contéstame, hermano!	¿Por qué hoy estás triste, Camarada pope?
Товарищ! Гляди В оба!	¡Estad en guardia, Camaradas, estad en guardia!	¡Camarada, vigila sin tasa Con los cuatro ojos!
Холодно, товарищи, холодно!	«¡Hace frío, compañeros, hace frío!»	¡Frío hace, camarada, frío ya!
Товарищ, винтовку держи, не трусь! Пальнем-ка пулей в Святую Русь –	¡Camarada, no seas cobarde, contra Rusia apunta el fusil!	Sostén camarada tu fusil sin miedo. A la Santa Rusia una bala lancemos,
Потяжеле будет бремя Нам, товарищ дорогой!	Para nosotros, hermanos, ¡Vendrán tiempos peores!»	Porque una carga ahora, Más grande, camarada, nos espera!

Таблица 10

Сопоставительный анализ фрагментов поэмы «Двенадцать» А.А. Блока и их переводов на испанский язык.

Table 10

Comparative analysis of fragments of the poem «The Twelve» by A.A. Blok and their translations into Spanish.

Оригинальный текст	Перевод 1999 года	Перевод 1974 года
Их винтовочки стальные На незримого врага...	Y los cañones dirigen A la sombra del rival	Van sus fusilitos de acero, Contra enemigos que no ves,
Не видать совсем друг друга За четыре за шага!	¡Ya no se ve nada A dos pasos más allá!	A cuatro pasos no es ven las cosas, Se hacen ariscas.

В том, что касается выбора лексики для обозначения объектов и явлений окружающей среды, в данном конкретном случае, связанном с погодой, то здесь количество спорных решений велико.

В переводе 1999 года мы сталкиваемся с выбором Кларой Ханес слов «tempestad» (буря) и «temporal» (гроза) в качестве эквивалента «пурга», что в настоящем случае ошибочно, ведь в испанском языке эти слова используются для обозначения «морской бури с ветром экстраординарной силы» и такое словоупотребление в корне меняет реальность, о которой идет речь в произведении – у Блока действие происходит зимой, когда такие грозы невозможны. В свою очередь, Федор Кельин в переводе 1974 года, несмотря на верно принятое решение в первом случае, во втором делает выбор в пользу нейтрального слова «nieve» (снег). Это, однако, сознательное переводческое решение, принятое с целью сохранения рифмы.

Таблица 11

Сопоставительный анализ фрагментов поэмы «Двенадцать» А.А. Блока и их переводов на испанский язык.

Table 11

Comparative analysis of fragments of the poem «The Twelve» by A.A. Blok and their translations into Spanish.

Оригинальный текст	Перевод 1999 года	Перевод 1974 года
– Ох, пурга какая, Спасе!	«¡Oh, Señor, qué tempestad!»	– ¡Oh, Dios mío, qué fuerte es la nevasca!
Где одна пылит пурга...	Donde arrecia el temporal...	Donde la nieve cae al través,

В упомянутом втором случае мы обнаруживаем отсутствие преемственности при использовании одного и того же термина. Любопытно, что это замечание актуально для обеих версий: слово «вьюга» встречается в поэме в трех разных местах поэмы и каждый раз переводится разными словами. Это явный пример гиперперевода, в данном случае неуместного со стилистической точки зрения.

Клара Ханес переводит термин словами «huracán» (ураган), «vórtice de nieve» (снежный вихрь), «tempestad» (гроза), но ни одно из них в действительности не является референтным для понятия «вьюга». В то же время Федор Кельин использует в переводе слова «nieve de albos» (рассветный снег) (сочетание не подходит с логической точки зрения, потому что в описываемые в поэме события происходят ночью) и просто «nieve» (снег) (что не передает в полной мере суть метеорологического явления, о котором говорит автор).

Таблица 12

Сопоставительный анализ фрагментов поэмы «Двенадцать» А.А. Блока и их переводов на испанский язык.

Table 12

Comparative analysis of fragments of the poem «The Twelve» by A.A. Blok and their translations into Spanish.

Оригинальный текст	Перевод 1999 года	Перевод 1974 года
Разыгралась чтой-то вьюга, Ой, вьюга, ой, вьюга!	¡Oh, enloquece el huracán, El hura – huracán!	La nevisca se pone furiosa. ¡Ay, tú, nevisca, nevisca!
И за вьюгой невидим, И от пули невредим,	Caminando a paso leve En el vórtice de nieve.	Invisible en nieve de albos de alas, Immune a las balas,
И вьюга пылит им в очи	La tempestad se yergue, Les echa en los ojos	Y la nieve en los ojos caía

Ряд других спорных решений, с которыми мы сталкиваемся в работах переводчиков, связан с переводом глаголов. В качестве примера возьмем выражение, встречающееся сразу в двух главах поэмы. В обоих переводах глагол глагол сохраняет форму повелительного наклонения – что верно –, и тем не менее в версии 1999 года для перевода фразы «держите шаг» по необъяснимой причине употреблены разные, и даже не синонимичные глаголы. Для испанского языка использование выражения «marchar al paso» (букв. «следовать шагу») подразумевает вопрос «шагу чего?» (фаланги? гуся?). Так как такой распространитель в переводе отсутствует, выражение представляется не вполне логичным.

В свою очередь, выражение «marchar el paso» означает «не продвигаться вперед» и в области военной тактики применяется в ситуациях, когда отряд должен остановиться, задержать марш. Это выражение, таким образом, полностью противоположно тому, что мы видим в поэме и, опять же, не имеет смысла. Кроме того, мы умалчиваем тот факт, что в обоих случаях систематически опускаются восклицания, благодаря чему второе восклицание «Неугомонный не дремлет враг!» становится частью первого, и таким образом нарушается логическая и синтаксическая последовательность предложений.

Таблица 13

Сопоставительный анализ фрагментов поэмы «Двенадцать» А.А. Блока и их переводов на испанский язык.

Table 13

Comparative analysis of fragments of the poem «The Twelve» by A.A. Blok and their translations into Spanish.

Оригинальный текст	Перевод 1999 года	Перевод 1974 года
2		
Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!	¡Marchad al paso revolucionario, No dormita, insesante, el adversario!	¡Más fuerte tu paso revolucionario, que está el enemigo fuerte y temerario!
6		
Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!	¡Marchad el paso revolucionario, que no dormita el adversario!	¡Más fuerte tu paso revolucionario, que está el enemigo fuerte y temerario!

В следующих примерах мы обращаем внимание не только на то, что в обоих переводах поэмы используются не только неверные глаголы, но и некорректные временные формы. В первом случае следует обратить внимание на тот факт, что русский глагол «поцеловаться» переводится на испанский как «besarse», в то время как использованный переводчиками «abrazarse» означает «обняться».

Работа Федора Кельина также не безошибочна: переводчик неоправданно добавил в текст элементы и информацию, в оригинале отсутствующие. Речь идет о переводе глаголов «подходить» и «погибать». Перевод в антологии 1974 подразумевает, что первый глагол переводится как «приходить к кому-то в дом», в то время как второй – «умереть без почестей», что не вполне точно.

Наконец, приведем и последний пример неточности: речь идет об эффекте, который достигается в оригинале с помощью повторения глаголов в будущем времени и оказывается утрачен в переводе. На наш взгляд, использование одного глагола в разных временах в данном случае неоправданно: автор в оригинале несколько раз подчеркивает, что субъектом является первое лицо единственного числа («я»), в то время как в переводе Клары Ханес лицо чередуется, из-за чего читателю не всегда ясно, кто в предложении выступает носителем действия (лирический герой или кто-либо еще). В настоящем случае переводчик переформулировал функции синтаксических элементов таким образом, что синтаксическая структура оригинала в переводе оказалась утеряна.

Таблица 14

Сопоставительный анализ фрагментов поэмы «Двенадцать» А.А. Блока и их переводов на испанский язык.

Table 14

Comparative analysis of fragments of the poem «The Twelve» by A.A. Blok and their translations into Spanish.

Оригинальный текст	Перевод 1999 года	Перевод 1974 года
Эй, бедняга! Подходи – Поцелуемся...	«¡Oh, pobrecillo. Ven aquí...! Abracémonos»	– ¡Eh, pobretón, trotamundo! Ven a mi casa, nos abrazaremos...
– Погибла Россия!	«¡Rusia muere!	– ¡Ha muerto Rusia, sin decoro!

Таблица 15

Сопоставительный анализ фрагментов поэмы «Двенадцать» А.А. Блока и их переводов на испанский язык.

Table 15

Comparative analysis of fragments of the poem «The Twelve» by A.A. Blok and their translations into Spanish.

Оригинальный текст	Перевод 1999 года	Перевод 1974 года
Ужь я времячко Проведу, проведу... Ужь я темячко Почешу, почешу... Ужь я семячки Полуцу, полуцу... Ужь я ножичком Полосну, полосну!..	Y así mi tiempo Pasa – pasaré... Mi nuca siempre Rasca – rascaré... Semillas tranquilamente Desgrana – desgranaré... Y con el cuchillo Corta – cortaré...	¡Oh, qué bien el tiempesito pasaré, pasaré yo!... ¡Oh, qué bien la coronilla me rascaré, me rascaré yo!... ¡Oh, qué bien del girasol la cascarilla escupiré, escupiré yo!... ¡Oh, qué bien con la navaja rasgaré, rasgaré yo!...

Уртадо Альбир в отношении неточностей перевода, вытекающих из некорректного понимания языка оригинала, предлагает «такие категории, как: ложный смысл, бессмыслица, противоречие, опущение, добавление, избыточность перевода или его недостаточность и проч. Применительно же к языку оригинала упоминаются ошибки в орфографические, лексические, грамматические и т.д.» [13, с. 290]. В переводах на испанский поэмы «Двенадцать» мы сталкиваемся с проявлениями двух этих тенденций, из чего мы можем сделать, что источники переводного текста являются не единственным фактором, который переводчикам следует учитывать при выборе той или иной стратегической стратегии или принятии того или иного решения. Межъязыковая передача метафор и эпитетов в переводах поэзии А.А. Блока на испанский язык. В настоящем разделе мы проведем анализ перевода стихотворения «Летний вечер», основанный на версиях Самуэля Фейхоо и Нины Булгаковой (1970) и Хоакина Торкемады (2022). Ниже, в таблице 16, приведены эпитеты, использованные в стихотворении, а также их переводы, взятые из соответствующих антологий.

Таблица 16

Эпитеты в стихотворении «Летний вечер» А.А Блока и их перевод на испанский язык.

Table 16

Epithets in the poem «Summer evening» by A.A. Blok and their translation into Spanish.

Оригинальный текст	Перевод 1970 года	Traducción del 2022
Последние лучи	Los último rayos	Los últimos destellos
Розовая дремота	Soñolienta rosada	Hálito rosado
Некошенная трава	Hierba que nadie ha segado	Hierba no segada
Вечерняя тишина	Silencio de la tarde	Atarceder silencioso

Перевод русских эпитетов на испанский, как правило, сопряжен с двумя типами трудностей. Первый тип связан с отсутствием в испанских прямых аналогах для отглагольных эпитетов. В нашем случае речь идет об отрицательных отглагольных прилагательных, при переводе которых на испанский мы неизбежно должны употребить перед прилагательным частицу «no» (не, нет). В случае с эпитетом «Некошенная трава» мы видим, что Торкемада верно применяет этот принцип: «Hierba no segada».

Есть и другой способ добиться удовлетворительного результата в данном конкретном случае – обратиться к описательному переводу, как это было сделано в антологии 1970 года: «Hierba que nadie ha segado» (Трава, которую никто не косил). Вторая проблема связана с тем, что для передачи соответствующих значений в испанском языке необходимо употребление генитива. В таких случаях, с целью приблизиться к содержанию

оригинала переводчик зачастую оказывается обязан переформулировать порядок выражения или укоротить строку оригинала. Эти симптомы мы можем наблюдать в переводе стихотворения «Вечерняя тишина» Хоакином Торкемадой. Мы видим, что изначальное существительное «тишина» превращается в прилагательное «silencioso» (бесшумный, тихий, спокойный), в то время как прилагательное «вечерняя» занимает место существительного «atardecer» (вечер) – все это делается с целью сохранения шестисложника в каждой строфе. Если бы Торкемада не прибег к этой поэтической вольности, у него получился бы результат, сопоставимый с тем, чего удалось добиться Самуэлю Фейхоо и Нине Булгаковой: «Silencio de la tarde». И даже несмотря на то, что такой вариант кажется нам более подходящим с точки зрения синтаксиса, он не позволяет выйти на уровень морфологического строения русского языка: в испанском языке мы все так же вынуждены прибегать к помощи предлогов и артиклей. Наконец, проанализируем переводы метафор (таблица 17). Отметим предварительно, что в работе с метафорами перед переводчиком открывается выбор из трех возможностей: использовать точный эквивалент исходной метафоры, найти другую метафорическую фразу, выражающих сходный смысл или заменить непередаваемую метафору из оригинала приблизительным описательным пересказом.

Таблица 17

Метафоры в стихотворении «Летний вечер» А.А. Блока и их перевод на испанский язык.

Table 17

Metaphors in the poem «Summer evening» by A.A. Blok and their translation into Spanish.

Оригинальный текст	Перевод 1970 года	Перевод 2022 года
«Лучи заката лежат на поле сжатой ржи»	Los últimos rayos reposan sobre el campo del centeno cosechado.	Los destellos del ocaso yacen entre los campos de centeno
«Дремотой розовой объята трава»	Por la soñolienta rosada abarcada está la hierba	Dormita con un hálito rosado la hierba
«Красный диск луны»	Disco rojo de la luna	Disco lunar rojo
«Умчись... на встречу ночи и луне!»	Vuela... al encuentro de la noche y de la luna!	Cabalga... en busca de la noche y de la luna.

Если первая и третья метафоры переведены в обоих версиях успешно, то второй и четвертый случай обращают на себя внимание и должны быть пристально проанализированы. Метафора «Дремотой розовой объята трава» требует предварительного синтаксического анализа. Для этого в таблице 18 представим каждый синтаксический элемент и его перевод.

Таблица 18

Синтаксический анализ метафоры «Дремотой розовой объята трава» в стихотворении «Летний вечер» А.А. Блока.

Table 18

Syntactic analysis of the metaphor «Grass enveloped by nap pink» in the poem «Summer evening» by A.A. Blok.

Sustantivo paciente (предмет)	Participio pasivo (страдательное причастие)	Complemento agente
трава	объята	дремотой розовой
La hierba	envuelta	por somnolencia rosada

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что перевод 1970 года удачнее воспроизводит оригинал с помощью второго способа перевода метафор: как на морфологическом, так и на синтаксическом уровне смысл, переданный в оригинале, полностью сохранен. С другой стороны, в переводе 2022 года мы наблюдаем попытку воспроизведения исходной метафоры с помощью замены на другую, испанскую метафору, а именно «hálito rosado» (букв. «розовое дыхание»). Несмотря на то, что это решение не может не быть отмечено за его смелость, необходимо все же отметить, что пассивный залог оригинала в переводе преобразован в активный, и агентивное дополнение (оно же, в данном случае, ядро метафоры) таким образом остается в стороне, а роль его в предложении уже вовсе не так ощутима. Иными словами, «розовое дыхание» более не окутывает траву, но спит подле нее – значение оказывается полностью изменено из-за решения переводчика. Перевод метафоры «Умчись... на встречу ночи и луне!» потенциально может стать объектом споров из-за наличия в нем глагола «умчаться». В сборнике 1970 года глагол «volar» (улететь) используется как гипербола, означающая «быстро идти, направляться куда-либо со скоростью». Однако, так как в данном случае речь идет о метафоре, перевод которой осуществлен с помощью гиперболы, читатель может прийти к выводу о том, что Александр Блок пишет о таинственном единороге, летящем сквозь туман. По этой причине вариант, предложенный в версии Торкемады («cabalgar» (ехать верхом)) в данном конкретном случае представляется удачным.

Выводы

Перевод поэзии русских символистов на испанский язык – ответственная и сложная задача для любого переводчика. В процессе такой работы должен быть учтен целый ряд факторов лингвистического и стилистического характера. В результате проведенного анализа мы не можем не обратить внимание на большое количество переводческих ошибок в текстах, признанных эталоном поэзии русского символизма среди читателей в Испании и Латинской Америке. Большинство из этих неточностей, возможно, связаны с тем, что перевод осуществлялся с третьего языка (английского или французского), а также могут быть обусловлены другими историческими, политическими и культурными препятствиями, возникшими за последнее столетие. Эти препятствия продолжают оказывать влияние на работу переводчиков русской поэзии и по сей день. В переводах стихов Александра Блока мы можем наблюдать сложности в сохранении строфической структуры текста: метра, рифмы и ритма. Практически 95% переводов Блока на испанский написаны свободным стихом. Это решение переводчиков может быть объяснено двумя причинами: удобство работы с гибкими синтаксическими и морфологическими структурами, а также возможность точного воспроизведения риторических фигур оригинала в работе верлибром. Метрика стиха зачастую препятствует корректному переводу эпитетов, гипербол и метафор. Другим определяющим фактором при работе со стихами Блока становится знание (или незнание) контекста произведения и референтной нагрузки стихов, отсутствие которого зачастую приводит переводчика к неверному интерпретированию или некорректному переводу. От того, насколько язык перевода соответствует упомянутым в стихотворении культурным реалиям, напрямую зависит успех или неудача поэтического перевода. В настоящем анализе представлены как случаи, в которых этот фактор помог переводчику добиться успеха, так и наоборот. Это исследование позволяет говорить о том, что при работе с особенностями поэзии русских символистов Серебряного века на испанский язык переводчик сталкивается с большим количеством препятствий, что, однако, вовсе не говорит о задаче как о невыполнимой. Несмотря на то, что некоторые стихи особенно трудно переводимы ввиду своей длины и стилистических особенностей, со временем работа лингвистов и переводчиков будет обогащать и проливать все больше света на этот путь, до сих пор во много покрытом темными пятнами.

Список источников

1. Torquemada S.J. *Antología bilingüe de la mejor poesía rusa*. España: Primera edición: noviembre, 2022.
2. Blok A. *Poemas. Selección y traducción de Samuel Feijóo y Nina Bulgáкова*. Alberto Corazón, Editor. Madrid, 1970.
3. Ehrenburg I. *Retratos de poetas rusos // Prólogo de Fulvio Franchi*. Ciudad Autónoma de Buenos Aires. Añosluz Editora, 2020.
4. Cazcarra. Vicente: «La literatura rusa en España». *Vasos Comunicantes*. 1996. No. 6. P. 41 – 50. URL: <https://n9.cl/cazcarra1996> (дата обращения: 02.10.2024).
5. Оболенская Ю.Л. Влияние русской литературы на духовную жизнь Испании в XX-XXI вв. // *Вестн. Моск. Ун-та. Серия 9. Филология*. 2022. № 6. С. 109 – 123.
6. Лобос О. Новаторская деятельность трех первых русских переводчиц в Аргентине // *Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в ибероамериканском и российском научном пространстве: материалы III Международного конгресса, Ростов-на-Дону – Кадис, 28-30 сентября 2017 года*. Ростов-на-Дону – Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. С. 273 – 278.
7. Torquemada S.J. *La traducción de la poesía rusa al español: aspectos traductológicos*. Actas del I Congreso Internacional de la Asociación Ibérica de Estudios de Traducción e Interpretación. Vol. 1. 2003. P. 559 – 566. URL: http://www.aieti.eu/wp-content/uploads/AIETI_1_JTS_Traduccion.pdf (дата обращения: 02.10.2024).
8. Bolanos H.E.A. *Challenge of literary translation: Russian poetry of Silver Age into Spanish language // Наука на благо человечества – 2022: материалы международной научной конференции молодых учёных (статьи преподавателей и аспирантов)*, Москва, 18-29 апреля 2022 года. М.: Московский государственный областной университет, 2022. P. 50 – 54.
9. Obolenskaya J. *La adecuación y la equivalencia de la traducción: ¿la cuestión de terminología o la oposición conceptual? En Una mirada al taller de San Jerónimo. Bibliografías, Técnicas y Reflexiones en torno a la Traducción / ed. por M.Á. Vega Cernuda*. Madrid. 2003. P. 115 – 124.
10. Shmónina M. & Cobos Benítez M. *Acerca de la traducción al español del legado literario y crítico de los simbolistas rusos*. *Mundo Eslavo*, 2010. № 9. P. 67 – 80. URL: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17480>

11. Колесников С.А. Александр Блок: переводы с небесного (к проблеме достоверности переводов символистской поэзии) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 3. С. 4 – 15.
12. Bolanos A.H.E. Difficulties in the translation of symbolist poetry of Silver Age into the Spanish language: problems in the reliability of the translation of the Aleksandr Blok's poem “the Twelve” // Психология языка и психолингвистика: истоки и современность: материалы Международной научно-практической конференции (к 200-летию со дня рождения Хеймана Штейнталя), Москва, 10-11 февраля 2023 года. М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Государственный университет просвещения", 2023. С. 14 – 27.
13. Hurtado A.A. Traducción y traductología. Introducción a la traductología. Madrid: Cátedra, 2008.

References

1. Torquemada S.J. Antología bilingüe de la mejor poesía rusa. España: Primera edición: noviembre, 2022.
2. Blok A. Poemas. Selección y traducción de Samuel Feijóo y Nina Bulgáková. Alberto Corazon, Editor. Madrid, 1970.
3. Ehrenburg I. Retratos de poetas rusos. Prólogo de Fulvio Franchi. Ciudad Autónoma de Buenos Aires. Añosluz Editora, 2020.
4. Cazcarra. Vicente: “La literatura rusa en España.” Vasos Comunicantes. 1996. No. 6. P. 41 – 50. URL: <https://n9.cl/cazcarra1996> (date of access: 02.10.2024).
5. Obolenskaya Yu.L. The influence of Russian literature on the spiritual life of Spain in the XX-XXI centuries. Vestn. Mosk. Un-ta. Series 9. Philology. 2022. No. 6. P. 109 – 123.
6. Lobos O. Innovative activities of the first three Russian translators in Argentina. National identity through the prism of dialogue of cultures. Research in the field of humanitarian sciences in the Ibero-American and Russian scientific space: Proceedings of the III International Congress, Rostov-on-Don – Cadiz, September 28-30, 2017. Rostov-on-Don – Taganrog: Southern Federal University, 2020. P. 273 – 278.
7. Torquemada S.J. The translation of Russian poetry in Spanish: translation aspects. Proceedings of the International Congress of the Iberian Association of Translation Studios and Interpretation. Vol. 1. 2003. P. 559 – 566. URL: http://www.aieti.eu/wp-content/uploads/AIETI_1_JTS_Traduccion.pdf (date of access: 02.10.2024).
8. Bolanos H.E.A. Challenge of literary translation: Russian poetry of the Silver Age into Spanish. Science for the benefit of humanity – 2022: Proceedings of the international scientific conference of young scientists (articles by teachers and graduate students), Moscow, April 18-29, 2022. Moscow: Moscow State Regional University, 2022. P. 50 – 54.
9. Obolenskaya J. The development and equivalence of translation: the study of terminology or the conceptual position? In a world at the height of San Jerónimo. Bibliography, Technologies and Reflections on Torno a la Traducción. ed. by M.Á. Vega Cernuda. Madrid. 2003. P. 115 – 124.
10. Shmónina M. & Cobos Benítez M. Acerca de la translucción in Spanish del legado literario y crítico de los simbolistas rusos. Mundo Eslavo, 2010. No. 9. P. 67 – 80. URL: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17480>
11. Kolesnikov S.A. Alexander Blok: translations from heaven (to the problem of the reliability of translations of symbolist poetry). Scientific result. Social and Humanitarian studies. 2020. Vol. 6. No. 3. P. 4 – 15.
12. Bolanos A.H.E. Difficulties in the translation of symbolist poetry of Silver Age into the Spanish language: problems in the reliability of the translation of Aleksandr Blok's poem “the Twelve”. Psychology of language and psycholinguistics: origins and modernity: materials of the International scientific and practical conference (on the 200th anniversary of Heymann Steinthal's birth), Moscow, February 10-11, 2023. Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "State University of Education", 2023. P. 14 – 27.
13. Hurtado A.A. Translation and translation. Introduction to translation. Madrid: Catedra, 2008.

Информация об авторах

Болянос Арсе И.Э., кафедра теории языка, англистики и прикладной лингвистики, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения», ildabolanos@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-2

¹ Гилязова А.Е.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Концепция юридического дискурса как разновидность рационального дискурса

Аннотация: статья акцентирует внимание на значении концепции рациональности моральных и юридических дискуссий, разработанной Юргеном Хабермасом, для теоретиков аргументации, изучающих рациональность публичных обсуждений в области политики и права. В начале даётся обзор теории дискурса Хабермаса, а также его критериев рациональности морали. Далее рассматривается его аргументация о взаимодополняемости рационального дискурса в моральной и правовой сферах. Основная цель исследования состоит в том, чтобы продемонстрировать, как подход Хабермаса к этим взаимосвязанным отношениям открывает новые перспективы для дальнейших исследований. В частности, внимание уделяется тому, как правовые процедуры могут обеспечивать рациональное разрешение моральных конфликтов, а также тому, насколько идеальные модели аргументации применимы в юридической сфере.

В завершение выдвигается предложение интегрировать идеи Хабермаса в исследовательскую программу, посвящённую юридической аргументации, что, по мнению автора, может стать продуктивным подходом к изучению данной темы.

Ключевые слова: дискурс, междисциплинарность, лингвистика, дескриптивная лингвистика, прагматическая лингвистика, психолингвистика, лингвостилистика, структурная лингвистика, лингвокультурология, социолингвистика, юридический дискурс

Для цитирования: Гилязова А.Е. Концепция юридического дискурса как разновидность рационального дискурса // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 106 – 111.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Gilyazova A.E.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

The concept of legal discourse as varieties of rational discourse

Abstract: the article focuses on the implications of Jürgen Habermas's concept of the rationality of moral and legal debate for argumentation theorists studying the rationality of public debate in politics and law. It begins with an overview of Habermas's discourse theory and his criteria for moral rationality. It then turns to his arguments for the complementarity of rational discourse in the moral and legal spheres. The main aim of the study is to demonstrate how Habermas's approach to this interrelated relationship opens up new perspectives for further research. In particular, attention is paid to how legal procedures can ensure rational resolution of moral conflicts and to what extent ideal models of argumentation are applicable in the legal sphere.

The author concludes by suggesting that Habermas's ideas could be integrated into the research program on legal argumentation, which the author believes could be a fruitful approach to studying this topic.

Keywords: discourse, interdisciplinarity, linguistics, descriptive linguistics, pragmalinguistics, psycholinguistics, linguistics, structural linguistics, linguoculturology, sociolinguistics, legal discourse

For citation: Gilyazova A.E. The concept of legal discourse as varieties of rational discourse. *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 106 – 111.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Вопрос о взаимосвязи между юридическим дискурсом и идеальными моделями рациональной аргументации традиционно вызывал интерес у теоретиков аргументации. Например, Перельман и Ольбрехтс-Титека (1958) [1] вместе с Тулмином (1958) [2] осветили один аспект этого вопроса, рассматривая правовую сферу как пример рационального подхода, который может стать эталоном для моральных дискуссий. Однако другая сторона проблемы, а именно использование идеалов рациональной аргументации для критического анализа юридических процедур и качества правовых дискуссий, остаётся недостаточно изученной.

Немецкий философ Юрген Хабермас предпринял попытку исследования обеих сторон данной связи [3]. С его точки зрения, юридическая и моральная рациональность находятся в отношениях взаимодополнения: юридические процедуры способны поддерживать рациональный характер обсуждений моральных вопросов, соответствуя идеализированным стандартам рационального диалога, в то время как сами эти стандарты могут служить критерием оценки правовых процедур. Такой подход, как предполагается, открывает новые возможности для теории аргументации.

Материалы и методы исследований

Одним из возможных путей расширения его модели может стать интеграция идей прагма-диалектической теории. Этот подход предоставляет основу для дальнейшего исследования различных компонентов аргументации: философских, теоретических, аналитических, эмпирических и прагматических. Таким образом, предложения Хабермаса могут быть усовершенствованы и применены в исследовательских программах, направленных на изучение юридической аргументации [4].

В русской лингвистической традиции термин «дискурс» вошёл в обиход благодаря исследованиям структуралистов и постструктуралистов, таких как Дж. Сёрль [5], Т. Ван Дейк [6], и других. Ю.С. Степанов отмечал, что за этим понятием скрывается особая система, в основе которой лежит грамматика [7].

В наши дни наблюдается значительная вариативность в трактовке термина среди исследователей разных стран, что обусловлено его применением в различных научных контекстах.

Результаты и обсуждения

Исследование различных подходов к определению дискурса базируется в работе Ю. Хабермаса «Теория коммуникативного действия» (1984/1987), в которой Хабермас формулирует теорию дискурса, сосредоточенную на рационально-дискурсивных аспектах социальных взаимодействий, рассматриваемых как форма вербальной коммуникации [3]. Эта теория основывается на ключевом предположении: любое общение предполагает обмен речевыми актами, через которые социальные субъекты координируют свои действия с использованием языковых средств. Согласно его подходу, коммуникативное действие строится на языке, а речевые акты направлены на достижение взаимопонимания, которое, в свою очередь, становится центральным элементом рациональной дискуссии, ориентированной на достижение согласованного мнения.

Хабермас выделяет различия в способах аргументации, доступных для участников рациональных дискуссий [4]. Он утверждает, что речевые акты обычно предполагают соответствие нормальным условиям коммуникации. Эти предположения, обозначаемые как «притязания на достоверность», остаются неоспариваемыми, пока сами участники общения не поставят их под вопрос. В случаях, когда притязания на достоверность становятся спорными, вступает в действие особая форма дискуссии, называемая дискурсом. Она предполагает аргументативный процесс, в котором стороны стремятся обосновать и согласовать свои позиции.

Аргументация, по О.Г. Ревзиной, представляет собой диалогический процесс, при котором обоснование заявленного притязания становится обязательством для его инициатора [8]. Если обсуждаемая тема касается практических вопросов, связанных с нормами действий или этическими оценками, то собеседники вовлекаются в практический дискурс, цель которого – выработать консенсус относительно обоснованности нормы или оценки.

В.П. Конечкая стремится разработать теоретические основания для рационального обоснования моральных норм, социальных правил и оценочных утверждений через практическую дискуссию [9]. Ее подход, основанный на коммуникативной рациональности, предполагает, что обоснованность нормальных притязаний определяется посредством достижения согласия между социальными субъектами в процессе координации их действий.

Для разработки стандартов практического дискурса Ю. Хабермас акцентирует внимание на процессе обоснования норм, будь то моральные, институциональные или правовые нормы [3]. Центральным принципом этой аргументации является формула (D), согласно которой норма считается действительной только в случае, если она получает одобрение всех участников дискурса, затрагиваемых ее применением. В дополнение к этому принципу вводится моральный принцип универсализируемости (U), предполагающий, что последствия принятия нормы должны быть приемлемыми для всех сторон.

Особое внимание Хабермас уделяет коммуникативному контексту, в рамках которого координация действий достигается путём коллективного обсуждения нормативных притязаний. Он подчёркивает, что проблемы, возникающие в таком контексте, требуют совместного рефлексивного рассуждения, а не монологического подхода. В моральной аргументации участники работают над восстановлением нарушенного консенсуса, достигая коллективного убеждения в приемлемости нового или уже существующего утверждения. В рамках своей теории Хабермас различает три уровня предпосылок, связанных с аргументацией: логический уровень, касающийся структурированных продуктов аргументации, диалектический уровень, относящийся к процессуальным аспектам, и риторический уровень, связанный с убеждающей силой коммуникации [4].

Подход Хабермаса к изучению дискурса базируется на философском анализе речевых актов и принципов коммуникативной рациональности. Исследование включает анализ текстов, эмпирических наблюдений за коммуникативными процессами и моделирование идеализированных условий рационального обсуждения. Сравнительный метод позволяет соотнести теорию Хабермаса с другими подходами, такими как прагма-диалектическая модель, что помогает выявить новые возможности для её применения. Внимание также уделяется изучению правовых и этических текстов, чтобы оценить, как принципы теории дискурса могут быть адаптированы к конкретным социальным и институциональным контекстам.

На логико-семантическом уровне предпосылки аргументации базируются на правилах, относящихся к «минимальной логике», которые формулируют требования непротиворечивости и последовательности, ранее предложенные, в частности, Ричардом Хэйром. Эти правила не несут в себе этического содержания и служат структурной основой для организации аргументации. Хабермас приводит несколько примеров:

1. Никто из участников дискурса не вправе противоречить самому себе.
2. Если говорящий применяет предикат FF к объекту AA, он обязан быть готовым использовать этот же предикат к другим объектам, аналогичным AA в релевантных аспектах.
3. Все участники должны употреблять термины с идентичным значением, исключая неоднозначность.

На процедурном уровне процесс аргументации предполагает взаимодействие сторонников и оппонентов, которые отстраняются от влияния внешних действий и принимают гипотетическую позицию к спорным утверждениям. Целью является достижение взаимопонимания через процесс свободного обмена мнениями. Здесь Хабермас выделяет прагматические предпосылки, которые он называет необходимыми для рационального согласования точек зрения в условиях «поиска истины, структурированного как состязание». Среди примеров, заимствованных у Роберта Алекси:

1. Говорящий может утверждать только то, в чем он действительно убежден.
2. Любой, кто ставит под сомнение обсуждаемое положение или норму, обязан обосновать своё возражение.

Эти правила, по мнению Хабермаса, обеспечивают равные условия для конкурентного процесса, направленного на выработку обоснованных норм. Они отрицают догматизм традиционной этической философии, предполагая, что основные убеждения могут и должны подвергаться критике.

На риторическом уровне аргументация связана с коммуникативным процессом, нацеленным на достижение рационально мотивированного согласия. Здесь Хабермас вводит понятие «идеальных условий» коммуникации, которые предполагают равноправие участников. Эти условия описаны через ряд требований:

1. Каждый индивид, способный к речи и действиям, имеет право участвовать в дискуссии.
2. Все участники могут: оспаривать любые утверждения; вносить новые тезисы; выражать свои мнения и потребности.
3. Никто из участников не должен подвергаться внутреннему или внешнему принуждению, ограничивающему реализацию указанных прав.

По Хабермасу, эти условия не являются абстрактным идеалом, а представляют собой неизбежные предпосылки любого рационального дискурса. Хотя реальные дискуссии редко соответствуют таким требованиям, их идеализация позволяет оценивать степень их эффективности и рациональности [12].

Аргументация в реальных социальных контекстах подвержена временным и пространственным ограничениям, а также разнообразным человеческим мотивам, выходящим за рамки поиска истины. Поэтому для минимизации эмпирических искажений необходимы институциональные механизмы, способные создать

условия, приближенные к идеальным. Однако, даже в таких условиях, реальные дискурсы далеко не всегда соответствуют моральным стандартам.

Особенно это касается правовых и политических дискуссий, которые имеют своей целью установление норм, обязательных для конкретных социальных групп. Хабермас утверждает, что правовые нормы не подчиняются исключительно моральным обоснованиям, так как результат юридического дискурса должен учитывать существующий правопорядок, процедурные правила и социально-этические особенности конкретного общества. Юридический дискурс, таким образом, не является подмножеством морального дискурса, а пересекается с ним, реализуя принцип общего дискурса (D) в политико-правовых контекстах.

Институционализация практического дискурса, например, в парламентских дебатах или судебных процессах, не противоречит частично идеализированному содержанию предпосылок дискурса, как отмечается в исследовании Ю.Н. Караулова [10]. Напротив, такие попытки структурировать дискурс сами по себе подчиняются нормативным представлениям, формирующимся из интуитивного осознания сути аргументации. Это положение можно подтвердить эмпирически, анализируя исключения, разрешения и процедурные нормы, используемые для институционализации теоретических дискурсов в науке или практических суждений в политике [12].

Важно различать идеализированные правила дискурса, описанные ранее, и установленные конвенции, которые способствуют их реализации в условиях реального взаимодействия. Такие конвенции служат инструментом для воплощения предпосылок аргументации в практическом контексте.

Институционализация дискурса поднимает вопрос о том, как можно оценивать рациональность и легитимность юридических процедур. Поскольку правовые процессы являются формой структурирования морального дискурса, важно понять, сохраняют ли они рациональность и каким образом это отражается на их легитимности. Хабермас предполагает, что существует двусторонняя взаимосвязь между правом и коммуникативной рациональностью [3].

С одной стороны, правовые нормы структурируют моральный дискурс, дополняя его объективной процедурой разрешения споров внутри правового сообщества. С другой стороны, идеал рациональной аргументации служит методом оценки юридических решений в рамках демократических конституционных систем. Коммуникативная рациональность в этом случае используется как средство определения обоснованности правовых норм.

Эта взаимосвязь открывает перспективы для теории аргументации, позволяя рассматривать юридическую аргументацию с двух позиций. Во-первых, можно исследовать, как моральный дискурс дополняется юридическими процедурами. Во-вторых, теории аргументации применяются для критического анализа реальных политических и юридических процессов с точки зрения рационального обсуждения.

Хабермас указывает, что юридические дискурсы, с одной стороны, помогают восполнять ограничения повседневного морального дискурса, а с другой – должны соответствовать тем же требованиям рационального обсуждения, что и моральные дискурсы. Такой подход предполагает, что правовые нормы должны быть рационально обоснованы в соответствии с принципом дискурса (D) и принципом универсализации (U).

Тем самым Хабермас отходит от юридического позитивизма, который разделяет право и мораль как автономные сферы. В отличие от позитивизма, где рациональность права зависит исключительно от соблюдения установленных процедур, Хабермас предлагает интеграцию формальных и материальных аспектов рациональности права. Легитимность права, по его мнению, опирается на процедурную рациональность, обеспечивающую беспристрастность решений и их приемлемость для всех вовлечённых сторон.

Юридические процессы в этой модели рассматриваются как взаимодействие морально-практического дискурса и институциональных процедур. Институционализация моральных аргументов в правовых процессах обеспечивает их соответствие логике аргументации и нормативным требованиям.

Следуя идеям Х.Л. Харта, Хабермас делит право на «первичные» материальные нормы и «вторичные» процедурные нормы [3]. Последние структурируют законодательные процессы, обеспечивая соответствие юридических дискурсов как внешним процедурным требованиям, так и внутренней логике аргументации, направленной на обоснование принимаемых решений.

Право играет важную роль в устранении когнитивной неопределенности, свойственной повседневным моральным обсуждениям. Это приводит к необходимости рассмотреть, каким образом юридическая система может способствовать рациональным дискуссиям, отвечающим как требованиям аргументативной рациональности, так и нуждам разрешения конкретных конфликтов.

Повседневные моральные дискуссии зачастую лишь частично соответствуют критериям коммуникативной рациональности. В таких обсуждениях различия в компетенциях и влиянии участников, а также их мотивы, часто далекие от поиска истины, играют значительную роль. Кроме того, некоторые вопросы остаются

ся табуированными, а сами обсуждения протекают в условиях отсутствия чётких процедур, регулирующих начало, завершение и возобновление диалога. Эти особенности объясняют необходимость институционализации моральных дискуссий через правовые нормы, обеспечивающие структурированность и формальную организацию таких процессов.

Как указывает В.И. Карасик, никакая процедура проверки рациональной приемлемости норм не может гарантировать безошибочность или однозначность, особенно при применении абстрактных правил к сложным ситуациям [11]. Это требует от права выработки решений, которые максимально соответствуют принципам рациональности, и для этого необходимы специальные институциональные механизмы, способные нивелировать препятствия для разумного обсуждения. Правовые нормы выполняют важную функцию, создавая устойчивую структуру для принятия решений в условиях, когда моральные рассуждения не дают однозначного ответа. Закон вводит определённые ограничения, которые можно рассматривать в четырёх аспектах. Во-первых, он методически привязан к национальной правовой системе. Во-вторых, устанавливает тематические границы, включая распределение времени доказывания. В-третьих, регулирует участие и разграничивает роли участников.

Механизмы институционализации различаются в зависимости от контекста: от научных дискуссий в юридической среде до судебных разбирательств и процессов правоприменения. Можно выделить два типа юридических дискурсов: те, которые посвящены обоснованию норм, и те, которые направлены на применение уже существующих правовых норм к конкретным случаям.

Рациональная приемлемость права, с точки зрения стандартов дискурса, связана с беспристрастностью процедур. Это выражается в роли судьи как нейтрального арбитра, принципе равного выслушивания сторон, разделении времени доказывания и обосновании вынесенных решений. Кроме того, демократическая легитимность закона предполагает участие граждан в принятии правовых норм, которые должны быть универсально применимыми.

Следует подчеркнуть, что проекция возможного консенсуса среди всех, на кого распространяется действие закона, является предпосылкой его легитимности. Конституционная демократия, хотя и далека от идеала, наилучшим образом воплощает эти принципы, позволяя гражданам свободно и равноправно участвовать в процессах формирования воли. Важно различать дискурсы, посвященные обоснованию норм, и процессы их применения. Коммуникативная рациональность, по мнению В.И. Карасика, функционирует в обеих сферах, но с разными акцентами: она регулирует универсализацию интересов на этапе обоснования и обеспечивает контекстуальную связность в процессе применения [11].

В ответ на критику о недостаточной внимательности его модели к содержательным моральным критериям, Ю. Хабермас утверждает, что его теория включает два ключевых моральных принципа: справедливость, предполагающую равное уважение ко всем, и солидарность, основанную на заботе о благе других [12]. Эти принципы служат основанием для легитимности права, которое должно обеспечивать как частную, так и политическую автономию граждан.

Таким образом, идеал коммуникативной рациональности выполняет две функции. Он выступает эвристическим инструментом для анализа юридических процессов и критическим инструментом для их оценки. Дискурсивные идеализации позволяют выявить, насколько реальные юридические процедуры соответствуют условиям рационального дискурса, и определить, в каких случаях эти стандарты нарушаются ради функциональных компромиссов, таких как временные ограничения.

Выводы

Статья посвящена обоснованию концепции юридического дискурса, рассматриваемого как разновидность рационального дискурса. Поскольку рациональный дискурс включает в себя моральные аргументативные практики, юридический и морально-практический дискурсы взаимно дополняют друг друга. Это предполагает, что юридический дискурс можно понимать как институционализированную форму морального обсуждения. Таким образом, его следует оценивать хотя бы частично с точки зрения нормативных идеалов, лежащих в основе рациональных моральных дискуссий. Для исследователей аргументации подобный философский подход открывает новые перспективы изучения юридического дискурса. Вместе с тем возникает вопрос о том, как юридические процедуры разрешения споров институционализируют рациональные обсуждения, а также могут ли они быть достаточно близки к нормативным идеалам дискурсивной рациональности.

Идеи Хабермаса предлагают два основных направления для изучения юридического дискурса как институционализированной формы рационального обсуждения. Первое связано с тем, каким образом юридические процессы могут компенсировать ограничения повседневных моральных дискуссий, которые часто характеризуются слабой процедурной структурой. Второе направление предполагает использование идеальных моделей дискурса в качестве критического инструмента для анализа и оценки практики юридиче-

ских обсуждений в различных институциональных контекстах. Опираясь на прагма-диалектический подход, различающий ключевые компоненты анализа, были сформулированы вопросы, которые встают в рамках исследования взаимодополняемости юридического и морального дискурсов. Эта взаимодополняемость предлагает новые аспекты для изучения в прагма-диалектической парадигме, сосредоточенной на взаимодействии институционализированных юридических практик и неформальных моральных обсуждений. Проведение таких исследований способствует более глубокому пониманию как сходств, так и различий между общими практическими дискуссиями в моральной сфере и обсуждениями в правовой области.

Список источников

1. Perelman C., Olbrechts-Tyteca L. *La nouvelle rhétorique*. Brussels: l'Université de Bruxelles, 1958. 110 p.
2. Toulmin S.E. *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 220 p.
3. Habermas J. *Between Facts and Norms* / trans. W. Rehg. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. 180 p.
4. Habermas J. *On the Pragmatics of Communication* / ed. M. Cooke. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. 150 p.
5. Серль Д.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. № 17. С. 170 – 194.
6. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть // Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
7. Степанов Ю.С. Концепты // Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
8. Ревзина О.Г. Когнитивная организация газетного дискурса // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 42 – 49.
9. Конецкая В.П. Социология коммуникации: учебник. М.: Международный университет бизнеса и управления, 2004. 304 с.
10. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. М., 1996. С. 105 – 126.
11. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14 – 31.
12. Зайцев А.В. Диалогика Юргена Хабермаса: понятие и сущность // Философская мысль. 2012. № 2. С. 75 – 98.

References

1. Perelman C., Olbrechts-Tyteca L. *La nouvelle rhétorique*. Brussels: l'Université de Bruxelles, 1958. 110 p.
2. Toulmin S.E. *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 220 p.
3. Habermas J. *Between Facts and Norms*. Trans. W. Rehg. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. 180 p.
4. Habermas J. *On the Pragmatics of Communication*. Ed. M. Cooke. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. 150 p.
5. Searle D.R. Classification of illocutionary acts. *New in foreign linguistics*. 1986. No. 17. P. 170 – 194.
6. Van Dijk T.A. *Discourse and power. Representation of dominance in language and communication*. Moscow: Book House "LIBROKOM", 2013. 344 p.
7. Stepanov Yu.S. *Concepts. Thin film of civilization*. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2007. 248 p.
8. Revzina O.G. Cognitive organization of newspaper discourse. *Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*. 2006. No. 2. P. 42 – 49.
9. Konetskaya V.P. *Sociology of communication: textbook*. M.: International University of Business and Management, 2004. 304 p.
10. Karaulov Yu.N. The role of precedent texts in the structure and functioning of the linguistic personality. *Scientific traditions and new directions in teaching Russian language and literature: reports of the Soviet delegation at the VI congress of MAPRYAL*. M., 1996. P. 105 – 126.
11. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Trends in the development of modern discourse. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2021. No. 1. P. 14 – 31.
12. Zaitsev A.V. Dialogic of Jurgen Habermas: concept and essence. *Philosophical thought*. 2012. No. 2. P. 75 – 98.

Информация об авторах

Гилязова А.Е., ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811 373.42 (=512)

¹ Гоголева М.Т.

¹ Северо-Восточный Федеральный университет
имени М.К. Аммосова

Локальный диалект якутского языка в произведениях рассказчика П.С. Колтовского: фонетика и лексика

Аннотация: в статье освещается локальный диалект языка жителей Борогонского наслега Вилюйского улуса Республики Саха (Якутия), зафиксированный от местных жителей в книгах знатока устного народного творчества, известного рассказчика П.С. Колтовского. В якутском языкознании собрано достаточно много материала по разным разделам диалектологии. В настоящее время перспективным в этой отрасли науки считается когнитивное направление, где большое внимание уделяется комплексному видению проблемы взаимосвязи языка, истории, культуры народа. В привлечении новых сведений видим актуальность и научную значимость данной статьи. В статье поставлена цель сбора материала по локальному диалекту языка коренных жителей отдаленного наслега. Обозначены задачи: изучить сведения по проблемам современной диалектологии, состоянию изученности диалектов, говоров якутского языка; выявить и определить в диалектных явлениях характерные особенности, обобщить полученные результаты. Используются методы исследования: анализ научных работ по диалектологии, фонетике, лексике, грамматике; выборка трудов осуществлена по степени аутентичности материалов, приведенных в книгах автора, проведены наблюдение и уточнение значений, также соответствий из других источников, картографии и др. Результаты работы подводят к выводам о фонетических, лексических особенностях местного наречия, позволяют строить предположения об их происхождении. В перспективе работы по сбору материала по этому направлению могут быть проведены и в других отдаленных местах республики, что послужит материалом для новых исследований.

Ключевые слова: якутский язык, локальный диалект, проблема взаимосвязи

Для цитирования: Гоголева М.Т. Локальный диалект якутского языка в произведениях рассказчика П.С. Колтовского: фонетика и лексика // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 112 – 117.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Gogoleva M.T.

¹ North-Eastern Federal University named
after M.K. Ammosov

Local dialect of the Yakut language in the works of the narrator P.S. Koltovsky: phonetics and vocabulary

Abstract: the article covers the local dialect of the language of the inhabitants of Borogonskii legacy of Viluyisky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia), recorded from local residents in the books of P.S. Koltovsky, an expert of oral folk art, a famous storyteller. Yakut linguistics has collected quite a lot of material on various sections of dialectology. Nowadays the cognitive direction is considered promising in this branch of science, where much

attention is paid to the complex vision of the problem of interrelation of language, history and culture of the people. We see the relevance and scientific significance of this article in attracting new information. The article aims to collect material on the local dialect. The following tasks are outlined: to study the information on the problems of modern dialectology, the state of study of dialects and dialects of the Yakut language; to identify dialect phenomena in the narrator's books; to determine the characteristic features of dialect phenomena, to generalise the results obtained. The following research methods were used: analysis of scientific works on the research topic, in the field of dialectology, phonetics, lexicon, grammar; selection of works was carried out according to the degree of authenticity of the materials, observation and clarification of meanings, also correspondences from other sources, cartography, etc. The results of the work lead to conclusions about phonetic and lexical peculiarities of the local dialect and allow us to make assumptions about their origin. In the future, work on collection of material can be carried out in other remote places of the republic, which will serve as a basis for new research.

Keywords: *the Yakut language, local dialect, the problem of interrelation*

For citation: Gogoleva M.T. Local dialect of the Yakut language in the works of the narrator P.S. Koltovsky: phonetics and vocabulary. *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 112 – 117.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Первые сведения по якутской диалектологии содержатся в фундаментальном труде лингвиста О.Н. Бетлингга «О языке якутов», где им были выделены основные «окающий» и «акающий» говоры якутского языка [1, с. 15]. По свидетельству М.С. Воронкина, большой вклад в изучении диалектных явлений якутского языка внесли политссыльные И.А. Худяков, С.В. Ястремский, Э.К. Пекарский, В.М. Ионов. Из числа местных грамотных людей наиболее ценный материал был собран зачинателем якутской литературы А.Е. Кулаковским – Өксөкүлээх Өлөксөй, который с молодых лет объездил вдоль и поперек огромную территорию Якутского края. Вслед за известным якутоведом Е.И. Убрятовой, изучившей фонетические особенности говоров центральных улусов республики, по разным разным разделам диалектологии проводили исследование Н.А. Ааллахский, П.П. Барашков, Е.И. Коркина, П.А. Слепцов, П.С. Афанасьев, С.А. Иванов, И.Е. Алексеев, М.П. Алексеев и др. Научное объяснение получили такие диалектные явления, как наречия, говоры, территориальные разновидности в фонетике, морфологии, лексике; выполнены труды по лексикографии, картографии [1]. Примечательно высказывание о значении диалектных явлений С.А. Иванова, сформулированного по результатам своих трудов, в том числе, картографического исследования: «Во всех разделах диалектологии (фонетике, грамматике и в лексике) можно найти факты, выступающие в качестве важнейшего источника для изучения истории языка и его носителей» [2, с. 67]. Также интересным представляется предположение лингвиста о времени возникновения основных говоров якутского языка: «...варьирование возникло не в результате распада единого языка в Средненеленском крае, а в итоге объединения двух основных якутоязычных племенных групп: распад, т.е. дивергентные процессы произошли где-то в южных широтах, в Циркумбайкальском регионе или в Верхненеленском крае» [2, с. 67]. А известный топонимист М.С. Иванов-Багдарын Сүлбэ в своих книгах убедительно доказал, что в ономастике сохранены важные сведения по истории и культуре народов Якутии [4, 5]. Это перекликается с актуальным мнением современных российских исследователей: «В настоящее время большое внимание при изучении диалектного языка уделяется когнитивной диалектологии, которая, основываясь на коммуникативной функции говора, выделяет различные концепты диалектной культуры» [5, с. 49]. Также можно сказать, что современная диалектология расширяет свои границы в сторону этнологии.

Материалы и методы исследований

Выбранный подход к исследованию диалектных явлений, собранных в отдаленном наслеге республики, где в условиях естественной консервации могут быть сохранены аутентичные материалы, представляется оправданным. Автор рассматриваемых здесь книг П.С. Колтовской, всю свою жизнь жил только в родном наслеге, славился яркой, выразительной речью, мудростью, передаваемой из поколения в поколение [6, 7]. В небольших рассказах из жизни односельчан середины XX века, через характерную речь героев, раскрываются живые образы тружеников села, их прямая и косвенная речь в различных жизненных ситуациях, оставшихся в памяти людей как притча во языцех, отражает только присущий данной местности язык. Благодаря автору, мы знакомимся с самобытным языком вилюйских якутов.

Диалектизмы в книге «Аспыт анысханнаах сыллар» (Прошедшие лихие года).

«Саас, уу атахтаммытын кэннэ, балыктара бүтэн эмиэ ачыктаан бараллар. Улахан уол онно-манна сылдьан бултаһан көрөр да, оҕун тэбиитэ кыра, мөлтөх буолан, улахан буосалааҕы өлөрбөт. Дэн-оһол хабды өлөрөн аҕалар. Балыктарын хаҕын тамнаабыттарын онтон-мантан булан сириллэр да, эмээннээх ас буолуо дуо? Биир күн үнүүлэрин, атараларын ылан, үрэхтэригэр киирэллэр. Били уолан, балык бөҕө хаалан, кинилэри өллөөбүт сирдэрэ чүөмпэтэ туолан, уу бөҕө буолбут. Бүгүн-сарсын уу чааратын үрдүнэн охсууһу» – ‘Весной, когда водой залило все вокруг (досл. когда у воды появилась нога) и закончились запасы рыбы, наступил голод. Старший из братьев ходит на охоту то там, то здесь, но добычи совсем мало, и лук у него не бьет далеко, да и слабый для большого зверя. Иногда приносит домой случайно добытую куропатку. Едят рыбы шкурки, разбросанные в сытные времена, а какая эта пища для голодного? Как-то раз, взяв с собой копье и атара (рыболовный снаряд в виде верши на ручке для ловли рыбы), подходят к речке. Смотрят, прибыла вода и исчезла яма, которая, хоть маленько, но давала пропитание, не сегодня-завтра зальет пережат на речке’ (здесь и далее перевод наш – Г.М.) [6, с. 159].

Результаты и обсуждения

Рассмотрим выделенные слова, часть из них можно отнести к диалектным словам, кроме случая, когда слово в местном наречии приобретает иное значение, чем в общей лексике: уу атахтаммытын кэннэ, дэн-оһол, эмээннээх, өллөөбүт, чааратын үрдүнэн (‘после того, как у воды появилась нога’, ‘несчастный случай’, ‘незначительный’, ‘давать немного поесть’, ‘отмель’).

Саас, уу атахтаммытын кэннэ – ‘после того, как у воды появилась нога’. В Большом Толковом словаре якутского языка находим другой вариант фразеологизма: Мас атахтаах уу – үрэҕи икки хара тыатынан киэптээн кэлэр сааскы халаан уута [8, с. 348] (‘дословно: вода с деревянной ногой, т.е. весеннее половодье, когда вода на реке затопляет прибрежные деревья’).

Дэн-оһол – ‘несчастный случай’ [9, с. 348], здесь слово дэннэ – ‘редко’ употребляется в значении – ‘редко’.

Эмээн – ‘прок, толк, польза’ [10, с. 232], значение архаизма с аффиксом принадлежности – лээх (нээх) – без толку, без пользы. Характерное только для местного языка грамматическая форма слова, отсутствующая в словаре.

Өллөө – ‘после длительного голодания давать немного поесть’ [11, с. 419], малоупотребительное слово из общей лексики приводим как пример отражения особенностей местного говора.

Чаара – диалектная форма слова Чаар ‘мелкое место в реке, отмель’ [12, с. 74], – в эвенкийском языке чар – ‘мель’; тувинском – саарыг – ‘пережат на реке’. Это значение более близко выделенному фрагменту: Чааратын үрдүнэн охсууһу – ‘водой зальет отмель’. В общеупотребительной лексике есть слово Дъара – ‘мелкий, неглубокий’, которое не эквивалентно Чаара [9, с. 313].

Бэрэттэмэй хамначчыга Сэмэн тутумдубу саҕана, аан-даам тымныы тымныы адаҕыйан турдаҕына [6, с. 10] – ‘Работник Бэрэттэмэйэ Семен во время трескучих морозов, когда стоял самый короткий зимний день’. Тутумдубу саҕана – ‘во время зимнего самого короткого дня’. В указанном словаре данное слово определено как диалектное – тутумдубу күн – диал. – ‘короткий зимний день’ (периода наибольшего сокращения дневного времени) [13, с. 211]. В местном варианте отглагольное существительное употреблено без дополнительного пояснения күн – ‘день’; малопродуктивный аффикс тоже имеет характерные диалектные черты – мдь вместо –мны (ср. со словом уккумдубу (уккуй ‘вовлекать во что-то’) [8, с. 107]. Это слово отсутствует в словарях, но есть в названии олонхо сказителя Т.П. Гоголева – Отут саһаан усталаах Уот Уккумдубу Кугас аттаах... Тимир Куйах Дъэриэмэт Бэргэн – ‘Дъэриэмэт Бэргэн с железным куйахом, имеющий <...> огненно рыжего коня Уот Уккумдубу длиною в тридцать сажений’ [14, с. 16].

Диалектизмы в книге «Тобох кэпсээним» (Рассказы-остатки).

Дарда – ‘грубый настил из досок’. Дэлби тонгон, санаата холлон утуйар таһаһын дардаҕа тэлгээн баран, утуйарды оһоһунна – ‘Замерзший донельзя, в скверном настроении он сделал себе постель на грубом настиле... и собирался спать’ [7, с. 4]. Дарда – фонетический вариант. В Словаре передано через долгий гласный звук -аа бэриллэр, причислен к архаизмам, второе значение соответствует указанному значению [9, с. 68].

Кээс (кэбис) – ‘бросить, оставить’. Суох. Тоҕо кээһимий? Барытын аҕалан оһонньор онкучаҕар укпугум – ‘Нет. Почему оставляю? Все принес и положил в стариковский погреб’ [7, с. 6]. Кээс (сокращенная форма от литературной кэбис) – в значении оставить [15, с. 612]. Онкучаҕар – ‘в (его) погребе’ – относится к общей лексике [11, с. 300], но почему-то не замечена характерная для речи жителей диалектная форма гунучах, отсутствующая также в словарях.

Чэйи оргут, чайы кыһыннар – ‘вскипяти чай’. Апанаас чэйин оргутан тиритэ-хорута сылдьар – ‘Афанасий, весь вспотевший, занят кипячением чая’. Миискэлэргэ чэй кутуталаата – ‘Разлил по мискам чай’ [7, с. 10]. В

Вилуйском регионе еще недавно говорили чаайы кыыннар вместо чэйи оргут. Под влиянием литературной нормы преобладает второй вариант.

Оскуома – ‘гвоздь’. Ньукулай оҕонньор, дьэ ханытаалынай өһүөтүн сүгэн турар ортоку баџанаџа оскуома сааллыбытыгар, ыйаан кэбиспит саппыйалаах табаҕын ылан табахтаан тыргыта сытта – ‘Старик Николай снял с гвоздя, прибитого на столб, несущий среднюю капитальную балку дома, мешочек с табаком и закурил, пуская вьющийся дым’ [7, с. 10]. Слово общепотребительное, хотя не везде [11, с. 348]. Заимствованное скоба из русского языка в отдельных местах заменило многозначное слово тоһоџо – ‘гвоздь, кол’ [16, с. 495].

– Оо, кизн сарбыаһын, доџор!.. – диэтэ Охонооһой оҕонньор – ‘О, что за несчастье (досл. большое бедствие), друг! – сказал старик Афанасий’ [7, с. 13]. Сарбыаһын – ‘лишение, бедствие’. Диалектное слово, отсутствует в словарях. Этимология слова от древнетюркского йар – ‘рассекать, расщеплять’. В якутском языке есть глагол сарбый – ‘сократить, рассекать’ и его известные формы сарбын, сарбылын [17, с. 273-274].

«...дьон «мэлийэр буоллубут» диэн санаан эрдэхтэринэ, алта уоннаахха тутар лаһыар бөдөн собо мунха ийэтигэр эймэнэ түстэ» – ‘... когда люди уже думали, что лишились улова, вдруг в матке невода вскипел крупный карась, попадающийся в 60-ячейку’ [7, с. 15]. Лаһыар – ‘крупный (здесь: о карасе)’. Литературная норма – лоһуор.

Здесь необходимо добавить, что в этой местности проживает достаточно много носителей «акающего» говора, что часто наблюдается в их речи. Например, в олонхо вышеупомянутого Т.П. Гоголева зафиксировано выражение: Андылы лаһыйбыт арылыас халарыгын курдук дьэргэлдьийэ турар сир – ‘эта местность подобна вихрю, создаваемому птицей-гоголем, похожим на взлетающего турпана’ [14, с. 16]. Арылыас халарыга – лит.: орулуос холоруга (досл. ‘вихрь гоголя’). В Средневилуйской волости несколько родов считаются пришлыми из других регионов: Усть-Аданского, Намского, Кобяйского – которые, по свидетельству М.С. Иванова – Багдарыына Сүлбэ, все «акающие» [3, 4]. То, что «оканье» тоже широко распространено в этих местах объясняется «зоной вибраций», которую образуют взаимовлияние соседствующих говоров [1, с. 45]. Приводим пример-аччыгый – ‘маленький’ – часто встречающийся фонетический вариант. Охонооһойоп: «Оџолоор, бэйи аччыгый бэрээдэктээх дьон буоллугут дии», – диэтэ – «Ну, в поведении-то у вас порядка мало, ребята», – сказал Афанасьев [7, с. 24].

Ылтамы – ‘быстро устающий’ – в Толковом словаре указан как диалект [12, с. 422]. «... маннайгы уоџар сүгэнэн маһы да кэрдиигэ, анныынан мууһу да алларыыга тэннээџэ суох киһи. Ол гынан баран, ылтамы эбитэ үһү» – ‘в пылу рвения он не имел себе равных ни в рубке деревьев, ни в колке льда. Но был ылтамы – быстро устающим’ [7, с. 25].

В речи борогонцев также наблюдается эмотивная функция известных слов и фразеологических сочетаний: Сэрии саџана сокуон саамай дыџырџаннаан турар кэмэ – ‘во время войны, когда закон был особо устрашающим’ [7, с. 53]. Киһи быһа буолбутугар, эти кытта эмэн кэбистилэр – ‘В тот момент, когда людей не стало (имеется в виду: до того, как вновь соберутся люди), они выпили, закусывая мясом’ [7, с. 28]. Ааһын онорон тыал катер иннигэр ууну ыспыта хам тонгон хаалан сүһүөхтээх таба тирэниэх буолуо дуо? – ‘К лишениям вдобавок, сильным ветром залило переднюю поверхность – не было никакой возможности удержаться на ледяной корме катера’ [7, с. 50]. Төһө да Ырдьыгын буолбутун иһин, куруук дырай тэбэ сылдыа дуо? – ‘Да, хоть он и Ырдьыгын, не будет же он все время бездельничать?’ [7, с. 66]. Вышеприведенные словосочетания в словарях отсутствуют, т.е. уже перешли в разряд малоупотребительной лексики, не зря исследователь С.А. Иванов обращает внимание на архаизмы: «Многие из них в наше время стали архаизмами, лексическим признаком периферийных якутских говоров, сохраняя при этом свое прежнее семантическое значение и фонетическое оформление» [18, с. 78].

Выводы

Итак, в локальном диалекте Борогонского наслега Вилуйского улуса Республики Саха (Якутия) выявлены диалектные явления как в фонетике, так и в лексике. То, что в пределах одного населенного пункта наблюдается как одновременное функционирование двух основных говоров: «аканье» и «оканье» может быть объяснено внутренними миграционными процессами и «зоной вибраций».

Под влиянием литературного языка произошли изменения в диалектизмах. Ранее зафиксированные фонетические различия не выявлены в словах: умат-убат – ‘зажечь’, муус-буус – ‘лед’, маџана-баџана – ‘столб’, мааџын-баарыын-баарыан – ‘давеча’. Замена долгого гласного дифтонгом в диалектном произношении также не выявлена. Төрөөбөт-төрүүбэт – ‘не рождает’. Чэнкир-чанкыр – ‘всегда, все время’ – Характерное слово для вилуйского диалекта слово Чанкыр [19, с. 307] не употреблено.

Из вышесказанного можно прийти к заключению, что за относительно короткий промежуток времени локальный диалект языка претерпевает изменения, утрачиваются диалектные явления, как в фонетике, так и в

лексике. Так как любая форма слова несет определенную смысловую нагрузку, в том числе, фоновую, наша задача – расширить базу исследований путем выявления новых данных в аспекте современной постановки диалектологических проблем.

Список источников

1. Воронкин М.С. Саха диалектологиятын очерката: фонетика уонна морфология. Якутск: Кинигэ издательствота, 1980. 244 с.
2. Иванов С.А. Якутская диалектология и история языка саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4 (13). С. 66 – 71.
3. Багдарыын Сүлбэ. Мэнэ ааттар // Вечные имена. Якутск: Кинигэ издательствота, 1978. 288 с.
4. Иванов М.С. Алаас ааттаах. У алааса есть название. Якутск: Кинигэ издательствота, 1982. 232 с.
5. Гулиева Г.Л. Современные диалектологические разработки и возможности их применения в системе высшего образования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/s47-50> (дата обращения: 25.10.2024).
6. Колтовской П.С. Ааспыт анысханнаах кэмнэргэ: үһүээннэр, остуоруйалар. В былые суровые времена: легенды, сказки. Дьокуускай: «Дани-Алмас», 2008. 188 с.
7. Колтовской П.С. Рассказы-остатки: реальные случаи из жизни. Дьокуускай: «Дани-Алмас», 2009. 132 с.
8. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XII: буквы У, Ү / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015. 598 с.
9. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. III: буквы Г, Д, ДЬ, И / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. 844 с.
10. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XV: буква Э / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2018. 576 с.
11. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VII: буквы Нь, О, Ө, П / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2010. 519 с.
12. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIV: буквы Ч, Ы / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017. 592 с.
13. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XI: буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2014. 528 с.
14. Гоголева М.Т., Гоголев Б.Т. Сказитель Доропуун. Якутск: Бичик, 2007. 80 с.
15. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. V: буква К: күөһэлис гын – кээчэрэ / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. 616 с.
16. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. X: буква Т: төһүүлээ / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013. 575 с.
17. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VIII: буква С: сөллөбөр / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.
18. Иванов С.А. К архаизмам якутского языка и его территориальных диалектов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 2 (27). С. 78 – 88.
19. Афанасьев П.С., Воронкин М.С., Алексеев М.П. Диалектологический словарь якутского языка. М.: «Наука», 1976.

References

1. Voronkin M.S. Sakha dialectology essay: phonetics and morphology. Yakutsk: Kinige Publishing House, 1980. 244 p.
2. Ivanov S.A. Yakut dialectology and history of the Sakha language. North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2015. No. 4 (13). P. 66 – 71.
3. Bagdariyyn Sulbe. Mené aattar. Eternal names. Yakutsk: Kinige publishing house, 1978. 288 p.
4. Ivanov M.S. Alaas aattaah. Alaas has a name. Yakutsk: Kinige publishing house, 1982. 232 p.
5. Gulieva G.L. Modern dialectological developments and the possibilities of their application in the higher education system. URL: <https://cyberleninka.ru/article/s47-50> (date of access: 25.10.2024).
6. Koltovskoy P.S. Aaspyt anishannaah kemnerge: үһүеэннер, остуоруйалар. In the harsh old times: legends, fairy tales. Djokuuskai: Dani-Almas, 2008. 188 p.
7. Koltovskoy P.S. Leftover stories: real life incidents. Djokuuskai: Dani-Almas, 2009. 132 p.
8. Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. XII: letters U, Y. Ed. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2015. 598 p.

9. Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. III: letters G, D, ДБ, И. ed. by P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2006. 844 p.
10. The Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language: in 15 vol. Vol. XV: letter E. ed. by P.A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2018. 576 p.
11. The Great Explanatory Dictionary Yakut language: in 15 vol. Vol. VII: letters Нь, О, Ө, II. ed. by P.A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2010. 519 p.
12. Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. XIV: letters CH, Y. ed. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2017. 592 p.
13. Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. XI: letter T: tötöllөөkh – teetennee. ed. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2014. 528 p.
14. Gogoleva M.T., Gogolev B.T. Storyteller Doropun. Yakutsk: Bichik, 2007. 80 p.
15. Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. V: letter K: kyöhelis gyn – keechere. ed. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2008. 616 p.
16. Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. X: letter T: төһүүlee. ed. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2013. 575 p.
17. Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. VIII: letter C: sollөсөр. ed. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2011. 572 p.
18. Ivanov S.A. On the archaisms of the Yakut language and its territorial dialects. North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2019. No. 2 (27). P. 78 – 88.
19. Afanasyev P.S., Voronkin M.S., Alekseev M.P. Dialectological dictionary of the Yakut language. M.: “Science”, 1976.

Информация об авторах

Гоголева М.Т., кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

© Гоголева М.Т., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языков народов России (филологические науки)

УДК 811.512.1:81'367.3[81'37+81'36]

¹ Саттарова С.С.

¹ Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова

Семантико-синтаксическая функция модальных слов крымскотатарского языка в предложении

Аннотация: синтаксическая функция модальных слов в крымскотатарском языке специально не изучалась. В статье рассмотрены семантико-синтаксические особенности модальных слов крымскотатарского языка в предложении. Модальные слова как часть речи были выделены в конце XX века. Как и в других тюркских языках, семантическое значение модальных слов крымскотатарского языка заключается в передаче различных оттенков отношения говорящего к тому, что он говорит, к содержанию речи, к действительности. В синтаксической функции модальные слова, в зависимости от позиции в предложении, придают дополнительное значение предложению, части предложения и выражают различные модальные значения, т.е. являются вводно-модальными. В функции вводно-модальных слов и сочетаний выступают модальные слова со значением уверенности, утверждения в достоверности высказанной мысли; модальные слова, выражающие сомнение, предположение в истинности сообщаемого. Отдельную группу составляют вводно-модальные слова, характеризующие порядок и последовательность изложения мысли.

Синтаксической функцией отличаются модальные слова, которые употребляются в качестве слова-предложения в диалогической речи. Слова – предложения представляют собой особый структурный тип незаконченного предложения. Модальные слова со значением долженствования, возможности, очевидно-сти в предложении с аналитической конструкцией из глагола и модального слова, употребляются в роли главного члена предложения, выделяют логичность сказуемого, придают модальность предложению.

В статье впервые отдельно рассмотрены семантико-синтаксические особенности модальных слов крымскотатарского языка в предложении. Результаты исследования можно использовать для дальнейшей характеристики семантико-функциональных особенностей модальных слов в крымскотатарском языке. Основные положения статьи возможно использовать при составлении учебных пособий, при разработке спецкурса по модальным частям речи.

Ключевые слова: вводно-модальные слова, синтаксическая функция, дополнительное значение, слова – предложения, сказуемое

Для цитирования: Саттарова С.С. Семантико-синтаксическая функция модальных слов крымскотатарского языка в предложении // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 118 – 121.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Sattarova S.S.

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University
University named after F. Yakubov

Semantic-syntactic function of modal words of the Crimean Tatar language in a sentence

Abstract: the syntactic function of modal words in the Crimean Tatar language until now has not been specially investigated. The article examines the semantic and syntactic features of modal words of the Crimean Tatar lan-

guage in a sentence. Modal words as a part of speech were identified at the end of the XXth century. Just like in other Turkic languages, the semantic meaning of modal words in the Crimean Tatar language is to convey various shades of the speaker's attitude to what he says, to the content of speech, to reality.

In the syntactic function, modal words, depending on their position in the sentence, give additional meaning to the sentence as a whole, part of the sentence or member of the sentence, expressing various modal meanings. In the Crimean Tatar language, modal words with the meaning of confidence, assertion of the reliability of the expressed thought, as well as modal words expressing doubt, assumption of the reliability of the reported are widely used as introductory modal words and combinations. A separate group is made up of introductory modal words that characterize the order and sequence of presentation of thoughts in scientific texts. Modal words, which are used as a sentence word, have a special syntactic function. Sentence words are expressed by one word or a stable phrase and are more often used in dialogical speech. In a sentence, modal words of obligation, necessity, possibility, obviousness in the composition of analytical constructions from a verb and a modal word are used as a predicate, highlight the consistency of the predicate, and give some modality to the sentence.

This article is the first one to separately consider the semantic and syntactic features of modal words in the Crimean Tatar language in a sentence. The results of the study can be used for further characterization of the semantic and functional features of modal words in the Crimean Tatar language. The main provisions of the article can be used in compiling teaching aids, in developing a special course on modal parts of speech.

Keywords: introductory modal words, syntactic function, additional meaning, sentence words, predicate

For citation: Sattarova S.S. Semantic-syntactic function of modal words of the Crimean Tatar language in a sentence. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 118 – 121.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

В современном крымскотатарском языке модальные слова представляют собой особую группу слов, которая выражает отношение говорящего к тому, что он говорит, к содержанию речи, к действительности. Как часть речи в грамматической структуре крымскотатарского языка они были выделены в конце XX века.

В лингвистике большой вклад в изучение модальных слов внёс академик В.В. Виноградов. Учёный первым выдвинул идею о выделении модальных слов в особую часть речи [2, с. 42-44]. Модальным словам были посвящены ряд исследований по многим тюркским языкам. В работах тюркологов подробно описаны значение и функциональные особенности модальных единиц. Особое внимание уделено синтаксической функции модальных слов в предложении [7, с. 4].

В крымскотатарском языке модальные слова, как служебная часть речи, впервые выделены А.М. Меметовым в учебнике "Практикум по грамматике крымскотатарского языка" [5, с. 40]. В учебных грамматиках по современному крымскотатарскому языку модальные слова относятся к модальным частям речи [6, с. 307]. Следует отметить, что в учебной литературе сведения о значении и функционировании модальных слов в предложении ограничены обобщающими выводами. Углубление и расширение знаний о семантико-функциональных особенностях модальных слов остаётся актуальной проблемой крымскотатарского языкознания. Цель исследования: подробный анализ и описание семантико-синтаксической функции модальных слов крымскотатарского языка в предложении.

Материалы и методы исследований

В статье использованы описательный и сравнительный методы исследования. С помощью метода дистрибутивного анализа, определены синтаксические особенности модальных единиц крымскотатарского языка. Источниками примеров послужили произведения художественной литературы, литературно-критические статьи, тексты научной статьи на крымскотатарском языке.

Результаты и обсуждения

В крымскотатарском языке предложение осложняется различными грамматическими средствами, в том числе и модальными словами. Предложение – это синтаксическая конструкция, среда, в которой происходит всеобщее взаимодействие явлений, наблюдается вхождение части в целое, выражаются отношения между совокупностью конструкторов и связью, объединяющей эти конструкторы [8, с. 11]. Модальные слова, как синтаксические конструкторы участвуют в формировании субъективного начала предложения и приобретают вводный характер употребления. В довоенных грамматиках крымскотатарского языка модальные слова изучались как вводные в синтаксисе языка [4, с. 267]. В 1989 году Э. Акмоллаев в учеб-

нике "Практикум по крымскотатарскому языку. Синтаксис" отмечает употребление модальных слов в функции вводных [1, с. 81].

В современном крымскотатарском языке во вводной функции употребляются модальные слова и сочетания, грамматически не связанные с другими словами предложения и придающие дополнительное значение.

В лингвистической литературе для обозначения вводной функции модальных слов часто используется термин "вводно-модальные слова". Это связано с тем, что лингвистическое ядро модальных слов составляют вводные конструкции [3]. В соответствии с данным утверждением, мы считаем возможным называть вводные слова в крымскотатарском языке вводно-модальными. Вводно-модальные слова по месту и употреблению в предложении занимают свободную позицию. При употреблении в начале и в конце предложения вводно-модальные слова выражают модальное значение всего предложения, в середине – части предложения или одного из членов предложения. При обособлении вводно-модальные слова выделяются интонационно и запятыми.

В крымскотатарском языке в функции вводно-модальных слов широко употребляются модальные слова, выражающие достоверность, недостоверность высказывания, к примеру: керчек 'правда, кстати', эльбет 'конечно, разумеется', шубесиз 'без сомнения, несомненно, безусловно', акъикъатен 'действительно', гъалиба 'наверное, кажется, видимо', бельки, итимал, ола билир с общим значением 'может быть, возможно, вероятно' и др. В предложении вводно-модальные слова со значением уверенности, утверждения подтверждают достоверность высказывания, например: Керчек, мында тавшан да, кийик тавукъ да бар [9, с. 65]. Иш, къоранта дегенлери киби бири-биримизни унутып башлагъанмыз, бу яхшы дегиль, эльбет [13, с. 10]. Вазиет, акъикъатен, къыйын эди [9, с. 231]. Сизнен де, шубесиз, шай олур! [11, с. 26]. Вводно-модальные слова со значением неуверенности, сомнения, предположения выражают недостоверность сообщаемого: Итимал, сой-сопларындан кельгенлер де олур [9, с. 270]. Ола билир, автор базы бир вакъиаларны кереги киби тасвирлеп бералмагъандыр [12, с. 67]. Олар, бельки, бааръегдже Азизенен эвленирлер [10, с. 30]. Анифе де онъа чокъ къулакъ асмай, гъалиба [9, с. 208]. В крымскотатарском языке отдельную группу составляют модальные слова, участвующие в организации текста, выражающие порядок и последовательность изложения явлений: биринджиден 'во-первых', экинджиден 'во-вторых', меселя 'например', бойлеликнен 'итак, таким образом', умумен 'в общем', менимдже 'по-моему' занымызджа 'по-нашему мнению' и др. Эти слова в функции вводно-модальных могут употребляться в научных текстах для подтверждения истинности научных сведений.

В синтаксическом отношении некоторые модальные слова со значением уверенности, сомнения, предположения употребляются в функции слова-предложения, выраженного одним словом или устойчивым словосочетанием, выполняющим коммуникативную функцию чаще в диалогической речи. Приведём примеры: – Яхшымы? – деди Василий Агофонович. Яхшы [10, с. 80]. – Насыл дейсинъ, берип олурмызмы? – Шубесиз [11, с. 64]. – Эгер барып коръсенъиз, тахталарны танырсынъызмы? – Бельки [10, с. 238]. – Столымнынъ устю джайрап къалды. – Зарары ёкъ [10, с. 13]. – Ыльындан бу вакъытта экинджи энергоблокны битиреджекмиз, бельки о вакъытка къалдыргъандыр. Ола биле [13, с. 188].

Особенность синтаксической функции модальных слов заключается в том, что они выступают в роли главного члена предложения. В крымскотатарском языке модальные слова должествования керек 'должен, нужно, необходимо', возможности мумкюн 'возможно, вероятно', очевидности экен 'оказывается' в составе аналитической конструкции из глагола и модального слова, используются в качестве компонента сказуемого. Они логически выделяют сказуемое, придают ему дополнительный смысл. В предложении модальное слово керек в сочетании с инфинитивной формой глагола, выражает твёрдую уверенность в необходимости совершения действия в силу объективных причин: Билем. Лякин эр алда бозмакъ керек [11, с. 98]. Экинджи тарафтан исе ашамакъ-яшамакъ керек [12, с. 49]. В составе глагола условного наклонения керек выражает оттенки предположения, сомнения в совершении определенного действия: Бу чокъ йыллар девамында яш баланен якъын муамеледе булунмагъанындан олса керек [12, с. 102]. Сени Шайпте юректен севсе керек [9]. Модальное слово мумкюн, функционируя в составной части сказуемого, выражает значение неопределённости, предположения: Истидатны исе исрарлы эмек, терен бильги саесинде инкишаф эттирмек мумкюн [12, с. 130]. Ондан сонъ, олюмден гъайры эр шейнинъ чаресини тапмакъ мумкюн [10, с. 223]. Эбет, базы адамлар киби, бу ишке де энгиль япышып, афтада бир китап да язып кетирмек мумкюн [12, с. 64]. Слово экен как компонент сказуемого выражает вероятность, возможность, предположение совершения действия в прошедшем времени, например: Эмине мында тамам озь вакъытында кельген экен [13, с. 233]. Онынъ Рустамы сагълыгында нагъышлы кольмеклерни пек севе экен [9, с. 302]. Валлаи, чапса да оладжакъ экен [9, с. 298].

Выводы

В современном крымскотатарском языке семантико-синтаксическая функция модальных слов выделяется следующими особенностями: а) в предложении модальные слова могут употребляться в качестве ввод-

но-модальных слов; б) модальные слова в качестве слова-предложения используются в диалогической речи; в) в предложении модальные слова выступают в роли сказуемого, главного члена предложения. В крымскотатарском языке во вводно-модальной функции широко употребляются модальные слова, выражающие уверенность, утверждение, неуверенность, сомнение, предположение в достоверности высказывания. Модальные слова-предложения состоят из одного устойчивого слова или словосочетания и используются в диалогической речи. Отдельные модальные слова со значением долженствования, возможности, очевидности выступают в роли сказуемого, главного члена предложения.

Список источников

1. Акмоллаев Э. Практикум по крымскотатарскому языку. Синтаксис. Ташкент: Укитувчи, 1989. 160 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Учпедгиз, 1947. 765 с.
3. Газеева Л.В. Изучение функционально-семантических классификаций вводных конструкций русского языка // Мир науки, культуры и образования. 2017. № 3 (64). С. 109 – 111.
4. Ислямов А. Грамматика татарского языка. Часть II. Синтаксис: факсимильное издание. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 332 с.
5. Меметов А.М. Татар тили грамматикасынынь практикумы. Ташкент: Укитувчи, 1984. 150 с.
6. Меметов А. Земаневий кырымтатар тили: Дерслик. Экинджи тюзетильген нешир. Симферополь: КъДЖИ «Къырымдевокъувпеднешир» нешрият, 2010. 320 с.
7. Миннихметов Р.Г. Модальные слова и частицы как лексико-грамматические средства выражения модальности в татарском языке: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5. Уфа, 2000. 22 с.
8. Селендели Л.М. Лексико-семантические и синтморфологические особенности конструкторов крымскотатарского предложения: формальный и прикладной аспекты: дис. ... док. филол. наук: 5.9.5. М., 2015. 44 с.
9. Болат Ю. Садакът. Ташкент: Гъафур Гъулом адына Эдебият ве санъат нешрият, 1979. 325 с.
10. Осман А. Тутушув (Повестылер. Икяелер). Т.: Эдебият ве санъат нешрият, 1988. 400 с.
11. Паши И. Йылдызлы геджелер: Повестылер. Т.: Эдебият ве санъат нешрият, 1978. 180 с.
12. Черкез Али. Чокъ юрген, чокъ корер: Эдебий-тенкидий макъалелер. Т.: Эдебият ве санъат нешрият, 1991. 216 с.
13. Эдемova У. Баш язысы. Повесть ве икяелер. Т.: Эдебият ве санъат нешрият, 1981. 40 с.

References

1. Akmollaev E. Practical training in the Crimean Tatar language. Syntax. Tashkent: Ukituvchi, 1989. 160 p.
2. Vinogradov V.V. Russian language (Grammatical doctrine of the word). Uchpedgiz, 1947. 765 p.
3. Gazeeva L.V. Study of functional and semantic classifications of introductory constructions of the Russian language. The world of science, culture and education. 2017. No. 3 (64). P. 109 – 111.
4. Islyamov A. Grammar of the Tatar language. Part II. Syntax: facsimile edition. Simferopol: State Autonomous Institution of the Republic of Crimea "Media Center named after I. Gasprinsky", 2017. 332 p.
5. Memetov A.M. Tatar grammar and practical lessons. Tashkent: Ukituvchi, 1984. 150 p.
6. Memetov A. The Tatar language: The meaning of words. Simferopol: Kyrgyz Republic "Kryumdevokuvpedneshir" neshriyat, 2010. 320 p.
7. Minniakhmetov R.G. Modal words and particles as lexical and grammatical means of expressing modality in the Tatar language: diss. ... candidate of philological sciences: 5.9.5. Ufa, 2000. 22 p.
8. Selendeli L.M. Lexical-semantic and syntmorphological features of the Crimean Tatar sentence constructs: formal and applied aspects: dis. ... doc. philological sciences: 5.9.5. M., 2015. 44 p.
9. Bolat Y. Sadaqat. Tashkent: Gafur Gulom adina Edebiyat ve Sanat Neshriyat, 1979. 325 p.
10. Osman A. Tutushuv (The Storyteller. Ikyaeler). T.: Edebiyat ve sanat neshriyat, 1988. 400 p.
11. Pashi I. Yildyzli Gejeler: The Storyteller. T.: Edebiyat ve sanat neshriyat, 1978. 180 p.
12. Cherkez Ali. Chok yurgen, chok korer: Edebii-tenkidiy makaleler. T.: Edebiyat ve sanat neshriyat, 1991. 216 p.
13. Edemova U. Bash languages. Tale ve ikaeler. T.: Edebiyat ve sanat neshriyat, 1981. 40 p.

Информация об авторах

Саттарова С.С., Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, sanie.sattarova@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 8-81'23 5.9.5

¹ Терских Т.Ф.

¹ Байкальский государственный университет

О формировании навыков и умений аудирования у иностранных студентов на подготовительном факультете

Аннотация: в статье рассматривается возможность развития языковой догадки или предвосхищения на уроках русского языка как иностранного. Суть приема такова: преподаватель предлагает ученикам угадать смысл какой-либо единицы учебного процесса: содержание текста по его заголовку, значение термина или понятия, суть изучаемой темы, что создаст некоторую интригу и эмоционально вовлекает учеников в процесс обучения. Главный целевой стимул – использовать догадку или предвосхищение при обучении аудированию. Еще важно, чтобы студенты не просто высказывали свои предположения, а еще и фиксировали их. Это даст хороший эффект на этапе рефлексии: у иностранцев будет возможность сравнить то, что они услышали, свои догадки с тем, что прозвучало на самом деле. При обучении аудированию «возможно использование вероятностного предположения, фокусировки внимания на пропущенном» [2]. Авторы предлагают учитывать, что аудирование с пониманием основного содержания строится на материале текстов, содержащих незначительное количество незнакомых слов, о значении части которых можно догадаться (по контексту, по сходству с родным языком, на основе знания словообразовательных элементов).

Ключевые слова: аудирование, восприятие на слух, языковая догадка, предвосхищение, аудиотекст

Для цитирования: Терских Т.Ф. О формировании навыков и умений аудирования у иностранных студентов на подготовительном факультете // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 122 – 125.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Terskikh T.F.

¹ Baikal State University

On the formation of listening skills and abilities of foreign students at the preparatory faculty

Abstract: the article considers the possibility of developing a linguistic guess or anticipation in the lessons of Russian as a foreign language. The essence of the reception is as follows: the teacher invites students to guess the meaning of any unit of the educational process: the content of the text according to its title, the meaning of the term or concept, the essence of the topic being studied, which will create some intrigue and emotionally involve students in the learning process. The main target incentive is to use guesswork or anticipation when teaching listening. It is also important that students not only express their assumptions, but also record them. This will have a good effect at the stage of reflection: foreigners will have the opportunity to compare what they heard, their guesses with what actually sounded. When teaching listening, "it is possible to use a probabilistic assumption, focusing on the missing" [2]. The authors suggest taking into account that listening with an understanding of the main content is based on the material of texts containing a small number of unfamiliar words, the meaning of some of which can be guessed (by context, by similarity to the native language, based on knowledge of word-formation elements).

Keywords: listening, listening perception, language guess, anticipation, audio text

For citation: Terskikh T.F. On the formation of listening skills and abilities of foreign students at the preparatory faculty. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 122 – 125.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

К вопросу о формировании навыков и умений аудирования у иностранных студентов на подготовительном факультете необходимо отметить, что при обучении аудированию очевидна необходимость развития навыков и умений имитации, предвосхищения, анализа и синтеза, тренировки слуховой, речевой памяти, умений восприятия речевого высказывания в нормальном темпе, а также умений переработки информации.

Трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты: «одноразовость предъявления информации; кратковременность звучания; необходимость удерживать в памяти линейно поступающую информацию» [5].

Задачи этого вида речевой деятельности и учебные действия, подлежащие формированию следующие: выделение основной мысли, выбор главных фактов, соотнесение поступающей информации со своим опытом и нахождение таким путем опор для её понимания и оценки, включение полученной информации в речевую и неречевую деятельность, догадка о значении отдельных слов и фраз. Формирование подобных умений и навыков невозможно без развития и широкого использования языковой догадки.

Материалы и методы исследований

Поскольку восприятие иностранной речи можно представить как процесс, основным компонентом которого является предвосхищение слышимого сообщения на основе хранящихся в долговременной памяти слов и моделей словосочетаний, мы остановимся на формировании умений догадки или предвосхищения. Если предсказуемость есть следствие предшествующего и определяется как ожидание следования за данным словом другого слова в данный момент, в данной позиции, в данном контексте любой длины, то мы, вслед за Н.С. Ожеговой [5, с. 10-18], называем реализацию такой способности в коммуникативном процессе предвосхищением. Умения предвосхищения формируются в значительной степени путем ознакомления учащегося с законами сочетаемости единиц изучаемого языка на фонетическом, лексическом, синтаксическом уровнях. Важным представляется формирование умений предвосхищения как информативной (смысловой) стороны высказывания, так и формирование умений предвосхищения грамматической структуры высказывания.

Нами была использована система упражнений (включающая тесты), предназначенная для формирования и совершенствования умений аудирования с опорой на предвосхищение.

Студентам предлагались задания:

1. Слушайте слова, постарайтесь их запомнить; запишите в тетрадь те слова, которые вы запомнили.
  2. Восстановите слова (слова предъявляются в усеченной форме).
  3. Слушайте слова.
Скажите, в перечне прослушанных слов было слово...?
  4. Составьте возможные словосочетания с данными словами.
  5. Восстановите фразы (предъявляются на слух в усеченной форме).
  6. Вы услышите фразу, за которой последуют другие фразы ... А, Б, В. Из этих фраз выберите ту, которая подходит, чтобы закончить мысль, выраженную в первой фразе.
  7. Слушайте фразу, повторите ее и добавьте к ней еще одну-две фразы, логически связанные с первой.
  8. а – слушайте предложения;
б – что добавлено во втором предложении?
  9. а – слушайте предложения;
б – что опущено во втором предложении?
  10. Слушайте начало микротемы. Закончите мысль, выраженную в начале микротемы.
  11. Вы услышите небольшой текст, в котором будут пропущены некоторые слова. Догадайтесь, какие слова пропущены и во время прослушивания запишите их рядом с цифрами по порядку.
  12. Восстановите текст, используя те слова, которые вы записали.
  13. Слушайте фразы. Обозначьте цифрами тип интонационной конструкции каждой фразы. Восстановите фразы.
  14. Восстановите словосочетания (предъявляются словосочетания в усеченной форме).
  15. Слушайте текст (взят из каналов ТВ) [2]. Как можно продолжить этот текст.
- При обучении аудированию необходимо также развивать «интонационный и фонематический слух» [1].

Результаты и обсуждения

Таким образом, языковая догадка помогает определить значение незнакомого слова из контекста, а также развивает умение понять новое значение уже знакомого слова на основе понимания логики языка. В контрольных работах по обучению студентов-иностранцев восприятию на слух русской речи с включением вышеуказанных заданий, был замечен прогресс в усвоении информации, предъявленной на аудирование, и отмечена эффективность данной системы упражнений. Задания такого типа не только формируют умения предвосхищения, но и могут быть использованы для контроля сформированных умений аудирования, способствуют оптимизации процесса обучения иностранных студентов русской речи. Языковая догадка необходима в случае непонимания каких-то смысловых моментов в тексте, каких-то пробелов, пропусков в приеме информации, поэтому «для аудирования и чтения должны использоваться разные тексты по трудности» [7].

Обратим внимание на некоторые особенности аудиотекстов по специальности (анализировали аудиотексты по экологии и музею В. Распутина) [8, 10]. Одной из важных задач в обучении студентов-иностранцев языку специальности является формирование умения восприятия монологической речи. Это необходимо студентам для подготовки к слушанию лекций, для практических занятий по общеобразовательным дисциплинам. Практика показала, что на подготовительном факультете не всегда обеспечивается студентам возможность вступить в реальную коммуникацию.

Очевидно, что на занятиях недостаточно анализировать только печатные издания, следует максимально расширять варианты учебных материалов за счет устных жанров научной речи (фрагментов неадаптированных лекций, проведения дискуссий и т.п.) На подготовительном факультете создаются циклы учебных лекций по разным специальностям. Анализ этих лекций, а также их практическое внедрение дают основание полагать, что они не всегда «вооружают» студентов тем речевым материалом, который помогает ориентироваться в неадаптированном сообщении.

Минимизируя количество речевых клише – ориентиров, предлагаем включать в аудиотексты: вопросительные предложения как средство фиксации главной информации; осложненные предложения с инверсией; вопросительные предложения, осложненные вводными словами; предложения-указатели; побудительные предложения; маркировку количества сообщаемой информации; маркировку вывода; маркировку порядка аргументации.

Смысловыми опорами аудиотекста будут являться: ввод новой информации, новая информация, вывод, определение понятий.

Выводы

Результаты обучения студентов-иностранцев восприятию на слух русской речи с включением вышеуказанных заданий на предвосхищение, а также работа по обучению иностранных студентов навыкам и умениям аудирования по текстам специальности, показали эффективность данного подхода к обучению аудированию на подготовительном факультете. «Развитие языковой догадки через контекст является эффективным способом презентации и семантизации новых слов» [4].

Список источников

1. Аутентичные тексты как средство формирования навыков аудирования англоязычной речи на начальном этапе. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/2046825802/?page=2&*=Xe42r%2F4d%2FxFYh9NftrB%2BAZxQTZL97InVybcI6Imh0dHBzOi8vZWxhci5yc3ZwdS5ydS9iaXRzdHJlYW0vMTIzNDU2Nzg5LzI1MDk2LzEvUINWUFVfMjAxOF8xNDYucGRmliwidG10bGUiOiJSU1ZQVV8yMDE (дата обращения: 06.11.2024).
2. Баринов Д.Н., Несина В.В. «Фейк-нюс» в социальных сетях: медиапрактики студенческой молодежи. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feyk-nyus-v-sotsialnyh-setyah-mediapraktiki-studencheskoy-molodezhi/viewer> (дата обращения: 06.11.2024).
3. Заболотнева О.Л. Некоторые приемы обучения аудированию студентов языковых факультетов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-priemy-obucheniya-audirovaniyu-studentov-yazykovykh-fakultetov/viewer> (дата обращения: 08.11.2024).
4. Заболотнева О.Л., Кожухова И.В. Методический потенциал лекции: взгляд обучающихся // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2020. № 6. С. 28 – 41. URL: <http://e-koncept.ru/2020/201043.htm>
5. Заболотская А.Р., Мадякина Н.Ю. Языковая догадка и ее формирование у студентов неязыковых специальностей. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-dogadka-i-ee-formirovanie-u-studentov-neyazykovykh-sposialnostey/viewer> (дата обращения: 07.12.2024).

6. Крючкова Л.С., Мошинская Н.В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. Аудирование как вид речевой деятельности и аспект обучения. 2009. URL: <https://studfile.net/preview/1863879/> (дата обращения: 09.12.2024).

7. Ожегова Н.С. Предвосхищение как проблема методики обучения иностранцев русской речи: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М.: Акад. пед. наук СССР. Науч.-исслед. ин-т преподавания рус. яз. в национальной школе, 1974. 22 с.

8. Панова Е.В. Место и роль экологической коммуникации в современной экологической политике. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-ekologicheskoy-kommunikatsii-v-sovremennoy-ekologicheskoy-politike/viewer> (дата обращения: 09.11.2024).

9. Развитие языковой догадки при аудировании и работе с текстами внеклассного чтения. УМК "Промышленность". 2015. URL: <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/139685-razvitie-jazykovoj-dogadki-pri-audirovanii-i-> (дата обращения: 07.11.2024).

10. Романцова Т.Д. Публицистика Валентина Распутина на языке музея 2.0: новая трансляция смыслов // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13. № 2. С. 373. URL: <file:///C:/Users/%D0%A2%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%B0/Downloads/26654.pdf> (дата обращения: 07.11.2024).

References

1. Authentic texts as a means of developing English speech listening skills at the initial stage. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/2046825802/?page=2&*=Xe42r%2F4d%2FxFxYh9NfrB%2BAZxQTZL97InVyB CI6Imh0dHBzOi8vZWxhci5yc3ZwdS5ydS9iaXRzdHJlYW0vMTIzNDU2Nzg5LzI1MDk2LzEvUINWUFVfMjAxOF8xNDYucGRmIiwidGl0bGUiOiJSU1ZQVV8yMDE (date of access: 06.11.2024).

2. Barinov D.N., Nesina V.V. "Fake news" in social networks: media practices of student youth. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feyk-nyus-v-sotsialnyh-setyah-mediapraktiki-studencheskoy-molodezhi/viewer> (date of access: 06.11.2024).

3. Zabolotneva O.L. Some techniques for teaching listening to students of language faculties. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-priemy-obucheniya-audirovaniyu-studentov-yazykovyh-fakultetov/viewer> (date of access: 08.11.2024).

4. Zabolotneva O.L., Kozhukhova I.V. Methodical potential of a lecture: a view of students. Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2020. No. 6. P. 28 – 41. URL: <http://e-koncept.ru/2020/201043.htm>

5. Zabolotskaya A.R., Madyakina N.Yu. Language guess and its formation in students of non-linguistic specialties. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-dogadka-i-ee-formirovanie-u-studentov-neyazykovyh-spetsialnostey/viewer> (date of access: 07.12.2024).

6. Kryuchkova L.S., Moshchinskaya N.V. Practical methods of teaching Russian as a foreign language. Listening as a type of speech activity and an aspect of learning. 2009. URL: <https://studfile.net/preview/1863879/> (date of access: 09.12.2024).

7. Ozhegova N.S. Anticipation as a problem of methods of teaching foreigners Russian speech: dis. ... Cand. Ped. Sciences: 13.00.02. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of the USSR. Research Institute of Teaching Russian in the National School, 1974. 22 p.

8. Panova E.V. The Place and Role of Environmental Communication in Modern Environmental Policy. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-ekologicheskoy-kommunikatsii-v-sovremennoy-ekologicheskoy-politike/viewer> (date of access: 09.11.2024).

9. Development of linguistic guesswork when listening and working with extracurricular reading texts. УМК "Pro-education". 2015. URL: <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/139685-razvitie-jazykovoj-dogadki-pri-audirovanii-i-> (date of access: 07.11.2024).

10. Romantsova T.D. Valentin Rasputin's journalism in the language of museum 2.0: a new transmission of meanings. Issues of the theory and practice of journalism. 2024. Vol. 13. No. 2. P. 373. URL: <file:///C:/Users/%D0%A2%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%B0/Downloads/26654.pdf> (date of access: 07.11.2024).

Информация об авторах

Терских Т.Ф., кандидат филологических наук, доцент, Байкальский государственный университет

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно - сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.11

¹ Ястребова А.Э., ¹ Таджибова Р.Р.

¹ Дагестанский государственный университет

К вопросу о переводе англоязычного детективного текста на русский язык

Аннотация: детективный жанр всегда вызывает большой интерес у читателя. Такая популярность достигается благодаря неотъемлемым чертам, присущим детективному жанру: интрига, тайна, секретные действия, анонимные герои, убийство, расследование и, наконец, разоблачающая развязка – именно эти структурные компоненты детективного текста создают неповторимый флер и мистическую обстановку, которые присущи этому жанру. Целью статьи является сравнение способов передачи детективного жанра с английского языка на русский. Для этого рассматриваются такие задачи исследования, как: выявление примеров с юридической или судебной терминологией, стратегий перевода детективного текста, применение данных стратегий к указанным текстам и сопоставление детективного стиля в английском и русском языках. В основном, выявлены такие приемы, как дословный перевод, генерализация, лексическая замена, добавление и конкретизация. В статье приводятся статистические подсчеты количества каждого из указанных переводческих приемов в языке перевода. Статья может быть интересна для студентов-переводчиков, аспирантов и всех, кто интересуется проблемами перевода с английского языка на русский.

Ключевые слова: детективный дискурс, переводческие стратегии, дословный перевод, генерализация, лексическая замена, конкретизация

Для цитирования: Ястребова А.Э., Таджибова Р.Р. К вопросу о переводе англоязычного детективного текста на русский язык // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 126 – 129.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Yastrebova A.E., ¹ Tadzhibova R.R.

¹ Dagestan State University

On the problem of translation of English detective prose into Russian

Abstract: detective genre has always aroused much interest on the part of a reader. Such a popularity of this genre is achieved due to some appropriate features of this style, such as intrigue, mystery, secret actions, anonymous characters, murder, investigation and, at last, unmasking ending – these are structural components, which compose in the detective text its inimitable fleur and mysterious situation, as belonging to this genre. The objective of the article is a comparison of ways of interpretation of detective genre from English into Russian. There are solved the following tasks: finding out examples containing juridical terms, examined strategies of translation of detective text, using these strategies for interpretation and comparing detective style in English and Russian. In the whole, there are examined such translation techniques as literary translation, generalization, lexical substitution, additional meaning and concretization. The article also contains some statistics concerning the above-mentioned strategies of translation. The article may be of interest for students of Faculty of translation, post-graduate students studying translation problems and for all who are interested in the problems of interpretation from English into Russian.

Keywords: detective discourse, translation strategies, literary translation, generalization, lexical substitution, concretization

For citation: Yastrebova A.E., Tadzhibova R.R. On the problem of translation of English detective prose into Russian. *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 126 – 129.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Во все времена детективный жанр пользовался особой популярностью среди широкой аудитории читателей. Причиной этому являются его специфические и жанровые признаки: напряженный сюжет до самого конца повествования (саспенс), благодаря которому читатель не может понять, кто же на самом деле убийца, каковы мотивы преступления, как это все происходило и др.

Загадочная интрига также захватывает читателя детективного произведения с первых строк. И хотя структура детектива во многом предсказуема (убийство, описание его причин и места действия, следствие, развязка, наказание), каждое детективное произведение по-своему своеобразно передает эту цепь событий и не оставляет никого равнодушным [1, с. 12].

Именно эти специфические признаки детектива максимально важны для передачи основного сюжета, и именно эти характеристики необходимо сохранить переводчику для того чтобы читатель мог в полной мере получить удовольствие от прочитанного.

Материалы и методы исследований

В ходе анализа переводческих трансформаций, используемых для передачи англоязычного детективного текста на русский язык, выявлено, что чаще всего применяются сразу две или более трансформации, так как в ряде случаев недостаточно применить один переводческий прием для полноценного адекватного перевода, тем более что детективный дискурс, как и любой другой художественный текст, должен состоять из разнообразных выразительных средств [3]. В первую очередь, в любом детективном произведении, можно встретить определенные термины, чаще всего – юридические, описывающие преступление, судебный процесс или приговор суда над преступником. Это такие термины и словосочетания, как police «полиция», testimony «показание», crime «преступление», murder «убийство», corpse «труп», evidence «доказательство», circumstances «обстоятельства», treasure «сокровища», witness «свидетель» и др. [2]. Характерно то, что подобная терминологическая лексика сосредоточена, как правило, в начале или середине произведения, т.е. в развитии сюжетной линии и реже встречается в его развязке. К сожалению, в ряде случаев при передаче англоязычного детективного текста на русский язык, переводчик вынужден жертвовать определенными художественными выразительными средствами, отсутствие которых однозначно искажает основную мысль оригинала.

Результаты и обсуждения

С одной стороны, при переводе любого художественного произведения неизбежны всякого рода искажения или опущения из текста оригинала, в силу специфических особенностей языка перевода [4]. С другой стороны, переводчику следует использовать переводческие приемы или трансформации, с помощью которых можно адекватно воссоздать содержание на уровне отдельных значимых эпизодов или целого текста. Рассмотрим функционирование тематической лексики в оригинальном детективном тексте и его переводе на русский язык:

She remembered again sheriff's words, "Only with regard to his origin, we're going to classify Reverend Douglas's death as a suicide," [8] – Она вспомнила слова шерифа: «Из уважения к его семье мы намерены квалифицировать смерть его преподобия Дугласа как самоубийство».

В этом примере переводчик использует дословный перевод для того, чтобы юридические термины, известные русскоязычному читателю, сохранились при переводе: шериф, квалифицировать смерть, самоубийство по неизвестной причине. В следующем примере использована лексическая замена в первом предложении, так нужно для того, чтобы сообщить о завершении судебного процесса. В следующем предложении вместо фразы to see justice done «вершить правосудие» переводчик использует знакомую русскоязычному читателю фразу «справедливость восторжествовала». В ответной реплике переводчик заменяет односоставное предложение Exactly на сокращенное обращение в разговорной форме «док», так как это более уместно в обращении младшего по званию к старшему:

"I just claim that the square deal should be done. He judge frowned: "Sure, ma'am. So do we" [9] – «Все что мне нужно – это чтобы справедливость восторжествовала». «Конечно, мэм. И нам тоже».

В следующем примере мы видим лексическую замену с расширением значения, когда переводчик заменяет фразу under the terrible shadow of doubt «под ужасной тенью подозрений» на спасти их от всевозможных подозрений, при этом изменяется и эмоциональный тон повествования:

Some of these people are really guilty, but others are innocent. And we face the problem of rescuing them under

the terrible shadow of doubt" [9] – Только один из четырех подозреваемых действительно виновен. И наша задача – спасти их от всевозможных подозрений на их счет.

Тем самым переводчик несколько субъективно способствует тому, чтобы читатель проникся состраданием к подозреваемым и ожидал оправдательного вердикта.

Вышеприведенные примеры составляют так называемую экспозицию детективного произведения и выполняют роль одного из логических компонентов детективного дискурса [6].

После совершения преступления (чаще всего, убийства), необходимо появление сыщика, который это убийство раскрывает:

It is the picture of a murderer performed by his victim – in fact, the scene where a girl is waiting for her beloved to die [10] – Это – изображение убийцы, нарисованной своей жертвой: портрет девушки, наблюдающей, как умирает ее любовник.

Перевод выполнен дословно, видимо для того, чтобы сразу привлечь внимание читателя к необычному преступлению, раскрываемому в романе: жертва перед смертью рисует портрет убийцы, своей возлюбленной. Трагизм ситуации дополняет специфику детективного дискурса.

Dr. Rose fell downstairs today's morning and died short after half an hour later. For the moment when that accident took place, no one has alibi to prove his innocence [10] – Господин Роз упал сегодня утром с лестницы, да так неудачно, что скончался полчаса спустя. На время, когда произошел несчастный случай, ни у кого нет прочного алиби, подтверждающего его невиновность.

В этом примере переводчик вначале использует прием генерализации, а в конце примера – прием опущения. Добавленная им фраза «да так неудачно» применительно к мертвому человеку, звучит саркастически и создает эффект «черного юмора».

В нижеследующем примере опускается часть фразы, и два предложения объединяются в одно с сокращением его частей. Такой перевод более логично передает суть, опуская ненужные подробности, отвлекающие от детективного сюжета. Ср.:

The court will not see it in that way... as the money involved belong to no particular person. What is more, when banks sue for their money, they never suffer losses... [8] – И какой же, по-вашему, будет вынесен приговор? – Думаю, ему вынесут вердикт условно, так как судье нет дела до денег, вращающихся в банке.

В начале добавлено предложение, не имеющееся в оригинальном тексте. Она призвано заинтриговать читателя, привлечь его внимание к данной ситуации [7]. Произведена также грамматическая замена частей предложения.

The room is blood-flooded, but he is not wounded. We can't figure out how he could manage to get into the empty house; all in all, the whole accident is still a puzzle [9] – Комната забрызгана кровью, но ран на нем нет. Мы вообще не понимаем, как ему удалось пробраться в пустой дом, да и вся эта ситуация остается загадкой.

В этом случае дословный перевод выражает озадаченность и удивление, так как речь идет о теле, обнаруженном в пустом, заколоченном доме. Полиция не может понять, как это мистическое событие могло произойти, так как труп совершенно «свежий», а все замки очень ржавые, старые и видно, что они давно не отпирались. Дословный перевод передает все детали, вызывающие удивление: no wound, a puzzle.

Выводы

Исследование функционала переводческих трансформаций, используемых при переводе детективного дискурса, выявило наличие нескольких тематических групп, включающих различные термины и судебную лексику. Обнаружено, что для англоязычного детективного дискурса наиболее важно детальное описание справедливого суда над преступником, уточняющие доказательства его вины и указание на то, какое именно наказание ему присудили. В целом, эта информация ставится выше описания места преступления и причин его совершения. Как показал анализ переводческих стратегий, при переводе англоязычного детективного дискурса на русский язык чаще всего применяются дословный перевод (в ряде случаев, когда необходимо сохранить судебную терминологию, схожую с российской), а также – лексическая замена (в случаях, когда происходят расхождения в юридической и терминологической лексике в силу различий между англо-саксонской и греко-римской (принятой в России) судебными системами).

В количественном соотношении указанные переводческие приемы занимают соответственно 30% и 28%. Кроме этих приемов, также выявлены случаи опущения (18%), перестановки (15%) и генерализации (11%). Терминологическая лексика в детективном дискурсе играет важную роль при передаче основного сюжетного содержания, ибо она не только описывает преступную ситуацию, но и помогает читателю воспроизвести мысленно весь судебный процесс при помощи известных ему слов и терминов. В противном случае, эффект от прочтения перевода будет достаточно низким и неоправданным. Использование в большей части перевода терминов, интерпретированных при помощи дословного перевода, оправдано еще и потому, что

русскоязычный читатель, как правило, не знаком с судебной системой вообще и с англоязычной, в частности, и будет судить о ней, исходя из описываемого судебного процесса. Таким образом, возрастает роль и ответственность переводчика при передаче обстоятельств, сопутствующих совершению преступления и описанию обстановки во время судебного процесса. Использование приема лексической замены также представляется оправданным, так как при переводе детективного дискурса следует придерживаться в определенных рамках этого жанра, а потому неизбежно привлечение художественных приемов в детективный дискурс для придания ему черт традиционного художественного текста. В детективном романе, как правило, отражаются как общечеловеческие критерии оценки, так и субъективная оценка англоязычного мира глазами главных героев и их противников, и основной целью переводчика является сохранить и передать все это многообразие.

Список источников

1. Ваторина Т.Г. Когнитивная модель детективного дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск: изд-во ИГУ, 2011. 23 с.
2. Жолос Л.М. Особенности интерпретации детективного дискурса в современном английском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 132 – 138.
3. Косарева Е.С. Выразительные средства в детективном дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. 2020. Т. 97. № 2. С. 55 – 62.
4. Маркулан Я. Зарубежный кинодетектив. Ленинград: Искусство, 2010. 168 с.
5. Сэйерс Д. Английский детективный роман // Британский союзник. 2010. URL: http://litstudent.ucoz.com/publ/literaturnye_zhanryitemy/dorotisehjersanglijskijdetektivnyjroman/ (дата обращения: 20.10.2024).
6. Dudina I.A. Discursive space of a detective text (based on the material of English-language fiction of the XIX-XX centuries): abstract thesis. Krasnodar: Patriot, 2008. P. 6 – 10.
7. Merriam-Webster's Dictionary of law. URL: www.merriam-webster.com (дата обращения: 15.10.2024).
8. URL: <http://www.impossible-crimes.ru/index.php?Introduction>.
9. URL: <http://www.fantast.com.ua/publ/arturkonandojl/6-1-0-157>.
10. URL: <http://detektivi.net/avtor/zhorzhsimenon.php>.

References

1. Vatorina T.G. Cognitive model of detective discourse: dis. ... cand. philological sciences: 10.02.04. Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2011. 23 p.
2. Zholos L.M. Features of the interpretation of detective discourse in modern English. Humanities and social sciences. 2020. No. 6. P. 132 – 138.
3. Kosareva E.S. Expressive means in detective discourse. Humanities and social sciences. 2020. Vol. 97. No. 2. P. 55 – 62.
4. Markulan Ya. Foreign detective film. Leningrad: Art, 2010. 168 p.
5. Sayers D. English detective novel. British allied. 2010. URL: http://litstudent.ucoz.com/publ/literaturnye_zhanryitemy/dorotisehjersanglijskijdetektivnyjroman/ (date of access: 20.10.2024).
6. Dudina I.A. Discursive space of a detective text (based on the material of English-language fiction of the XIX-XX centuries): abstract thesis. Krasnodar: Patriot, 2008. P. 6 – 10.
7. Merriam-Webster's Dictionary of law. URL: www.merriam-webster.com (date of access: 15.10.2024).
8. URL: <http://www.impossible-crimes.ru/index.php?Introduction>.
9. URL: <http://www.fantast.com.ua/publ/arturkonandojl/6-1-0-157>.
10. URL: <http://detektivi.net/avtor/zhorzhsimenon.php>.

Информация об авторах

Ястребова А.Э., Дагестанский государственный университет

Таджибова Р.Р., кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, Дагестанский государственный университет

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81'342.9

¹ Ши Даньдань

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Роль и место интонации в процессе обучения русскому языку

Аннотация: в процессе освоения русского языка студенты часто совершают типичные ошибки, которые в значительной степени влияют на коммуникацию и процесс изучения в целом. С проведением анализа было обнаружено, что на начальном этапе больше всего трудностей у студентов возникает при освоении интонации. Это связано, в первую очередь, с различием фонетических систем русского языка и китайского языка. Неправильное произношение интонации, паузы в словах или словосочетаниях могут исказить смысл предложения, помешать правильному восприятию информации и трудно исправить, если на них вовремя не обратить внимание. Чтобы избежать сложностей в общении на русском языке, необходимо уделять большое внимание преподаванию и изучению интонации, особенно на начальном этапе обучения. Дан краткий обзор теории исследования в области интонации, приведен ряд ошибок, выявленных у студентов, и то, как эти ошибки влияют на процесс коммуникации, таким образом, подтверждая важную роль интонации при изучении русскому языку.

Ключевые слова: акустические параметры, трудность изучения русской интонации, ИК, стратегия решения

Для цитирования: Ши Даньдань. Роль и место интонации в процессе обучения русскому языку // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 130 – 135.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Shi Dandan

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

The role and place of intonation in the process of learning the Russian language

Abstract: in the process of learning Russian, students often make typical mistakes that greatly affect communication and the learning process as a whole. With the analysis, it was found that at the initial stage, students have the most difficulties in mastering intonation. This is primarily due to the difference between the phonetic systems of the Russian language and the Chinese language. Incorrect pronunciation of intonation, pauses in words or phrases can distort the meaning of a sentence, interfere with the correct perception of information and are difficult to correct if you do not pay attention to them in time. To avoid difficulties in communicating in Russian, it is necessary to pay great attention to teaching and learning intonation, especially at the initial stage of training. A brief overview of the theory of intonation research is given, a number of errors identified in students are presented, and how these errors affect the communication process, thus confirming the important role of intonation in learning the Russian language.

Keywords: acoustic parameters, difficulty of studying Russian intonation, intonation construction, solution strategy

For citation: Shi Dandan. The role and place of intonation in the process of learning the Russian language. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 130 – 135.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

В настоящее время, с развитием Шёлкового пути «Один пояс, один путь», Китай и Россия имеют все более тесные отношения и являются добрыми соседями и надёжными партнёрами. Сотрудничество между двумя странами в политической, экономической, культурной, спортивной и других областях требует от системы образования подготовки высококвалифицированных специалистов, понимающих русский язык. В последние годы русский язык стал одним из самых популярных иностранных языков в Китае. Каждый год многие китайские студенты приезжают учиться в Россию. Интонация играет важную роль и значение в изучении русского языка (РЯ), а также является одним из важнейших аспектов изучения РЯ.

Исследования русской интонации имеет долгую историю, и самые ранние попытки можно отнести к эпохе М.В. Ломоносова. Е.А. Брызгунова, Н.Д. Светозарова, И.Г. Торсуева, Г.Н. Иванова-Лукьянова, Л.Л. Касаткин, Р.Э. Кульшарипова и другие активно изучали интонацию в своих произведениях. Однако русская интонация также привлекла широкое внимание китайских лингвистов и активно развивалась в работах Ван Цзунху, Чжан Цзяхуа, Син Шу, Чжао Цзоина и др. [10, с. 138].

В литературе вопроса существует большое число толкований термина «интонация». В словаре «БЭС» интонация признается синонимом просодии предложения, включая мелодию, скорость, интенсивность, структуру ударений и другие элементы, которые могут не только выражать различные грамматические и синтаксические значения и категории, но и отражать выразительность и эмоциональную окраску говорящего [6, с. 454]. Об этом также упоминается в трудах Л.Л. Касаткина [5, с. 83]. Мелодия и акцент считаются наиболее основными и важными элементами интонации, которые могут наилучшим образом передать смысл предложений и выразить мысли и эмоции говорящего [4, с. 124].

Китайские лингвисты Син Шу и Ван Цзунху считают, что интонация способствует пониманию и членению структуры предложения, а речевой поток можно разделить на различные сегменты, то есть он выполняет функцию сегментации, а также может передавать намерения говорящего и выражать его мысли и эмоции [3, с. 62-67].

По мнению Чжао Цзоина, что каждая интонация имеет экспрессивную и смысловозначительную функции; в речи с одинаковым синтаксическим строем и словарным составом функция интонации по различию смысла наиболее значительна [9, с. 243].

Речевая интонация в значительной степени определяет восприятие и построение речи, выражения эмоции, намерения и коммуникативные стратегии говорящего [1, с. 276]. Целью данного исследования является выявление просодических особенностей синтагм в русской речи китайцев на основе неподготовленного фонетического чтения с использованием компьютерной программы Speech Analyser. Проанализировать проблемы, с которыми могут столкнуться учащиеся в процессе изучения русской интонации, типичные ошибки, которые встречаются, и предложить пути их решения. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результаты могут быть использованы при преподавании таких курсов, как теория русской интонации, практическая фонетика РЯ, сравнительная фонетика, психолингвистика текста и лингвокультурология.

Материалы и методы исследований

Материалы исследований: записи текста в различных функциональных стилях, записи сделаны китайцами без подготовки. Экспериментальный процесс заключается в следующем: чтение текстов без подготовки и без разметок; затем разметка границ синтагмы с уточнением мест фразового ударения.

Методы исследований: слуховой, описательный и экспериментальный методы.

Результаты и обсуждения

При изучении РЯ роль, статус и значение интонации нельзя недооценивать. Это подобно мелодии в музыке, придающей языку уникальный ритм и эмоциональность, и является ключевым элементом для точного выражения семантики и эффективной коммуникации.

В изучении РЯ нельзя игнорировать важность и значение интонации. Это не только ключевой элемент общения между людьми, но и основа для студентов для улучшения своих профессиональных способностей, таких как общение и перевод. При совместном освоении этих навыков учащиеся могут понимать и воспроизводить устную и письменную речь.

В настоящее время единым стандартом, используемым для измерения интонации в Китае, являются 7 интонационных конструкций (ИК-1, ИК-2, ИК-3, ИК-4, ИК-5, ИК-6, ИК-7) Е.А. Брызгуновой [2, с. 16], которые широко используются в различных учебниках.

Чтобы доказать важность русской интонации в обучении, мы проанализировали основные трудности и ошибки, с которыми склонны сталкиваться учащиеся, возможные причины и то, как интонация влияет на процесс общения. Мы будем использовать компьютерную технологию (речевой анализатор “Speech Analyzer”) для анализа отклонений интонационных характеристик китайских студентов в русской речи.

Так, среди обучающихся были обнаружены следующие проблемы с интонацией (рис. 1).

Рис. 1. Примеры ИК-2 и ИК-5.
Fig. 1. Examples of IK-2 and IK-5.

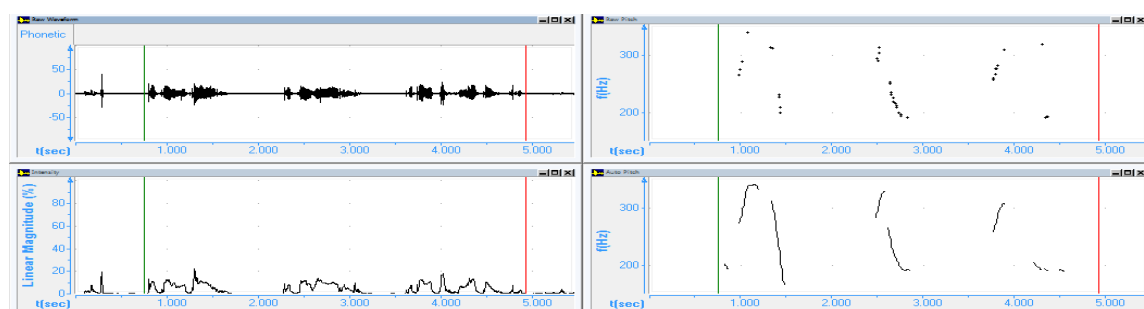

Рис. 2. ИК-2: Интенсивность и ЧОТ в синтагме.
Fig. 2. IK-2: Intensity and HF in the syntagma.

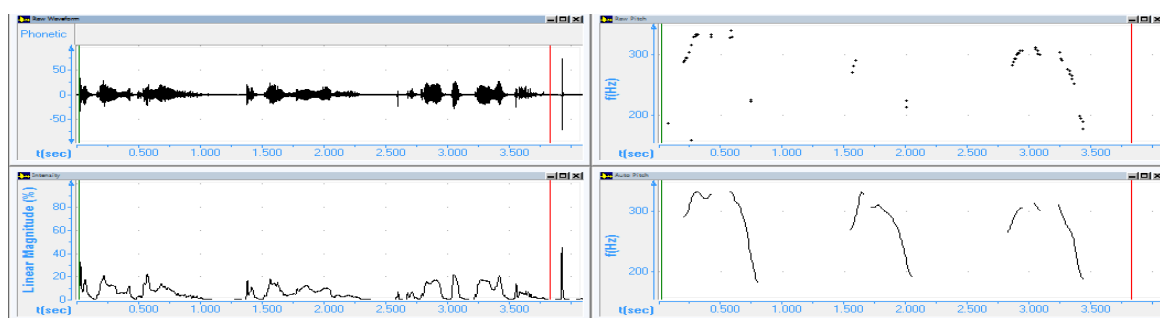

Рис. 3. ИК-5: Интенсивность и ЧОТ в синтагме.
Fig. 3. IK-5: Intensity and HF in the syntagma.

1: Сравнительный анализ ИК-2 и ИК-5 в русской речи китайцев. После использования программы “Speech Analyzer” для экспериментального анализа мы смогли определить диапазон интенсивности и высоты тона голоса (рис. 2, 3), а также заметили, что ИК-2 и ИК-5 имеют общие особенности акустического характера, что означает: акустические корреляты оформления ИК-2 и ИК-5 резко не дифференцируются.

Но китайцы в предложении “Какой музей!”, как правило, интонируют мелодику ниже среднего, восходящее и нисходящее движение тона центра интонации ниже среднего или направление движение мелодики восходящее, т.е. как ИК-1 или как ИК-2. И поэтому, слабо выраженный контур интенсивности может влиять на тип интонации и возможность точнее передать эмоции.

Эмоциональность – неотъемлемая часть коммуникативно-экспрессивного содержания предложения; эмоциональные характеристики человека в большей степени отражаются в интонации, по особенностям интонации можно узнать цель и намерение говорящего [8]. Например:

а) в предложении “Он работает.” говорить нисходящей интонацией, это ясно констатирует объективный факт, что “Он работает.”; Если интонация меняется на восходящий, то это превращается в вопросительное предложение “Он работает?”, то есть, “Он работает или нет”?

б) в предложении “Он пришёл.” говорить нисходящей интонацией, это ясно констатирует объективный факт, что “Он пришёл.”; Если интонация меняется на восходящий, то это превращается в вопросительное предложение “Он пришёл?”, то есть, “Он пришёл или нет”?

в) в предложении “Это твой телефон.” говорить нисходящей интонацией, это ясно констатирует объективный факт, что “Это твой.”; Если интонация меняется на восходящий, то это превращается в вопросительное предложение “Это твой телефон?”, то есть, “Это твой или его”?

г) в предложении “Это новый автомобиль.” говорить нисходящей интонацией, это ясно констатирует объективный факт, что “Это новый.”; Если интонация меняется на восходящий, то это превращается в вопросительное предложение “Это новый автомобиль?”, то есть, “Это новый или старый”?

Поэтому, судя по функции семантического различения, интонация РЯ похожа на точный семантический нож.

2: Анализ ИК-6 в русской речи китайцев. Например: в синтагмах “потом ропот этот стал сильнее,” “со всех сторон раздался громкий,” китайские студенты-дикторы ИК-6 произносят ровным тоном как ИК-1 (рис. 4); в синтагмах “Под голубыми небесами, / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, /” “И ель сквозь иней зеленеет,” тоже ИК-6 произносят ровным тоном как ИК-1 (рис. 5).

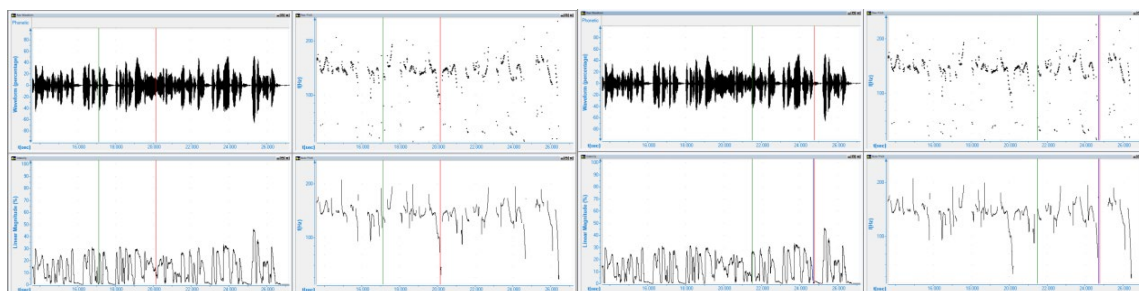

Рис. 4. Акустические корреляты синтагмы.
Fig. 4. Acoustic correlates of syntagma.

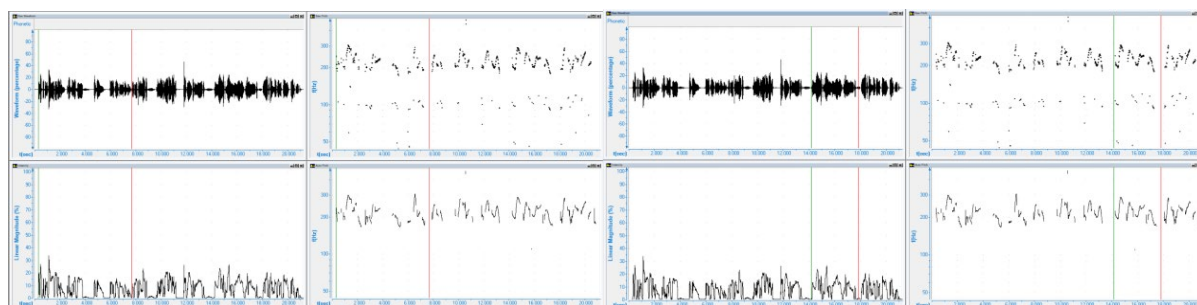

Рис. 5. Акустические корреляты синтагмы.
Fig. 5. Acoustic correlates of syntagma.

3: Паузы колебания встречались чаще. Например: Новым проявлением особой доверительности двусторонних отношений стало создание механизма обменов и сотрудничества между Администрацией Президента Российской Федерации и Аппаратом Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. Стороны придают большое значение дальнейшему налаживанию всестороннего взаимодействия на этом направлении. Си Цзиньпин планирует обсудить с российским коллегой международные темы и региональные вопросы, а также наметить план развития стратегического взаимодействия и практического сотрудничества, передает ТАСС.

4: Кривая ЧОТа в русской речи китайцев.

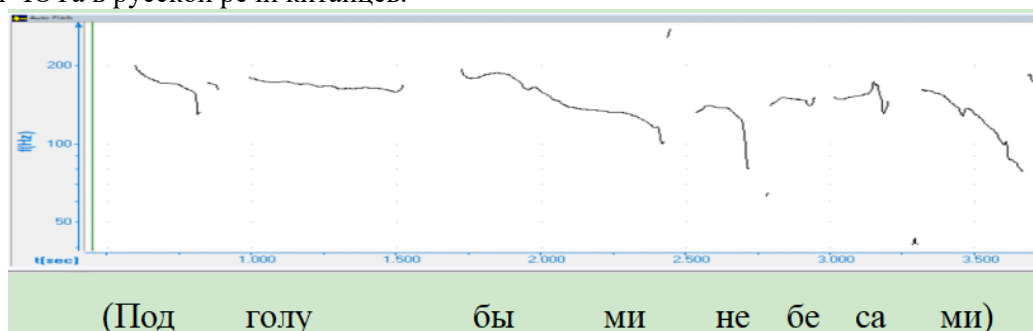

Рис. 6. Кривая ЧОТа в синтагме.

Fig. 6. The CHOT curve in the syntagma.

5: Взаимосвязь между ударением и интонацией. Среди всех параметров интонации мелодию-ЧОТ можно назвать наиболее важным выразительным средством; она занимает первостепенное место в фонетических предложениях и является наиболее значимым и важным средством интонационного выражения в иностранных языках [7, с. 90-91]. Различные положения ударений могут повлиять на направление интонационного движения. Напр., в синтагмах “Человек, / равнодушный к природе, / стоя на холме, /”, рисунок А (от восходящего к нисходящему) и рисунки Б, В, Г (от нисходящего к восходящему) имеют противоположные интонационные направления. Из-за неправильной передачи ударения направление интонации изменилось неправильно – рисунок А (рис 7, 8).

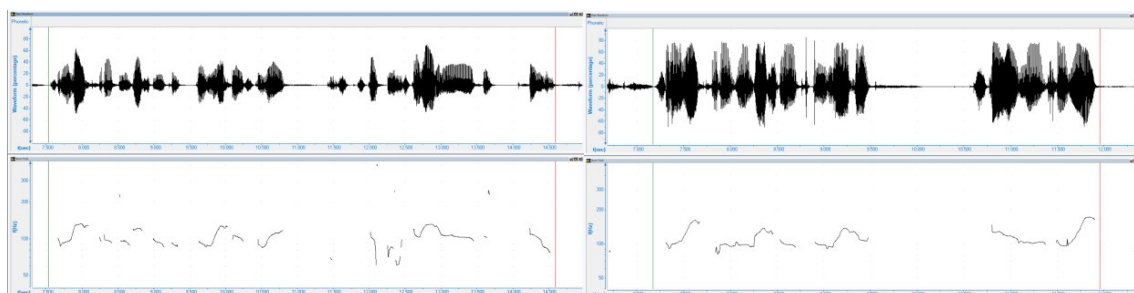

Рис. 7 (А, Б). Сравнение кривых ЧОТа в синтагме.

Fig. 7 (A, B). Comparison of the CHOT curves in the syntagma.

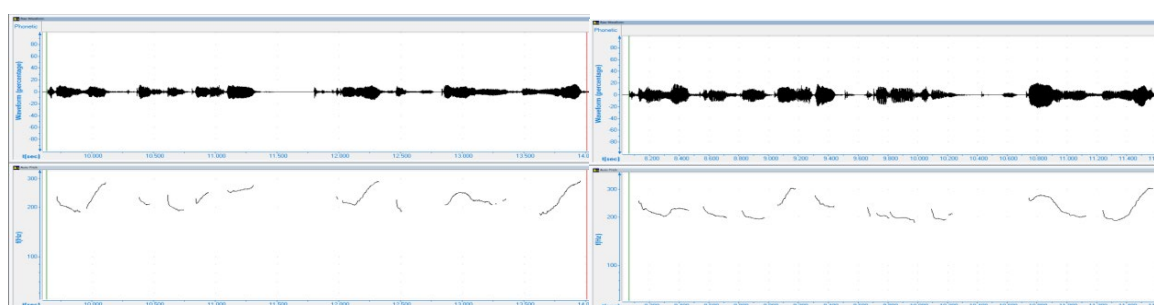

Рис. 8 (В, Г). Сравнение кривых ЧОТа в синтагме.

Fig. 8 (B, G). Comparison of the CHOT curves in the syntagma.

Результаты исследования доказывают, что в выше приведенных примерах китайские студенты неправильно передали интонационные конструкции, ударения и паузы, что привело к потере эмоциональности русской интонации. Кроме того, интонация также несет культурную коннотацию и эмоциональную окраску. Различные типы интонаций отражают специфические культурные привычки, социальный этикет и эмоциональные проявления русского народа. Например, в речах на официальных мероприятиях тон голоса будет относительно ровным и торжественным; при общении с друзьями тон будет более непринужденным и оживленным. Изучение русской интонации – это не только овладение формой языка, но и важный способ глубоко понять российскую культуру, обычаи и социальные нормы. Это помогает учащимся преодолевать культурные различия и осуществлять глубокие межкультурные обмены.

Выводы

Результаты эксперимента доказывают, что на начальном этапе изучения РЯ учащиеся часто сталкиваются с проблемами: неясной теорией интонации, неумением правильно прочитать интонацию, неправильным центром интонации, неверным ударением, неверной сегментацией и слабой передачей эмоциональности.

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать некоторые выводы, что интонация занимает центральное место в изучении РЯ и имеет многомерное значение. Это не только ключ к точной передаче информации и пониманию грамматических структур, но и средство для улучшения навыков языкового общения и глубокого понимания культурных коннотаций. Изучающие русский язык должны придавать большое значение изучению и практике интонации и постепенно овладевать сутью русской интонации с помощью большого количества аудирования, упражнений по имитации и интерактивного общения с носителями языка, чтобы добиться всестороннего повышения общей грамотности по русскому языку и заложить прочную основу для владения русским языком и культурой.

Список источников

1. Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 276 с.
2. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М.: Русский язык, 1977. 280 с.
3. Ван Цзунху, Син Шу. Фонетика современного русского литературного языка. Пекин: издательство Пекинского университета, 2017. 174 с.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
5. Касаткин Л.Л. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 256 с.
6. Прохоров А.М. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 1456 с.
7. Светозарова Н.Д. Функции и средства фразовой интонации: специализация или взаимодействие // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. С. 86 – 93.
8. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. М., 2009. 112 с.
9. Чжао Цзоин. Фонетика русского языка. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2017. 391 с.
10. Ши Даньдань. Просодические характеристики синтагм в публицистическом стиле русской речи китайцев // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2022. № 1 (114). С. 137 – 146.

References

1. Bondarko L.V. Phonetics of the modern Russian language. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University, 1998. 276 p.
2. Bryzgunova E.A. Sounds and intonation of Russian speech. Moscow: Russian language, 1977. 280 p.
3. Wang Zonghu, Xing Shu. Phonetics of the modern Russian literary language. Beijing: Peking University Press, 2017. 174 p.
4. Zherebilo T.V. Dictionary of linguistic terms. 5th ed., corrected. and add. Nazran: ООО "Pilgrim", 2010. 486 p.
5. Kasatkin L.L. Modern Russian language. Phonetics: textbook for students of the philological faculty of higher educational institutions. M.: Publishing Center "Academy", 2006. 256 p.
6. Prokhorov A.M. Great Encyclopedic Dictionary. 2nd ed. M.: Great Russian Encyclopedia, 1998. 1456 p.
7. Svetozarova N.D. Functions and Means of Phrase Intonation: Specialization or Interaction. Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2014. P. 86 – 93.
8. Torsueva I.G. Intonation and Meaning of the Statement. M., 2009. 112 p.
9. Zhao Zuoying. Phonetics of the Russian Language. Beijing: Publishing House of Teaching and Research of Foreign Languages, 2017. 391 p.
10. Shi Dandan. Prosodic characteristics of syntagmas in the journalistic style of Russian speech of the Chinese. Bulletin of the I.Ya. Yakovlev ChSPU. 2022. No. 1 (114). P. 137 – 146.

Информация об авторах

Ши Даньдань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 782937420@qq.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070: 004.77 (=511.131)(045)

¹ Ефремов Д.А.

¹ Удмуртский государственный университет

Телеграм-канал «О чём поёт вотячка» как феномен новых этномедиа Удмуртии

Аннотация: статья посвящена анализу одного из новых этнических медиа Удмуртской Республики. Объектом исследования послужил телеграм-канал «О чём поёт вотячка». В результате проведенного исследования было установлено, что анализируемый этноблог занял свою нишу, пользуется популярностью, количество подписчиков динамично растет; этому способствует ряд факторов, среди которых необходимо выделить стиль повествования автора, рубрики канала, спектр поднимаемых тем, форматы подачи контента, а также удачное сочетание удмуртского и русского языков.

Ключевые слова: новые медиа, этноблог, удмуртский язык, телеграм-канал

Для цитирования: Ефремов Д.А. Телеграм-канал «О чём поёт вотячка» как феномен новых этномедиа Удмуртии // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 136 – 141.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Efremov D.A.

¹ Udmurt State University

Telegram channel “What is Votyachka singing about” as a phenomenon of new ethnomedia in Udmurtia

Abstract: this article is devoted to the analysis of one of the new ethnic media of the Udmurt Republic. The object of this research was the „O chom poyot votyachka” (What is Votyachka singing about) Telegram channel. The research lead to the following results: the analysed ethnoblog is niche, popular, its number of subscribers is dynamicall growing, which is related to a number of different factors, among which the author’s narrative style, the headings, the range of topics discussed, the format of the presentation of the content, and the successful combination of the Udmurt and the Russian languages should be mentioned.

Keywords: new media, ethnoblog, the Udmurt language, telegram channel

For citation: Efremov D.A. Telegram channel “What is Votyachka singing about” as a phenomenon of new ethnomedia in Udmurtia. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 136 – 141.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Общество сегодня довольно часто отказывается от традиционных СМИ в пользу цифровых источников информации, то есть в пользу новых (электронных) медиа, поскольку само современное общество уже полностью пронизано цифровыми технологиями. Само понятие, явление «медиа» может получать довольно широкую трактовку в работах исследователей, которые в свою очередь существенно отличаются друг от друга. В.П. Коломиец, посвятивший свою монографию исследованию процессов и сущности медиатизации медиа, отмечает: «если задаться вопросом, что не относится к медиа, то ответ на него будет весьма затруд-

нителен» [4 с. 14]. Тем не менее, автор приводит и более конкретное определение: «медиа – это все технические средства, которые опосредуют коммуникационные процессы. То есть коммуникационные технологии, которые позволяют создавать, хранить, распространять и потреблять сообщения; континуум технологических посредников между создателями сообщения и его потребителями» [4, с. 23]. Декан факультета журналистики МГУ Е.Л. Варганова также отмечает сложность дефиниции концепта медиа и отмечает, что данный термин «понимается и как совокупность средств и содержания технологически опосредованной коммуникации, и как социальное пространство, создаваемое в процессе и результате этой коммуникации, и как технологическая среда, в которой присутствуют содержание, сервисы и пользователи [2, с. 62-63]. В качестве одного из аспектов медиа исследователь отмечает блогеров, новые медиа («неинституционализованные / непрофессиональные авторы, выходящие в медиасреду благодаря широкодоступным медиатехнологиям» [1, с. 20-21]), которые наряду с профессиональными СМИ производят и распространяют различного рода контент, поскольку имеется соответствующий запрос общества.

Новые медиа – понятие многоаспектное и, прежде всего, подразумевающее социальные сети, интернет-СМИ и поисковые службы. Ученые, занимающиеся исследованием феномена социальных сетей, отмечают их мощнейшее влияние на ум и психику человека, в частности, социолог А.Р. Ягудина по итогам проведенных ею исследований, называет блогеров «пятой властью» [10, с. 111]. Необходимо использовать и раскрывать потенциал такой власти в верном, благодатном направлении – для формирования гуманистического мировоззрения, культуры и нравственности.

Материалы и методы исследований

С учетом актуальности деятельности этноблогеров в качестве объекта исследования был выбран телеграм-канал «О чём поёт вотячка» [8]. Автором является А. Шумилова, главный редактор литературного журнала на удмуртском языке «Кенеш» («Совет»), которая сама отмечает, что канал создан для популяризации удмуртской литературы. В ходе исследования необходимо проанализировать – наряду с литературой, что еще является предметом обсуждения данного канала, каков характер контента, в чем его уникальность. Необходимо отдельно отметить – ни один телеграм-канал, деятельность которого связана с удмуртским языком, литературой, культурой в целом, не добился такого результата; при этом многие успешные этноблоги, а также традиционные СМИ, деятельность которых осуществляется или присутствует на других площадках (к примеру, в социальной сети «ВКонтакте»), не ведут свой канал в мессенджере «Телеграм».

Результаты и обсуждения

Национальная (этническая) культура – это совокупность материальных и духовных ценностей нации, традиции, стиль мышления и установки, моральные нормы, образцы межличностного и группового поведения, самовыражение, особенности языка и образа жизни. Как отмечает Г.Г. Шпет: «Каждый исторически образующийся коллектив – народ, класс, союз, город, деревня и т.д. – по-своему воспринимает, воображает, оценивает, любит и ненавидит объективно текущую обстановку, условия бытия, само это бытие – и именно в этом его отношении ко всему, что объективно есть, выражается его «дух», или «душа», или «характер» в реальном смысле» [9, с. 479]. Другими словами, национальная (этническая) культура – это душа народа. И роль новых этномедиа заключается в том, чтобы, вооружившись всеми доступными им современными технологиями, методами и приемами, раскрыть эту душу, показать ее глубину и красоту не только для самих представителей этноса, но и на межэтническом уровне.

Журналистика, «репрезентируя особенности национальной (этнической) культуры, придает смысловую значимость не только этнокультурной сущности нации, но и непосредственно тому образу этноса, который отображается в публикуемом материале» [7, с. 46]. Этноблоги и новые медиа играют роль ретранслятора национальных культурных ценностей этноса [6]. Они – своеобразный инструмент, способный в контексте межэтнических отношений актуализировать духовно-нравственное содержание жизни этноса. Авторский комментарий этноблога способен нагляднее расшифровывать символичность национальных поведенческих особенностей, ритуалов, обычаев, межличностного взаимодействия членов этнической группы. Особенно удачно реализуется передача семиотической природы культуры. Продуктивность в «диалоге» между пользователем и каналом вещания достигается посредством креативной подачи, персонализации, харизмы и использовании нестандартных форматов в публикуемых материалах. Такой подход гарантированно обеспечивает этнокультуре преимущество: яркие, интересные материалы сохраняются, распространяются и передадут информацию следующим поколениям.

Неразрывно связан с национальной культурой язык. Языковые единицы в целом придают связность культурной сфере. И представителей определенного социокультурного сообщества объединяет в первую очередь язык, хранящий картину мира, включающую ключевые концепты и стереотипы [3, с. 72]. Язык, его структура и языковые формулы помогают усваивать основные ценности и «порядок» национальной куль-

туры, что в свою очередь является способом установления стандартов поведения представителей этноса, зашифрованных на языке этноса. Те смыслы, что на уровне подсознания считываются и понимаются представителями этнической группы, могут быть недоступны для глубокого понимания представителями культур других народов. Контент многих этноблогов бывает двуязычным, таким образом происходит «двухстороннее» погружение в культуру. И представители самого этноса, как владеющие, так и не владеющие родным языком, и интересующиеся этим народом получают возможность погружения в культуру на уровне вербального общения, духовного познания и духовного взаимопонимания.

Телеграм-канал «О чём поёт вотячка» относительно быстро и довольно устойчиво занял свою нишу среди новых медиа, и является лидером среди этноблогов Удмуртии в мессенджере Telegram. Автор изящным слогом повествует как о новинках, так и классических произведениях удмуртской литературы. В постах присутствует много другой интересной, актуальной информации, напрямую совершенно не связанной с литературой. Динамика увеличения подписчиков впечатляет: канал был открыт 22 апреля 2022 года, за два с половиной года набрал 1300 человек; хотя их общее число не такое большое, тем не менее, они довольно активны, ни один пост не остается без ответной реакции, многие порождают обсуждение в формате полилога.

В ходе проведенного анализа можно выделить следующие основополагающие для канала рубрики:

- литобзор;
- подстрочный перевод;
- события и анонсы мероприятий;
- о поэтах и писателях;
- юмор, мемы;
- авторский комментарий;
- о других проектах;
- заметка-состояние;
- заметка-рассуждение;
- литературная подборка.

К рубрике «Литобзор» относятся материалы, дающие общее представление и краткую рецензию относительно одного конкретно взятого произведения. Как правило, такие материалы сопровождаются ссылками на интернет-ресурсы, где можно прочитать или купить произведение, а также фотографиями обложки, скриншотами части содержания и другими визуальными компонентами.

Рубрика «Подстрочный перевод» включает в себя те материалы, ключевой смысл которых непосредственно завязан на подстрочном переводе (каламбуры, языковая игра); либо это тот случай, когда перед автором канала стояла задача донести до русскоязычной аудитории точный смысл текста на удмуртском, что и составляет саму публикацию. Это важные аспекты рубрики, т.к. подстрочный перевод в материалах встречается на регулярной основе, но не всегда в качестве смыслового стержня, а в качестве дополняющего, поясняющего деталь публикации элемента.

В рубрику «События и анонсы мероприятий» отнесены материалы, в которых автор делится информацией о тех или иных культурных событиях региона: лекции, семинары, встречи с поэтами и писателями, концерты, театральные представления, обсуждения литературы, фестивали и т.п. Публикации-анонсы зачастую сопровождаются ссылками на интернет-ресурсы, где можно приобрести билеты или зарегистрироваться для посещения того или иного мероприятия. В рубрику также вошли публикации, в которых автор канала делится информацией об уже прошедших культурных событиях.

«О поэтах и писателях» – к рубрике отнесены все те материалы, смысловым ядром которых является отображение фактической и/или оценочной информации о писателях и поэтах. Сюда вошли как достаточно объемные публикации с цитатами и выдержками, иллюстрирующими художественную деятельность или жизненный путь литераторов. Так и небольшие заметки с какими-то конкретными отдельными фактами и ситуациями, которые создают частичную репрезентацию жизни и творчества писателя или поэта.

К рубрике «Юмор, мемы» относятся короткие публикации (в 1-2 предложения) или картинки-мемы с ироничными подписями, которые успешно выполняют фатическую функцию – рассмешить аудиторию, разрядить обстановку или сопроводить сложный материал. Посты из рубрики могут быть как полностью обособленными от предыдущего или последующего материалов, так и быть связующим компонентом, быть логичным продолжением или акцентной деталью.

«Авторский комментарий» – это рубрика, в которой собраны публикации, где этноблогер делится отрывком из художественной литературы или из научной статьи и дает к нему текстовый комментарий. Рубрика принципиально отличается от «Литобзора», т.к. не характеризует произведение или научную работу целиком. Комментарий к материалу может содержать как субъективную оценку, эмоцию, рассуждение, так

и носить справочный характер, заострять внимание на событии или явлении, связанным с отрывком, к примеру: «В старых номерах журнала «Кенеш» («Молот») попадаются дружеские шаржи. Кажется, тогда литераторы не боялись критиковать друг друга (правда, они и доносы друг на друга писали...), а то сейчас в печати все шаржи комплиментарные и беззубые» [8]. (А. Шумилова дает комментарий к материалам «Писательёс волейболало» («Писатели играют в волейбол») и «Поэтический словарь», тексты которых приложены скриншотами к публикации).

Рубрика «О других проектах» включает в себя все те публикации, в которых блогер делится информацией о творческих или культурных проектах региона (редко – за его пределами). Все эти проекты обязательно имеют прямую связь с удмуртским народом и (прямо или косвенно) направлены на сохранение культуры и культурную консолидацию удмуртского общества. Такие публикации всегда сопровождаются ссылками на интернет-ресурсы, где можно ознакомиться с проектом и узнать какую-либо дополнительную информацию.

К рубрике «Заметка-состояние» относятся материалы, которые, по большей части, носят стихийный характер. Это может быть какая-либо реакция на произошедшее событие или реакция на воспоминание, на событие из прошлого, которое по какой-то причине волнует автора канала в настоящем. В рубрику вошли как совсем небольшие заметки, отражающие простую эмоцию «здесь и сейчас», так и заметки более значительного объема, содержащие рефлексию блогера и выражающие эмоции непрямым текстом.

«Заметка-рассуждение» – публикации, отнесенные к этой рубрике, всегда носят аналитический характер и строятся вокруг фактов, культурных процессов или суждений: «Недавно поспорили с коллегой: в статье, посвящённой 95-летию удмуртского классика Геннадия Красильникова, было такое высказывание: «Удмурт кылмы быре» (Наш удмуртский язык умирает / уходит...)» [8] или «...Не должно быть такого подхода: щас прищандорим мы сюда солярную звезду, и сразу станет удмуртский дизайн и все такое аутентичное. А изучать вопрос, читать книги, наполнять пространство языком мы не будем, слишком сложно и муторно... и т.д.» [8]. Заметки-рассуждения, как и заметки состояния, могут содержать в себе эмоции и субъективные оценки.

В рубрику «Литературная подборка» входят материалы, представляющие из себя книжные подборки или списки научных статей. Такие публикации всегда сопровождаются ссылками на интернет-ресурсы, где можно прочитать / купить то или иное произведение.

Распределение материалов по рубрикам, конечно же, имеет условный характер и не может отражать картину со стопроцентной уверенностью. Тем не менее, полученных результатов достаточно для того, чтобы составить общее представление о качественном соотношении материалов и сделать вывод, что наполнение рубрик материалами сбалансировано.

Наряду с рубриками важное значение имеет конечно же и тематика блога. Как было уже указано выше, канал, в первую очередь, посвящен удмуртской литературе, но, помимо лейтмотива, возможно выделить ряд сопутствующих, но, тем не менее, несколько не уступающих по значимости тем: удмуртский язык, культура, обычаи и традиции, менталитет, национальная одежда, национальная кухня.

По формату медиатекста этноблогу присущи следующие формы: текстовая публикация, которая присутствует часто без каких-либо дополнительных элементов либо сопровождается фотоматериалами и / или ссылкой на сторонний материал. Редко встречающимися формами публикаций являются: фотоматериал (без текстового или иного контента), файл, стикер (внутренний инструмент Telegram), видео с текстом, материал с иной площадки / канала, сопровождаемый комментарием, сочетание текстового материала с файлом и ссылкой [5].

Интересным и эффективным приемом, на наш взгляд, является присутствие ссылки на сторонний источник (статьи, книги, сайты, соцсети, видеохостинги, стриминговые сервисы и т.д.) – таким образом автор напрямую или косвенно побуждает аудиторию к разного рода действиям: а) ознакомиться с первоисточником; б) углубиться в тему, затронутую в публикации; в) узнать дополнительную информацию; г) физическим поступкам (купить, посетить, поучаствовать и т.п.). Такой подход подразумевает активное чтение со стороны пользователей.

А. Шумилова ведет свой блог преимущественно на русском языке, при этом использует отдельные слова, выражения удмуртского языка, но в большей степени удмуртский используют комментаторы. Довольно часто в постах можно увидеть названия произведений удмуртской литературы на языке оригинала, отдельные отрывки, в особенности стихи, слова песен, но всегда автор в таких случаях дает подстрочный перевод на русский язык. Поскольку в этноблоге практически отсутствуют аудиовизуальные материалы, очень важным атрибутом является стиль автора. Для создания большинства публикаций, блогером выбран разговорный стиль, что характеризуется простотой, конкретностью и эмоциональностью изложения, а также другими приемами, синтаксическими конструкциями и морфологией: использование сленга, жаргонизмов и

«крылатых выражений», диалогическая или полилогическая форма взаимодействия, суффиксы субъективной оценки и др.

Одной из важных речевых особенностей в стиле А. Шумиловой является употребление феминитивов-неологизмов: авторка, блогерка, дизайнерка и т.д. Это определено важная деталь авторского стиля блогера, через которую она демонстрирует свою позицию и отношение к женщинам, их правам и возможностям, то есть, они являются частью её субъективной оценки.

Выводы

Цифровизация и медиатизация современного общества приводит к коренным изменениям, в том числе, в сфере медиакommunikаций, традиционные СМИ подвергаются давлению, трансформируются, порой, не выдерживая конкуренции, уходят с рынка. При этом быстрыми темпами развиваются новые медиа, одним из таких является телеграм-канал «О чём поёт вотячка». Этноблог нашел свою нишу, прочно закрепился на той площадке, куда, как правило, не заходят другие этноблогеры Удмуртии. Проект А. Шумиловой можно назвать феноменом удмуртского этноблогинга, поскольку ярким образом отражает сущность новых медиа и соответствует ожиданиям аудитории. Блог является двуязычным, основная масса публикаций на русском языке, но он полностью пронизан удмуртским языком, он об удмуртском языке, удмуртской литературе, в постах довольно часто присутствует удмуртский язык (с переводом), многие комментарии также на удмуртском. Данная ситуация совершенным образом отражает лингвокультуру удмуртского народа и населения республики в целом – удмуртский язык на слуху, хотя многие представители самого этноса не владеют языком, либо лишь отчасти, тем не менее, интересуются судьбой языка, культуры, народа в целом. Важными отличительными особенностями успешности блога А. Шумиловой также являются выбранная тема, рубрики канала, выбор инфоповода, умелое использование форм подачи контента и сам формат коммуникации, когда автор не только использует при создании текстового контента изящный слог – язык повествования легок, приятен, нет избытка специфической, научной терминологии, лексемы и синтагмы данной категории используются в меру, – но и открыт к диалогу со своей аудиторией, реагирует буквально на каждый комментарий. Многие публикации вызывают ответную реакцию, комментарии плавно переходят в полилог, автор довольно часто создает новую публикацию с учетом мнения комментариев, либо только благодаря ответной реакции.

Этноблог «О чём поёт вотячка», с одной стороны, адресован представителям собственного этноса, с другой стороны – это отличный пример межкультурной коммуникации в цифровом формате, когда в полилог включается очень широкая аудитория, как с территории Удмуртии, так и из-за ее пределов, включающая в себя удмуртов, русских, коми, марийцев, татар, башкир. Представители разных этносов активно включаются в полемику, обсуждают традиции, культуру, язык как своего, так и других народов; довольно часто подобное становится возможным, поскольку автор блога очень четко смогла найти самобытные стороны удмуртской культуры, представить свою находку в интересной форме и вызвать живой интерес аудитории.

В эпоху цифровизации и медиатизации именно новые этномедиа играют огромную роль в формировании национального сознания (в особенности среди молодого поколения) и являются своеобразным институтом культуры, институтом просвещения, придя на смену традиционным средствам массовой информации.

Список источников

1. Варганова Е.Л. Развивая понимание медиа: от технологий к социальному пространству // Меди@льманах. 2020. № 5 (100). С. 12 – 24.
2. Варганова Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019. 224 с.
3. Денисова Г.В., Смирнова О.В. Этнокультурные подходы к анализу содержания цифровых медиа // Региональная журналистика: культурные коды, пространство смыслов, полиэтничный дискурс. 2022. С. 71 – 73.
4. Коломиец В.П. Медиатизация медиа. М.: Издательство Московского университета, 2020. 256 с.
5. Леконцева А.К., Ефремов Д.А. Форматы контента этнических блогов Удмуртии // Региональная журналистика в фокусе времени: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 120-летию удмурт. нац. печати. Ижевск: Удмуртский университет, 2024. 257 с.
6. Морозова Е.В. Блог как механизм трансляции этнической культуры // Научно-технический прогресс как механизм развития современного общества: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: Аэтерна, 2021. С. 103 – 107.

7. Рева Е.К. Основные принципы взаимодействия этнологии, культурологии и журналистики: теоретический аспект // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 3 (116). С. 42 – 48.

8. Телеграм-канал «О чём поёт вотячка». URL: <https://t.me/udmurtlitra> (дата обращения: 01.10.2024).

9. Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. 612 с.

10. Ягудина А.Р. Блогеры как регуляторы общественного мнения // Мир науки и мысли. 2023. № 2. С. 105 – 112.

References

1. Vartanova E.L. Developing an understanding of media: from technology to social space. *Medi@lmanakh*. 2020. No. 5 (100). P. 12 – 24.

2. Vartanova E.L. *Media theory: domestic discourse*. M.: Faculty of journals. Moscow State University; Moscow University Press, 2019. 224 p.

3. Denisova G.V., Smirnova O.V. Ethnocultural approaches to the analysis of the content of digital media. *Regional journalism: cultural codes, space of meanings, multiethnic discourse*. 2022. P. 71 – 73.

4. Kolomiets V.P. *Mediatization of media*. M.: Moscow University Press, 2020. 256 p.

5. Lekontseva A.K., Efremov D.A. Content formats of ethnic blogs in Udmurtia. *Regional journalism in the focus of time: materials of the II All-Russian scientific and practical. conf. with international. participation, dedicated to the 120th anniversary of the Udmurt national press*. Izhevsk: Udmurt University, 2024. 257 p.

6. Morozova E.V. Blog as a mechanism for broadcasting ethnic culture. *Scientific and technological progress as a mechanism for the development of modern society: collection of articles from the All-Russian scientific and practical conference*. Ufa: Aeterna, 2021. P. 103 – 107.

7. Reva E.K. Basic principles of interaction between ethnology, cultural studies and journalism: theoretical aspect. *Bulletin of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture*. 2013. No. 3 (116). P. 42 – 48.

8. Telegram channel “What Votyachka Sings About”. URL: <https://t.me/udmurtlitra> (date of access: 01.10.2024).

9. Shpet G.G. *Works*. Moscow: Pravda, 1989. 612 p.

10. Yagudina A.R. Bloggers as regulators of public opinion. *The World of Science and Thought*. 2023. No. 2. P. 105 – 112.

Информация об авторах

Ефремов Д.А., кандидат филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, dmitjef@mail.ru

© Ефремов Д.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1

¹ Федорова И.С., ¹ Попова М.П.

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Мифо-фольклорные традиции в творчестве Василия Яковлева: тематика, образы, сюжет

Аннотация: в статье рассматриваются мифо-фольклорные традиции в творчестве якутского писателя Василия Яковлева на примере рассказа «Со мною состарившаяся лиственница». Выявляются мифологические темы, образы, сюжетная структура, репродуцированные в истолковании прозаика. Комплекс методов, используемых в рамках исследования: анализ, синтез, метод интерпретации, структурно-семиотический метод. На основе работ мифологов Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова, исследователей якутского фольклора В.Т. Петрова, Н.В. Емельянова и других, описаний А.Е. Кулаковским, В.М. Ионовым якутских мифов были выявлены репрезентация тем якутской мифологии, архаические образы старика, дерева, орла и определена сюжетная организация рассказа, соотношенная с мифической. Соотнесенность образов и сюжета рассказа Василия Яковлева с мифологическими образами и сюжетами выражает авторское и народное мировосприятие и мироотношение.

Ключевые слова: художественная литература и мифология, фольклорно-мифологические традиции, якутская мифология, архаические образы, старик, старуха, орел, мировое древо

Для цитирования: Федорова И.С., Попова М.П. Мифо-фольклорные традиции в творчестве Василия Яковлева: тематика, образы, сюжет // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 142 – 148.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Fedorova I.S., ¹ Popova M.P.

¹ North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosov

Mytho-folklore traditions in the works of Vasily Yakovlev: themes, images, plot

Abstract: the article examines the mytho-folkloric traditions evident in the works of Yakut writer Vasily Yakovlev, with a particular focus on the story "The Larch Tree That Has Grown Old with Me". The article demonstrates how the mythological themes, images and plot structure are reproduced in the prose writer's interpretation. The research employs a multifaceted methodology, encompassing analysis, synthesis, interpretation, and a structural-semiotic approach. The research is based on the works of mythologists E.M. Meletinsky, V.N. Toporov, and researchers of Yakut folklore V.T. Petrov and N.V. Emelyanov, as well as descriptions by A.E. Kulakovskiy and V.M. Ionov of Yakut myths. The descriptions of Yakut myths revealed the representation of themes typical of Yakut mythology, including archaic images of an old man, a tree, and an eagle. Additionally, they determined the plot organisation of the story, which was found to correlate with the mythical one. The correlation of images and plot in Vasily Yakovlev's story with mythological images and plots reflects the author's and the people's worldview.

Keywords: fiction and mythology, folklore and mythological traditions, Yakut mythology, archaic images, old man, old woman, eagle, world tree

For citation: Fedorova I.S., Popova M.P. Mytho-folklore traditions in the works of Vasily Yakovlev: themes, images, plot. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 142 – 148.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Вопросы взаимодействия художественной литературы и мифологии остаются предметом активного научного осмысления, так как мифология и фольклор всегда были источником, к которому прибегали в своем творчестве писатели. Цель исследования: выявить соотношенность тематики, образов и сюжета рассказа Василия Яковлева с фольклорно-мифологической тематикой, образами и сюжетами.

Прозаик, поэт, переводчик, член Союза писателей СССР Василий Васильевич Яковлев родился в 1934 году в Чурапчинском районе ЯАССР. Получил специальность инженера-гидротехника в Омском сельскохозяйственном институте, работал инженером-мелиоратором. Василий Яковлев с 1970 по 1973 годы учился на Высших литературных курсах при Литературном институте им. М.Горького.

Рассказ «Кытта кырдыбыт тэнкэ тиит» («Со мною состарившаяся лиственница») получил особую известность, так как он лег в основу сценария, снятого Эдуардом Новиковым в 2018 году фильма «Царь-птица» («Тойон Кыыл»), который завоевал Гран-при 40-го Московского международного кинофестиваля и стал победителем более 20 российских и международных кинофестивалей.

Материалы и методы исследований

Материалом послужил рассказ В.В. Яковлева «Кытта кырдыбыт тэнкэ тиит» – «Со мною состарившаяся лиственница», написанный им в 1973 году. В статье произведение цитируется по переводу Алексея Амбросьева – Сиэн Мунду, изданному в 2019 году. Методологическую основу работы составляет комплексный подход к изучению художественного творчества, ориентированный на сочетание различных методов литературоведческого анализа: герменевтического, структурно-семиотического, дедуктивного и индуктивного.

Результаты и обсуждения

Анализ рассказа направлен на выявление особенностей художественного изображения, которые соотносятся с особенностями якутской мифологии и фольклора.

Важным рамочным компонентом эпического произведения является заглавие. В названии рассказа «Кытта кырдыбыт тэнкэ тиит» используется междусловная или стиховая аллитерация [4, с. 352], которая отмечается исследователями как архаический поэтический прием и отличительная черта якутской устной поэзии. Использование автором в заглавии олицетворения, отмечаемого фольклористами характерным для жанров якутского устного народного творчества средством образности, также отсылает к фольклорным текстам. В коннотации сочетания слов заглавия выражена мировоззренческая позиция якутов - отношение к природе как к живому существу.

В центре повествования автора - зимовка старика Микиппэр и его жены Оппуос вместе с орлом, который появляется после Покрова дня на высокой лиственнице возле их балагана (дома), а с приходом стужи залетает внутрь дома. В якутском веровании орел - связанная с культом солнца птица [23, с. 105], прилетающая раньше других птиц, знаменующая начало весны и скорый приход нового летнего года. Но этот орел остается на зиму, что, по поверьям якутов, является плохим предзнаменованием, грозящим человеку наказанием за несоблюдение традиционных ритуалов. Исследователи Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров в труде «Предания, легенды и мифы саха (якутов)» отмечают: «Осознание слитности с окружающим миром отразилось и в мифах, повествующих о способности ряда птиц - орла, лебедя, журавля, ворона, ястреба - проклинать людей, мстить им за причиненное горе» [19, с. 27]. В этой работе описаны 3 мифа об орле из приведенных в части второй «Мифы и легенды» 36 мифов и легенд, из них о мести и наказании «царь-птицы, посланницы небес», повествуется в 2 из них.

В труде А.Е. Кулаковского «Материалы для изучения верований якутов» (1923 г.) в 11 главе «Обряды, сопряженные с верованиями» третьей части «Тотемические животные, священные понятия и вещи» автор описывает обряд: «Орел – дитя грозного божества Хотоі Ајы, потому обижать орла, а тем более убивать его не следует. Убившего или просто „не почтившего“ орла постигает ужасная кара со стороны создавшего его отца. Убитый орел летит к богу Хотоі Ајы и жалуется на убившего человека. Орел мстит („буулуур“) даже тому человеку, который будучи ребенком, махал на него кнутом. От мести орла может избавить только очень хороший шаман, и то только в редких случаях. Если орел вздумает сделать человеку зло, то он не

отлетает от его жилища. Чтоб он не причинял зла, надо его кормить до тех пор, пока он не улетит добровольно или не околеет совсем. Одряхлевшего орла также надо кормить до его смерти» [7 с. 95].

Тематика рассказа выявляет репрезентацию тем якутской мифологии: борьбы за существование, отношения к жизни и смерти, неразрывного единства человека и природы.

В рассказе выведены образы старика и старухи, орла, дерева, шамана, которые имеют архетипический характер, закрепленный устойчивым присутствием в фольклоре, обрядовой культуре, мифологии, есть упоминания айыы - Верхних божеств и иччи - духов. В рамках исследования рассматриваются образы дерева, старика, орла.

Образ дерева отражает общий в якутской культуре мотив персонификации природных объектов. Старик Микиппэр любит «лесного исполина - красавицу лиственницу», считает его оберегом своего аласа и живым существом, разговаривая с ним, делясь сокровенными мыслями и чувствами. Для него это центр мира, на котором все держится: «Даже если старику завязать глаза, то он, как и в детстве, лишь по одному шелесту смог бы безошибочно угадать свою лиственницу. И так год за годом. Сколько старик Микиппэр помнит себя. Может, так было во времена его отца, деда, даже прадеда, вед никто не знает, сколько стоит на вечной земле эта величественная лиственница... Он безмерно уважал и чтит дух дерева, с которым вместе составил в этом Среднем мире» [25, с. 40].

Мифолог В.Н. Топоров отмечает, что центр сакрального пространства всегда отмечается алтарем, храмом, крестом, деревом мировым, мировой осью (*axis mundi*), пупом земли, камнем, мировой горой, высшей персонифицированной сакральной ценностью [9, с. 341]. В сакральном для якута пространстве аласа - «якутской микро-модели мира» [11, с. 87] - мировым деревом является стоящая «на вечной земле величественная лиственница». Приведем описание лиственницы в начале рассказа «...Всякая божья тварь - от зайчишки до изукрашенных птичек до большого пестрого дятла и глухаря, не говоря уже о тетеревах и куропатках - все находили приют в пышной кроне лесной красавицы...» и в конце «...Весь ее вид - стройный стан, верхушка, упиравшаяся прямо в небеса, словно говорили ему, подбадривая его: «Пусть законы бытия говорят, что пришло время стареть, но мы вместе с тобой переживем еще не одну метель, еще не единожды растает снег на наших плечах» [25, с. 40]. Описание дерева отсылает к образу Аал-Луук Мас, который «воспринимается гарантом вечной, неиссякаемой жизни» [21, с. 126] в эпическом сказании якутов - олонхо.

Культуролог Г.С. Попова-Санаайа приводит «фактологические моменты относительно описания якутского Древа мира:

1. Место, на котором, как правило, вырастает Аал Луук мас, мы считаем «центральным местом» в культуре Саха. Это термокарстовая возвышенность под названием «булгуннах», на вершине которой выступают еще три нароста. Дерево вырастает из середины этой возвышенности... Это место совпадает с тем центральным квадратом, находящимся на пересечении вертикальной и горизонтальной осей картины мира, о котором говорит В.Н. Топоров в своей статье об универсальных знаковых комплексах. Также этот квадрат совпадает с пересечением двух основных горизонтальных направлений любой местности на Земле. Недаром такой Аал Луук мас реально существует в образе коновязи сэргэ во дворе жилища любого из якутов, а также в образе Священного дерева любой местности на исконной родине Саха. Человек в таких случаях безо всяких других атрибутов ощущает себя в центре мира и Вселенной...» [18, с. 108]. Сходство образа «величественной лиственницы» в рассказе с приведенными образами позволяет соотнести его с архетипом мирового дерева.

Главным героем произведения является старик Микиппэр. Василий Яковлев создает образ старого человека, хранящего традиции народа.

Начинается рассказ с описания, по структуре схожего с зачином сказки «Жили-были старик и старуха...»: «На дальнем стыке двух старинных улусов в теснине суровых хребтов... выделяясь среди других деревьев особой статью и величию, высятся громадная лиственница... С небольшого, как наковальня для кося, приземистого балагана, расположенного возле таёжного исполина, вьётся сизый дым. ...двуногих здесь всего лишь двое – это сын Собо старик Микиппэр и его старуха Оппуос» [25, с. 11]. Семидесятилетний Микиппэр живет в родном аласе, отказавшись переезжать, даже когда женился на Оппуос и отец предложил ему построить дом в другом аласе, потому что для него важна память о предках, связь с ними, которую символизирует высокая лиственница. Всю жизнь рыбачит и охотится. Этот человек воспринимает себя единым целым с окружающей его природой.

В изображении героя автор использует несобственно прямую речь. Воспроизводится «внутренняя речь» старика, его размышления, настроения: «Он внимательно вглядывался в родное дерево, обошел кругом. Какое же оно все-таки могучее, какие у него крупные и толстые ветви!» [25, с. 59]. Этот прием является способом раскрытия психологии героя, позволяет автору как бы изнутри характеризовать его, проникать в его внутренний мир.

Особое внимание уделяется поступкам героя. Микиппэр живет по наказам предков, почитает все традиции народа, что показано в его отношении к священной птице. Он охотник, но не пытается застрелить птицу, уважая поверья, о которых слышал от отца, кормит духа огня и просит не оставлять их в беде, приглашает шамана Ньахсаана, потому что он является посредником между Верхним, миром Айбы-божеств, и Срединным, миром людей, по представлениям якутов, только его может понимать птица-посланница небес. Таким посредником, отправленным Юрюнг Аар тойоном, Великим Белым господином, Творцом всей Вселенной, наказать его за грех, воспринимается и орел. Поэтому старик исполняет все советы шамана после его камлания, устанавливающего связь с Верхним миром и передающего его наказы, приносит в жертву бычка, который должен был заменить постаревшего быка Соморой, чтобы умилостивить царственную птицу. Микиппэр смиренно принимает наказание Үрдүк Айбы тойона, Верховного божества, когда вспоминает, что в детстве он спугнул огромную когтистую птицу, вьющую гнездо. В этом фрагменте отметим аллюзию на миф «о разорении гнезда», о котором исследователь В.Б. Огорокова в работе «Юкагирский роман» пишет: «...широко распространен у кетов, манси, хантов, американских индейцев и считается наиболее архаичным» [14, с. 64]. Старик, воспринявший соседство грозной птицы как неминуемое наказание, слабеет, почти не встает с постели и готовится принять смерть. Но ранней весной, после падения второго рога Быка холода (отсылка к якутскому мифу), птица приносит им горностаю, и старик, восхищенный ее разумом, оживает и снова начинает ездить в лес осматривать силки.

Образ старухи Оппуос решен писателем в традиционном ключе. Исследователь Данилова Н.К. указывает: «В традиционной культуре якутов «мужское начало» и мужчина ассоциируются с производящей силой, верховными божествами айбы и активным образом действий, а «женское начало» и женщина – с плодородной матерью-землей и с пассивным образом. Сакральный мир женщины занимал важное место в жизненном пространстве. Она как созидательница и мастер творения создавала основу нового семейного коллектива, поддерживала жизненную энергию в доме и была хранительницей очага» [3, с. 25]. Оппуос ассоциируется в сознании Микиппэрэ с домом, лиственницей: «В молодости, возвращаясь с дальних поездок, Микиппэр еще издали начинал искать глазами родную лиственницу и когда, после очередного поворота, наконец-то показывался лесной исполин, тревоги улетучивались. В эти волнительные мгновения Микиппэр понимал, что он уже почти одной ногой дома, где его ждет жена» [25, с. 24].

В отсутствии старика комсомольцы, захватившие передать указ новой власти, убивают орла: «Оппуос так растерялась от стремительного поворота событий, что не знала - радоваться или горевать. Первым делом подумала, что теперь молодым ребятам несмышленишкам несдобровать - посягнули на священную птицу...» [25, с. 81].

Старики горюют о птице, «...она ничего худого им не сделала, помнила о том, что старики сделали ей добро» [25, с. 82]. Микиппэр хоронит орла рядом с сыном, соблюдая обряд: «Вырыл землю, обернул птицу в бересту и соорудил небольшой крест, который водрузил над свежей могилой. Старик, всю жизнь промышлявший на птиц и зверя и пустивший немало крови, не помнит, чтобы когда-нибудь так переживал и волновался» [25, с. 83]. Этнограф и фольклорист В.М. Ионов в работе «Орел по воззрениям якутов» (1913) писал: «Найденного мертвого орла хоронят на настилке, как прежде хоронили людей, и произносят заклинание: “Поднимись вверх, в то место, откуда ты произошел, в этот мир не возвращайся. Твои медные кости я положил на аранасе (подстилке), твои серебряные кости я поднял» [6, с. 7].

В ряду зооморфных персонажей картины мира якутов орел занимает важное место. Суздалова У.П. фиксирует: «...животные стали своеобразным индикатором мировоззренческих и ценностно-смысловых установок многих культур, включая культуру саха. ...Будучи тесно связанным с месторазвитием и образом жизни якутов, образ орла укоренился в мировоззрении данного этноса, обнаруживая свое проявление и на современном этапе истории, при этом сохраняя как традиционную смысловую нагрузку, так и обретая новые значения, во многом связанные с распространенными и утвердившимися в культуре саха смыслами» [23, с. 109]. Образу орла в рассказе автор придает новую смысловую нагрузку: вестника «небес» о грядущих страшных событиях, способных изменить размеренное течение жизни человека «срединного мира», не зря с его образом связан страх, который вместе с героями на протяжении повествования испытывает читатель.

Убийство орла - многозначный мотив. В нем читается нарушение порядков традиционного уклада жизни, утрата межпоколенческих взаимосвязей и неминуемая кара «посягнувших на святое» людей нового миропорядка.

Соотнесенность рассказа с якутской мифологией выявляет также сюжетная организация рассказа.

В 1 томе части 2 «Мифы и легенды» книги «Предания, легенды и мифы саха (якутов)», составителями которой являются Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров, приводится миф «Хотой кыыл» (Орел): «1. Лет пятьдесят тому назад поздней осенью, в местности Таандыры, находящейся в Сыланском наслеге Чурап-

чинского района, на лиственницу, которая росла на краю лесного мыса, на алаасе, недалеко от жилого дома, прилетел и сел орел. Он провел на ней несколько дней. Эта птица иногда ночью, говорят, пыталась нападать на скот (на телят и тому подобное), а также опускалась совсем рядом с домом. Жители очень испугались, думая, что орел прибыл нарочно, чтобы наслать болезни, нашли шаманов и попросили их совершить камлание. Вот три шамана провели камлание и уехали, сказав, что не смогли одолеть (орла). Все это время орел не улетал.

Тогда нашли и привезли одного слепого хоринского шамана, имевшего духа-покровителя – духа-хозяина огня. Тот шаман спросил: "Ну, где он находится?" – и попросил отвести его в то место. Так и сделали. Придя к дереву, он обхватил его и зычно заговорил по-хорински. В ответ и тот (орел) как будто отвечал, кланялся. После этого шаман сказал: "Ну, кажется, уладится; вернемся в дом". Когда вернулись, шаман заставил забить одну мелкую скотину и положить для орла под лиственницей кровяную колбасу, сердце и печень той скотины. Тут же он совершил камлание под тем деревом. Закончив обряд, произнес: "Ну, все уладится: если он улетит навсегда, то сделает круг по солнцу, а если должен возвратиться через какое-то время, то начнет облет слева, в обратную сторону.

Орел полетел, совершая облет слева, в обратную сторону. Вот тот назначенный шаманом срок исполнился в прошлом году, и орел снова прилетал, останавливался в местности Таандыры. Считают, что заклинание помогло при последнем камлании потому, что шаман имел хоринские корни» [19, с. 183].

Предполагаем, что Василий Яковлев был знаком с этим мифом, поскольку родом из Чурапчинского района, прожил долгое время на родине. Это вопрос дальнейшего исследования. Полное отражение мифа в рассказе свидетельствует о сильных архетипических мотивах его сюжета.

При анализе сюжета рассказа мы использовали метод литературоведа, доктора филологических наук В.И. Тюпы, который приводит «систему исторически сложившихся фаз сюжетного развертывания текста» [24].

Сюжетная динамика рассказа «Кытта кырдыбыт тэнкэ тиит» начинается с описания одинокого проживания, бездетности семьи стариков (фаза обособления), продолжается упоминанием старика о появлении орла, а далее – переживаниями стариков и вторжением из-за холодов орла в балаган (фаза нового партнерства). Затем старик вспоминает, что в детстве спугнул большую когтистую птицу, выющую гнездо. Он понимает, что орел послан в наказание, смиренно принимает его, слабеет, ложится в постель и ждет смерти (лиминальная (пороговая) фаза). Завершается рассказ преобразованием: с наступлением тепла орел выходит из балагана и однажды приносит старикам добычу, у стариков появляется гордость за разумную благодарную птицу, они жалеют о ее гибели и хоронят, соблюдая требования к обряду погребения человека. Так, сюжетная организация рассказа складывается по правилам упомянутой системы фаз и выявляет ее мифологическую основу.

Выводы

Таким образом, рассказ Василия Яковлева обнаруживает тесную связь с якутской мифологией и фольклором. Изображение писателем взаимоотношений героев с природными силами, смиренного принятия ими испытаний жизни и неминуемой смерти эксплицирует мировоззрение северного народа, увековеченное в его мифологии и фольклоре и актуализируемое в литературе по настоящее время.

Рассказ заканчивается не смертью, с чем ассоциируется сенильный период жизни человека, а наступлением весны: «Состарившаяся с ним громадная лиственница скинула сегодня свой пышный наряд. Весь ее вид – стройный стан, верхушка, упирившаяся прямо в небеса, словно говорили ему, подбадривая его: «Пусть законы бытия говорят, что пришло время стареть, но мы вместе с тобой переживем еще не одну метель, еще не единожды растает снег на наших плечах» [25, с. 83]. Авторская отсылка к универсальной модели сюжетного канона, закрепленной в народных сказках: «Жили они долго и счастливо...», утверждает мысль о вечности неразрывной связи человека и природы.

Список источников

1. Бурцев А.А., Бурцева М.А. Особенности поэтики романов В.В. Яковлева // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 3 (16). С. 102 – 110.
2. Винокуров В.В. Представления о человеке в якутской мифологии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 2 (6). С. 44 – 51.
3. Данилова Н.К. «Дом – мир женщины»: сакральные женские образы и феминная символика в жизненном пространстве народа саха // Человек и культура. 2019. № 3. С. 13 – 27.
4. Дмитриева О.Н., Илларионова Т.В. Аллитерация в свадебных алгысах якутов // МНКО. 2017. № 5 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alliteratsiya-v-svadebnyh-algysah-yakutov> (дата обращения: 10.11.2024).
5. Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта: олонхо. Якутск: Көмүөл, 2019. 508 с.

6. Ионов В.М. Орел по воззрениям якутов. URL: <https://www.prlib.ru/item/1292817> (дата обращения: 07.11.2024).
7. Кулаковский А.Е. Материалы для изучения верований якутов. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1SV_70277/ (дата обращения: 07.11.2024).
8. Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/melet10/01.php
9. Мифы народов мира: в 2-х т. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1982. Т. 2. 718 с.
10. Мыреева А.Н. Фольклорные традиции и развитие философской прозы в якутской литературе // Вестник СВФУ. 2010. Т. 7. № 4. С. 115 – 120
11. Ноева С.Е. Минотаврический образ старика на быке в романе В.С. Яковлева-Далана "Доборуом, дабай куөх сыырдаргын" // Фольклор и национальная литературная классика: методология и перспективы исследования: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию классика якутской литературы, просветителя, фольклориста Николая Денисовича Неустроева. Якутск, 2020. С. 87 – 89.
12. Огорокова В.Б., Пермьякова Т.Н. Художественные функции образов – архетипов в повестях Н. Лугинова // Вестник СВФУ. 2016. № 5 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyye-funktsii-obrazov-rhetipov-v-rovestyah-n-luginova> (дата обращения: 10.11.2024).
13. Огорокова В.Б., Пермьякова Т.Н. Человек и мир в повестях Н. Лугинова. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. 166 с.
14. Огорокова В.Б. Юкагирский роман: монография. Якутск: Ситим, 1994. 135 с.
15. Павлова Н.В. Орнитоморфные помощники героя в якутской волшебной сказке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (65). Ч. 2. С. 34 – 36.
16. Петров В.Т. Фольклорные традиции в якутской советской литературе: монография. М.: Наука, 1978. 137 с.
17. Петров В.Т. Традиции эпического повествования в якутской прозе: монография. Новосибирск: Наука, 1982. 82 с.
18. Попова Г.С. Древо мира Аал Луук мас в современной культуре якутов Саха // Ценности и смыслы. 2019. № 4 (62). С. 103 – 120
19. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / сост. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. Новосибирск: "Наука" Сиб. изд. фирма РАН, 1995. 400 с.
20. Романова Е.Н. Мифология и ритуал в якутской традиции: дис. ... док. истор. наук: 07.00.07. М., 1999. 388 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/mifologiya-i-ritual-v-yakutskoi-traditsii> (дата обращения: 08.11.2024).
21. Сатанар М.Т. Денотация реального референта мифа (на примере образа мирового древа Аал Луук мас). Эпосоведение. 2023. № 4. С. 119 – 132.
22. Ситников В.И. Типология современного фольклоризма. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-sovremennogo-folklorizma> (дата обращения: 05.11.2024).
23. Суздальова У.П. Семантика образа орла в традиционной культуре якутов // Вестник СПбГИК. 2020. № 4 (45). С. 104 – 110.
24. Тюпа В.И. Аналитика художественного: введение в литературоведческий анализ. М: Лабиринт, 2001. 192 с.
25. Яковлев В.В. Со мною состарившаяся лиственница: рассказ / пер. А. Амбросьева-Сизэн Мунду. Якутск, 2019. 83 с.

References

1. Burtsev A.A., Burtseva M.A. Peculiarities of the poetics of V.V.'s novels Yakovleva. North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2016. No. 3 (16). P. 102 – 110.
2. Vinokurov V.V. Ideas about man in Yakut mythology. North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2017. No. 2 (6). P. 44 – 51.
3. Danilova N.K. "Home is a woman's world": sacred female images and feminine symbolism in the living space of the Sakha people. Man and Culture. 2019. No. 3. P. 13 – 27.
4. Dmitrieva O.N., Illarionova T.V. Alliteration in wedding algy's of the Yakuts. MNKO. 2017. No. 5 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alliteratsiya-v-svadebnyh-algysah-yakutov> (date of access: 10.11.2024).
5. Dyrybyna Dyrylyatta kuys bukhatyur = Girl-hero Dyrybyna Dyrylyatta: olonkho. Yakutsk: Komuol, 2019. 508 p.
6. Ionov V.M. Eagle according to the views of the Yakuts. URL: <https://www.prlib.ru/item/1292817> (date of access: 07.11.2024).

7. Kulakovskiy A.E. Materials for the study of Yakut beliefs. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1SV_70277/ (date of access: 07.11.2024).
8. Meletinsky E.M. Myth and historical poetics of folklore. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/melet10/01.php
9. Myths of the peoples of the world: in 2 vol. Moscow: Publishing house "Soviet Encyclopedia", 1982. Vol. 2. 718 p.
10. Myreeva A.N. Folklore traditions and the development of philosophical prose in Yakut literature. Bulletin of NEFU. 2010. Vol. 7. No. 4. P. 115 – 120
11. Noeva S.E. The Minotaur image of an old man on a bull in the novel by V.S. Yakovlev-Dalan "Dogoruom, dab-ai kyokh syrdargyn". Folklore and national literary classics: methodology and research prospects: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 125th anniversary of the classic of Yakut literature, educator, folklorist Nikolai Denisovich Neustroev. Yakutsk, 2020. P. 87 – 89.
12. Okorokova V.B., Permyakova T.N. Artistic functions of images - archetypes in the stories of N. Luginov. Bulletin of NEFU. 2016. No. 5 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyye-funktsii-obrazov-rhetipov-v-povestiyah-n-luginova> (date of access: 10.11.2024).
13. Okorokova V.B., Permyakova T.N. Man and the world in the stories of N. Luginov. Yakutsk: NEFU Publishing House, 2013. 166 p.
14. Okorokova V.B. Yukagir novel: monograph. Yakutsk: City, 1994. 135 p.
15. Pavlova N.V. Ornithomorphic assistants of the hero in the Yakut fairy tale. Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Certificate, 2016. No. 11 (65). Part 2. P. 34 – 36.
16. Petrov V.T. Folklore traditions in Yakut Soviet literature: monograph. M.: Nauka, 1978. 137 p.
17. Petrov V.T. Traditions of epic storytelling in Yakut prose: monograph. Novosibirsk: Nauka, 1982. 82 p.
18. Popova G.S. The tree of the world Aal Luuk mas in the modern culture of the Yakuts of Sakha. Values and meanings. 2019. No. 4 (62). P. 103 – 120
19. Traditions, legends and myths of the Sakha (Yakuts). comp. N.A. Alekseev, N.V. Emelyanov, V.T. Petrov. Novo-Sibirsk: "Science" Sibirsk. ed. company RAS, 1995. 400 p.
20. Romanova E.N. Mythology and ritual in the Yakut tradition: dis. ...doc. history Sciences: 07.00.07. M., 1999. 388 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/mifologiya-i-ritual-v-yakutskoi-traditsii> (date of access: 08.11.2024).
21. Satanar M.T. Denotation of the real referent of the myth (using the example of the image of the world tree Aal Luuk mas). Epic studies. 2023. No. 4. P. 119 – 132.
22. Sitnikov V.I. Typology of modern folklorism. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-sovremennogo-folklorizma> (date of access: 05.11.2024).
23. Suzdalova U.P. Semantics of the image of an eagle in the traditional culture of the Yakuts. Bulletin of St. Petersburg State Institute of Cinematography. 2020. No. 4 (45). P. 104 – 110.
24. Tyupa V.I. Analytics of the Fiction: An Introduction to Literary Analysis. M: Labyrinth, 2001. 192 p.
25. Yakovlev V.V. The aged larch is with me: a story. trans. A. Ambrosieva-Sian Mundu. Yakutsk, 2019. 83 p.

Информация об авторах

Федорова И.С., Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, teoina9@mail.ru

Попова М.П., кандидат филологических наук, доцент, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, pmatrena75@mail.ru

© Федорова И.С., Попова М.П., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-42

¹ Санишвили И.Т.

¹ Московский городской педагогический университет

Дискурсивные характеристики риторических вопросов в художественной литературе на немецком и русском языках

Аннотация: риторический вопрос – это стилистическое средство, характерное для всех видов коммуникации. Они употребляются для достижения автором различных целей в зависимости от контекста употребления. В письменной речи риторические вопросы могут способствовать удержанию внимания читателя, передаче имплицитных смыслов и приданию тексту эмоциональной окраски. Риторические вопросы – это языковое средство, сочетающее в себе характеристики утвердительного и вопросительного предложений, поэтому исследования риторических вопросов часто направлены на анализ их отличий от других типов вопросов. Интересным представляется специальное рассмотрение особенностей употребления риторических вопросов в разных контекстах в сопоставляемых языках. Ситуация употребления, коммуникативная цель автора и предполагаемая аудитория могут оказывать влияние и определять дискурсивные характеристики риторических вопросов. В данном исследовании рассматриваются риторические вопросы в художественной литературе на немецком и русском языках с точки зрения их дискурсивных характеристик. Целью данного исследования является выявление сходств и различий особенностей употребления и функций риторических вопросов в произведениях художественной литературы на немецком и русском языках. Для достижения данной цели были отобраны и проанализированы примеры риторических вопросов из литературы на немецком и русском языках в контексте их употребления. Их анализ показал, что риторические вопросы в сопоставляемых языках с одинаковой частотностью употребляются для реализации эмотивной, прагматической и апеллятивной функций. Примеры подтверждают связь коммуникативной ситуации и языкового намерения автора с дискурсивными характеристиками риторических вопросов в произведениях художественной литературы на немецком и русском языках.

Ключевые слова: риторический вопрос, художественная литература, эмотивная функция, апеллятивная функция, прагматическая функция

Для цитирования: Санишвили И.Т. Дискурсивные характеристики риторических вопросов в художественной литературе на немецком и русском языках // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 149 – 154.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Sanishvili I.T.

¹ Moscow City Pedagogical University

Discursive characteristics of rhetorical questions in German and Russian literature

Abstract: a rhetorical question is a stylistic mean common for all types of communication. They are used to achieve various goals by the author, depending on the context of use. In writing, rhetorical questions can help to hold the reader's attention, convey implicit meanings and give the text an emotional coloring. Rhetorical questions

are a linguistic tool that combines the characteristics of affirmative and interrogative sentences, so research on rhetorical questions is often aimed at analyzing their differences from other types of questions. It is interesting to consider the aspect of use of rhetorical questions in different contexts in the compared languages. The situation of use, the communicative purpose of the author and the intended audience can influence and determine the discursive characteristics of rhetorical questions. This study reviews rhetorical questions in literature in German and Russian from the point of view of their discursive characteristics. The purpose of this study is to identify similarities and differences in the features of the use and functions of rhetorical questions in literary works in German and Russian. To achieve this goal, examples of rhetorical questions from the literature in German and Russian were selected and analyzed in the context of their use. The analysis showed that rhetorical questions in the compared languages are used with the same frequency to implement emotive, pragmatic and appellative functions. The examples confirm the connection between the communicative situation and the author's linguistic intention with the discursive characteristics of rhetorical questions in works of fiction in German and Russian.

Keywords: rhetorical question, classical literature, emotive function, appellative function, pragmatic function

For citation: Sanishvili I.T. Discursive characteristics of rhetorical questions in German and Russian literature. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 149 – 154.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена особенностями стиля художественных текстов, а именно многообразием используемых языковых средств. Выбор конструкций зависит от жанра, индивидуального стиля автора, цели высказывания [15]. Автор может выбирать различные средства выразительности, которые служат в совокупности с экстралингвистическими факторами оказанию наиболее эффективного воздействия на читателя [7]. В произведениях художественной литературы присутствуют примеры употребления риторических вопросов в различных контекстах, которые могут имитировать устную межличностную или официально-деловую коммуникацию [3].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили произведения художественной литературы на немецком и русском языках, опубликованные за последние двадцать лет. Для реализации данного исследования, были применены следующие методы: описательно-аналитический, метод комплексного анализа; метод лингвистического наблюдения и описания конкретных языковых фактов с целью получения обобщенных данных.

Результаты и обсуждения

В данном исследовании за основу взято определение риторического вопроса, предложенное в словаре С.П. Белокуровой, согласно которому риторический вопрос – это «стилистическая фигура: вопросительное предложение, содержащее утверждение (или отрицание), оформленное в виде вопроса, не требующего ответа» [1]. Т.В. Жеребило в своем определении риторического вопроса, как и С.П. Белокурова, отмечает его способность выражать утверждение или отрицание с помощью вопросительного предложения, а также подчеркивает наличие экспрессивной окраски у риторических вопросов и их значимую роль при оформлении текстов научно-популярного, публицистического, художественного стилей [8].

Положение риторических вопросов в тексте и ситуации их употребления являются важными аспектами, на которые следует обратить внимание при исследовании риторических вопросов в художественной литературе. Рассмотрение синтаксических средств выразительности требует дифференцированного подхода и анализа контекстов [4]. Риторический вопрос в литературе может быть включен в монологическую или диалогическую речь героев произведения или в словах автора (размышлениях лирического героя). В первом случае ситуация общения имитирует речевое взаимодействие двух и более лиц, во втором случае вопрос направлен лирическим героем самому себе или автором читателю.

Кроме того, риторические вопросы в тексте могут быть как инициаторами сообщения и употребляться в начале диалога или полилога, например, обозначая его тему, так и являться реакциями на реплику собеседника или событие (вопрос-реакция). Риторические вопросы в художественной литературе могут также употребляться в контексте передачи размышлений героя, в этом случае они направлены героем самому себе.

Ситуации употребления риторических вопросов связаны с реализуемыми ими функциями. Далее рассмотрены риторические вопросы в различных коммуникативных ситуациях, выделены их основные дискурсивные характеристики, проанализированы реализуемые ими функции.

Функции риторических вопросов.

Риторические вопросы в художественной прозе направлены на привлечение внимания к идеям автора [1]. Однако, следует подчеркнуть разнообразие возможных контекстов употребления риторического вопроса в литературном произведении. При этом реализуемая риторическим вопросом функция зависит от его ситуативного окружения [2]. Каневская Я.Е. выделяет следующие функции риторических вопросов в художественной литературе: эмотивная (выражение эмоций), апеллятивная (привлечение внимания, побуждение к действию), прагматическая (сообщение информации) [9]. Далее рассмотрим риторические вопросы из художественной литературы на немецком и русском языках, реализующие эти функции.

Выражение эмоций (Эмотивная функция).

Риторический вопрос – одно синтаксических средств выражения эмоциональности [13]. Эмоционально окрашенные элементы в тексте способствуют удержанию внимания читателя [10]. Риторические вопросы направлены на усиление эмоциональной окраски текста, в связи с этим функция выражения эмоций может быть реализована одновременно с другими функциями. Однако в текстах встречаются и вопросы, направленные исключительно на выражение эмоций [12].

(1) "Ich weiß, ich seh jünger aus." "Nee. Du benimmst dich nur kindischer." "Kindisch? Inwiefern das denn?" [16].

Риторический вопрос «Kindisch?» в данном примере направлен на выражение удивления, негодования, несогласия с утверждением собеседника. За переспрашивающим риторическим вопросом следует информативный вопрос, запрашивающий дополнительную информацию и объяснения.

Другим характерным контекстом употребления риторических вопросов в художественной литературе является диалогическая речь. В диалогической речи риторические вопросы зачастую представляют собой реакцию на события окружающей действительности, например, на действия или слова собеседника [9]. Далее приведены примеры риторических вопросов, выступающих в качестве реакции на высказывание собеседника, из литературных произведений на немецком языке.

(2) "Wir recherchieren selbst", sagte sie. "Was tun wir?" Lea sah mich an wie jemanden, der auf einer stillgelegten Rolltreppe darauf wartet, dass sie wieder anläuft [16].

В примере (4) говорящий переспрашивает собеседника с помощью риторического вопроса. При этом в тексте произведения слово «Was» в этом вопросе выделено с помощью шрифта, что в текстовом формате показывает интонационное выделение данного слова и позволяет сделать вывод о направленности данного вопроса на выражение удивления, а не на поиск информации, что говорит о его риторичности. Риторические вопросы, содержащиеся в ответных репликах, являются вопросами-реакциями. Ответная реплика, содержащая риторический вопрос выражает с его помощью отношение говорящего к действиям или словам собеседника [14].

Вопросы-реакции характерны и для литературных произведений на русском языке. Далее предложен пример такого риторического вопроса.

(3) «– О чем ты молишься? <...> О лжи?» [11].

Риторический вопрос «О лжи?» в данном примере реагирует на реплику собеседника повторяя ее. Переспрашивая собеседника таким образом, говорящий стремится выразить удивление и имплицитно передает просьбу дать дополнительные пояснения.

Привлечение внимания и Побуждение к действию (апеллятивная функция).

Высказывания, реализующие апеллятивную функцию, могут быть употреблены для мотивации собеседника к совершению того или иного действия или для привлечения внимания. Одной из определяющих характеристик риторических вопросов является их способность придавать выразительность высказываниям и удерживать внимание реципиентов на предмете обсуждения. Поэтому в любом контексте употребления они реализуют апеллятивную функцию [6]. Рассмотрим это на примере следующих риторических вопросов:

(4) Ich löste den Gurt und stemmte mich andeutungsweise aus dem Sitz. "Entschuldigung, dürfte ich mal bitte?", fragte ich meinen Nebenmann, der gerade versuchte, sich in eine BILD-Zeitung zu wickeln [16].

В данном примере говорящий с помощью риторического вопроса имплицитно выражает просьбу подвигнуться, сообщает о своем намерении пройти. Просьбы, выраженные с помощью риторического вопроса, считаются более вежливыми вариантами оформления побудительного высказывания.

Подобный пример риторического вопроса можно найти и в произведении на русском языке:

(5) «– Я только немножечко докрашусь, хорошо? Ты чайник не поставишь?» [11].

В данном случае риторический вопрос «Ты чайник не поставишь?» выражает просьбу поставить чайник и требует от собеседника соответствующей реакции. В этом высказывании отрицание передает имплицитное утверждение и вежливо сообщает просьбу совершить называемое действие.

В примере (7) присутствует риторический вопрос «Я только немножечко докрашусь, хорошо?», который направлен на передачу информации и не требует от собеседника эксплицитной реакции. Такие риторические вопросы реализуют информативную или прагматическую функцию.

Сообщение информации (прагматическая функция).

Из определения термина риторический вопрос известно, что это утверждение или отрицание, выраженное в вопросительной форме. Так риторические вопросы могут употребляться для передачи информации, а не только для предвосхищения сообщений. Рассмотрим следующие примеры:

(6) "Verstehe. Ja, guter Punkt. Gefällt mir." "Du stimmst mir zu?" "Glaubst du, ich widerspreche nur aus Prinzip?" Ich musste lächeln [16].

(7) "Hey, wie spontan bist du?" Ich lachte auf. "Hey, hab ich dir nicht gerade angeboten, einen Sechshundert-Kilometer-Umweg nach Hamburg zu fahren?" [16].

В данном случае риторический вопрос употреблен в качестве ответа на вопрос собеседника, то есть высказывание в вопросительной форме имплицитно передает информацию, запрашиваемую собеседником. С помощью риторического вопроса «Glaubst du, ich widerspreche nur aus Prinzip?» («Думаешь я противоречу из принципа?») в примере (6) говорящий сообщает собеседнику свое мнение об абсурдности удивления его согласием.

Далее приведен пример риторического вопроса, реализующего прагматическую функцию из произведения на русском языке.

(8) «Читатель, ты когда-нибудь замечал, что день, когда каждый из нас с утра до ночи занимается домашним хозяйством, почему-то называется «выходным»?» [11].

В данном примере риторический вопрос расположен в начале высказывания и задает тему сообщения, при этом выражение «ты когда-нибудь замечал» привлекает внимание читателя, апеллирует к его личному опыту. Риторические вопросы в начале сообщения, в первой реплике, позволяют привлечь внимание читателя, сообщить тему высказывания и намекнуть на содержание дальнейшего сообщения. Риторические вопросы содержат установку на желаемую ответную реакцию тех, к кому обращен вопрос [5]. Такие вопросы позволяют говорящему выразить свое отношение к предмету обсуждения и ненавязчиво убедить собеседника в своей правоте, вовлекая его в размышление.

(9) «Читатель, ты, конечно, веришь в сказки? Кто из нас не рассказывал их, вернувшись домой позже положенного или отмазываясь от неинтересной встречи? Кто из нас не создавал их в своем воображении, заглянув в выразительные глаза сидящего напротив, совершенно незнакомого человека?» [11].

Данный пример представляет собой серию риторических вопросов в начале произведения, направленных автором к читателю. С помощью этих риторических вопросов автор указывает на наличие общего опыта с читателем, располагая его таким образом к прочтению произведения и к согласию с идеями автора.

Риторические вопросы, предвосхищающие дальнейшее сообщение, как правило, направлены на сообщение информации, то есть реализуют прагматическую функцию.

Выводы

Риторические вопросы в художественной литературе на немецком и русском языках могут реализовывать различные функции зависимости от ситуации и контекста употребления.

Так как риторические вопросы являются средством экспрессивизации речи и придачи эмоциональной выразительности речи, они реализуют эмотивную функцию. При этом следует обратить внимание, что риторические вопросы в художественной литературе на немецком и русском языках могут как напрямую использоваться автором для выражения эмоций, так и выполнять другие функции, придавая при этом речи выразительность. Риторические вопросы, направленные только на выражение эмоции, чаще всего представляют собой вопрос-реакцию.

Так риторические вопросы могут быть использованы для выражения побуждения к действию в более выразительной, вежливой, эмоционально-окрашенной форме. В этом случае риторические вопросы реализуют аппеллятивную функцию, привлекая внимание и мотивируя к совершению тех или иных действий. Такие риторические вопросы могут быть самостоятельными репликами и не требовать продолжения вербальной коммуникации.

Риторические вопросы, реализующие прагматическую функцию, могут не только предвосхищать сообщение информации в следующем за вопросом тексте, но и передавать ее. Такие риторические вопросы в художественной литературе на немецком и русском языках как правило расположены в начале высказываний или представляют собой самостоятельные информативные реплики.

Употребление риторических вопросов для реализации перечисленных функций одинаково характерно для произведений на немецком и на русском языках.

Список источников

1. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. Санкт-Петербург: Паритет, 2006. 314 с.
2. Бирюкова Е.В., Попова Л.Г. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (53). С. 40 – 43.
3. Бирюкова Е.В., Шведова И.В. Теоретическая грамматика немецкого языка: учебно-метод. пособие для студентов. М.: МГПИ, 2011. 38 с.
4. Бирюкова Е.В. Синтаксическая связь в немецком и русском языках // Вестник ВятГУ. 2012. № 2. С. 65 – 67.
5. Валимова Г.В. Риторический вопрос // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 258.
6. Викулова Л.Г., Рянская Э.М. Этикетность диалога в коммуникативной практике XVII века. 2021. № 1 (41). С. 53 – 67.
7. Желтухина М.Р., Москалев И.Ю. Лингвокультурная функциональная стилистика художественного дискурса (на материале австрийской прозы): учебное пособие. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2021. 80 с.
8. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
9. Каневская Я.Е. Прагматический потенциал вопросительных конструкций в заголовке публицистического текста (на материале интернет-СМИ) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 4 (13). С. 148 – 153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskiy-potentsial-voprositelnyh-konstruktsiy-v-zagolovke-publitsisticheskogo-teksta-na-materiale-internet-smi> (дата обращения: 15.09.2024).
10. Москалев И.Ю. Функциональные особенности воздействия метафоры, сравнения и эпитета в австрийском и британском художественном дискурсе на рубеже XIX-XX веков: сопоставительный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Майкоп, 2024. 230 с.
11. Рой О.Ю. Шапка live, или Искусство выживания. Эксмо. 2017. 256 с.
12. Санишвили И.Т. Дискурсивные характеристики риторических вопросов в художественной литературе на немецком и русском языках на примере произведений «на западном фронте без перемен» Э.М. Ремарка и «Белая гвардия» М.А. Булгакова // Дискурсивные практики в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 27-28 октября 2022 года. М.: Московский государственный областной педагогический университет, 2023. С. 238 – 244.
13. Сергеева Т.А. Риторические вопросы как эмоциональные высказывания в немецкой речи: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Пятигорск, 1993. 17 с.
14. Степанова Е.Б., Чжан Юэ. Функции риторических вопросов со словами где, куда и откуда // Научный диалог. 2019. № 1. С. 133 – 146.
15. Шарина Е.В. Причастные обороты и их синонимы в немецком языке в сопоставлении с русским языком (на материале различных функциональных стилей): дис. ... док. филол. наук: 5.9.8. М., 2004. 488 с.
16. Fitzek S. Der erste letzte Tag. Knauer Taschenbuch, 2023. 304 p.

References

1. Belokurova S.P. Dictionary of literary terms. St. Petersburg: Paritet, 2006. 314 p.
2. Biryukova E.V., Popova L.G. On the development trends of modern comparative-historical, typological, comparative linguistics. Philological sciences. Theoretical and practical issues. Tambov: Gramota, 2015. No. 11 (53). P. 40 – 43.
3. Biryukova E.V., Shvedova I.V. Theoretical grammar of the German language: a teaching aid for students. Moscow: MGPI, 2011. 38 p.
4. Biryukova E.V. Syntactic connection in German and Russian languages. Bulletin of Vyatka State University. 2012. No. 2. P. 65 – 67.
5. Valimova G.V. Rhetorical question. Russian language: Encyclopedia. M., 1979. 258 p.
6. Vikulova L.G., Ryanskaya E.M. Etiquette of dialogue in the communicative practice of the 17th century. 2021. No. 1 (41). P. 53 – 67.
7. Zheltukhina M.R., Moskalov I.Yu. Linguocultural functional stylistics of artistic discourse (based on Austrian prose): a tutorial. Volgograd: Printerra-Design, 2021. 80 p.
8. Zherebilo T.V. Dictionary of linguistic terms. Nazran: ООО "Pilgrim", 2010. 486 p.
9. Kanevskaya Ya.E. Pragmatic potential of interrogative constructions in the title of a journalistic text (based on online media). Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary criticism. Linguistics. Cultural studies. 2016. No. 4 (13). P. 148 – 153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskiy->

potensial-voprositelnyh-konstruktsiy-v-zagolovke-publitsisticheskogo-teksta-na-materiale-internet-smi (date of access: 15.09.2024).

10. Moskalov I.Yu. Functional features of the impact of metaphor, comparison and epithet in Austrian and British artistic discourse at the turn of the 19th-20th centuries: comparative aspect: dis. ... cand. philological sciences: 5.9.8. Maykop, 2024. 230 p.

11. Roy O.Yu. Shapka live, or the Art of Survival. Eksmo. 2017. 256 p.

12. Sanishvili I.T. Discursive characteristics of rhetorical questions in fiction in German and Russian on the example of the works "All Quiet on the Western Front" by E.M. Remarque and "The White Guard" by M.A. Bulgakov. Discursive practices in the modern world: materials of the International scientific and practical conference, Moscow, October 27-28, 2022. Moscow: Moscow State Regional Pedagogical University, 2023. P. 238 – 244.

13. Sergeeva T.A. Rhetorical questions as emotional statements in German speech: dis. ... cand. philological sciences: 5.9.8. Pyatigorsk, 1993. 17 p.

14. Stepanova E.B., Zhang Yue. Functions of rhetorical questions with the words where, whither and from where. Scientific dialogue. 2019. No. 1. P. 133 – 146.

15. Sharina E.V. Participial phrases and their synonyms in the German language in comparison with the Russian language (based on various functional styles): diss. ... doc. philological sciences: 5.9.8. Moscow, 2004. 488 p.

16. Fitzek S. Der erste letzte Tag. Knauer Taschenbuch, 2023. 304 p.

Информация об авторах

Санишвили И.Т., кафедра германистики и лингводидактики, институт иностранных языков ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

© Санишвили И.Т., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 882

¹ Сунь Цици

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Отражение проблемы столкновения мира детей и мира взрослых в рассказе В.В. Набокова «Лебеда»

Аннотация: из всех социальных отношений связь между родителями и детьми, несомненно, самая важная и близкая, но в силу различий в среде, в которой они растут, и характере субъектов, психика отцов и детей сильно отличается. Взрослые часто пренебрегают хрупким и чувствительным сердцем детей из-за некоторой небрежности и невнимания к реальным потребностям детского сердца, что порождает ряд проблем между поколениями. Эта проблема отражена во многих литературных произведениях. Большинство проблем поколений вызвано отсутствием эффективной коммуникации. Можно сказать, что дети и взрослые находятся в двух мирах внутри, и когда взрослые и дети общаются, это можно рассматривать как взаимное столкновение двух разных мышлений. В данной работе автор анализирует рассказ Набокова «Лебеда», который повествуется с точки зрения Бога, основное содержание включает в себя повседневную жизнь 12-летнего мальчика, и сам писатель выполняет большое количество деталей в процессе повествования, и в этой работе автор ищет чувствительный внутренний мир детей, анализируя эти детали, чтобы глубоко понять психологические различия между взрослыми и детьми и лучше решить проблему общения между отцами и детьми, и лучше решить реальные проблемы общения между отцами и детьми.

Ключевые слова: В.В. Набоков, детская психология, Литературная критика, отношения отца и сына

Для цитирования: Сунь Цици. Отражение проблемы столкновения мира детей и мира взрослых в рассказе В.В. Набокова «Лебеда» // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 155 – 159.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Sun Qiqi

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Reflection of the problem of the collision between the world of children and the world of adults in V.V. Nabokov's story “Orach”

Abstract: among all social relationships, the connection between parents and children is undoubtedly the most important and close, but due to the differences in the growing environment and the subject's personality, the psyche of fathers and children is very different. Adults often neglect the fragile and sensitive heart of children due to some negligence, and lack of attention to the real needs of children's heart, which gives rise to a series of intergenerational problems. This problem is reflected in many literary works. Most of the intergenerational problems are caused by the lack of effective communication. It can be said that children and adults are in two worlds inside, and when adults and children communicate, they can be seen as two different minds colliding with each other. In this paper, the author analyzes Nabokov's novel Orach, which is narrated from God's point of view, the main content involves the daily life of a 12-year-old boy, and the writer himself carries out a large number of details in the pro-

cess of narration, and in this paper, the author seeks for the sensitive inner world of children by analyzing the details, so as to deeply understand the psychological differences between adults and children, in order to better solve the problem of communication between fathers and children. The author analyzes these details to explore the sensitive inner world of children, so as to deeply understand the psychological differences between adults and children, and to better solve the communication problems between fathers and children.

Keywords: *V.V. Nabokov, child psychology, Literary criticism, father-son relationship*

For citation: Sun Qiqi. Reflection of the problem of the collision between the world of children and the world of adults in V.V. Nabokov's story "Orach". *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 155 – 159.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Рассказ «Лебеда» является произведением русского писателя В.В. Набокова. Главный герой истории – мальчик Путя, которому 12 лет. В рассказе говорится об обычном дне героя: мальчик как обычно занимался спортом в библиотеке, после чего он пошёл в школу. В школе он столкнулся с провокацией Щукина. Благодаря регулярным занятиям боксом Путя одержал победу. Потом автор переводит тему на переживание мальчика. Его сестра уехала с матерью, которая отправилась проводить каникулы. Дома остались только мальчик и его отец. Читатели могут узнать, что между ним и отцом имеется особенная связь и любовь. Это становится понятно, если внимательно вчитаться с детали рассказа. После вспоминания объектив вновь поворачивается на повседневную жизнь мальчика. Однажды от одноклассников он узнал о дуэли между отцом и чужаком. Мальчик настолько беспокоился, чтобы он не мог слушать лекции внимательно. Потом преподаватель вызвал его к доске писать на памяти стихи. Из-за волнения мальчик перепутал слова «лебеда» и «беда». Хотя он не точно знал, какое значение у слова «дуэль», но подсознательно Путя ощущал беду. У него был риск потерять своего отца. Вот почему он написал слово «беда». Когда речь идёт о названии рассказа, то слово «лебеда» не раз появляется в рассказе, и оно само является нитью рассказа. С другой стороны, повествование в рассказе ведётся с позиции ребенка, вот почему писатель написал «Лебеда» как название. В деталях рассказа можно найти любовь между отцом и сыном. Более того, читатели могут заметить различия в их мыслях и узнать столкновение идей взрослых и детей.

Материалы и методы исследований

Для исследования проблемы столкновения мира детей и мира взрослых в рассказе В.В. Набокова «Лебеда» применялись ледующие методы: обзор, изучение и анализ научных работ отечественных исследователей по данной проблеме.

Результаты и обсуждения

1. Любовь между отцом и мальчиком.

В рассказе автор не напрямую раскрывает любовь между отцом и сыном, наоборот, применяет закрытый метод, чтобы показать их душевное состояние. В рассказе приводится немного диалогов между Путей и его отцом, но через описание автора мы можем узнать о любви между ними. В небольшом произведении автор концентрирует множество деталей, а затем раскрывает эти детали, чтобы расшифровать содержание рассказа.

Мальчик случайно узнал от своего одноклассника, что его отец будет участвовать в дуэли, после чего мальчик совсем не слушал уроки и спрашивал одноклассника Дмитрия о конкретных обстоятельствах. В рассказе фразы «Это правда? Что правда?» используются много раз. 12-летний мальчик не мог поверить, что отец идёт на дуэль, и даже дрожал от беспокойства: «Путя притворился, что не слышит. Его пронизывала дрожь..., а в другом не дошла, – небрежность цветного отпечатка». В этот момент внутри мальчика уже есть страх и беспокойство, и по мере того, как сюжет рассказа углубляется, настроение мальчика становится всё более подавленным до тех пор, пока в конце рассказа не произойдет эмоциональная вспышка. У мальчика был трудный день в школе, и он совсем не хотел учиться, его юношеский ум был полон беспокойства. Сразу после занятий он схватил сумку и поспешил домой. «Путя выбежал во двор, ... прыгнул через подворотню...». Автор также нелучайно приводит деталь, что «Автомобиля за ним не прислали, пришлось взять извозчика». Отец не послал за мальчиком машину, как обычно, и мальчику пришлось самому вызвать машину домой. В самом деле, к концу дня отец мальчика забыл прислать машину, чтобы забрать сына, потому что в тот же день отец был на дуэли с противником.

Вернувшись домой, мальчик чувствовал себя таким подавленным, что не мог дышать, как будто он был забит в вату. Какое-то время мальчик пребывал в неопикуемой и невыносимой тревоге, пока не прозвенел

колокольчик на ужин, и он не увидел своего любимого отца. В этот момент эмоции мальчика, наконец, вырвались наружу. Здесь есть психологический портрет, который показывает глубокую любовь Пути к отцу «Невозможно, нестерпимо думать, что этому человеку, лучше которого нет в мире, предстоит драться с каким-то туманным Туманским, – на чём? на пистолетах? На шпагах? Почему все молчат об этом? Знают ли что-нибудь слуги, гувернанка, мать в Ментоне?» Несмотря на то, что мальчик был полон вопросов, он решил встать на сторону отца и подумать над этим, не спрашивая о деталях дуэли.

Отец также заметил, что мальчик вел себя странно во время ужина, и после этого он предложил мальчику рассказать о причинах такого поведения. «Пути, в чём дело? Почему ты кислый?» Несмотря на все мужские заботы, он все еще сосредоточен на ребенке, и отсюда видно, как он нежен и жалеет своего ребенка.

Благодаря наблюдениям было легко понять, что между отцом и сыном существует глубокая эмоциональная связь, и взрослые, которые учитывают юношескую чувствительность ребенка, предпочли скрыть информацию о дуэли, в то время как ребенок мог поставить себя на место взрослого и думать о проблеме, не задавая вопросов.

2. Столкновение мира детей и мира взрослых.

Анализируя детали рассказа, мы легко можем обнаружить глубокую эмоциональную связь между главным героем и его отцом, чувствуя столкновение между идеями ребенка и взрослого человека. Изучив литературу и вчитавшись в содержание рассказа, мы легко можем обнаружить, что образ героя Пути, сформированный Набоковым, в основном соответствует традиционному подходу к воспитанию детей в традиционной российской культуре и имеет следующие особенности.

Дети – это бремя отцовской любви, нежности и других прекрасных эмоций. В рассказе отец обычно гладит героя по голове мягкой ладонью. Кроме того, он был озабочен тем, как будет развиваться его ребенок, и нанял тренера по боксу специально для него. При этом, даже если повседневная рутина является слишком большой, он замечает изменения в настроении ребенка. Как язык, так и действия отца были наполнены любовью и силой, а дети были носителями всего хорошего и надеждой на будущее.

Но, с другой стороны, дети являются отдельными, независимыми от родителей, независимыми от семьи, автономными личностями. Когда они взрослеют, они не зависят от семьи и делают все по-своему. Дети любят своих родителей, но они уже выросли, и их собственные идеи и ценности уже сформировались и более или менее отличаются от мыслей их родителей. Именно в процессе формирования независимого сознания психология ребенка является особенно уязвимой и чувствительной. Мы также видим в герое романа такие чувствительные черты, что он незаметно наблюдает за кровью из носа соперника в классе, замечает липкие полотенца в туалете и развивает богатые ассоциации. Кроме того, он подсознательно запоминает стихи, которые случайно написаны неправильно в классе. Набоков – мастер языка, который сформировал для нас чувствительного, внимательного, юного подростка в мельчайших деталях. Хрупкий подросток, который, узнав о дуэли, не пришел домой, чтобы спросить напрямую отца, а продолжал подавлять свои чувства, поскольку, по его мнению, он уже взрослый и должен быть независимым. Он пытался вести себя по-взрослому и рационально, делая вид, что не знал, что его отец идет на дуэль и сдерживает свои слезы, чтобы отец не волновался слишком сильно. Но с точки зрения отца, сокрытие самого факта дуэли от ребенка полностью основано на другом.

Отец главного героя рассказа – типичный русский мужчина, у которого нет времени уделять внимание повседневной жизни своего ребенка, даже для того, чтобы видиться с ним. Но в то же время мужчина нежно и деликатно заботится о своей семье и детях, от которых он скрыл информацию о том, что собирается пойти на дуэль. Он не сказал о прошедшей дуэли даже после нее, чтобы защитить детские чувствительные умы. Более того, во время ужина он остро ощущал, что ребенок был подавлен, и терпеливо спрашивал причину. Судя по тому, что он сделал, он был защитником семьи, и он хотел быть зависимым от своих детей.

Из вышеуказанного анализа несложно понять, что сокрытие ребенка было сделано по собственной воле, а сокрытие отца – ради защиты. Это расхождение во взглядах будет усиливаться с возрастом ребенка. Это происходит потому, что в отношениях детей и взрослых дети всегда ищут независимую сторону, а родители всегда стремятся защитить.

3. Актуальность и важность описания детства.

Есть еще одна важная особенность рассказа: он повествует о произошедших событиях полностью с точки зрения детей. Главный герой является первым свидетелем своего детства. На самом деле, еще до Набокова было много работ, в которых изображены дети, и существует огромное количество исследований в области социологии и лингвистического и литературного понимания.

Тема детей и детства играет важную роль в любой стране и, конечно же, в российской национальной культуре. Исследования во многих областях гуманитарных наук часто включают в себя описание и изучение образа этой группы. Социология ориентирована на процесс социализации, в котором группы детей пе-

реходят из семьи в семью, включаясь в постепенный процесс «выхода из семьи в общество», который становится важной частью общества и нации. В лингвистическом сообществе русский лингвист Степанков рассматривал идеи детей как яркую часть и базовую идею русского культурного наследия, отражающую постоянный и фундаментальный характер и культурные элементы России, и считал, что изучение детских идей является одним из важных путей для изучения российской национальной культуры. В литературе образ ребенка постепенно становится объектом или главным героем русской литературы со второй половины 18 века, когда авторы начинают часто писать о своем детстве, своем развитии или общих характеристиках своей группы, и постепенно формируют уникальные темы для творчества в российской литературе, такие как тема детства, тема отцов и детей.

Выводы

Таким образом, можно утверждать, что у творчества Набокова есть реальная жизненная основа. В то же время, его особое повествовательное видение также благоприятствует читателям для дальнейшего изучения внутреннего мира ребенка. Как название рассказа «лебедя», внутренний мир ребенка всегда был наивным и чувствительным, как лебеда.

Автор данного рассказа в первую очередь углубляется в детали повествования, а затем вводит лингвистические культурные идеи о детях и изучает причины столкновений между взрослыми и детьми в мире. Также нами было выполнено несколько комментариев по поводу реализма и новаторства оригинального авторского стиля в рассказе Набокова «Лебеда».

Список источников

1. Огарев Н.П. Набоков-переводчик / Набоков-писатель: специфика взаимодействия. Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. 2019. С. 67 – 75.
2. Морозова А.А., Взаимоотношение родителей и детей после развода. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 2020. С. 103 – 110
3. Аствацатуров А., Муравьева Л., Набоков В. Трансатлантические контексты в СПбГУ: Литература двух Америк. 2021. С. 450 – 455.
4. Бурлуцкая А.В., Савельева Н.В. Вакцинопрофилактика детей: мнения и информированность родителей. Кубанский государственный медицинский университет. 2021. С. 57 – 61.
5. Шохина В.Л. Веселая наука: философия и Набоков: Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. С. 121 – 145.
6. Поленкова Д.Н. Культурно-художественный аспект формирования творческой личности Сергея Виноградова. 2022. С. 4 – 7.
7. Николаев Н.И. И. Бунин и В. Набоков. Об особенностях миромоделирования в русской литературе первой волны эмиграции: язык и литература. 2022.
8. Бережнов Д.А., Леденев А.В. Восстановление времени: Анри Бергсон и Владимир Набоков. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 2023. С. 530 – 538.
9. Юрьевна К.О. Правовое регулирование разлучения родителей и детей. Иркутский юридический институт Университет прокуратуры Российской Федерации. 2023. С. 24 – 28
10. Михаленко Н.В. Усадебный мир в литературе и живописи – В.В. Набоков и С.А. Виноградов. Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. М., 2023. С. 133 – 145.

References

1. Ogarev N.P. Nabokov the translator. Nabokov the writer: the specifics of interaction. Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2019. P. 67 – 75.
2. Morozova A.A., The relationship between parents and children after divorce. Belgorod State National Research University. 2020. P. 103 – 110
3. Astvatsaturov A., Muravyova L., Nabokov V. Transatlantic contexts at St. Petersburg State University: Literature of the Two Americas. 2021. P. 450 – 455.
4. Burlutskaya A.V., Savelyeva N.V. Vaccination of children: opinions and awareness of parents. Kuban State Medical University. 2021. P. 57 – 61.
5. Shokhina V.L. The Fun Science: Philosophy and Nabokov: Philosophical Letters. Russian-European Dialogue. 2022. P. 121 – 145.
6. Polekova D.N. Cultural and Artistic Aspect of the Formation of the Creative Personality of Sergei Vinogradov. 2022. P. 4 – 7.

7. Nikolaev N.I. I. Bunin and V. Nabokov. On the Features of World Modeling in Russian Literature of the First Wave of Emigration: Language and Literature. 2022.

8. Berezhnov D.A., Ledenev A.V. Restoring Time: Henri Bergson and Vladimir Nabokov. Lomonosov Moscow State University. 2023. P. 530 – 538.

9. Yuryevna K.O. Legal Regulation of the Separation of Parents and Children. Irkutsk Law Institute, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2023. P. 24 – 28

10. Mikhalenko N.V. The Estate World in Literature and Painting – V.V. Nabokov and S.A. Vinogradov. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2023. P. 133 – 145.

Информация об авторах

Сунь Цици, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

© Сунь Цици, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 30.428

¹ Демьянова А.Д., ¹ Самойленко П.Ю.

¹ Дальневосточный Федеральный университет

Особенности цифровой информации в современном мире

Аннотация: информационные технологии сегодня оказывают всевозрастающее влияние на все сферы общественной жизни, превращая информацию в жизненно важный ресурс для развития общества. Особенно заметное влияние цифровая информация оказывает на деятельность компаний. Настоящая статья направлена на выявление сущности и значения цифровой информации, а также осмысление вызовов, которые она привносит в повседневную реальность. Особенно в статье рассматривается информационная сфера рекламы и связей с общественностью.

Ключевые слова: цифровая информация, инновационные технологии, качество информации, подотчетность, учетная парадигма

Для цитирования: Демьянова А.Д., Самойленко П.Ю. Особенности цифровой информации в современном мире // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 160 – 164.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Demyanova A.D., ¹ Samoilenko P.Yu.

¹ Far Eastern Federal University

Peculiarities of digital information in the modern world

Abstract: information technologies today have an ever-increasing impact on all spheres of social life, turning information into a vital resource for the development of society. Digital information has a particularly noticeable impact on the activities of companies. This article aims to identify the essence and significance of digital information, as well as to comprehend the challenges it brings to everyday reality. Especially the article deals with the information sphere of advertising and public relations.

Keywords: digital information, innovative technologies, information quality, accountability, accounting paradigm

For citation: Demyanova A.D., Samoilenko P.Yu. Peculiarities of digital information in the modern world. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 160 – 164.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

В условиях развития информационного общества информация оказывает существенное влияние на производственную и операционную деятельность компаний и определяет оптимальное использование ими всех ресурсов, обуславливая, в конечном счете, их устойчивое развитие. Как следствие, именно компании становятся движущим фактором технологического обновления экономики. Это связано с тем, что углубление влияния информации в организациях влечет за собой промышленную трансформацию и определяет новый виток научно-технической революции. Говоря о информационном обществе, мы, прежде всего, должны

понимать, что это общество, которое включает в себя высокий уровень информационных технологий, широкое использование интернета, компьютеров, телефонов и других цифровых устройств. В информационном обществе происходит усиление глобальных связей и обмена информацией, что способствует развитию международного сотрудничества и торговли.

Материалы и методы исследований

Методологической базой настоящего исследования стал библиографическо-документальный обзор зарубежной литературы, посвященной изучению цифровой информации. Собранные на основе обзора материалы были подвергнуты качественному анализу, структурированы по тематическим разделам, по итогам анализа были сделаны выводы.

Результаты и обсуждения

Нынешняя Четвертая промышленная революция предполагает цифровизацию всех процессов, включая информационные. Как отмечают зарубежные экономисты, с институциональной точки зрения она обуславливает те же эффекты, которые в прошлом веке определяла капитализация. Цифровизация претерпела метаморфозы во всех элементах цепочки создания стоимости, и информация не стала исключением из этого явления [3].

Настоящая научная статья призвана расширить существующие представления о последствиях влияния цифровой трансформации на производственные процессы и на качество информации. Целью данного исследования является рассмотрение парадигмы цифровизации на информационном уровне.

В качестве объекта исследования выступила специализированная литература, посвященная анализу влияния инновационных технологий на повышение качества информации, в том числе информации, предоставляемой информационными учетными системами.

Как отмечает С. Шеннон, цифровая информация представляет собой накопление эффективных данных для обоснования экономических решений. С. Шеннон приписывает цифровой информации роль «устранителя случайной неопределенности». В соответствии с этим подходом, информация представляет собой эквивалентное количество неопределенности относительно наступления будущего события в результате случайного эксперимента [8], причем неопределенность предшествует наступлению события, а информация появляется после него.

Важными показателями цифровой информации в научной литературе обычно называют ее:

- а) эффективность;
- б) своевременность;
- в) актуальность;
- г) сопоставимость;
- д) прозрачность;
- е) понятность [4].

Успешное развитие любого предприятия становится возможным именно благодаря цифровизации информации, поскольку она предоставляет такие опции, как анализ больших баз данных, совершенствование бизнес-моделей [10], повышение уровня корпоративных инноваций [5], а также уровня прозрачности корпоративного управления [2].

Интеграция и использование цифровой информации меняет для организаций образ функционирования, способствует осознанию влияния цифровизации информации на активизацию способов управления, позволяет быстрее адаптироваться к турбулентностям окружающей среды, возникающим на различных типах рынков. В противном случае, как отвечают ван Дерсен и ван Дийк, отсутствие у компании сформированных цифровых навыков приводит к усилению цифрового разрыва и порождает операционные трудности [9].

Если в прежние времена основным двигателем технологического прогресса была политика государства, обеспечивавшая модернизацию, то в современных условиях продвижением инновационных технологий занимаются частные структуры, что делает такие технологии более открытыми. Как итог, все более широкие слои общества имеют к ним доступ, а различные категории угроз носят постоянный и диверсифицированный характер [7].

Для настоящего исследования был выбран метод библиографическо-документального обзора различных статей, книг, публикаций в научных журналах в базах данных Web of Science и Elsevier. Упор был сделан на обзор наиболее цитируемых статей, а также статей, опубликованных в последние три года и, как следствие, содержащих в себе наиболее актуальную информацию.

Последнее обстоятельство представляется наиболее значимым, поскольку в условиях информационного общества по мере углубления цифровой трансформации информация имеет свойства быстро меняться и

столь же быстро утрачивать свою актуальность. С целью обеспечить исследование только самыми актуальными подходами, был выбран круг статей, опубликованных в 2020-х гг.

Поскольку цифровая информация и инновационные технологии представляют собой чрезвычайно сложное исследовательское поле, которое объединяет и расширяет специфические представления различных научных дисциплин, автором было уделено особое внимание факторам, способствующим повышению качества операционной информации, как финансовой, так и нефинансовой. Направленное изучение теоретических подходов к изучению влияния цифровой информации именно на операционную сферу, как представляется, может поспособствовать формированию понимания влияния, оказываемое цифровыми инновациями на качество информации в контексте управления предприятием.

Для формирования представления о концепции цифровой информации был сделан обзор различных литературных источников.

Установлено, что первоначально теория информации основывалась на ее математическом изучении, что обусловило разработку математических моделей количественной оценки, хранения и передачи информации [6]. Указанное обстоятельство предопределило нахождение теории информации на стыке самых разных наук (электронной техники, математики, статистики, информатики, нейробиологии и физики) [8]. Развитие инновационных технологий поспособствовало перемещению теории информации из сугубо математической плоскости, добавив новые ее атрибуты: точность, гибкость, адекватность и т.д.

Обзор литературных источников позволил выявить в определении понятия «информация» наличие триады «данные-информация-знания». Это означает, что информационный процесс начинается с появления каких-либо данных, которые становятся знаниями в процессе их преобразования в нечто полезное для получателя.

В современном мире существенные изменения претерпело не только восприятие информации, но и форма ее представления – от физического, видимого, осязаемого формата она перешла к неосязаемым технологическим формам, предполагающим преодоление различных барьеров, включая границы между странами [1].

Появление цифровой информации стало логичным результатом цифровизации экономики, которая актуализирует целесообразность цифровой информационной парадигмы, превращая ее в важнейший ресурс для качественного роста и устойчивого развития. Для любой компании в условиях цифровой экономики информация является необходимым фактором достижения эффективности и операционной результативности. За счет своих важных свойств (точности, сопоставимости и т.д.) оперирующие информацией сотрудники могут анализировать ее, принимать эффективные и своевременные решения.

Цифровые технологии, помимо всего прочего, позволяют значительно улучшить сопоставимость информации и смягчить информационную асимметрию. Стоит отметить, что сопоставимость является важной экономической характеристикой информации, поскольку большинство авторов сосредоточивают свое внимание именно на изучении экономических последствий обращения с информацией.

Цифровая информация значительно изменила подходы к рекламе и связям с общественностью, предоставляя новые возможности и инструменты для взаимодействия с аудиторией.

Цифровая информация, собранная из различных источников, позволяет рекламодателям таргетировать аудиторию с высокой точностью. Анализ данных о поведении пользователей, их интересах и предпочтениях позволяет создавать персонализированные рекламные сообщения, которые более эффективно привлекают внимание. Цифровые платформы предоставляют обширные данные об эффективности рекламных кампаний, такие как клики, просмотры, конверсии и другие метрики. Это позволяет рекламодателям быстро оценивать результаты и вносить изменения в стратегии.

Использование цифровой информации и алгоритмов позволяет автоматизировать процесс покупки рекламных пространств через программные платформы, что делает размещение рекламы более быстрым и эффективным. Цифровая реклама позволяет создавать интерактивные объявления, которые повышают уровень вовлеченности пользователей, например, через игры, опросы или видео.

Анализ зарубежной литературы показал, что специализированных исследований, посвященных изучению именно сопоставимости информации, не так много. Однако те из них, которые посвящены изучению этого параметра информации, позволили сделать вывод о положительном влиянии инновационных технологий на сопоставимость информации и на ее качество.

Цифровая информация из социальных сетей и других онлайн-платформ позволяет PR-специалистам отслеживать общественное мнение и быстро реагировать на изменения настроений. Цифровые каналы позволяют PR-специалистам создавать и распространять контент, который укрепляет имидж компании и привлекает внимание целевой аудитории. Доступ к цифровой информации позволяет оперативно реагировать на кризисные ситуации, предоставляя актуальные сообщения и корректируя стратегии в реальном времени.

Цифровые платформы предоставляют новые возможности для прямого взаимодействия с аудиторией через социальные сети, блоги и другие онлайн-ресурсы, что помогает укреплять отношения и повышать доверие.

В целом, цифровая информация делает рекламные и PR-кампании более адаптивными, интерактивными и измеримыми, что способствует более эффективному достижению целей и улучшению взаимодействия с аудиторией. Цифровая информация сегодня характерна для любых медиа, но прежде всего это основа контента сетевых и электронных СМИ.

Результаты исследования показали, что в век инновационных технологий перед лицами, работающими с цифровой информацией, стоит серьезная задача по управлению такой информацией и обеспечению соблюдения требований к её качеству.

Выводы

Таким образом, цифровая информация в современном мире оказывает значительное влияние на экономические показатели отдельных компаний и экономики в целом. Информация позволяет планировать деятельность, обуславливает достижения запланированных финансовых показателей, а также обеспечивает стабильность, сбалансированность, устойчивое развитие.

Как следствие цифровую информацию можно назвать фактором достижения эффективности и операционной результативности компаний. Неиспользование же цифровой информации может привести к снижению операционной результативности и эффективности компании.

Список источников

1. Блаттманн У. Модель цифрового онлайн-информирования в академических библиотеках на дистанционном образовании: виртуальная библиотека. Федеральный университет Санта-Катарины, Centro Tecnológico. 2001. С. 1 – 33.
2. Гольдфарб А., Такер К. Цифровая экономика // Журнал экономической литературы. 2019. № 57 (1). С. 3 – 43.
3. Энхольм И.М., Папаяннидис Э., Микалеф П., Крогсти Дж. Искусственный интеллект и ценность бизнеса: обзор литературы // Information Systems Frontiers. 2022. № 24 (5). С. 1709 – 1734.
4. Мансур Л., Слетариу Э.К., Георгиу Г. Организационная культура, корпоративное управление и результаты бухгалтерского учета. Университетские анналы «Овидий». Экономические науки. 2023. № 23 (2). С. 751 – 759.
5. Нванкпа Дж.К., Румани Й. Возможности ИТ и цифровая трансформация: твердая эффективность // Перспектива. Возможности ИТ, цифровая трансформация и эффективность фирмы. 2016. Т. 37. С. 1 – 16.
6. Найквист С.К., Хартли Х., Норберт Р.В. Теория коммуникации / информации: сборник. Манхэттен: Манхэттенская компания редких книг, 1920.
7. Перфетто Ф.В., Гомес де Оливейра Рейс С., Палетта Ф.К. Gestão da Informação Digital: Caminhos Possíveis. REvista Digital de Библиотека. 2023.
8. Шеннон К. Математическая теория связи. Университет Иллинойса Press. 1998.
9. Ван Дёрсен А., Дж. А.М. Улучшение цифровых навыков для использования общедоступной информации и услуг в Интернете. Government Information Quartely. 2009. № 26 (2). С. 333 – 340.
10. Ян Дж., Ин Л.М., Сюй С.Ф. Цифровая трансформация и сопоставимость бухгалтерской информации. Finance Research Letters. 2024. Т. 61. С. 1524 – 1544.

References

1. Blattmann U. A Model for Expanding Online Information in Academic Libraries for Distance Education: The Virtual Library. Federal University of Santa Catarina, Technological Center. 2001. P. 1 – 33.
2. Goldfarb A., Tucker K. Digital Economy. Journal of Economic Literature. 2019. No. 57 (1). P. 3 – 43.
3. Enholm I.M., Papagiannidis E., Micalef P., Krogstie J. Artificial Intelligence and Business Value: A Literature Review. Frontiers in Information Systems. 2022. No. 24 (5). P. 1709 – 1734.
4. Mansour L., Spétariou E.K., Georgiou G. Organizational Culture, Corporate Governance, and Accounting Performance. University Annals "Ovid". Economic Sciences. 2023. No. 23 (2). P. 751 – 759.
5. Nwankpa J.K., Rumani Y. IT Capabilities and Digital Transformation: Hard Performance. Perspective. IT Capabilities, Digital Transformation, and Firm Performance. 2016. Vol. 37. P. 1 – 16.
6. Nyquist S.K., Hartley H., Norbert R.W. Communication/Information Theory: A Compendium. Manhattan: Manhattan Traditional Book Company, 1920.
7. Perfetto F.V., Gomes de Oliveira Reis S., Paletta F.C. Digital Information Support: Caminhos Possíveis. REvista Digital Library. 2023.

8. Shannon K. *Mathematical Theory of Communication*. University of Illinois Press. 1998.
9. Van Deursen A., J. A.M. *Enhancing Digital Functions for Using Publicly Available Information and Services on the Internet*. *Government Information Quarterly*. 2009. No. 26 (2). P. 333 – 340.
10. Yang J., Ying L.M., Xu S.F. *Digital Transformation and the Progressiveness of Accounting Information*. *Financial Research Letters*. 2024. Vol. 61. P. 1524 – 1544.

Информация об авторах

Демьянова А.Д., Дальневосточный Федеральный университет, demyanova.ad@students.dvfu.ru

Самойленко П.Ю., кандидат политических наук, доцент, Дальневосточный Федеральный Университет, samoylenko.pyu@dvfu.ru

© Демьянова А.Д., Самойленко П.Ю., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 30.428

¹ Демьянова А.Д., ¹ Самойленко П.Ю.

¹ Дальневосточный Федеральный университет

К вопросу об авторском праве в рекламной деятельности

Аннотация: статья посвящена изучению норм российского законодательства, регулирующих защиту интеллектуальной собственности в рекламной деятельности. Автор приходит к выводу о том, что на сегодняшний день отечественное законодательство закрепляет эффективный механизм защиты имущественных прав авторов в рекламе, а также предоставляет целый ряд способов защиты личных неимущественных прав авторов и получателей рекламного контента. Предпринятый анализ также позволил предложить ряд изменений для лучшей защиты авторских прав в рекламной деятельности.

Ключевые слова: адаптивный спорт, общественное восприятие, признание, поддержка, спортсмен, ограниченные двигательные возможности, телевидение

Для цитирования: Демьянова А.Д., Самойленко П.Ю. К вопросу об авторском праве в рекламной деятельности // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 165 – 168.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Demyanova A.D., ¹ Samoilenko P.Yu.

¹ Far Eastern Federal University

To the issue of copyright in advertising activities

Abstract: the article is devoted to the study of the norms of Russian legislation regulating the protection of intellectual property in advertising activities. The author comes to the conclusion that today the domestic legislation enshrines an effective mechanism for the protection of property rights of authors in advertising, as well as provides a number of ways to protect the personal non-property rights of authors and recipients of advertising content. The undertaken analysis also allowed proposing a number of changes for better protection of copyright in advertising activities.

Key words: advertising activity, copyright, copyright holder, intellectual property

For citation: Demyanova A.D., Samoilenko P.Yu. To the issue of copyright in advertising activities. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 165 – 168.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

В современном мире реклама является неотъемлемой частью повседневности. Стремительное развитие технологий, ускорение информационных потоков, появление множества средств выражения творчества привели к значительному расширению возможностей продажи товаров с помощью рекламы. Создатели рекламы сегодня достаточно часто прибегают к использованию известных потребителю образов, мелодий, изображений, видеорядов, что тесно связывает создание рекламного продукта с использованием интеллек-

туальной собственности третьих лиц. Это обстоятельство, в свою очередь, порождает ряд проблемных вопросов, связанных как с правомерностью и добросовестностью использования объектов интеллектуальной собственности, принадлежащих третьим лицам, так и с неопределенностью авторских прав на созданную рекламу.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов были использованы данные из научных статей, учебников и других публикаций по теме авторского права в рекламной деятельности. Методологическую основу исследования составляет совокупность таких методов исследования как метод диалектики, частные научные методы (сравнительно-правовой и технико-юридический методы, а также формально-логический метод исследования). Кроме того, в процессе проведения исследования использовались логический метод, метод системного анализа и метод сравнительного правоведения. Использование данных методов позволило рассмотреть предмет исследования во всей его сложности и многогранности, учитывая все его составляющие элементы и их взаимодействие, достигнув целей и задач, которые были поставлены перед настоящим исследованием.

Результаты и обсуждения

В настоящее время реклама, исходя из положений современного законодательства может рассматриваться в качестве [4]:

- предложения оферты;
- формы продвижения оферты в рамках заключения договора купли-продажи;
- технического средства защиты авторских прав;
- средства индивидуализации фирменного наименования.

В соответствии с действующим российским законодательством о рекламе, рекламный продукт по своей сути является информацией, распространяемой с помощью самых разных доступных средств в самых разных формах и направлен на неопределенный, т.е. весьма широкий круг лиц. Реклама может находить свое проявление как в материальной, так и в виртуальной форме: это может быть изображение, видео, аудио и т.д. [10].

Стоит отметить, что в действующем российском законодательстве сегодня нет четкой определенности в части отнесения рекламного продукта к объектам авторских прав. В настоящее время положениями ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закреплён принцип безусловного отнесения к числу объектов авторских прав произведений искусства, литературы, науки, которые относятся к таким объектам вне зависимости от назначения произведений или их достоинств, а также независимо от способа, которым они выражены [5].

При этом в рассматриваемой статье приведен перечень видов произведений, а также иных объектов, которые могут быть отнесены к объектам авторских прав. Реклама прямо не упоминается в данном перечне, однако можно предположить, что для того, чтобы она была отнесена к таким объектам, она должна:

- 1) представлять собой результат интеллектуальной (т.е. творческой) деятельности;
- 2) иметь объективную форму (т.е. быть выраженной в форме, которую могут воспринимать потребители, на которых она нацелена).

Среди видов объектов авторского права, прямо перечисленных в законе, можно выделить два, под понятие которых подпадает рекламный продукт. Это, прежде всего, производные произведения, которые являются по своей сути переработкой других произведений [9]. Кроме того, рекламный продукт представляется возможным представить как составное произведение, представляющее собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда.

Как следствие, к объектам авторского права может быть отнесена как абсолютно уникальная, не основанная ни на чем реклама, так и реклама, использующая какие-то широко известные, но измененные (переработанные) образы [7].

И хотя перечень произведений как объектов авторского права не является исчерпывающим и может быть распространен на самые разные объекты, представляется, что ч. 1 ст. 1259 ГК РФ следует дополнить таким произведением как «рекламный продукт».

Поскольку рекламный продукт обладает признаками объекта авторского права, на него может распространяться как личное неимущественное право, предполагающее неотчуждаемость и полную принадлежность автору, так и имущественное право, которое может отчуждаться третьими лицами [1] (право на распространение, право на переработку и др.).

На вторую группу прав распространяется действие предусмотренного законом способа передачи авторских прав – авторского договора, заключаемого правообладателем с третьими лицами. Данный вид договора можно назвать уникальным, поскольку он не может быть подменен любым другим договором (например, договором подряда на создание продукта, поскольку тот не предусматривает передачи авторских прав).

В научной литературе, тем не менее, называются более надежными и предпочтительными иные способы защиты авторских прав на рекламный продукт: в их числе депонирование и нотариальное удостоверение [3]. Указанные способы, однако, не кажутся безусловными.

К примеру, депонирование как передача авторского экземпляра произведения на хранение доверенному лицу в целях защиты и коммерциализации права на него в будущем представляется косвенным доказательством авторства, поскольку передать рекламный продукт для депонирования при определенных обстоятельствах способно лицо, не причастное к его созданию. Нотариус, осуществляющий удостоверение, так же не может с точностью знать, кто именно создал рекламный продукт, право на который им удостоверяется [8].

Как следствие, данные способы могут быть использованы не только авторами, но и недобросовестными лицами, стремящимися выдать авторский рекламный продукт за собственный, а потому авторский договор представляется более надежной защитой личного имущественного права автора в рекламной деятельности [7].

Творения авторов становятся общественным достоянием, когда истекает срок действия авторских прав. В большинстве стран, согласно международной Бернской конвенции, этот срок составляет 70 лет после смерти автора. После этого произведения могут свободно использоваться общественностью без необходимости получения разрешения или выплаты вознаграждения наследникам автора.

Пример: произведения Джорджа Оруэлла. Автор знаменитых романов "1984" и "Скотный двор" умер в 1950 году. В соответствии с правилом 70 лет, его произведения перешли в общественное достояние в 2021 году в большинстве стран, подписавших Бернскую конвенцию. Теперь эти произведения могут быть свободно распространяемы, адаптированы и использованы в различных формах без необходимости получения разрешений.

Что касается правовой защиты личных неимущественных прав автора рекламы, то гражданским законодательством предусмотрен целый ряд способов:

- признание права; восстановление положения, которое имело место его до нарушения; пресечение действий по нарушению права; компенсация морального вреда и т.д. (ст. 12 ГК РФ);
- защита чести, достоинства и деловой репутации автора (ст. 152 ГК РФ);
- иные способы защиты (ст. 1251 ГК РФ).

Таким образом, существует целый комплекс защитных мер, направленных на обеспечение гарантий соблюдения авторских прав в рекламной деятельности, а также на привлечение недобросовестных лиц, использующих в своих целях чужие произведения или чужой рекламный продукт при создании собственного, к гражданско-правовой ответственности.

В настоящее время остается нерешенной проблема незакрепленности в федеральном законе «О рекламе» [6] механизмов использования и защиты интеллектуальной собственности в рекламной деятельности: данный федеральный закон лишь закрепляет требование о необходимости соблюдения федерального законодательства, прежде всего, ГК РФ.

Таким образом, закон «О рекламе» [6], который является специальным, ключевым для всей рекламной сферы, имеет отсылочный характер и сам по себе не направлен на обеспечение гарантий добросовестного использования авторских рекламных продуктов. В этой связи считаем необходимым шагом законодателя дублирование в федеральном законе «О рекламе» ключевых норм, обеспечивающих использование и защиту интеллектуальной собственности в рекламной деятельности.

Нельзя также не упомянуть о недостаточно проработанном правовом режиме использования цитирования, закрепленном в положениях ст. 1274 ГК РФ [2]: несмотря на, казалось бы, детальную регламентацию, приведенные в данной статье нормы оставляют возможности для недобросовестного использования фрагментов произведений без согласия правообладателя. Особенно сложной представляется ситуация вокруг возможного использования изображений или видеороликов для фактического цитирования в рекламных продуктах. В этой связи представляется необходимым внесение коррективов в перечень предусмотренных гражданским законодательством ограничений исключительных прав на произведения и изложение их таким образом, который будет однозначно исключать двойное толкование. Таким образом будет обеспечена лучшая защита авторских прав в рекламе.

Выводы

На основании изложенного можно прийти к выводу о том, что российское законодательство сегодня закрепляет ряд важных механизмов, позволяющих защитить авторское право в рекламе, но при этом оно сохраняет потенциал к дальнейшему совершенствованию.

Список источников

1. Алексейчук В.В. Авторское право на фото- и видеоматериалы рекламной деятельности как предмет доказывания // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 3 (231). С. 216 – 217.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023). Собрание законодательства РФ. 1994. № 32.
3. Магомедов М.Р. Авторское право в сфере рекламной деятельности // *Научные высказывания*. 2022. № 12 (20). С. 44 – 47.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 N 58 "О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона "О рекламе" // *Вестник Арбитражного суда РФ*. 2012. № 2.
5. Пузиков Р.В., Дьяков Д.Н. Особенности защиты авторских прав в рекламной сфере // *Право и государство: теория и практика*. 2021. № 3 (195). С. 50 – 54.
6. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 11.03.2024) "О рекламе". Собрание законодательства РФ. 2006. № 12.
7. Халинина А.С., Гринев Н.Н. Влияние цифровой трансформации на социальные риски общества // *Успехи в химии и химической технологии*. 2023. № 263. С. 22 – 25.
8. Хертек Д.Ш. Правовое регулирование защиты прав потребителей в сфере рекламной деятельности // *Научный Лидер*. 2023. С. 134.
9. Ульянова К.П. К вопросу об авторском праве // *Перспективы развития*. 2024. С. 203.
10. Яшин А.Н. Интеллектуальное право в рекламной деятельности // *Собрание актуального*. 2024. С. 144.

References

1. Alekseychuk V.V. Copyright in photo and video materials of advertising activities as a subject of proof. *Agrarian and land law*. 2024. No. 3 (231). P. 216 – 217.
2. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 24, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on October 1, 2023). *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32.
3. Magomedov M.R. Copyright in the Sphere of Advertising Activities. *Scientific Statements*. 2022. No. 12 (20). P. 44 – 47.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 08.10.2012 N 58 "On Certain Issues of the Practice of Application by Arbitration Courts of the Federal Law "On Advertising". *Bulletin of the Arbitration Court of the Russian Federation*. 2012. No. 2.
5. Puzikov R.V., Dyakov D.N. Features of Copyright Protection in the Advertising Sphere. *Law and State: Theory and Practice*. 2021. No. 3 (195). P. 50 – 54.
6. Federal Law of 13.03.2006 N 38-FZ (as amended on 11.03.2024) "On Advertising". *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 12.
7. Khalinina A.S., Grinev N.N. The Impact of Digital Transformation on Social Risks society. *Advances in chemistry and chemical technology*. 2023. No. 263. P. 22 – 25.
8. Khertek D.Sh. Legal regulation of consumer protection in the field of advertising. *Scientific Leader*. 2023. 134 p.
9. Ulyanova K.P. On the issue of copyright. *Development prospects*. 2024. 203 p.
10. Yashin A.N. Intellectual property rights in advertising. *Collection of current*. 2024. 144 p.

Информация об авторах

Демьянова А.Д., Дальневосточный Федеральный университет, demyanova.ad@students.dvfu.ru

Самойленко П.Ю., кандидат политических наук, доцент, Дальневосточный Федеральный Университет, samoilenko.pyu@dvfu.ru

© Демьянова А.Д., Самойленко П.Ю., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1'37

¹ Ковалева А.И.

¹ Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского

Парадокс как прием языковой игры в русском афоризме

Аннотация: в представленной статье рассматривается парадокс как основной жанрообразующий стилистический прием языковой игры в русском афоризме. Выявлено, что парадоксальность в афоризме создается за счет использования в нем лексических средств языковой игры (многозначность, омонимия, псевдоантонимия, псевдосинонимия, омофония, омография, паронимия, паронوماзия, однокорневая антонимия, однокорневая синонимия, фразеология, зевгма и хиазм). Исследовательские наблюдения в статье иллюстрируются наиболее показательными примерами из современной афористики, которые демонстрируют игровой потенциал разноуровневых языковых средств, способных создавать парадокс.

Так, многозначность создаёт парадокс в афоризме за счет столкновения разных значений одного и того же слова в контексте, оптимально организованном для достижения наибольшего эффекта парадоксальности. Псевдоантонимия и псевдосинонимия создают парадоксальность за счёт перекрестного взаимодействия прямых и переносных значений слов. Столкновение омонимов, контрастирующих в контексте в силу их полной семантической разобщенности, достигает ещё большего эффекта. Омофония и омография менее частотно, но ещё более эффективно способствуют экспликации парадокса в афоризме. Паронимия становится лексической основой парадокса при актуализации в контексте принципиальных семантических различий между однокорневыми созвучными оппозициями, паронوماзия – при контрастном взаимодействии разнокорневых созвучных слов. Однокорневые синонимы и антонимы в афоризмах выражают парадоксальность при максимальном контекстуальном контрастировании оттенков значения родственных слов. На сверхсловном уровне парадоксальность может возникнуть при перекрестном столкновении в контексте прямого и переносного значений фразеологизмов. Хиазм и зевгма – стилистические приемы, которые могут тесно взаимодействовать с парадоксом и активно способствовать достижению наибольшего экспрессивного эффекта при помощи лексико-грамматической инверсии и столкновения логически неоднородных членов предложения, если соединение этих приёмов с парадоксом сопровождается контекстуальной актуализацией многозначности.

Ключевые слова: афоризм, жанр, парадокс, стилистический прием, языковая игра

Для цитирования: Ковалева А.И. Парадокс как прием языковой игры в русском афоризме // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 169 – 174.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Kovaleva A.I.

¹ Bryansk State University named after
Academician I.G. Petrovsky

Paradox as a method of language game in Russian aphorism

Abstract: *the article considers the paradox as the main genre-forming stylistic device of language play in Russian aphorism. It is revealed that the paradox in the aphorism is created through the use of lexical means of language play in it (polysemy, homonymy, pseudoanthonymy, pseudosynonymy, homophony, homography, paronymy, paronomasia, single-root antonymy, single-root synonymy, phraseology, zeugma and chiasm). The research observations in the article are illustrated by the most illustrative examples from modern aphoristics, which demonstrate the gaming potential of multi-level linguistic tools capable of creating a paradox.*

Thus, ambiguity creates a paradox in an aphorism due to the collision of different meanings of the same word in a context optimally organized to achieve the greatest effect of the paradox. Pseudoanthonymy and pseudosynonymy create a paradox due to the cross-interaction of direct and figurative meanings of words. The clash of homonyms, contrasting in the context due to their complete semantic separation, achieves an even greater effect. Homophony and homography contribute less frequently, but even more effectively, to the explication of the paradox in the aphorism. Paronymy becomes the lexical basis of the paradox when actualized in the context of fundamental semantic differences between single-root consonant oppositions, paronomasia - with the contrasting interaction of multi-root consonant words. Single-root synonyms and antonyms in aphorisms express a paradox with maximum contextual contrast of shades of meaning of related words. At the superlative level, paradoxicality can occur when there is a cross-collision in the context of direct and figurative meanings of phraseological units. Chiasm and zeugma are stylistic techniques that can closely interact with the paradox and actively contribute to achieving the greatest expressive effect through lexico-grammatical inversion and collision of logically heterogeneous sentence members, if the combination of these techniques with the paradox is accompanied by contextual actualization of ambiguity.

Keywords: *aphorism, genre, paradox, stylistic device, language game*

For citation: Kovaleva A.I. Paradox as a method of language game in Russian aphorism. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 169 – 174.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Парадоксальность является одним из выразительных средств языка. Это художественный прием, который состоит в использовании различных средств языковой игры для выражения сложных, но не лишенных истины идей в сжатой, лаконичной форме. Применительно к афоризму парадоксально уже само отношение к парадоксу как жанрообразующему приему: «Парадоксальность суждения, по мнению некоторых авторов, считается основным признаком афоризма» и в то же время, «как утверждают другие авторы, парадоксальность – всего лишь стилиевой прием, используемый в некоторых афоризмах для придания им яркости и искусности» [3, с. 14], то есть в этом случае парадокс в афоризме рассматривается как средство для привлечения внимания читателя.

В данной статье мы будем придерживаться точки зрения авторов монографии «Афористика» Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской, которые рассматривают парадокс как основной стилистический прием в жанре афоризма [8, с. 65-67]. Парадоксальность как стилистическое средство органично встраивается в общую жанрово-стилистическую структуру афоризма и дополняет такие его характерные черты, как краткость, истинность, глубина суждения. Кроме того, парадоксальность афоризма, по мнению исследователей в данной области, выражает «языковую личность автора», которая предполагает «способность к образному мышлению» [6, с. 76].

Цель исследования: выявление способов репрезентации парадокса в афоризме.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили современные русские афоризмы, отличительной чертой которых является использование в них различных средств языковой игры и основным приёмом её репрезентации служит парадокс. В работе использованы следующие методы научного исследования: описательный, методы лингвистического, семантического и компонентного анализа. Описательный метод применялся

при сборе и систематизации языкового материала, характеристике его структуры и состава, определении функциональной, лингвистической и семантико-смысловой специфики. Метод лингвостилистического анализа использовался при исследовании жанрово-стилистической специфики языка афоризма. Семантический и компонентный методы языкового анализа применялись с целью выявления семантики различных единиц языка в русских афоризмах.

Результаты и обсуждения

Парадоксальными нередко бывают каламбурные афоризмы, где игра слов строится «преимущественно на лексической основе» [1, с. 223]. Парадоксальность в данном случае основана на таких лексических феноменах, как многозначность, псевдоантонимия и псевдосинонимия как особые виды многозначности, омонимия со всеми типами смежных явлений [4], паронимия, паронимазия, однокорневая антонимия, однокорневая синонимия, фразеология. Парадоксальность способны создавать и такие стилистические приемы, как хиазм и зевгма.

В афоризме Материя бесконечна, но ее многим не хватает на штаны (Г. Малкин) парадокс возникает в результате столкновения общепринятого и специального значения слова материя, где значение «вещество, из которого состоят физические тела природы» в результате контекстуальной отмены предыдущей интерпретации (по принципу взаимодействия экспрессивно-семантических полей А→Ба [5, с. 139]) подменяется значением «ткань, материал» [7, с. 236] и, соответственно, свойства материи в 1-м значении парадоксально проецируются на свойства материи во 2-м значении. На философском уровне афоризм воспринимается как аллегория социальной несправедливости, когда при изобилии ресурсов на планете некоторые люди страдают от нехватки вещей.

Омонимия – вторая по частотности лексическая основа игровых (каламбурных) афоризмов, которая также способна эффективно создавать парадоксальность, поскольку переплетение значений созвучных слов активизирует поиск истинного смысла. Например, в афоризме Такт необходим не только в музыке (Э. Кроткий) взаимодействуют уже по принципу А/Б (равноправного, одновременного восприятия экспрессивно-семантических полей) [5, с. 139] два значения: 1. единица ритмического движения; 2. сущ. по значению «тактичный, тактичность» [2, с. 314], которые объединяет общий смысл афоризма, подчеркивающий важность тонкого и чуткого подхода во всех сферах жизни.

В псевдоантонимическом каламбурном афоризме Тяжелее всего дается легкость (Л. Леонидов) парадоксальность подчеркивается внешней противоположностью первого и последнего слов (наречия в форме простой сравнительной степени и существительного), которые нельзя квалифицировать как лексико-грамматические антонимы, поскольку между их значениями имеет место перекрестное взаимодействие прямого и переносного значений, которое способствует выражению общей сентенции, которая может быть воспринята двояко: 1) со знаком «минус»: лёгкость (= легкомысленность), «отсутствие каких-либо стеснений, ограничений» [7, с. 170] в поведении, поступках приводит к тяжелым последствиям; 2) со знаком «плюс»: достижение кажущейся простоты и легкости в чем-либо требует значительных усилий. Таким образом, каламбурный эффект здесь в конечном счёте обусловлен многозначностью противопоставляемых слов.

В афоризме с псевдосинонимической основой В борьбе за преимущество обычно теряют достоинство (Ю. Базылев) парадоксальность создают псевдосинонимы преимущество = достоинство, у которых в контексте актуализируются значения «исключительное право, привилегия» [7, с. 376] (преимущество) и «знание своих человеческих прав, своей моральной ценности и уважение их в себе» [7, с. 437] (достоинство), благодаря чему реализуется общая семантика высказывания: стремление к личной выгоде или превосходству над другими обычно приводит к конфликту со своими моральными принципами, совестью.

Парадоксальностью отличаются и афоризмы с фонетико-семантическим каламбурным эффектом, лексической основой которых выступает омофония: Разве может надоест мысль о том, что надо есть? (В. Туровский). Здесь за счет одинакового звучания глагола надоест – «стать неприятным, скучным от однообразия, повторения и т.п., перестать интересоваться» [7, с. 346] и сочетания «надо есть» (категория состояния + глагол) в составном глагольном сказуемом, где глагол есть реализует значение «принимать, поглощать пищу» [7, с. 467]. В этом афоризме, имеющем комическую окраску, выражено ироническое отношение автора к базовой потребности человека в еде, которая не может быть проигнорирована.

Использование в афоризмах для создания парадоксальности омографов придаёт ей оттенок ироничности или даже саркастичности: На пляже и герой в трусах (трусАх или трУсах?) ходит (Э. Кроткий). Такая игра слов не только привлекает внимание, вызывает комический шок от возникновения и столкновения совершенно разных интерпретаций в результате смещения ударения на другой слог, но и заставляет задуматься над глубинным смыслом афоризма, состоящим в том, что в повседневной жизни есть ситуации, в которых все равны – независимо от социального статуса и материальной обеспеченности: например, на пляже

трудно отличить по одним лишь плавкам героя от труса, высокопоставленного и богатого гражданина от среднестатистического или неимущего и т.д. Следовательно, главное в жизни человека – не погоня за материальными благами, а гармония с окружающим миром.

Лексической основой парадоксальности в афоризме способны быть оппозиции не только с тождественным планом выражения, как в предыдущих рассмотренных нами случаях, но и со сходным планом выражения: паронимы, паронимазы, однокорневые антонимы и синонимы.

Так, слова экономика и экономная, которые можно квалифицировать как лексико-грамматические паронимы, активно участвуют в создании парадоксальности в афоризме Экономика должна быть экономной. Особенно на обещания (Е. Тарасов). Благодаря использованию созвучных, но разных по значению слов эффект парадокса контекстуально дополняется ироническими коннотациями. Взаимодействие слов «экономика» и «экономная» может несколько запутать читателя тавтологичностью, однако вторая часть афоризма принципиально изменяет интерпретацию первой по принципу веллеризма. Автор в изящной афористичной форме таким образом внушает читателю мысль о том, что печальный опыт невыполненных или не полностью выполненных обещаний государственных деятелей укрепить отрасли экономики и тем самым улучшить материальное благосостояние граждан подсказывает: народу надо давать только взвешенные и реальные обещания.

Использование в целях создания парадокса в афоризме паронимазов достигает ещё большего (в сравнении с паронимами) экспрессивного эффекта, поскольку контраст при контекстуальном взаимодействии разнокорневых созвучных оппозиций выражен более ярко и рельефно. Например, в афоризме чтобы не искушать судьбу, постарайтесь не искусать ее (В. Коняхин) автор в первой части предостерегает нас от необдуманного провоцирования неблагоприятных событий в своей жизни. Сравните: в афоризме Э. Кроткого Чем менее искусен укротитель, тем более он искусан краткое страдательное причастие, образованное от того же глагола искусать, создает эффект парадокса уже в результате контекстуальной паронимазии с краткой формой прилагательного искусный, при этом комический эффект от неожиданного меткого наблюдения автора над превратностями профессии укротителя усиливается антонимией наречий более – менее.

В построенном на однокорневой антонимии афоризме «Сколько неразумного находится в разумных пределах!» (А. Рас) парадоксальность ярко выражена посредством контекстуального отрицания устойчивого сочетания (фразеологизма) в разумных пределах резко контрастирующим прилагательным неразумного. Таким способом автор подчеркивает сложность и многогранность жизни, где привычные стереотипы, кажущиеся рациональными, могут быть подвергнуты сомнению и разрушены конкретными жизненными обстоятельствами.

Парадокс в афоризме «За всё хорошее приходится платить, за всё плохое – расплачиваться» (Е. Тарасов), лексической основой которого служит однокорневая синонимия, состоит в том, что два слова, которые объединяет значение «поступать каким-либо образом, делать что-либо в ответ на чей-либо поступок, на то или иное отношение с чьей-либо стороны» [7, с. 135] в данном контексте резко противопоставлены. Глубинный смысл, который стремится донести до нас автор при помощи этого парадоксального высказывания, может быть сформулирован примерно так: чтобы достичь в жизни истинного успеха, сделать честную карьеру, стать по-настоящему полезным обществу, необходимо прикладывать усилия, расходовать свои жизненные ресурсы (здоровье, время и т.д.), в противовес чему деструктивные действия, поступки закономерно приводят к негативным последствиям: проблемам, физическим и душевным страданиям, утратам – всему тому, что включает в себя как элементы смысла (семы) слово расплата в его высоком нравственном, духовно-библейском значении. Следовательно, если в жизни приходится жертвовать чем-либо в любом случае, то выбор должен быть очевиден: лучше платить за хорошее, чем расплачиваться за плохое.

На сверхсловном уровне средствами языковой игры, способными создавать парадоксальность в жанре афоризма, являются прежде всего фразеологизмы. Так автор афоризма «Чем хуже варит голова, тем лучше в ней каша» В. Сумбатов остроумно контаминирует фразеологизмы голова варит со значением «кто-либо догадлив, сообразителен» [9, с. 143] и каша в голове – «Кто-либо путано мыслит, у кого-либо нет ясности в понимании, в осознании чего-либо» [10, с. 196-197]. В афоризме парадоксально определено состояние интеллекта глупого или не умеющего рационально, логически мыслить человека. В создании парадокса активно участвуют компаративы хуже – лучше, особенно последний, поскольку лучше применительно к состоянию «каша в голове» фактически означает «хуже» (мыслит, соображает), следовательно, парадокс и в этом случае имеет иронические коннотации.

Афоризм с хиастической каламбурной основой «Вино сближает людей далеких и отдаляет близких» (К. Мелихан) построен на контрасте пространственных понятий «близко» – «далеко» и одновременной лексико-грамматической инверсии (глагол – прилагательное) контекстуально противопоставленных одноко-

ренных слов (сближает – близких, отдаляет – далёких), сопровождающейся актуализацией многозначности, что в совокупности и создает эффект парадоксальности. Вино в этой иронической сентенции признано катализатором установления новых дружеских связей и в то же время причиной возникновения конфликта между близкими людьми.

С помощью каламбурной зевгмы парадоксальность может быть создана в результате соединения логически неоднородных членов предложения с одновременной актуализацией прямых и переносных значений. Она, например, вполне ощутима в афоризме «Лучше уж быть без ума от женщины, чем от природы» (М. Генин), где в первой части – по отношению к женщине – употребляется фразеологизм «быть без ума» – значит, в восторге, в восхищении [9, с.703], т.е. фразеологизм имеет положительные коннотации, а во второй части то же выражение «быть без ума» (от природы) имеет уже явно отрицательные коннотации, поскольку говорит об отсутствии способности логически мыслить [7, с. 488]. Таким образом, в одном контексте иронически переплетаются разные, контрастные экспрессивно-семантические оттенки выражения быть без ума.

Выводы

Как показывает анализ современных русских афоризмов, парадоксальность – важнейший конститутивный, жанрообразующий атрибут современного афоризма. Она может быть создана при помощи различных лексических средств языковой игры (многозначности, омонимии, псевдоантонимии, псевдосинонимии, омофонии, омографии, паронимии, паронимазии, однокорневой антонимии и синонимии), а также таких сверхсловных средств ЯИ, как фразеология и стилистические приемы (хиазм, зевгма). Все эти средства при их экспрессивно-семантической актуализации в контексте позволяют читателю находить в афоризмах неожиданные глубинные смыслы и получать эстетическое наслаждение от остроумия автора.

Список источников

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Учеб. пособие для студентов пед. Ин-тов по специальности № 2103 «Иностранные языки». 2-е изд., перераб. Л.: «Просвещение», 1981. 295 с.
2. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. М.: «Сов. Энциклопедия», 1974. 448 с.
3. Борисова М.Ю. Русский афоризм: дефиниция, жанровые границы, происхождение // Балтийский гуманитарный журнал. Филологические науки. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 13 – 17.
4. Вороничев О.Е. К вопросу об омонимии и смежных явлениях // Русский язык в школе. 1999. № 4. С. 71 – 77.
5. Вороничев О.Е. Каламбур как феномен русской экспрессивной речи: дис. ... док. филол. наук: 10.02.01. М., 2014. 723 с.
6. Наличникова И.А. Социальные и психологические основы парадоксальности (на материалы немецких афоризмов) // Вестник Челябинского университета. 2009. Филология. Искусствоведение. № 10 (148). Вып. 30. С. 76 – 79.
7. Словарь русского языка: в 4-х т. // АН СССР. Ин-т рус. яз. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 1. А-Й.
8. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. М.: Наука, 1990. 416 с.
9. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
10. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова, ред. А.И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1986. 543 с.

References

1. Arnold I.V. Stylistics of Modern English. Textbook for Students of Pedagogical Institutes in Specialty No. 2103 "Foreign Languages". 2nd ed., revised. L.: "Prosveshchenie", 1981. 295 p.
2. Akhmanova O.S. Dictionary of Homonyms of the Russian Language. M.: "Sov. Encyclopedia", 1974. 448 p.
3. Borisova M.Yu. Russian Aphorism: Definition, Genre Boundaries, Origin. Baltic Journal of the Humanities. Philological Sciences. 2016. Vol. 5. No. 4 (17). P. 13 – 17.
4. Voronichev O.E. On the Issue of Homonymy and Related Phenomena. Russian Language at School. 1999. No. 4. P. 71 – 77.
5. Voronichev O.E. Pun as a Phenomenon of Russian Expressive Speech: Dis. ... Doc. Philological Sciences: 10.02.01. M., 2014. 723 p.
6. Nalichnikova I.A. Social and Psychological Foundations of Paradoxicality (based on German Aphorisms). Bulletin of Chelyabinsk University. 2009. Philology. Art Criticism. No. 10 (148). Iss. 30. P. 76 – 79.

7. Dictionary of the Russian Language: in 4 vol. USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Language / edited by A.P. Evgenyeva. M.: Russian Language, 1985-1988. Vol. 1. A-Y.
8. Fedorenko N.T., Sokolskaya L.I. Aphoristics. Moscow: Nauka, 1990. 416 p.
9. Fedorov A.I. Phraseological dictionary of the Russian literary language: approx. 13,000 phraseological units. 3rd ed., corrected. Moscow: Astrel: AST, 2008. 878 p.
10. Phraseological dictionary of the Russian language. Compiled by L.A. Voinova, ed. by A.I. Molotkova. Moscow: Rus. lang., 1986. 543 p.

Информация об авторах

Ковалева А.И., ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»,
aleksandra.kovaleva.1998@mail.ru

© Ковалева А.И., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.221.18

¹ Мамиева И.В.

¹ Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева

Образно-смысловое поле диады «пространство-время» в осетинской поэзии К.Л. Хетагурова

Аннотация: в статье впервые сквозь призму отражения опыта тезаурусного описания языка Коста Хетагурова рассмотрены категории времени и пространства – базовой системы координат, организующих поэтический космос классика осетинской литературы. Цель работы – выявление оценочно-символического потенциала указанных понятий в эстетическом преломлении автора. Изучению подлежат единицы измерения времени (циклического и линейного) – с фиксированием суточных пороговых участков, мистических периодов межвременья в народном миропонимании, эпических формул «недельного синкретизма» и прочих обрядово-ритуальных отрезков времени. В фокусе исследовательского внимания находятся также наименования фольклорно-мифологических локативов и реальных природно-географических объектов – трансляторов важной информации о социально-исторической разноликости граничащих с Осетией и территориально удаленных от нее этносов; индикаторы антропогенного ландшафта, сакральных зон дома и ритуально значимых мест. Структурно выделены и слова, отражающие духовно-ценностный аспект времени-пространства, его ориентиры. Литературоведческая интерпретация функциональных признаков хронотопических обозначений доказательно отображает тот факт, что в творчестве К.Л. Хетагурова гармонично сошлись освященные традицией этнокультурные смыслы и индивидуальные формы их выражения. Сделан вывод о том, что лексикографический срез поэзии в целом представляет ценные сведения и о параметрах личности самого автора, открывая доступ к изучению его мировоззренческих взглядов, иерархии жизненных приоритетов, убеждений и императивов; одним словом, способствует реконструкции его художественной картины мира. Характеристика писателя-гуманиста как национального феномена базируется на восприятии его как носителя духовного потенциала, высших этико-эстетических идеалов народа, достойно представляемого им в ряду субъектов общечеловеческой культуры. Результаты могут быть использованы в лекционной практике в высшей школе в качестве материала для спецкурсов по изучению картины мира писателя; аналитические разработки могут быть востребованы также в исследованиях на другом текстовом материале.

Ключевые слова: Коста Хетагуров, язык поэзии, время, пространство, зоны межвременья, сакральные локусы

Для цитирования: Мамиева И.В. Образно-смысловое поле диады «пространство-время» в осетинской поэзии К.Л. Хетагурова // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 175 – 183.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Mamieva I.V.

¹ North Ossetian Institute of Humanities and
Social Studies named after V.I. Abaev

The figurative and semantic field of the dyad “space-time” in K.L. Khetagurov’s Ossetian poetry

Abstract: *in the article for the first time through the prism of reflecting the experience of thesaurus description of Kosta Khetagurov's language the categories of time and space - the basic system of coordinates organizing the poetic cosmos of the classic of Ossetian literature - are considered. The purpose of the work is to identify the evaluative and symbolic potential of these concepts in the aesthetic interpretation of the author. The units of time measurement (cyclic and linear) are to be studied with the fixing of daily thresholds, mystical periods of intertemporal time in the folk worldview, epic formulas of “weekly syncretism” and other ceremonial and ritual time segments. In the focus of research attention are also the names of folklore-mythological locatives and real natural-geographical objects - translators of important information about socio-historical diversity of ethnic groups bordering Ossetia and territorially distant from it; indicators of anthropogenic landscape, sacral home zones and ritually significant places. The words reflecting the spiritual and value aspect of time-space, its reference points, are also structurally marked out. The literary interpretation of functional signs of chronotopic designations proves the fact that K.L. Khetagurov's work harmoniously combines ethno-cultural meanings sanctified by tradition and individual forms of their expression. It is concluded that the lexicographic section of poetry in general provides valuable information about the parameters of the author's personality, opening access to the study of his world outlook, hierarchy of life priorities, beliefs and imperatives; in a word, it contributes to the reconstruction of his artistic picture of the world. The characterization of the writer-humanist as a national phenomenon is based on the perception of him as a carrier of spiritual potential, the highest ethical and aesthetic ideals of the people, worthily represented by him among the subjects of universal culture. The results can be used in lecture practice in higher school as material for special courses on the study of the writer's world picture; analytical developments can also be in demand in studies on other textual material.*

Keywords: *Kosta Khetagurov, language of poetry, time, space, intertemporal zones, sacral loci*

For citation: Mamieva I.V. The figurative and semantic field of the dyad “space-time” in K.L. Khetagurov’s Ossetian poetry. *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 175 – 183.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

В осетиноведческой науке литературное наследие К.Л. Хетагурова закономерно позиционируется как органичная составляющая мировой цивилизации; три звена в поле ее градуальности – «Иристон, Россия и весь мир» – образуют внутреннее единство. Концептуальные составляющие творчества мэтра отчетливо осязаемы и в системе координат пространства-времени.

Новизна постановки проблемы в том, что впервые узловые понятия, которыми, познавая мир, оперирует человеческое мышление, рассмотрены на основе интеграции принципов словарного описания языка осетинского классика. Произведения, созданные им на родном языке, есть уникальный источник информации по специфическому идиостиллю, ключевым идеям мировидения и мироощущения автора, и в целом по состоянию культуры народа на определенном эпохальном этапе ее развития. Этими факторами обусловлена актуальность исследования.

Цель статьи – воссоздание мирообразов, основанных на субъективно-индивидуальных представлениях автора как конкретной языковой личности и наряду с этим – реконструкция в рамках указанной координатной сетки этнической картины мира в целом.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил надлежащий раздел «Словаря поэтического языка Коста Хетагурова» (в планах издательства «Проект-Пресс» на 2024 г.), составленного автором статьи на основе лексикографического описания произведений, созданных писателем на родном языке (сборник поэзии «Ирон фандыр», фрагмент неоконченной поэмы «Хетаг», рукописные и печатные редакции и варианты текстов).

Ведущим в работе является аналитический инструментарий литературоведческого и этнокультурологического подходов с использованием методов интерпретации текста, контекстно-ситуативного изучения текста (при выявлении дополнительных смысловых оттенков, приобретаемых словом в различных кон-

текстах), количественного анализа (в целях получения информации о частоте и значимости употребления слова).

Результаты и обсуждения

1. Лирический герой автора, являясь общинным организмом и одновременно центром своего пространственно-временного кругозора, есть вместе с тем и элемент макроструктуры. Значимые вехи на ленте времени (прошлое, настоящее или будущее) он идентифицирует с практикой своего существования, с собственным жизненным опытом, но его развитие показано включенным в контекст природных ритмов:

Тæхуды, æрæгвæзæджы

Хъæлдзæгæй æнкъард рæстæджы

Йæ рагуалдзæг хорзæн чи мысы... («Желание»)

(‘Завидую тем, кто поздней осенью, с радостью в грустную пору, свою раннюю весну поминает добром’ – Здесь и далее подстрочный перевод наш – И.М.).

Среди наименований времени в структуре жизненного цикла явно или скрытно присутствует также указание на инициационный характер (изменение статуса и мироощущения героя):

– Дæсæздзыд ‘десятилетний’:

Хæрз дзæгъæл кæй зайын,

Уый базыдтон... Ку!

Кæуынай кæй сайын?

Дæсæздзыд лæг у («Кто ты?»)

(‘Что совершенно один остаюсь, о том узнал... Плачь! [Но] плачем кого обману? Десятилетний [уже] – мужчина!’). «Визуализацией» язвительно-горькой усмешки мальчика («Живи, ты свободен, умрешь, – не беда!»), брошенного мачехой на произвол судьбы, поэт вносит дополнительные акценты в объяснение причин его внезапного повзреления;

– с символикой перехода связано и наличие в поэме еще одного сакрального числа – 15 [1, с. 116]. Лирическому герою пошел шестнадцатый год, и это событие позиционируется как этап вхождения в более высокую возрастную стадию, в пору возмужания.

Æхсæрдæсæмаздзыд –

Лæджы бындзæфхад, –

Æгæр дæр фæхъазыд,

Æгæр дæр фæбадт!

(Шестнадцатый год [кому] пошел – [тот] вступил в возраст, – чересчур даже наигрался, слишком долго был не у дел). Вспомним, что и ветхозаветный Авраам удалил от себя сына Измаила в пятнадцатилетнем возрасте – во временном промежутке, когда тот был уже в состоянии самостоятельно пробивать себе дорогу в жизни.

Лексикографический анализ показал, что ранжированный ряд наиболее частотных единиц связан с наименованиями понятий линейного времени: ‘день’ (26), ‘сегодня’ (18), ‘издавна’ (16), ‘ночь’ (15), ‘давно’ (14), ‘год’ (11), ‘час’ (11), ‘зима’ (11), ‘время’ (10), ‘месяц’ (8), ‘сейчас, сию минуту’ (7).

Обратный рейтинг повторяемости слов и словосочетаний охватывает:

- факты обрядового и ритуального календаря, значимые в аспекте раскрытия этномировосприятия: афæдзы бон ‘поминки в годовщину’, бæрæгбон ‘праздник (день какого-л. святого)’, нæуæгбон(тæ) ‘[дни] Нового года’, хуыцауæхсæв ‘канун воскресенья’;

- легким налетом волшебства и таинственности овеяны элементы сакрального времени с указанием точных пороговых участков, мистических периодов межвременья в народном миропонимании (изæрмилтæ ‘сумерки’, æрдагæхсæв ‘полночь’, æмбисæхсæвæй дыууæ сахаты ‘два часа пополуночи’). Такова в поэме «Хетаг» магия ночи, когда «посох Уасджиорджи» (покровителя путников в осетинской мифологии – И.М.) – «достигает середины неба, по нему люди узнают о наступлении полночи» (5 случаев употребления). Данный временной отрезок всякий раз приходится на разгар веселья молодежи, и, подчиняясь воле старших, они нехотя прекращают танцы, чтобы дать другим отдохнуть. В этом же ряду описание сумерек, отворяющих чуткому слуху звуковые вибрации мироздания:

Баизæр, хуры тын батадис Елбрусы цъитийыл...

Арвыл фæзындис изæрмилты стъалы...

(Завечерело, солнечный луч растаял на леднике Эльбруса... В небе появилась сумеречная звезда...) Или сравнение невесты Хетага с сумерками, передающее особую красоту и поэтичность ее внутреннего мира:

Хистæр – Чабæхан, бæрзонддæр чызг, нарæгдæр,

Сабыр, къæмдзæстыг, фæлурсдæр йæ цæсгом, –

Растæй изæрмилтæ хорз хъарм боны фæстæ...

(Старшая... выше, стройнее, ликом бледнее, кротка и застенчива, – сумерки будто после славного теплого дня);

- широту и размах эпического застолья передают формулы «недельного синкретиза» (типа иу абоны цъахъай иу инна абонмæ ‘в течение одной недели [букв. от одного дня рассвета до следующего дня]’) и т.п.;
- глобальные величины времени, выработанные в ходе развития человеческого рода (время, эпоха), и градация измерений персонального пребывания в мире (годы, дни, часы, минута) в поэтическом вокабулярии автора являют собой целостное единство: контраст вечности (цæргæ-цæрæнбонты ‘всю жизнь’) и мига (цæстфæныкъулынмæ | цæсты тъæбæртмæ ‘в мгновение ока’) гармонизируется понятиями, исполненными высокой духовности и света: мыггагмæ ‘навекы’, фыдаёй фыртмæ ‘во все времена (букв. от отца к сыну)’, и образными определениями биографического цикла типа «цардуалдзæджы» (букв. ‘в весеннюю пору жизни’) и т.п.

2. Свообразие национального пространства как звена картины мира в поэзии мэтра структурируется в разделе «Локативы». По рейтингу словарных статей доминируют природно-географические объекты. В 98 заголовочных единицах встречаемость слов здесь в сумме равна 289 эпизодам. «Верхушки» частотности выпадают на долю лексем: хох ‘гора’ (36); зæхх ‘земля’ (27); быдыр ‘равнина’ (13); хъæд ‘лес’ (13); ком ‘ущелье’ (12); къæдзæх ‘скала, утес’ (10); дон ‘река’ (6); обау ‘курган, холм’ (6); лæгæт ‘пещера’ (5).

Суровый вид гор детализируется вокабулярием малой частотности (по 1–2 раза): айнаджы ных ‘выступ скалы’, арыхъхъ ‘арык, ложбина’; æфцæг ‘перевал’; æхсæрдзæн ‘водопад’; был ‘обрыв’; зæйуат ‘лавиноопасная зона’; къæдзæх-лæгæт ‘скальная пещера’; къæдзæхрæбын ‘подножье скалы’; къæдзæхсæр ‘вершина скалы’; къæдзæхы скъуыдтæ ‘трещины в скалах’; лæбырд ‘оползень’; мæскъ ‘овраг, балка’; рагъ ‘хребет’; рындз ‘карниз (скалы)’; фæх ‘склон’; хохбæстæ ‘горный край’; лесистые и сенокосные уголья горных и предгорных территорий представлены лексемами: æрдз ‘поляна; лужайка’; донбылтæ ‘берега реки’; къох ‘роща’; тулдзджын ‘дубрава’; фæз ‘поле; выгон’; хъæдбын ‘подлесок’. Сфера действия за пределами «своего» пространства маркируется словами-понятиями денджыз ‘море’; сакъадах ‘остров’; фурд ‘большая судоходная река’; хъармдонтæ ‘теплые минеральные источники’.

Как видим, первая десятка наиболее частотных слов констатирует наличие всех компонентов горного ландшафта в диалектическом единстве с объектами равнинного рельефа Осетии. Но дальние и высотные горизонты художнического видения Коста Хетагурова получили отражение в таких концептах, как «пути-дороги» (28), «край родной» (29) и «мир, вселенная» (19). Первый из них – «фæндаг» представлен двояко: как место передвижения и как жизненный путь человека. Говоря о двух других нелишне вспомнить, что в прочувствованных объяснениях с возлюбленной поэт позиционировал себя в первую очередь как представитель родного аула и своего народа, а затем – и всего мира [2, с. 214]:

Люблю я целый мир, люблю людей, бесспорно,
Люблю беспомощных, обиженных, сирот,
Но больше всех люблю, чего скрывать позорно? –
Тебя, родной аул и бедный наш народ.
(«Не верь, что я забыл родные наши горы...»)

В рамках темы «Духовно-ценностный аспект пространства» точечными, но высокопоэтичными вкраплениями присутствует также понятие «земля отцов»: аланы зæхх, фыды (фыдæлты) зæхх; в сумме объем словоупотреблений в данном разделе составляет 52 единицы.

Определенного внимания заслуживает совокупность географических названий, занимающих довольно большое место в осетинской поэзии Хетагурова. Самой частотной лексемой здесь является Ир(ыстон) (13). Следует обратить внимание на то, что в семи случаях данный топоним встречается с притяжательными местоимениями «мой» и «наш», создающими оттенок особой кровной близости, мы бы сказали, «родственной» взаимопринадлежности автора и его отчизны друг другу.

Коннотации, вносимые «пространственными» онимами, различаются по семантической и ассоциативной наполненности. На наш взгляд, такие дополнительные функции в поэме «Кто ты?» имеет, например, конкретизация местности, куда, выходит замуж мачеха лирического героя; ороним Уæлладжыры ком в сочетании с частицей «та» ‘опять’ задействован в косвенной характеристике торопкой вдовы, едва дождавшейся годовщины смерти супруга. И наоборот, позитивный смысл имеет использование этого же географического объекта в поэме «На кладбище» – в целях утверждения бесспорных достоинств, которыми обладал сошедший в могилу юноша:

Труженик вечный, старательный в деле,
До Алагирского был он ущелья
В каждом селенье любим. (Пер. Н. Заболоцкого).

В неустанных пересечениях топографического пространства показан герой произведения «Кубады», которого приключившаяся с ним беда обрекла на долгие скитания. Пастух-сирота, спасаясь от жестокой расправы алдара, уходит через горный перевал Адай в Дигорию (в черновой редакции – через Крестовый перевал: «как не замерз он!» – сочувствует автор своему персонажу). Странствуя с фандыром по Иристу и Кабарде, Кубады привечаем всюду, сидя в тифлиских винницах, сказительским искусством вызывает у слушателей «то смех, то слезы». Жизнь научила его, сирого и босого, обделенного материнской лаской и людским участием, приспособляться к обстоятельствам. А природный песенный дар позволил обрести «ту внутреннюю свободу, которой не могут лишиться человека никакой гнёт, никакое насилие» [3, с. 547].

Следует ли рассматривать выделенные курсивом топонимы только лишь как средство локализации повествования? Чем руководствовался автор при выборе столь высокого коэффициента ономастической плотности на относительно небольшой протяженности поэтического текста? Подобная сгущенность индуцирована, на наш взгляд, намерением привлечь внимание к кольцевому сюжету как семиотической детали: Кубады был вынужден покинуть родные места, стать странствующим певцом, востребованным и успешным. Казалось бы, ему действительно удалось «подняться над своей горькой судьбой», но круг к концу жизни замкнулся: состарившись и ослепнув, он вернулся в свой аул все тем же нищим, да плюс к тому согбенным и угрюмым.

На основе объективно существующих географических имен складывается уникальный топонимический мир и в басенно-притчевых нарративах поэта. Топонимы привлекаются им, в одном случае, для создания комического эффекта (так, гуси из одноименной басни, жалуясь на непочтительное к ним отношение со стороны хозяина, вспоминают о том, что их предки спасли Рим), в другом – скрытого осуждения политики чрезвычайных мер, проводимой царизмом на Кавказе («На берегу Терека, за околицей, Повешенным висит опять ингуш...»), либо в целях конструирования иллюзии реальности (Лиса и Барсук, занимаясь воровским промыслом, на почве соперничества тайно ненавидят друг друга: не могут поделить маршрут передвижения по Аргунской теснине).

Иная стратегия предусмотрена автором при применении именованных фольклорно-мифологического содержания. Аул эпического рода-племени Даредзанов и Терк-Турк – изобильная стадами страна, куда нарты частенько наведывались за богатой добычей, введены для эффекта нереальности: в литературной сказке «В пастухах» оба мифонима «работают» на демонстрацию блеска и динамизма ума бедняка, одержавшего в вербальной дуэли с уаигом триумфальную победу [4, с. 78]. Виртуозно вплетенная в вопросно-ответную архитектуру стиха затейливая вязь небылиц свидетельствует не только о находчивости и смекалке батрака, но и о присущем ему образном мышлении, основанном на великолепном знании сокровищ народной мудрости.

Аналогичную эстетическую функцию выполняет и посвятительная речь старца с описанием поисков для умершего коня, который мог бы сопроводить его во владения Барастыра («На кладбище»). Заметим, что в переложении поэмы на русский язык семантика «Терк-Турк» заменена реальным гидронимом Терек, который, по наблюдению исследователя, «привносит совсем другой смысл в текст» [5, с. 72]; мы бы эту досадную погрешность в блестящем переводе Н. Заболоцкого назвали аннулированием, если не искажением, символической природы топонимического образа.

В поэме «Хетаг» географическим названиям отведена иная роль: они являются трансляторами важной культурно-исторической информации. По суммарному количеству словоупотреблений в неопубликованных вариантах поэмы пальму первенства держит понятие «Нарская котловина» («Нары бастæ») со всеми его географическими субъективностями. Нельзя не заметить при этом смену угла зрения на предмет изображения. Вспомним обрисовку пейзажа, давшего начало действию сюжета в «Матери сирот» – произведении, в котором П.Н. Берков признал истинную мощь шекспировских трагедий [6, с. 72].

Коченеет ворон...

Страшен бури вой...

Спит на круче черной

Нар, аул глухой. (Пер. Б. Иринина).

Трагизм восприятия детализируется дешифровкой символики ворона: в мировой мифологии, осетинской в том числе, эта птица ассоциируется с дурным предзнаменованием. И у Коста он не просто так сидит-коченеет на терновнике, а застыл в ожидании. Тонкий знаток его поэзии, Ш.Ф. Джикаев со свойственным ему мастерством вчитывания в подтекстовый слой сводит зловещее начало стихотворения с финальной фразой («Голод не признает отсрочки, – Одного обмана для него достаточно») – свидетельством неизбежности трагического исхода [7, с. 87]. Контекст сближает зловещий образ птицы – вестника беды (через цветные коннотации, состояние недвижимости-забытья) с аулом («на выступе черной отвесной скалы»), а

также с одиночеством и безысходностью вдовы («в ветхом хлеву»; «в стороне от всего аула»), которая, обманывая голод детей, варит им в котле камни вместо бобов.

В поэме «Хетаг» Нар, напротив, являет собой образец идиллического топоса. В соответствии с авторским замыслом, он показан олицетворением свободы, неким романтическим горизонтом, которым грезит Хетаг («В этом Нарском ущелье когда-то очень давно жили нарты-богатыри. Крепче страны нет на Кавказе... Южная граница ее – Кариу-гора, на востоке укорененным рубежом ей служит гора Казбек (букв. пик Христа), на западе – гора Адай, а северная граница ее – глетчерный перевал Зикара...»; «Лучше места не сыщешь для вознесения молитвы Богу»).

Как видим, Нар «горькой вдовы» и Нар Хетага – это две семантические оппозиции: с одной стороны – сфера хаоса, ледяного холода-голода и незащищенности; с другой – структурированный по сторонам света космос, надежно укрепленная в своих природных рубежах земля, и жители ее – под защитой небес. Освоенная Хетагом территория в дальнейшем как бы становится горизонтальной осью мироздания, сюда, в Нар, стекаются жители со всех ущелий, чтобы узнать о чудесном спасении своего прирожденного лидера (мотив святой рощи) и сплотиться вокруг него.

Коста Хетагуров правомерно считается общекультурным и наднациональным феноменом в истории народов Северного Кавказа [8]. Лексикографический срез топонимической картины мира дает релевантную информацию о параметрах личности автора, которые не ограничиваются рамками своего, почвеннического. Изучение пространственных отношений в его лиро-эпическом произведении убеждает в том, что оно может рассматриваться как некий этнокультурный текст, охватывающий социально-историческую разноликость граничащих с Осетией этносов и даже тех, кто далеко за пределами Кавказа. В числе названий «не своих» географических объектов – хоронимы: Грузия и ее исторические области – Карталиния и Имеретия, Кабарда, Кубань, Иран, Персия, Крым; оронимы: Бештау, Домбай, Казбек, Эльбрус; ойконимы: Гори, Тбилиси (Калак), Кутаиси, Они, Тегеран, Гянджа; гидронимы: Черное море и Белое море; реки Кура, Малка, Кубань. В черновых вариантах поэмы присутствует астроном Уасджиорджийы ладзэг – букв. ‘Посох Уасджиорджи’. Значение понятия по контексту реконструировано нами как «созвездие Ориона».

Богато представлен в поэтическом языке автора антропогенный ландшафт: темы «Мир за аулом», «Хозяйственно-бытовое пространство», «Помещения и их части» (с дифференциацией названий общественных и хозяйственных построек, жилых строений, жилья для зверья и птиц и их комплекующих).

В указанных подразделах хорошо ощутима энергетика творческого посыла Коста Хетагурова. Пик частотности приходится на слово «хъау» ‘аул’, и этому есть объяснение. Из 43 случаев использования 28 зафиксированы в печатном и рукописном вариантах «Хетага», где основное сюжетное действие разворачивается в двух населенных пунктах, местах проживания княжеских семей Солтана и Инала, которым предстоит породниться. Интересное наблюдение высказано относительно родовой организации как господствующей формы быта в описываемое поэтом время: «Наименование селения хъау воспринимается как местожительство одной семейной общины, одной фамилии» [9, с. 63]. В регистре с высоким индексом повторяемости находятся также вокабулы кэрт ‘двор’ (22), ‘улица’ (10).

Пространство антропогенного ландшафта расширяется за счет реалий, связанных со сферой жизнедеятельности горца: ласан ‘спуск, по которому с горы перемещают вниз сено, лес, дрова’; могор ‘устой моста’; ривæддон ‘место полуденного отдыха скота’; сæрвæттæ ‘выгон, пастбища’; тæссæрттæ ‘нагорные террасы’; уыгæрдæн ‘луг, покосный участок’; фæзилæн ‘поворот’; фоджын ‘место, обильное дичью’; хизæн ‘пастбище’; хосгæрст ‘покос’, хуымгæнд ‘пашня’; с конкретными результатами его хозяйственно-бытовой практики (сад, лесопитомник, плетень, фруктовая роща, овин и пр.; с территориально-поселенческими сегментами: квартал (часть аула); околица и пр.

Вторым по рангу общей частотности является наименование горского жилища хæдзар ‘сакля’, ‘дом’ (29), создающего единый комплекс с вспомогательными помещениями: уат ‘комната’, ‘горница’ (19), уазæгдон ‘кунацкая’ (18). Внутренняя обстановка в них зависела от социального положения владельцев, и это блестяще воспроизведено в стихотворениях Хетагурова, в частности, в «Песне бедняка». На разительном контрасте с образом жизни имущих строится здесь описание условий существования горца-труженика:

У людей – простор огромных

Комнат, свет, тепло и лад.

А у нас в пещерах темных

Дети с голоду кричат (Пер. Б. Брика).

В осетинских текстах поэта упоминаются и другие части горской сакли – къæбиц (4) ‘кладовая’ и скъæт (5) ‘хлев’.

В перечне общественных и хозяйственных построек по этнокультурной значимости и по индексу повторяемости выделяются лексемы скьола 'школа' (11) и нихас (7). Низкочастотно (по 1–2 раза) сюда входят также ахæстон 'тюрьма'; къазарма 'казарма'; сандæттæ 'винницы'; бæхдон 'конюшня'; кæркдон 'курятник'; куырой 'мельница'; хордон 'зернохранилище' и их детали: бæхбæттæн 'коновязь'; куыройы фыдтæ 'жернова'; фæлгæттæг 'ограждение вокруг жернова мельницы'.

В поле художнического зрения мастера находится и такой значимый объект в жизненном пространстве горцев, как мæсыг (4) 'башня'. Под пером автора он получает разноаспектное отражение:

1) как жилое здание («Хозяева, хозяйева! К вам путники издалека... Выгляните-ка наружу! Пригласите их в свою башню!»);

2) как оборонительное, сигнально-сторожевое сооружение («Годжи с глашатаем поднялись на вершину башни, и, когда глашатай кликнул клич, народ тесной толпой собрался на Нарском Нихасе»);

3) как мифологический конструкт возмездия («В одной ледяной башне в ледяных креслах сидят трое мужчин, фынг 'стол-треножник' изо льда перед ними...»);

4) как башня памяти и славы (стих. «Салам», посвященное А.С. Пушкину):

Все на земле свершить успел ты,

Ты строил – башня создана. (Пер. Л. Озерова).

В поэтический лексикон горского бытия строгого аскетичного стиля врезаются и реалии «восточной роскоши» галуан (3) 'замок, дворец'; гарем (2).

Тема «Сакральные зоны дома и ритуально значимые объекты за его пределами» репрезентирована 16 словарными статьями, упоминаемые в них языковые единицы в числовом эквиваленте достаточно высоки (71) и чрезвычайно важны в плане осмысления особенностей этнонационального мировосприятия: артдзæст и къона 'очаг' – сакральный центр дома, связующее звено внутреннего пространства; рæбын 'задняя (противоположная входу) часть помещения' – энергетически защищенное место, къæсар 'порог'; къуым 'угол'; дуар 'дверь'; рудзынг 'окно'; арæн 'граница, межа'; куырой 'мельница'; хид 'мост' и хиды хъус 'предмостье' – пороговые, магические зоны. В этом ряду также æвгъæддон – место для родов в специально оборудованном для этого случая хлеве как периферии освоенного пространства; маргинальное положение его согласуется с маргинальным состоянием роженицы (между жизнью и смертью) и с посреднической ролью повитухи, устанавливающей контакт между этими сферами.

Вокабулярный объектов пороговой зоны охватывает еще один пласт именованных: уæлмæрд 'кладбище'; 'погребальный холм'; ингæн и цырт 'могила', маркирующие своего рода границу между миром ушедших и живых и требующие от последних строгого ритуального поведения.

Иной тип святости знаменуют лексемы аргъуан 'церковь' и кувæндон – место исполнения религиозных обрядов (букв. 'молельня'). Термины из лексикона двух религиозных традиций используются писателем в интонационном контексте глубокого почитания и благоговения, позиционируя его как «человека двух культур». О церквях, увиденных Хетагом в Грузии, говорится как о нечто необычном, способном поразить воображение. Для традиционных осетинских кувæндон устойчивым в языке К.Л. Хетагурова является эпитет «рухс» 'светлые'. В стихотворении «Горе» осквернение пространства иерофании подается как величайший грех кощунства и святотатства, отягощенное посягательством на нерушимый покой мертвых. В поэме «Хетаг» затрагивается понятие перехода из одной онтологической плоскости в другую, и кувæндон в момент «взвешивания души» мыслится герою обителью спасения. Другими словами, данное понятие у Хетагурова эмануирует сакральность, присутствие духовной вертикали, насыщающей жизнь индивидуума смыслом, мотивирующей эмоционально-волевою реализацию потенциала личности, стремление к исполнению нравственного долга (в нашем случае – долга дружбы).

Низкочастотно, но необычайно ярко изображена в поэзии мастера тема «Мифические локации», представленная:

1) индивидуально-авторскими и фольклорно-мифологические топонимами – Дугъы обау 'Курган ристалищ', Даредзанты хъæу 'селение [рода] Даредзанов', Терк-Турк '[страна] Терк-Турк';

2) лексикой, структурирующей мифологическую картину мира, в которой тернарная вертикаль предстает в понятиях: уæларв зæхх – фыдæлтæ зæхх – дæлзæхх '[над]небесная земля' – 'наземный мир [земля предков]' – 'подземный мир'; конструируется и бытие человека – прижизненное и посмертное: уæлауыл 'на этом свете; в мире живущих' и Мæрдты бæстæ 'Страна мертвых' с двумя полярными локусами: дзæнæт 'рай' и зындон 'ад';

3) наименованиями сакральных локусов – с символикой чисел 3, 7 ('под семью подземьями', 'за семью горами', 'на перекрестке трех дорог'), пространственными элементами мифологического сюжета ('суша посреди моря', 'мост из волоса', 'мост по лезвию ножа').

Выводы

Время и пространство – базовые концепты, система координат, благодаря которым носители той или иной культуры воспринимают мир и упорядочивают его [10, с. 15]. Замечательный мастер пера, Коста Хетагуров ярко запечатлел в слове близкие ему сызмальства горы, ущелья и водопады, скалы и утесы, высоты и низины, аул, где родился и провел детские годы. И так же колоритно – ритуально значимые места, сакральные зоны горской сакли, бытующие в мифологическом сознании народа виртуальные миры. «Чужестранные» природно-географические объекты же стали в его осетинских текстах трансляторами важной социально-исторической информации. Многоаспектно отразились в лирике Хетагурова и единицы исчисления времени. Отмеченные памятью веков либо мотивацией текущего момента, семантикой мистических периодов межвременья и ритуально-обрядовых таинств, они приносят в характеристику его героев дополнительные скрытые коннотации.

В статье в границах концептуальной диады «пространство – время» изложен опыт осмысления механизмов взаимосвязи освященных традицией этнокультурных идей и индивидуальных форм их выражения в творчестве Хетагурова. Изучение оценочно-символического потенциала хронотопических обозначений осуществлено через призму преломления в эстетике корифея осетинской поэзии; особое внимание уделялось референциям, касающимся духовно-нравственной сферы времени-пространства, его ценностных ориентиров. Данный лексикографический срез явился источником весомых сведений и о параметрах личности самого автора.

Исследование, осуществленное в рамках литературоведческого и лингвокогнитивного подходов, позволяет утверждать, что понятийные поля «время» и «пространство» у писателя имеют антропоцентрическую направленность. Человек в означенной концептуальной плоскости – программный лейтмотив его художественной вселенной.

Вышесказанное подводит к выводу о том, что хронотопический компонент анализируемых текстов – это некая системная целостность, открывающая доступ к разностороннему изучению мировоззренческих взглядов, жизненных приоритетов, убеждений и императивов К.Л. Хетагурова, в конечном счете, – к реконструкции его поэтических мирообразов.

Список источников

1. Козлов М.Н. К вопросу о возрастных инициациях у древних славян догосударственной эпохи // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (27). С. 111 – 117.
2. Мамиева И.В. Лавровский «след» в осмыслении К.Л. Хетагуровым проблемы интеллигенции и народа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9. № 3 (25). С. 209 – 217.
3. Абаев В.И. Избранные труды. Владикавказ: Ир, 1990. Т. 1. 640 с.
4. Мамиева И.В. Концепты умственной сферы в творчестве К.Л. Хетагурова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 10. № 1 (29). С. 75 – 83.
5. Дзапарова Е.Б. Н.А. Заболоцкий – переводчик: структурно-семантический анализ стихотворения К.Л. Хетагурова «Уæлмæрдты» («На кладбище») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 6. С. 69 – 76.
6. Берков П.Н. Сидзæргæс // Фидиуæг. 1969. № 8. С. 69 – 72.
7. Джыккайты Ш. Уацтæ: Зонадон-критикон уацтæ. Орджоникидзе: Ир, 1986. 190 с.
8. Mamieva I.V., Kerimova R.A., Gutieva E.T. North Caucasian poetry at the turn of the Century end of the 20th – beginning of the 21st century. Folklor / Edebiyat. 2021. Vol. 27. No. 108. P. 1175 – 1190.
9. Гагкаев К.Е. О языке и стиле Коста Хетагурова. Орджоникидзе: Ир, 1957. 125 с.
10. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры: в 2 т. М.: Искусство, 1984. 349 с.

References

1. Kozlov M.N. On the issue of age-related initiations among the ancient Slavs of the pre-state era. Bulletin of the Altai State Pedagogical University. 2016. No. 2 (27). P. 111 – 117.
2. Mamieva I.V. Lavrovsky "trace" in K.L. Khetagurov's understanding of the problem of the intelligentsia and the people. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences. 2016. Vol. 9. No. 3 (25). P. 209 – 217.
3. Abaev V.I. Selected works. Vladikavkaz: Ir, 1990. Vol. 1. 640 p.
4. Mamieva I.V. Concepts of the mental sphere in the works of K.L. Khetagurov. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 10. No. 1 (29). P. 75 – 83.

5. Dzaparova E.B. N.A. Zabolotsky – translator: structural-semantic analysis of the poem by K.L. Khetagurova “Uælmærdty” (“At the cemetery”). Philological Sciences. Scientific reports of higher school. 2022. No. 6. P. 69 – 76.
6. Berkov P.N. Sidzærgæs. Fidiuæg. 1969. No. 8. P. 69 – 72.
7. Jykkayty Sh. Uatstæ: Zonadon-krikon uatstæ. Ordzhonikidze: Ir, 1986. 190 p.
8. Mamieva I.V., Kerimova R.A., Gutieva E.T. North Caucasian poetry at the turn of the Century end of the 20th – beginning of the 21st century. Folklor. Edebiyat. 2021. Vol. 27. No. 108. P. 1175 – 1190.
9. Gagkaev K.E. On the language and style of Kosta Khetagurova. Ordzhonikidze: Ir, 1957. 125 p.
10. Gurevich A.Ya. Categories of medieval culture: in 2 vol. Moscow: Art, 1984. 349 p.

Информация об авторах

Мамиева И.В., доцент, кандидат филологических наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева,

© Мамиева И.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 82.09

¹ Се Синьюань

¹ Южно-китайский педагогический университет

Концепция «монодийный диалог» В.Н. Топорова и его текстовая перспектива на основе его интерпретации стихов Ахматовой

Аннотация: статья посвящена исследованию концепции «монодийного диалога», разработанной В.Н. Топоровым на основе анализа поэтического взаимодействия текстов А. Ахматовой и А. Блока. Цель работы – раскрыть основные положения и механизмы формирования этой теории, а также показать ее отражение уникального подхода Топорова к литературному тексту. В выводах подчеркивается универсальность концепции «монодийного диалога», ее значимость для анализа текстов различных авторов и вклад в развитие теории интертекстуальности. Топоров акцентирует внимание на ключевой роли интертекстуальности в поэтической технике Ахматовой, демонстрируя, как «монолог» трансформируется в форму скрытого диалога, что обеспечивает максимальное семантическое насыщение текста. В отличие от М.М. Бахтина, который противопоставлял монолог и диалог, Топоров синтезирует эти понятия, предлагая концепцию «монодийного диалога», где взаимодействие субъектов выражается через взаимопроникновение их элементов. Эта концепция открывает новые возможности для литературного анализа и углубляет понимание механизмов текстового взаимодействия.

Ключевые слова: В.Н. Топоров, Ахматова, Блок, «монодийного диалога», диалог, текст

Для цитирования: Се Синьюань. Концепция «монодийный диалог» В.Н. Топорова и его текстовая перспектива на основе его интерпретации стихов Ахматовой // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 184 – 190.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Xie Xinyuan

¹ South China Normal University

The concept of "monodic dialogue" by V.N. Toporov and its textual perspective based on his interpretation of Akhmatova's poetry

Abstract: the article is dedicated to the study of the concept of "monodic dialogue," developed by V.N. Toporov based on the analysis of the poetic interaction between the texts of A. Akhmatova and A. Blok. The aim of the work is to reveal the fundamental principles and mechanisms underlying this theory and to demonstrate its reflection of Toporov's unique approach to literary texts. The conclusions emphasize the universality of the concept of "monodic dialogue", its significance for analyzing the works of various authors, and its contribution to the development of intertextuality theory. Toporov highlights the key role of intertextuality in Akhmatova's poetic technique, showing how the "monologue" transforms into a form of latent dialogue, thereby achieving maximum semantic richness within the text. Unlike M.M. Bakhtin, who contrasted monologue and dialogue, Toporov synthesizes these concepts, proposing the idea of "monodic dialogue," in which the interaction between subjects is expressed through the interpenetration of

their elements. This concept opens new possibilities for literary analysis and deepens the understanding of textual interaction mechanisms.

Keywords: V.N. Toporov, Akhmatova, Blok, "monodic dialogue", dialogue, text

For citation: Xie Xinyuan. The concept of "monodic dialogue" by V.N. Toporov and its textual perspective based on his interpretation of Akhmatova's poetry. *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 184 – 190.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: December 09, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Текстовая диалогичность давно является одним из ключевых вопросов в литературоведении. Владимир Николаевич Топоров (1928–2005), представитель тартуско-московской семиотической школы, известный советский литературовед, особенно отличился в данной области. В своей интерпретации блоковских элементов в поэзии Ахматовой он ввел концепцию «моноподийного диалога», метко подчеркнув единство формальной монологичности и семантической диалогичности в поэтическом тексте, что предоставляет не только ценные примеры для интерпретации литературных произведений, но и углубляет понимание механизмов текста.

В 1970 году основатель советской сравнительной литературы В.М. Жирмунский опубликовал статью «Анна Ахматова и Александр Блок», в которой провел сравнительный анализ поэтического творчества двух поэтов. Эта статья сразу привлекла внимание Топорова, который затем в 1981 году издал монографию «Ахматова и Блок (к проблеме построения поэтического диалога: "блоковский" текст Ахматовой)», где критически переосмыслил выводы Жирмунского, предложив концепцию «моноподийного диалога» как ключевой термин. В данной статье будет проанализировано исследование Топорова об блоковских элементах в поэзии Ахматовой, с целью раскрыть основные положения и механизмы формирования этой теории, а также рассмотреть ее отражение уникального взгляда Топорова на текст. Это, в свою очередь, откроет новые перспективы для понимания сложности литературного текста.

Материалы и методы исследований

Для исследования использовались материалы из научных работ литературоведов В.Н. Топорова и В.М. Жирмунского. Проводилось сравнение взглядов Топорова с идеями М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана.

В работе использованы описательный метод и сравнительный метод. Методология исследования также основывается на текстологическом и интертекстуальном анализе.

Результаты и обсуждения

1. Концепция и характеристики «моноподийного диалога».

Как важнейший представитель символизма, Александр Блок всегда относился с негативностью к акмеизму. Согласно его мнению, Ахматова была единственным исключением. Ахматова, в свою очередь, считала Блока величайшим поэтом первой половины XX века, называя его «памятником начала века». Жирмунский, изучая творчество двух поэтов, в своих поздних работах «находил сходство художественных систем Блока и Ахматовой, тогда как в ранних статьях разводил двух поэтов» [3, с. 79]. Можно сказать, что влияние Блока на Ахматову было значительным и глубоким, что ясно просматривается в ее стихотворных работах. И Топоров уточнил, что «“блоковский” текст Ахматовой начал складываться до того времени, как личные отношения обоих поэтов стали особенно значимыми, и не распался бесследно, когда эти отношения утратили свое прежнее значение и даже, когда умер Блок» [8, с. 69].

Топоров называет диалог между Ахматовой и Блоком в поэзии Ахматовой «моноподийным диалогом», подразумевая, что с помощью слов Блока выражаются мысли обеих сторон этого диалога. «Монолог» проявляется преимущественно на уровне выразительных средств: Ахматова заимствует из стихов Блока образы, темы, лексику, фрагменты, ритмику и даже структуры, органично интегрируя эти элементы в свои произведения. Например, в ее поэме «Поэма без героя» образ «без лица и названья» представляет собой переработку и синтез двух строк из стихотворений Блока, служа для выражения ее собственной темы. Этот образ, изначально происходит от Блока, где он часто воплощается в виде призраков, снов или недостижимой реальности, становится частью нового контекста, сохраняющего связь с исходным. Именно сходные или идентичные формы становятся основой «моноподийного диалога».

Топоров отмечает, что «диалог» состоит из двух голосов, «один из них принадлежит Блоку непосредственно, другой же – тоже Блоку, но опосредствовано – блоковские слова в устах Ахматовой» [8, с. 12]. Последнее становится способом выражения ее собственной позиции. Таким образом, одна форма становится проводником двух голосов, создавая эффект «монолога» на уровне формы и потенциального «диалога»

на уровне смысла. Перекрытие двух голосов в «монологическом диалоге» позволяет максимально увеличить смысловую объем текста в его ограниченных рамках. Ключевым элементом такого эффекта является реконструкция контекста.

Например, образ «без лица и названья» появляется в различных ситуациях: у Блока герой остается в живых после страдания, тогда как в «Поэме без героя» герой сталкивается с физической смертью. Топоров ссылается на слова самой Ахматовой, которая утверждала, что ее поэма полемична по отношению к символизму, или, по крайней мере, к блоковским «Снежной маске» [8, с. 21]. На этом основании исследователь считает, что «“без лица и названья” не только знак-указание на Блока, но и едва заметный полемический выпад против поэтики символизма, меткое пародирование ее» [8, с. 20]. То есть один и тот же образ приобретает новое значение в новом контексте, не утрачивая при этом своего первоначального смысла. Это создает эффект диалога между двумя поэтами, совместное восприятие которых читателем позволяет раскрыть отношение Ахматовой к символизму: с одной стороны, восхищение и уважение к предшественникам, с другой – осознание неизбежности их упадка. Топоров показывает, как Ахматова превращает заимствованный образ в составную часть своего текста, придавая ему в новом контексте функции репрезентации, отсылки и оценки. Этот образ становится связующим звеном между двумя текстами. Таким образом, изменение контекста приводит к разделению голосов участников диалога в пределах одной формы, что, по сути, и является ключом к возникновению «диалога» внутри «монолога».

Одинаковые элементы могут быть многократно использованы Ахматовой для создания различных диалогов. «Если взглянуть на такие “окружения”, имея в виду перспективу дальнейшего развития ахматовской поэзии, то можно констатировать, что именно в них формировались основы тех принципов поэтики, которые становились определяющими в последующем периоде» [8, с. 68]. Фрагменты Блока в разных контекстах Ахматовой подвергаются итерации. Независимо от того, как эти элементы развиваются, голоса в поэтическом диалоге всегда связаны с «первоначальным контекстом», который на разных уровнях включает в себя различные творческие материалы, позволяя разные замены.

Анализируя блоковские элементы в стихах Ахматовой, Топоров вводит концепцию «монологического диалога», подчеркивая потенциальное взаимодействие двух голосов в тексте и эффект умножения смысла. На самом деле, данная концепция применима не только к поэзии Ахматовой, но и предоставляет теоретическую основу для анализа многих других литературных произведений. В общем, она включает в себя следующие основные характеристики:

Во-первых, существует явный объект диалога. Писатель через повторение элементов существующего текста интерпретирует мысли «я» через форму «иного», при этом формальная связь становится связующим звеном, поддерживающим диалог, и намекает на другого участника диалога в литературном произведении. Необходимо отметить, что чтение «монологического диалога» открыто только для некоторых читателей: только хорошо знакомый с поэзией обеих сторон диалога читатель может найти общие или схожие формы и, таким образом, идентифицировать объект поэтического диалога.

Во-вторых, различимые два голоса. Топоров анализирует: «чужой голос и его же отзвук, отражение <...>, чуть сдвинутое по сравнению с отражаемым, вступают в диалог, сталкиваются, спорят, и все это для того, чтобы “разыграть” тему совсем другого, своего я...» [8, с. 12]. Очевидно, что простое копирование элементов предыдущего текста не может создать диалог; только отклонение отклика от чужого голоса открывает возможность для диалога. Отклонение от «он» к «я» – это процесс эволюции первоначального образа. Поэтому Топоров придает большое значение ретроспективному анализу значений образов и сравнению их, фактически восстанавливая два голоса диалога.

В-третьих, синхронный резонанс голосов в одном пространстве. Как подчеркивает Юрий Лотман, что простое наличие двух сторон еще не есть диалог – нужен их конкретный контакт [4, с. 15]. Топоров отмечает: «Лишь в поэтическом пространстве стихотворения, в музыке или во сне может быть преодолена эта разъединенность, и реальные невстречи пресуществляются в сверхреальные встречи...» [8, с. 12]. Поэтическое пространство дает место для диалога, который не может существовать в реальной жизни. Одновременно мысли, выражаемые сторонами диалога, не являются взаимоисключающими, а скорее накладываются друг на друга, и ни одна сторона не может скрыть или заменить другую.

2. Уникальный подход Топорова к рассмотрению создания «монологического диалога» в поэзии Ахматовой.

Топоров смог обратить внимание на блоковские элементы в поэзии Ахматовой и извлечь из них концепцию «монологического диалога» не только потому, что блоковские элементы в ее стихах в количественном плане достигают значительного масштаба и могут создавать синхронный резонанс голосов диалога, но и благодаря другому важному открытию, сделанному Топоровым: Ахматова своим образом активно намекает

читателю на присутствие другой стороны в «монологическом диалоге». Именно Ахматова усиливает присутствие этого «другого», тем самым усиливая голоса обеих сторон диалога.

В отношении часто встречающихся в ее поэзии блоковских элементов, Жирмунский относил их к «бессознательному действию творческой памяти», утверждая, что это своего рода художественное «заражение» Блока [2, с. 339]. Однако Топоров полагает, что Ахматова конструирует объект «монологического диалога» именно сознательно. Разногласия между Топоровым и Жирмунским касаются их различных подходов к пониманию реальных взаимоотношений поэтов.

В октябре 1911 года Ахматова впервые встретила Блока. 16 декабря 1913 года Ахматова впервые и единственный раз посетила дом Блока. Хозяин писал стихотворение в форме испанского романсеро под названием «Красота страшна, вам скажут...», изображающее красивую и таинственную фигуру поэтессы. В начале следующего года Ахматова ответила стихами также в форме романсеро. В 1921 году, после смерти Блока, Ахматова написала памятное стихотворение, выражая свою скорбь о кончине поэта. В глазах читателей отношения между двумя поэтами казались не такими простыми, и в народе даже ходили слухи о романтической связи между ними. Ахматова неоднократно пыталась прояснить этот вопрос в своих мемуарах и интервью.

Интересно, что Жирмунский, который всегда связывал литературные произведения с внешней реальностью, в своей статье многократно заявлял, что надо избегать биографию. Анализируя мемуары Ахматовой, он писал: «Мы будем исходить в дальнейшем из этих неоднократно повторенных признаний Ахматовой и не считаем необходимым вообще углубляться в интимную биографию художника» [2, с. 325]. Он также заявлял: «Вопросу о дате знакомства Ахматовой со стихотворением Блока мы не будем придавать в этом случае решающего значения» [2, с. 341]. И в конце статьи он еще раз подчеркивал: «мы никоим образом не хотели бы возвращаться к оставленной в начале этой статьи биографической теме» [2, с. 354]. Видимо, Жирмунский воспринял слова Ахматовой серьезно и буквально. Раз она много раз подчеркивала, что не стоит доверять слухам из всякой биографии, он бросил эти материалы во время анализа ее творчества. Это проявляется в доверии к поэтическим признаниям как к некоему «биографическому истине».

А в интерпретации Топорова вопрос о правдоподобности биографических текстов сам по себе является неважным, так как Топоров заинтересован не в подлинности внешних текстов, а в том, как они могут способствовать раскрытию поэтического смысла. Он использует биографические факты, но не зависит от них. В его понимании, Ахматова, постоянно опровергающая слухи через свои признания, делает это не только из-за беспокойства о слухах, но и с определенной целью [8, с. 11-12]. Топоров замечает, что в отличие от признаний поэта, в поэзии Ахматова не избегает, а наоборот, активно взаимодействует с Блоком. Элементы Блока в ее стихах встречаются повсюду, что вызывает ассоциации у читателей и усиливает их любопытство. Топоров находит противоречие в поведении поэтессы и считает, что Ахматова использует эти признания как инструмент для творческого построения «монологического диалога». Иными словами, Ахматова ловко использует любопытство народа и умело создает иллюзию, что через поэзию она отвечает на вопросы из своей реальной жизни, хотя на самом деле она невольно направляет внимание читателей на блоковские элементы в ее творчестве, увеличивая тем самым «голос» диалога. Таким образом, Блок не только становится исходной точкой и объектом творчества Ахматовой, но и служит своего рода «приманкой», которая помогает построить этот «монологический диалог».

В качестве примера можно рассмотреть интерпретацию Топоровым испанской темы в поэзии Ахматовой. В стихотворении, подаренном Ахматовой Блоком, написано: «Красота страшна, вам скажут, / Вы накинете лениво / Шаль испанскую на плечи, / Красный розан – в волосах». Позднее Ахматова, вспоминая это стихотворение, сказала: «у меня никогда не было испанской шали, в которой я там изображена, но в это время Блок бредил Кармен и испанизировал и меня» [8, с. 35]. Жирмунский верит буквальному смыслу признания Ахматовой и на его основе утверждает, что в стихах «испанский платок» действительно символизирует «маску» Кармен, перенесенную на Ахматову [2, с. 326]. Однако, согласно исследованию Топорова, когда Блок писал это стихотворение, он еще не бредил Кармен, и «Ахматова, усердная и проницательная читательница записных книжек, дневников и писем Блока, исключительно внимательная к хронологии событий, едва ли могла не знать об этом» [8, с. 35-36]. Топоров намекает, что Ахматова сознательно формулирует воспоминания таким образом, чтобы направить внимание читателя на испанскую тему в ее поэзии, создавая таким образом объект для поэтического диалога. Топорова интересует именно то, как слова Ахматовой способствуют внутренней реконструкции поэтического текста. Например, он заметил тайный диалог между ними по сравнению двух вариантов строк из «Поэмы без героя»:

Оригинальный вариант:

Но мне страшно: войду сама я,

Шаль турецкую не снимая...
Окончательный вариант:
Но мне страшно: войду сама я,
Кружевную шаль не снимая...

В интерпретации Топорова, такое изменение Ахматова усилит эффект диалога в стихах [8, с. 46]. Переход от «турецкойшали» к «кружевной (испанской) шали» представляет собой интересную языковую игру, которую поэт оставляет своим читателям. И это представляет один из примеров, которые доказывают, что Ахматова внедряет элементы диалога в свое стихотворение именносознательно. Здесь мы видим, как уникальнее подход Топорова к рассмотрению художественного текста.

3. Текстовая перспектива Топорова через призму «монологического диалога».

«Диалог – это форма речи между двумя говорящими, где каждое высказывание обращено к собеседнику, и в художественном тексте является ярким стилистическим приемом, оживляющим повествование» [6, с. 185]. Исследования Топорова убедительно показывают, что как в рамках самого текста, так и за его пределами Ахматова в полной мере использует приемы заимствования и адаптации других текстов, органично интегрируя блоковские элементы собственного творчества и максимально раскрывая потенциал резонанса двух сторон диалога. Через интерпретацию Топорова мы можем выделить уникальную текстовую концепцию Топорова.

«В диалоге заключается огромный потенциал информации» [6, с. 187], что особенно проявляется в диалоге Ахматовой с Блоком. Топоров придает особое значение способности поэтического текста концентрировать смысл, акцентируя внимание на внутреннем напряжении семантической структуры. В философии М.М. Бахтина монолог и диалог рассматриваются как противоположные аспекты, однако Топоров предлагает их синтез. Так называемый «монологический диалог» представляет оксюморон, воплощающий противоречивое единство. Лотман также высказал подобное мнение в своей работе «"Чужое слово" в поэтическом тексте»: «монолог оказывается полилогом, а единство складывается из полифонии различных голосов, говорящих на разных языках культуры. Вне поэзии такая структура заняла бы многие страницы.» [5, с. 176]. Но у Топорова эта концепция яснее и рельефнее. В этом диалоге Ахматовой и Блока отправитель и получатель информации сливаются, образуя единое целое. При этом главной задачей становится не передача информации, а углубление смысла внутри одной поэтической формы. Что касается признаний поэта за пределами текста, их цель состоит в содействии расширению и углублению значений, сосредоточенных в стихотворении. Таким образом, эффект диалога обнаруживается даже в «монологическом», где множество смыслов концентрируется в единой форме. Эта способность к семантической конденсации, характерная для литературы, практически недостижима в текстах других жанров.

Топоров подчеркивает: «Ахматова особенно охотно цитирует то, что само уже является цитатой, откликом, отраженьем, что более чем раз прошло через литературную обработку и еще хранит на себе следы чужого голоса и его трансформаций в культурно-историческом потоке» [8, с. 40]. Подобным образом созданные тексты изначально обладают преимуществом диалогичности. Ахматова ценит эти литературно переработанные следы, а не пытается их стереть. В условиях сложного и многослойного построения диалога поэтическое пространство, которое она создает, становится глубоко многозначным и широким, где неуверенность текста и многозначность подчеркиваются, превращаясь в идеальное пространство для увеличения смыслов. Именно это глубоко сжато пространство поэзии, в котором восстанавливаются и организуются потенциальные многозначные смыслы, и привлекает таких мастеров текстового анализа, как Топоров.

В исследовании «монологического диалога» Топоров подчеркивает важность внутренней связи между поэтом и текстом, утверждая глубокую связь между субъектом творчества и объектом. Его работа демонстрирует, что независимо от того, идет ли речь о активном заимствовании образов или структур предшествующих текстов, или использовании признаний за пределами поэзии для акцентирования диалога в стихах, роль писателя в конструировании текста является значительной. Топоров на самом деле намекает, что конструкция текста неизбежно несет отпечаток поэта. По его мнению, текст и поэт являются единым целым, внешние элементы внутри текстовой структуры неотделимы от текста, и именно благодаря этому внешний мир может быть активно интегрирован в поэтическое пространство. В последующих работах Топоров развивает эту мысль, подчеркивая, что «в тексте не может не быть следов того “возмущающего” эффекта, который неизбежно связан с поэтом» [10, с. 28]. Он также уточняет: «без образа поэта (как бы глубоко он ни был укрыт в тексте, им созданном), сам этот текст и попадает в сферу овеществленности и становится насквозь механистичным, или представляет собой ту игру случайностей, которая разрушает и бытие, и искусство поэта» [10, с. 28]. Иными словами, каждый текст так или иначе несет отпечаток поэта, будь то явным или скрытым образом; если попытаться искусственно отделить поэта от текста, такой текст становится аналогичен чему-то, созданному на механическом конвейере, или же воспринимается как случайный

выбор, что стирает ценность поэта как творца. Топоров с помощью практических примеров подчеркивает важность роли автора в построении текста, предостерегая от превращения текста в объект механического производства.

Следует отметить, диалогизм Топорова отличается от более обобщенных и распространенных представлений других ученых о диалоге. Например, Бахтин в своей книге «Проблемы поэтики Достоевского» отметил: «быть – значит общаться диалогически» [1, с. 338]. Бахтина и Лотмана «объединяет общая предпосылка по отношению к диалогу: они полагали, что диалог не то, чтобы возможен, а просто – необходим» [7, с. 57]. А по мнению Топорова, не все тексты обладают ценностью вступления в диалог. В своем исследовании он акцентирует внимание на испанской теме в поэзии Ахматовой и Блока, подчеркивая, что такие темы сами по себе имеют богатые внутренние возможности, которые позволяют их дальнейшее продолжение или трансформацию в других текстах. Он полагает, что только такие тексты именно те, «с которыми можно сговориться и даже вступить в диалог» [8, с. 33]. Это ограничение, выдвигаемое Топоровым, защищает уникальную ценность выдающегося литературного творчества, при этом «монологичный диалог» очевидно является проявлением ценного диалога в его понимании. Хотя Топоров не дает четкой классификации таких текстов, их особенности можно частично понять через его описание «истинно великих текстов» в одной из поздних лекций. В выступлении под названием «Знак и текст в пространстве и времени» Топоров утверждает: «Подлинно великий текст подобен растущему дереву, корни которого внизу, в земле, в прошлом, ствол посередине, в настоящем, как бы остановившемся времени, а ветви – вверху, в незамкнутой открытости, в обращенности к будущему» [9, с. 144]. Тексты, обладающие жизненной силой, способны извлекать из предыдущих текстов необходимые элементы и использовать их для себя, одновременно становясь «корнями» будущих текстов, открывая новую почву для существования новых текстовых форм. Очевидно, только «подлинно великий текст» обладает непрерывной внутренней силой самовозрождения и обновления, предоставляя бесконечные возможности для диалога с другими текстами, создавая пространство для столкновения смыслов, в котором могут творить будущие авторы.

Выводы

В заключение следует отметить, что исследования В.Н. Топорова демонстрируют, как А. Ахматова, как в рамках текста, так и за его пределами, мастерски адаптировала и преобразовывала элементы поэтического творчества А. Блока, интегрируя их в свои произведения. Это способствовало созданию диалога между двумя авторами и обогащению её текстов новыми смыслами.

Топоров выделяет ключевую роль интертекстуальности в поэтической технике Ахматовой, показывая, как «монолог» становится формой скрытого диалога. Такая диалогичность обеспечивает максимальное семантическое насыщение текста. В отличие от М.М. Бахтина, который противопоставлял монолог и диалог, Топоров синтезирует эти понятия в концепции «монологичного диалога», где взаимодействие субъектов осуществляется через взаимопроникновение их элементов. Главная цель такого диалога заключается не в передаче информации, а в её многослойном обогащении внутри текста, что создаёт уникальное литературное взаимодействие.

Анализ Топоровым блоковских элементов в поэзии Ахматовой стал значительным этапом его текстологических исследований. Постепенно он развил свои идеи до многомерной теории текстового диалога, что внесло вклад в развитие сверткестового анализа в русской литературной теории. Его подход к тексту, концепция «монологичного диалога» и методы анализа остаются актуальными и представляют ценность для современных исследований в области литературоведения.

Список источников

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 363 с.
2. Жирмунский В.М. Анна Ахматова и Александр Блок // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Ленинград: Наука, 1977. С. 323 – 354.
3. Клинг О.А. Концепция «Преодоления символизма» и ее отражение в оценке В.М. Жирмунским литературоведческого наследия русских символистов // Новый филологический вестник. 2019. № 3 (50). С. 76 – 82.
4. Лотман Ю.М. Доклад 13 марта 1981 года в Тартуском государственном университете // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13. № 2. С. 10 – 23.
5. Лотман Ю.М. «Чужое слово» в поэтическом тексте // Анализ поэтического текста. Структура стиха. М.: Эксмо, 2022. 416 с.
6. Мусоева Ш.Ю. Монолог, диалог, полилог – три формы речи художественного произведения // Вестник Педагогического университета. 2022. № 2 (97). С. 184 – 188.

7. Панова Л.Н. М.М. Бахтин и Ю.М. Лотман: диалог о диалоге // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 6 (32). С. 57 – 60.
8. Топоров В.Н. Ахматова и Блок (к проблеме построения поэтического диалога: «блоковский» текст Ахматовой). Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1981. 202 с.
9. Топоров В.Н. Знак и текст в пространстве и времени // Slavica Revalensia II. Таллинн: Издательство Таллиннского университета, 2015. С. 139 – 167.
10. Топоров В.Н., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Об «эктропическом» пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) // От мифа к литературе: сборник в честь семидесятипятилетия Е.М. Мелетинского. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1993. С. 25 – 42.

References

1. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow: Sovetsky Pisatel, 1963. 363 p.
2. Zhirmunsky V.M. Anna Akhmatova and Alexander Blok. Theory of Literature. Poetics. Stylistics. Leningrad: Nauka, 1977. P. 323 – 354.
3. Kling O.A. The Concept of "Overcoming Symbolism" and Its Reflection in V.M. Zhirmunsky's Assessment of the Literary Heritage of Russian Symbolists. New Philological Bulletin. 2019. No. 3 (50). P. 76 – 82.
4. Lotman Yu.M. Report given on March 13, 1981 at Tartu State University. Slovo.ru: Baltic Accent. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 10 – 23.
5. Lotman Yu.M. "Someone Else's Word" in a Poetic Text. Analysis of a Poetic Text. Structure of a Verse. Moscow: Eksmo, 2022. 416 p.
6. Musoeva Sh.Yu. Monologue, Dialogue, Polylogue – Three Forms of Speech in a Work of Art. Bulletin of the Pedagogical University. 2022. No. 2 (97). P. 184 – 188.
7. Panova L.N. M.M. Bakhtin and Yu.M. Lotman: Dialogue about Dialogue. Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2009. No. 6 (32). P. 57 – 60.
8. Toporov V.N. Akhmatova and Blok (on the Problem of Constructing a Poetic Dialogue: Akhmatova's "Blok" Text). Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1981. 202 p.
9. Toporov V.N. Sign and Text in Space and Time. Slavica Revalensia II. Tallinn: Tallinn University Press, 2015. P. 139 – 167.
10. Toporov V.N., Neklyudov S.Yu., Novik E.S. On the "Ectropic" Space of Poetry (Poet and Text in Their Unity). From Myth to Literature: A Collection in Honor of the Seventy-Fifth Anniversary of E.M. Meletinsky. Moscow: Russian State Humanitarian University, 1993. P. 25 – 42.

Информация об авторах

Се Синьюань, Южно-китайский педагогический университет, svetxxy@gmail.com

© Се Синьюань, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки)
УДК 811.111

¹ Ширинова И.Ф.

¹ Азербайджанский университет языков

Роль заимствований в лексическом развитии современного английского языка

Аннотация: в статье исследуется динамичный и многогранный процесс развития английского языка за счет объединения заимствованных слов из разных языков, исследуется влияние исторического, политического, социального и технологического развития на расширение лексики английского языка, в частности уделяется внимание роли заимствованных слов. Как мы знаем, с ростом глобального общения и быстрым развитием международных отношений, особенно с европейскими государствами, английский язык обогатил свой словарный запас, приняв значительное количество заимствованных слов. Эти слова происходят из различных источников, включая торговлю, культурный обмен и завоевания, которые способствовали языковому богатству английского языка. В представленной исследовательской работе эти заимствования классифицируются в соответствии с их происхождением, такими как латынь, французский, немецкий, скандинавский и другие, и обсуждается их влияние на различные аспекты языка, от повседневных терминов до специального сленга. В статье также подчеркивается, как процессы перевода, семантического смещения и языковой коммуникации формируют интеграцию этих слов в английский язык. Кроме того, рассматриваются социально-лингвистические аспекты восприятия заимствованных слов с учетом дискуссий о чистоте языка в разных странах. Наконец, в статье подчеркивается сложность и непрерывный характер эволюции языка, а также основная роль заимствований в развитии современного английского языка.

Ключевые слова: язык, эволюция английского языка, языковое развитие, исторические лингвистические влияния, лексическое развитие, заимствования слов

Для цитирования: Ширинова И.Ф. Роль заимствований в лексическом развитии современного английского языка // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 191 – 196.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Shirinova I.F.

¹ Azerbaijan University of Languages

The role of borrowings in the lexical development of modern English

Abstract: the article discusses the dynamic and complex process of English language evolution through the incorporation of words from various languages, examining the impact of historical, political, social, and technological developments on the expansion of English vocabulary. Particular attention is given to the role of borrowed words. As we know, due to the growth of global communication and rapid development of international relations, particularly with European countries, English has enriched its lexicon through the adoption of a significant number of borrowed terms. These words originate from diverse sources, including trade, cultural exchange, and historical events that have contributed to the linguistic diversity of English. In this paper, the various sources of these borrowings, such as Latin, French, German, and Scandinavian, are classified, and their impact on different aspects of the language is explored, ranging from common terms to specialized slang. The article also emphasizes how the processes of translation, semantic shift, and linguistic communication shape the assimilation of these words into the English

language. Furthermore, the sociolinguistic aspects of the reception of borrowed terms are considered, with regard to discussions about the purity of the language in various countries. Lastly, the article emphasizes the complexity and ongoing nature of linguistic evolution, as well as the significant role of loanwords in the development of contemporary English.

Keywords: language, development of the English language, historical linguistic influences, lexical growth, borrowed vocabulary

For citation: Shirinova I.F. The role of borrowings in the lexical development of modern English. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 191 – 196.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Благодаря научно-техническому развитию, интенсивному информационному потоку, социальным и политическим изменениям и стремительному развитию международных отношений словарный состав английского языка обогащается за счет слов национального происхождения, а также заимствований. Всемирное внедрение английского языка, быстрое развитие международных отношений, расширение связей во многих областях, особенно с ведущими государствами Европы, усиливают процесс свободного принятия заимствованных слов в английском языке. В ходе этого процесса, наряду с собственными возможностями языка, слова из других языков также приводят к обогащению языка. Английский является вторым по распространенности языком в мире, а его гибкость, адаптируемость и способность усваивать новые слова делают его доминирующим глобальным языком [10].

В современную эпоху расширение взаимодействия между языками, процессы глобализации, осуществляемые во всем мире, с одной стороны, увеличивают количество заимствованных слов, а с другой стороны, новые заимствования, употребляемые в разных языках, обеспечивают увеличение сходства между собой по выражению и содержанию. Языки не являются изолированными системами, они постоянно развиваются в результате контакта с другими языками. Полученные слова представляют собой один из самых заметных и впечатляющих результатов такого взаимодействия [14]. В результате образуется система заимствованных слов, играющих особую роль, которая занимает место в словарном составе языка. В процессе исторического развития словарный состав каждого языка обогащался заимствованными словами под влиянием различных языков. В качестве основной причины были более контактные языковые связи. То есть один язык имеет длительные отношения с другими языками.

Достижение высокого уровня точности в отношении развития и дифференциации наук, расширение образовательного процесса, увеличение внедрения и использования технических достижений заложили основы формирования терминологии отрасли, и произошел процесс перехода терминологии с одного языка на другой.

Лексика английского языка обогащается за счет заимствованных слов европейского происхождения. Большинство этих слов являются активными словами в зависимости от степени их обработки в лексике языка. Диапазон заимствованных слов довольно широк, поскольку каждый язык в той или иной степени заимствовал слова из других языков. Заимствованные слова могут происходить из различных источников, таких как торговля, культурный обмен или завоевание.

Все культуры, контактирующие с другими народами, вероятно, заимствуют слова из языков этих народов. В английском языке есть слова, заимствованные практически из всех языков мира. Иммигранты из многих частей мира буквально принесли свой язык, чтобы обогатить английский. Многие слова в английском языке имеют испанское происхождение.

Заимствование – это социолингвистический процесс вхождения слов в язык, который не всегда нравится всем членам языкового сообщества. В странах с языковыми академиями обычно делается попытка сохранить язык в чистоте, запрещая заимствования слов. Например, Франция пыталась законодательно запретить использование французских слов английского происхождения.

Английский язык постоянно адаптировал и объединял слова из других языков, превращая их в формы, соответствующие его собственным фонологическим и синтаксическим правилам [16]. Заимствование – это слова, взятые из другого языка и модифицированные в соответствии с образцами принимающего языка.

Заимствованный словарный запас может быть классифицирован как слова, взятые в соответствии с характером приобретения, переводные заимствования и семантически производные заимствования. Фразы,

полученные путем перевода, – это фразы, заимствованные из уже существующих слов в английском языке, в соответствии с примерами того языка, из которого они взяты. Например: the moment of truth образовался в результате лексического перевода испанской фразы “el momenta de la verdad”, wall paper - русской комбинации «стенная газета».

С другой стороны, заимствования, возникающие семантически, происходят путем заимствования значения слова, которое уже существует в английском языке. Например: сочетание shock brigade, существующее в английском языке со значением «аварийная бригада», получило новое значение как «ударная бригада». Это сочетание заимствовано из русского языка [8, с. 254].

Языки всегда в контакте, постоянно меняются. История английского языка – одно из постоянных заимствований, возникших в результате волн влияния латыни, французского, норвежского и многих других языков [15]. Источник включения в язык слов, заимствованных из разных языков в разные периоды развития английского языка, объясняется чисто историческими причинами и фактами: римское нашествие, возникновение христианства, норманнское нашествие, а в современную эпоху прямые языковые контакты и связи с другими народами, а также политические, экономические и культурные связи являются основными причинами данного явления [8, с. 253].

Цель исследования. Основной целью исследовательской работы является изучение этимологических особенностей лексики английского языка, определение этимологической классификации слов в современном английском языке, выяснение влияния и роли языковых связей на лексическую систему языка.

Материалы и методы исследований

Материалы и методы исследования определяются решением поставленных задач и спецификой предмета исследования. В исследовании использовались такие общенаучные методы, как сравнение, наблюдение и описание. Среди основных лингвистических методов исследования были использованы сопоставительные (между национальными и заимствованными словами), сравнительно-сопоставительные и сравнительно-типологические, в отдельных случаях функциональные методы, а также методы анализа содержания и дискурса.

Результаты и обсуждения

В целом заимствованные слова, вошедшие в английский язык, по происхождению делятся на следующие группы:

1. Заимствованные слова кельтского происхождения. В 5-6 веках несколько германских племен (англы, саксы и юты) мигрировали через море на Британские острова. Там они встретили кельтов, которые были настоящими жителями островов. Кельты отчаянно защищали свои земли от захватчиков. После захвата кельтских земель завоеватели заимствовали ряд кельтских слов, таких как catch, down, hard, cradle. Особенно среди заимствований кельтского происхождения было много топонимов, названий рек, холмов. Названия рек Avon, Devon, Thames, Cornwell Eхе, Ux произошли от кельтских слов, означающих river и water.

Позже некоторые кельтские слова пришли из французского. Например: career.

В тринадцатом веке некоторые кельтские слова пришли из Шотландии и Ирландии. Например: clan, toгу и т.д. Слово toгу изначально означало «бандит», а теперь это название политической партии. В словаре английского языка кельтские слова особо не функционируют [12, с. 89].

2. Заимствованные слова латинского происхождения. Латынь не была языком покоренного народа. Это был язык высшей цивилизации, цивилизации, которую англосаксы должны были выучить. Это началось задолго до прибытия англосаксов в Англию и продолжалось на протяжении всего древнеанглийского периода. В течение нескольких сотен лет германские племена, которые впоследствии англизировались, имели различные связи с римлянами и через эти связи получили значительное количество латинских слов. Позже, когда они прибыли в Англию, они увидели свидетельства долгого римского правления на острове и выучили несколько дополнительных латинских слов, заимствованных у кельтов.

Эти латинские слова в основном используются в торговле: butter, dish, wine, pepper, pear, peach, plum, kitchen, kettle, cook, cheese.

Поскольку латынь была языком христианства, многие религиозные термины вошли в английский лексический состав: monk, priest, angel, anthem, candle, canon, clerk, hymn, minister, pope, apostle, bishop, circle, martyr, mass, master, noon, offer, organ, palm, paper, rule.

Многие слова, такие как названия одежды и предметов домашнего обихода, также вошли в английский язык из латыни. Например: cap, sock, silk, purple, sack.

Названия продуктов питания, такие как beet, millet, pear, radish, а также названия деревьев, растений и трав, такие как aloes и balsam, также относятся к заимствованным словам латинского происхождения [8, с. 256].

3. Заимствованные слова скандинавского происхождения. Английский язык принадлежит к германской группе языков и богат заимствованиями из скандинавских, немецкого и голландского языков.

Существует около семисот заимствований из скандинавских языков, вошедших в английский язык в результате английского завоевания Скандинавии. У скандинавов и англичан был одинаковый образ жизни, схожие моменты в их культуре, а также много общего в их литературе. Поэтому в этих языках было много слов, которые были почти идентичны. Например: anger, cake, call, kill, husband, raise, root и т.д.

Примеры заимствованных английских слов скандинавского происхождения также включают:

Существительные: egg, kid, knife, skirt, window, wing, lump и т.д. [8, с. 257].

Прилагательные: flat, ill, happy, low, odd, ugly, wrong, sly и т.д.

Глаголы: die, guess, get, give, scream, take, kill и т.д. [8, с. 256].

4. Заимствованные слова французского происхождения. Все языки заимствуют слова из других языков. Даже во время оккупации после Нормандского завоевания в 1066 году английский язык заимствовал большое количество лексических слов из французского. Юридическая оккупация означала, что судебные, юридические и имущественные термины войдут в английский язык из французского. Таким образом, в то время как английские термины, такие как king и queen, сохранились, заимствованные слова из французского языка вошли в английский язык [11, с. 164].

Норманнское завоевание Англии в 1066 году оказало большое влияние на английский язык. Французская лексика начала проникать в английский язык, особенно в такие области, как право, администрация и искусство [13]. Например: sovereign, crown, state, government и т.д.

Thief и steal – английские термины, но такие юридические термины, как burgs, accuse, plea, fee, attorney general, пришли в язык из французского языка.

Поскольку французы захватили военный контроль, в язык были добавлены слова enemy, danger, soldier, guard.

Под влиянием церкви новые термины также были добавлены в словарный запас английского языка: religion, service, trinity (троица - Христианское божество как Бог в трех лицах: Отец, Сын и Святой Дух) [12].

Кроме того, естественно, в язык вошли новые заимствования французского происхождения, связанные с едой. Вальтер Скотт популяризировал такую поговорку, что, хотя названия многих животных являются исконно английскими словами, названия блюд из них - заимствованные слова французского происхождения.

Например: cow, calf, sheep, swine, deer - хотя названия таких животных являются словами английского происхождения, используются названия блюд французского происхождения, такие как beef, veal, mutton, pork, bacon, venison.

5. Заимствованные слова греческого происхождения. Многие греческие слова вошли в английский через латынь и французский. Некоторые из них заимствованы из французского языка: fancy, idea, catalogue, chronical, atmosphere, autograph, catastrophe, climax, comedy, critic и т.д.

Многие из них пришли в английский язык в эпоху Возрождения. Они больше относятся к науке, искусству и литературе. Например: geology, lexicology, geography, etymology, homonym и т.д.

Почти все лексикологические термины и многие театральные термины имеют греческое происхождение. Например: epilogue, comedy, tragedy, dramaepilog и т.д.

В заимствованных словах греческого происхождения оно звучит как «ch[k]». Примером могут служить слова school, character, chemistry, chaos. Кроме того, буквосочетание «ph» в произношении звучит как «[f]». Например: morphology, phonetics, phoneme, morpheme и т.д.

В языках мира существует традиция образования научно-технических терминов на основе греческих и латинских корней. Такие слова называются искусственными образованиями. Например: telephone, telegraph, television [12, с. 95].

6. Заимствованные слова итальянского происхождения. Культурные и торговые отношения между Италией и Англией привели к появлению многих итальянских слов в английском языке. Впервые заимствования итальянского происхождения пришли в английский язык в 14 веке (эпоха возрождения и позже), это было слово bank. Итальянские дольщики и менялы сидели на скамейках на улицах. Когда они проигрывали, они переворачивали скамейки. Итальянцы называли его “banco” (rotta). От этого слова англичане позаимствовали слово bankrupt.

В 17 веке были заимствованы некоторые геологические термины: volcano, granite, bronze, lava. В то же время были заимствованы и некоторые политические термины: manifesto, bulletin.

Некоторые из слов итальянского происхождения относятся к разным сферам, обозначают разные понятия. Например: umbrella, macaroni, fiasco, gazette, balcony, casino, pasta, spaghetti и т.д. [12, с. 102].

7. Заимствованные слова испанского происхождения. После открытия Америки Колумбом в 1492 году Испания стала одной из самых богатых стран Европы и соперницей Англии. Между двумя странами были определенные вооруженные конфликты и периоды, когда между ними были и мирные, дипломатические отношения. Эти различные контактные формы принесли в английский словарь некоторые испанские слова. Заимствованные английские слова испанского происхождения вошли в основном через американский вариант слов. Они имеют следующие смысловые группы:

- а) торговые термины: cargo, embargo и др.;
- б) названия танцев и музыкальных инструментов: tango, guitar;
- в) названия овощей и фруктов: tomato, potato, tobacco, cocoa, banana, ananas, apricot и т.д. [17].

8. Заимствованные слова русского происхождения. В словаре английского языка русские слова делятся на две группы:

- 1) слова, вошедшие до Октябрьской социалистической революции;
- 2) слова, вошедшие после революции.

Слова, вошедшие после революции, называются *sovietism*. Слова первой группы носят этнографический характер, так как англичане (английские купцы, послы и путешественники), прибывшие в Россию, начиная с XVI века, наблюдали за русским народом, русскими традициями. Так, привезли с собой в Англию эти слова: *steppe, troika, samovar, icon, balalausa, tauga, zakuska* и т.д. [19].

Советский Союз сыграл большую прогрессивную роль в России, поскольку был связан с установлением новой системы социализма. Они выдвинули новые важные прогрессивные идеи. Тем временем в язык продолжали поступать новые слова. Например: *Soviet, leninism, communist, udarnic, shock-brigade, self-criticism, artel, kolkhoz, sovkhos, bolshevik* и т.д. [11, с. 166].

9. Заимствованные слова арабского происхождения. Многие арабские слова вошли в английский словарь во время арабского похода. Большинство арабских слов вошли в английский язык через некоторые другие европейские языки, в основном французский.

Среди непосредственно принятых арабских слов можно отметить следующие: *Emir, harem, khalifa, simoom, giraffe, minaret, mosque, salaam, sultan, vizier, bazaar, caravan* и т.д. [19].

10. Заимствования индийского происхождения. Невозможно сказать много примеров заимствований индийского происхождения. Слово *squaw* пришло из хинди. Но это в порядке слов, которые используются не очень часто. Его значение – «индийская женщина».

Кроме того, в английский язык перешли слова из других языков. Даже происхождение некоторых слов в английском языке до сих пор точно не известно [20].

Выводы

В заключение можно отметить, что английский язык – динамичный и развивающийся язык, который на протяжении веков в значительной степени формировался благодаря его взаимодействию с другими языками. Заимствование слов сыграло важную роль в расширении лексикона, обогащении словарного запаса в различных областях, включая торговлю, культуру, религию и политику. Исторические, социальные и политические взаимодействия между англоязычными сообществами и другими культурами привели к постоянному включению иностранных терминов, каждый из которых внес свой вклад в лингвистическое разнообразие современного английского языка. Хотя эта лингвистическая комбинация иногда вызывает споры о чистоте языка, очевидно, что заимствования сыграли важную роль в превращении английского языка в доминирующий и адаптивный язык во всем мире. Таким образом, процесс заимствования слов продолжает оставаться естественной и важной частью эволюции языка.

Список источников

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1959. 322 с.
2. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методы ее исследования. Л., 1966. 211 с.
3. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956. 302 с.
4. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956. 448 с.
5. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1969. 335 с.
6. Хидекель С.С. Английская лексикология в выдержках и извлечениях. Л., 1969. 428 с.
7. Abdulrahimov E.H. The ABC of the History of the English Language. Baku, 2005. 254 p.
8. Arnold I.V. The English Word. M., 1986. 256 p.
9. Antrushina G.B., Afanaseva O.V., Morozova N.N. English Lexicology. M., 2001. 276 p.

10. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge University Press. Cambridge UK, 2003. 252 p.
11. Ginsburg R.S., KJhidekel S.S., Knyazeva G.Y., Sankin A.A. A Course in Modern English Lexicology. M., 1979. 256 p.
12. Hajiyeva A. English Lexicology. Baku: Elm və təhsil, 2011. 248 p.
13. Hughes A., Trudgill P. English Accents and Dialects (3rd ed.). Routledge. London UK, 1996. 224 p.
14. Jackson H., Zé Amvela E. Words and Their Meaning. Routledge. London UK, 2000. 288 p.
15. Pyles T., Algeo J. The Origins and Development of the English Language (4th ed.). Harcourt Brace College Publishers. 1993. 536 p.
16. Simpson J., Weiner E. The Oxford English Dictionary (2nd ed.). Oxford University Press. Oxford UK, 1989. 21000 p.
17. English Words Borrowed from Spanish. Eton Institute. URL: <https://www.etoninstitute.com/blog/15-spanish-words-borrowed>
18. The Significance of the Words Borrowed into English Language URL: https://www.academia.edu/36773157/The_Significance_of_the_Words_Borrowed_Into_English_Language
19. List of English words of Arabic origin – Wikipedia URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_English_words_of_Arabic_origin
20. Loanwords in English: 60 Examples of Borrowed Words – Busuu. URL: <https://www.busuu.com/en/english/loan-words>

References

1. Arnold I.V. Lexicology of the modern English language. Moscow, 1959. 322 p.
2. Arnold I.V. Semantic structure of the word in modern English and methods of its study. Leningrad, 1966. 211 p.
3. Amosova N.N. Etymological foundations of the vocabulary of the modern English language. Moscow, 1956. 302 p.
4. Smirnitsky A.I. Lexicology of the English language. Moscow, 1956. 448 p.
5. Ufimtseva A.A. Word in the lexical-semantic system of language. Moscow, 1969. 335 p.
6. Khidekel S.S. English lexicology in excerpts and extracts. Leningrad, 1969. 428 p.
7. Abdulrahimov E.H. The ABC of the History of the English Language. Baku, 2005. 254 p.
8. Arnold I.V. The English Word. M., 1986. 256 p.
9. Antrushina G.B., Afanaseva O.V., Morozova N.N. English Lexicology. M., 2001. 276 p.
10. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge University Press. Cambridge UK, 2003. 252 p.
11. Ginsburg R.S., KJhidekel S.S., Knyazeva G.Y., Sankin A.A. A Course in Modern English Lexicology. M., 1979. 256 p.
12. Hajiyeva A. English Lexicology. Baku: Elm və təhsil, 2011. 248 p.
13. Hughes A., Trudgill P. English Accents and Dialects (3rd ed.). Routledge. London UK, 1996. 224 p.
14. Jackson H., Zé Amvela E. Words and Their Meaning. Routledge. London UK, 2000. 288 p.
15. Pyles T., Algeo J. The Origins and Development of the English Language (4th ed.). Harcourt Brace College Publishers. 1993. 536 p.
16. Simpson J., Weiner E. The Oxford English Dictionary (2nd ed.). Oxford University Press. Oxford UK, 1989. 21000 p.
17. English Words Borrowed from Spanish. Eton Institute. URL: <https://www.etoninstitute.com/blog/15-spanish-words-borrowed>
18. The Significance of the Words Borrowed into English Language URL: https://www.academia.edu/36773157/The_Significance_of_the_Words_Borrowed_Into_English_Language
19. List of English words of Arabic origin – Wikipedia URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_English_words_of_Arabic_origin
20. Loanwords in English: 60 Examples of Borrowed Words – Busuu. URL: <https://www.busuu.com/en/english/loan-words>

Информация об авторах

Ширинова И.Ф., кандидат филологических наук, доцент, Азербайджанский университет языков

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 37.016: 811.161.1

¹ Дюпина Ю.В., ¹ Дерикот Т.Е.

¹ Тюменский индустриальный университет

Особенности восприятия грамматических структур русского языка иностранцами в процессе изучения русского языка как иностранного

Аннотация: статья включает результаты исследования, полученные на основании использования как чисто лингвистических методов, так и с привлечением социологических методов, в частности, это диагностические работы по изучению грамматических особенностей и затруднений русского языка у иностранных обучающихся, и результаты опроса, проводимого с целью определения затруднений в изучении и восприятии русского языка с точки зрения самих обучающихся. Так же в статье содержатся теоретические обобщения по существующим подходам к анализируемой проблеме, представленными в научной и методической литературе российского линго-дидактического дискурса.

Мы обнаружили ряд затруднений, носящих традиционный характер и являющихся предсказуемыми и ожидаемыми, поскольку связаны с традиционными и реальными затруднениями в восприятии русской грамматики; и второстепенные, дополнительные затруднения, связанные с особенностями родного языка иностранных обучающихся. Анализ проблем, с которыми сталкиваются как педагоги, преподающие русский как иностранный, так и сами обучающиеся, показал наличие компенсаторных зон, с которыми активно работают субъекты образовательного процесса.

Выводы, к которым пришли авторы после проведения анализа диагностических работ и обобщения результатов опроса, позволили составить ряд практических рекомендаций по структурированию учебного материала и расположению его в учебном издании, что нашло отражение в издании оригинального учебного пособия.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, семантические затруднения, грамматические сложности, аспектуальность, грамматическое осознание, иностранные обучающиеся

Для цитирования: Дюпина Ю.В., Дерикот Т.Е. Особенности восприятия грамматических структур русского языка иностранцами в процессе изучения русского языка как иностранного // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 197 – 201.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Dyupina Yu.V., ¹ Derikot T.E.

¹ Industrial University of Tyumen

Peculiarities of perception of grammatical structures of the Russian language by foreigners in the process of studying Russian as a foreign language

Abstract: the article includes the results of the research obtained on the basis of using both purely linguistic methods and sociological methods, in particular, these are diagnostic works on the study of grammatical features and difficulties of the Russian language among foreign students, and the results of a survey conducted to determine the difficulties in learning and perceiving the Russian language from the point of view of the students themselves. The article

also contains theoretical generalizations on existing approaches to the analyzed problem, presented in the scientific and methodological literature of the Russian linguo-didactic discourse.

We found a number of difficulties of a traditional nature and are predictable and expected, since they are associated with traditional and real difficulties in perceiving Russian grammar; and secondary, additional difficulties associated with the peculiarities of the native language of foreign students. The analysis of the problems faced by both teachers teaching Russian as a foreign language and the students themselves showed the presence of compensatory zones, with which the subjects of the educational process are actively working.

The conclusions reached by the authors after analyzing the diagnostic work and summarizing the survey results allowed them to compile a number of practical recommendations for structuring the educational material and its arrangement in the educational publication, which was reflected in the publication of the original teaching aid.

Keywords: Russian as a foreign language, semantic difficulties, grammatical complexities, aspectuality, grammatical awareness, foreign students

For citation: Dyupina Yu.V., Derikot T.E. Peculiarities of perception of grammatical structures of the Russian language by foreigners in the process of studying Russian as a foreign language. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 197 – 201.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Русский язык считается одним из наиболее сложных для изучения иностранными гражданами, даже для представителей ближнего зарубежья [1]. Это обусловлено наличием сложной системы склонения существительных и прилагательных, предложно-падежных конструкций [5] и других особенностей языковой системы, которые могут вызывать трудности для освоения иностранцами. При этом, невозможно овладеть русским языком, не изучив эти особенности, ведь только свободное ими владение и может свидетельствовать о владении русским литературным языком.

Особенно актуально вопрос изучения основ грамматики стоит для иностранных граждан, только начинающих изучать русский язык, т.е. для тех, чей уровень владения языком А1-А2.

Даже после получения сертификационного документа, т.е. после того как начальный этап в освоении языка пройден, иностранные студенты сталкиваются с рядом сложностей, о чем свидетельствуют результаты опросов. В частности, опрос обучающихся первого курса бакалавриата и магистратуры Тюменского индустриального университета показал, что велика заинтересованность в изучении русского как иностранного и такая возможность предоставляется в рамках иностранного языка, поскольку у иностранных обучающихся, как правило, высокий уровень владения английским, французскими языками. Именно этот факт и обуславливает возможность по заявлению в качестве иностранного языка продолжать изучать русский язык, в частности, русскую грамматику и стилистику.

Обучающиеся отмечают трудности в освоении сложных синтаксических конструкций, характерных для научной стилистики, при хорошем усвоении лексического языкового слоя, что является ожидаемым, т.к. активный лексический запас формируется быстро.

Пик интереса к проблематике, связанной с изучением и освоением грамматики русского языка иностранными обучающимися в современном научном российском лингводидактическом дискурсе пришелся на конец 1990-ых и начало 2000-ых годов [6, 10], что обусловлено раскрытием границ России и активной позицией государства на рынке образовательных услуг и продвижении русского мира, что и находит отражение в работах ряда авторов [6-9].

Материалы и методы исследований

Для иностранных обучающихся важно структурировать учебный материал, т.е. представлять материал в виде таблиц, схем, алгоритмов для преобразования теоретического материала для облегчения его восприятия. Поскольку таблица позволяет в сжатом виде увидеть большой информационный объем, что обеспечивает более эффективное усвоение материала, то практически всю грамматику можно представить в виде схем и таблиц. При этом, огромное значение играет фактор доведения до автоматизма навыка, поэтому практические упражнения различного типа (задания за понимание, заполнение семантических пропусков, сочетание лексем и морфем, составление самостоятельных словосочетаний и предложений, работа с текстами по их смысловой наполненности – все это становится неотъемлемой частью процесса изучения рус-

ской грамматики. При этом, формируется индивидуализированный взгляд, «вписание» в личный контекст, новой русской грамматики.

Существенным для восприятия и структуризации грамматического материала является соблюдение концентрического принципа, спиралевидное усложнение материала, который изучается.

Итак, нами были изучены письменные работы обучающихся и проведен опрос среди обучающихся первого курса бакалавриата и магистратуры с целью определения, что же вызывает наибольшие трудности в восприятии грамматики русского языка, и в целом, в изучении русского языка.

Мы исходили из того, что: для русского языка характерно наличие развернутой падежной системы, так это шесть падежей, что может вызывать затруднения в выборе нужной падежной формы.

И действительно это затруднение выбрано в качестве существенного, ведь для многих языков характерно наличие только нескольких падежей, или отсутствие такого языкового явления.

Во-вторых, это сложности в склонении и спряжении, что выражалось в неточном сочетании по роду, числу и падежу. Особенно это было характерно для употребления прилагательных и местоимений.

Выражение видовременных форм глагола и смысловых структур в предложении с этим связанными. Эта языковая особенность зависит от того, что в русском языке используется совершенный и несовершенный вид глагола помимо временных форм, чтобы выразить процессуальность или результативность, когда в большинстве романских языков для этого задействованы группы времен.

Еще одна отправная точка – система ударения в русском языке. Действительно для студентов, чей родной язык имеет фиксированное ударение, акцентологическая система русского языка вызывает затруднения, т.к. требуем запоминания большого объема лексики.

Большие затруднения вызывает у иностранных студентов порядок слов в предложении, ведь во многих романских языках существует правило фиксированного порядка слов в предложении.

Практически каждое из утверждений, выдвинутых нами по предполагаемым затруднениям, нашло подтверждение в результатах опроса и в диагностических работах.

Результаты и обсуждения

Итак, мы исходили из того, что грамматика русского языка в процессе изучения может вызывать затруднения у обучающихся иностранцев, и это связано с особенностями грамматического строения, о которых мы уже упоминали ранее. Освоение русского языка успешным может быть не только при изучении только грамматических особенностей, но и при задействовании коммуникативной практики [2], и ориентации на гибкие навыки обучающихся, обеспечивающих, как правило, ресурс для активации когнитивных процессов [3].

Мы нашли подтверждение того, что:

Во-первых, грамматика русского языка – это сложная система падежей с различными окончаниями для существительных, прилагательных, местоимений. Иностранцы привыкли к тому, что в их родном языке меньшее количество падежей или даже нулевой падеж. Все это создает недопонимание при использовании падежей для выражения грамматических отношений в предложении, например, кто совершает действие (именительный), к кому направлено действие (винительный), чем совершается действие (творительный), и т.д. Таким образом, создается путаница по субъекту и объекту действия и по реализации самого действия.

Во-вторых, это нюансы употребления падежей, например, родительного падежа. Наиболее часто мы сталкиваемся с ситуацией, когда нужно определиться с родом и падежом, а также согласовать их у прилагательных, местоимений и глаголов прошедшего времени. Ведь иностранным обучающимся очень сложно выделить четкую логику в определении рода по форме слова, иногда нужно просто запоминать.

В-третьих, большие затруднения связаны с выбором вида глагола, поскольку необходимо производить выбор между видами глагола при описании действия (законченность/незаконченность, однократность / повторяемость), а различия между видами не всегда интуитивно понятны, и их использование зависит от контекста.

В-четвертых, большие затруднения связаны с глагольным управлением, ведь различные глаголы требуют разных падежей для дополнения, поэтому существует необходимость запоминать, какой падеж использовать после конкретного глагола.

Отдельная проблема – адекватный выбор предлога, поскольку в русском языке широкое разнообразие предлогов и они по-разному сочетаются с разными падежами. Так, например, один и тот же предлог может использоваться с разными падежами в зависимости от контекста и значения.

Специфическая проблема, характерная не для всех обучающихся, это аспектуальность, т.е. использование глагольных приставок для изменения значения с аспектуальной целью.

Выводы

На основании выявленных проблем нами были разработаны ориентиры для представления грамматического материала иностранным обучающимся, что нашло выражение в разработке учебного пособия, одним из авторов которого является автор данной статьи. Речь идет об учебном пособии «Грамматика русского языка: учебное пособие по русскому языку для иностранцев» (авторы – Дюпина Ю.В., Стебунова Е.И.) [4].

Итак, рекомендуется постепенное введение дидактического материала (начиная с простых конструкций и постепенно переходя к более сложным); учебное пособие не должно быть перегружено, оно должно быть рассчитано на введение новой информации не на одном занятии, а на серии уроков, при этом каждый урок должен иметь смысловую законченность; ясная и структурированная подача (использование наглядных таблиц, схем и диаграмм); грамматические правила необходимо представлять четко и последовательно и использовать большое разнообразие примером из разных сфер, показывающих, как правило работает на практике; примеры должны быть простыми, понятными и релевантными; по возможности необходимо включать аналогии, используя сравнение с родным языком или сравнение грамматических явлений русского языка с аналогичными или отличающимися языками.

Список источников

1. Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного: коллективная монография. М.: Спутник+, 2016. 715 с.
2. Аквазба Е.О. Формирование и развитие гибких навыков обучающихся в условиях образовательной организации // Обзор педагогических исследований. Т. 6. № 7. С. 273 – 278.
3. Аквазба Е.О., Медведев П.С., Шакирова Т.В. Эффективные коммуникации: учебник. Тюмень: ТИУ, 2024. 162 с.
4. Дюпина Ю.В., Стебунова Е.И. Грамматика русского языка: учебное пособие по русскому языку для иностранцев. Тюмень: ТИУ, 2024. 88 с.
5. Занин В.Ф. Просто грамматика // Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного. М., 2005. С. 261 – 335.
6. Карапетян Н.Г., Пугачев И.А. Обучение основам методики преподавания русского языка как иностранного студентов-нефилологов: учебные материалы по основным темам спецкурса. Урок русского языка как иностранного. Подготовка к педагогической практике. М.: РУДН, 2014.
7. Коток А.А., Мухтина Е.А. Проблемные зоны русской грамматики в аспекте преподавания русского языка как иностранного: русское причастие // Вестник Череповетского государственного университета. 2019. № 5. С. 135 – 145.
8. Практикум по методике преподавания русского языка как иностранного: методические рекомендации и задания / сост. Н.В. Боронникова. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. 55 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/boronnikovapraktikum-po-metodike-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo.pdf>
9. Пугачев И.А., Карапетян Н.Г. Обучение основам методики преподавания русского языка как иностранного студентов-нефилологов: учебное пособие. М.: РУДН, 2018. 151 с.
10. Л.А. Золотарева. Функциональное описание грамматики русского языка как иностранного. Морфология: учебно-методическое пособие. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 77 с.

References

1. Actual problems of teaching Russian as a foreign language: collective monograph. Moscow: Sputnik+, 2016. 715 p.
2. Akvazba E.O. Formation and development of flexible skills of students in the context of an educational organization. Review of pedagogical research. Vol. 6. No. 7. P. 273 – 278.
3. Akvazba E.O., Medvedev P.S., Shakirova T.V. Effective communications: textbook. Tyumen: TIU, 2024. 162 p.
4. Dyupina Yu.V., Stebunova E.I. Grammar of the Russian language: a textbook on the Russian language for foreigners. Tyumen: TIU, 2024. 88 p.
5. Zanin V.F. Just grammar. Living methodology for a teacher of Russian as a foreign language. Moscow, 2005. P. 261 – 335.
6. Karapetyan N.G., Pugachev I.A. Teaching the basics of methods of teaching Russian as a foreign language to non-philology students: teaching materials on the main topics of the special course. A lesson of Russian as a foreign language. Preparation for pedagogical practice. Moscow: RUDN, 2014.

7. Kotok A.A., Mukhtina E.A. Problem areas of Russian grammar in the aspect of teaching Russian as a foreign language: Russian participle. Bulletin of Cherepovets State University. 2019. No. 5. P. 135 – 145.

8. Workshop on methods of teaching Russian as a foreign language: methodological recommendations and assignments. Compiled by N.V. Boronnikova. Perm: Perm. state. nat. issled. un-t, 2019. 55 p. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/boronnikovapraktikum-po-metodike-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo.pdf>

9. Pugachev I.A., Karapetyan N.G. Teaching the Basics of Methodology for Teaching Russian as a Foreign Language to Non-Philology Students: A Tutorial. Moscow: RUDN, 2018. 151 p.

10. L.A. Zolotareva. Functional Description of the Grammar of Russian as a Foreign Language. Morphology: A Tutorial. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2017. 77 p.

Информация об авторах

Дюпина Ю.В., доцент, кафедра межкультурной коммуникации, Тюменский индустриальный университет, djupinajv@tyuiu.ru

Дерикот Т.Е., доцент, кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, derikotte@tyuiu.ru

© Дюпина Ю.В., Дерикот Т.Е., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.11

¹ Крыгин Р.В.

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Крымские реалии в трактате Ш.К. Де Пейсонеля «Die Verfassung des Handels auf dem schwarzen Meere» (в переводе В. Гунна)

Аннотация: в travelogue французского путешественника Шарля Клода де Пейсонеля «Observations sur le commerce de la Mer Noire», в частности в его немецком переводе («Die Verfassung des Handels auf dem Schwarzen Meere»), выполненным немецким переводчиком В. Гунном, крымские реалии представлены через призму торговли, культуры и социально-экономических отношений того времени. Крым, будучи стратегической точкой на пересечении торговых путей, служил не только ареной экономических обменов, но и центром культурного взаимодействия. Пейсонель описывает портовые города, такие как Керчь и Симферополь, как важные узлы в системе черноморской торговли, что позволяет глубже понять их роль в торговом обороте региона. Термин «крымская реальия» в исследовании обозначает не только географические элементы, но и уникальные аспекты жизни крымских татар, включая их традиции, обычаи и хозяйственные практики. Анализируя тексты Пейсонеля, мы можем выделить ряд ключевых реалий, таких как способы ведения сельского хозяйства, ремесленные производства и особенности торговли с европейскими странами. Количественная оценка выявленных реалий позволяет создать более полное представление о крымской экономике и культуре XVIII века. Например, статистика по объемам торговли различными товарами подчеркивает многообразие и развитость крымских производств, в том числе зерна и вина, что действительно было значимым для экономического благополучия региона в преддверии его интеграции в Российскую империю. В статье исследуются крымские реалии XVIII века, присущие Крымскому полуострову того времени, а также взгляд немецкоязычного переводчика.

Ключевые слова: Крым, реальия, трактат, крымская реальия

Для цитирования: Крыгин Р.В. Крымские реалии в трактате Ш.К. Де Пейсонеля «Die Verfassung des Handels auf dem schwarzen Meere» (в переводе В. Гунна) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 202 – 209.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Krygin R.V.

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Crimean realities in the treatise of C.C. de Peyssonel "Die Verfassung des Handels auf dem schwarzen Meere" (translated by W. Gunn)

Abstract: in the travelogue by the French traveler Charles Claude de Peyssonel "Observations sur le commerce de la Mer Noire", in particular in its German translation ("Die Verfassung des Handels auf dem Schwarzen Meere"), performed by the German translator W. Gunn, the Crimean realities are presented through the prism of trade, culture and socio-economic the relationship of that time. Crimea, being a strategic point at the intersection

of trade routes, served not only as an arena of economic exchanges, but also as a center of cultural interaction. Peyssonel describes port cities such as Kerch and Simferopol as important hubs in the Black Sea trade system, which allows for a deeper understanding of their role in the region's trade turnover. The term "Crimean reality" in the study refers not only to geographical elements, but also to unique aspects of the life of the Crimean Tatars, including their traditions, customs and economic practices. Analyzing Peyssonel's texts, we can identify a number of key realities, such as the ways of farming, handicrafts, and the specifics of trade with European countries. A quantitative assessment of the revealed realities allows us to create a more complete picture of the Crimean economy and culture of the 18th century. For example, statistics on the volume of trade in various goods emphasize the diversity and development of Crimean industries, including grain and wine, which was really significant for the economic well-being of the region on the eve of its integration into the Russian Empire. The article explores the Crimean realities of the 18th century, inherent in the Crimean semi-island of that time, as well as the view of a German-speaking translator.

Keywords: *Crimea, reality, treatise, Crimean reality*

For citation: Krygin R.V. Crimean realities in the treatise of C.C. de Peyssonel "Die Verfassung des Handels auf dem schwarzen Meere" (translated by W. Gunn). *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 202 – 209.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Крымский полуостров всегда являлся местом, где сосуществуют различные культуры, народы, этносы. Крым середины XVIII века вызывает особый интерес, что обусловлено недостатком знаний о данном времени. Особый интерес вызывает взгляд иностранца на полуостров массовой заинтересованности Европейцев, которая произошла уже после присоединения Крыма к Российской Империи в 1783 году, а также взгляд с перспективы немецкоязычного переводчика [15]. Теоретической основой послужили работы Бекасова А.В., Влахова С., Тайави М.Т., Долгополовой Л.А., Кавуна М.Э., Кретова А.А., Храпунова Н.И.

Материалы и методы исследований

Материалом к статье послужил травелог Шарля де Пейсонеля, переведенный на немецкий язык – «Die Verfassung des Handels auf dem schwarzen Meere». Методами исследования являются. Теоретической базой для анализа термина реалий послужили в первую очередь работы отечественных филологов – Алексеевой М.Л., Кретова А.А., Бахрударова Л.С. и др. Практическая часть исследования базируется на путевых записках (трактате) Ш.К. де Пейсонеля, полученная нами в библиотеке «Таврика» им. А.Х. Стевена в городе Симферополь.

Объектом исследования являются реалии, связанные с Крымским полуостровом, рассмотрение семантики которых способствует изучению культурно-временной специфики Крыма образца XVIII века. Предметом исследования являются семантические и лингвокультурные особенности крымских реалий. Цель исследования – выявить, структурировать и трактовать крымские реалии, упомянутые в труде Ш.К. де Пейсонеля «Observations sur le commerce de la Mer Noire» в его немецкоязычном переводе «Die Verfassung des Handels auf dem Schwarzen Meere», выполненным Вильямом Гунном.

Актуальность статьи обуславливается недостаточной исследовательностью термина «крымская реалья». Стоит также подчеркнуть метапредметность исследования, выраженную в ретроспективном взгляде на ЛЕ (реалии), упомянутые в исследуемом труде.

Результаты и обсуждения

Шарль (Клод-Шарль) де Пейсонель (1727–1790 гг.) родился на юге Франции (в. Марсели) в семье дипломата и археолога Шарля де Пейсонеля (1700–1757 гг.). Известно, что в начале 1730-х годов отец автора посетил берега Малой Азии, где провел археологические раскопки некоторых древнегреческих городов. За значительные дипломатические достижения при подписании Белградского мирного соглашения (1739 г.) король Людовик XV назначил ему персональную пенсию и присвоил графский титул. Пока можно сказать, что по крайней мере с середины или конца 1730-х годов по 1745 включительно Ш. де Пейсонель работал в Константинополе, а в 1747 году был назначен консулом Франции в Смирне (современном Измире, Турция), куда уехал вместе со своим сыном, о котором идет речь дальше [3].

Шарль де Пейсонель-младший, продолжил семейную традицию и также выбрал для себя дипломатическую карьеру. Поначалу он становится посланником в Смирне, после чего направляется в Константинополь, а в 1754 году – откомандирован в Крым в качестве консула французского короля при дворе крымского хана.

В Крыму автор находится как минимум до конца 1758 года, после чего становится консулом Франции в Кандии (на острове Крит, в 1760-1763 гг.) и снова в Смирне (до 1778 г. или, по некоторым источникам, даже до 1783 г.). Окончив службу в министерстве иностранных дел Франции, Пейсонель переезжает в Париж, где всю оставшуюся жизнь занимался редакцией и публикацией многочисленных очерков и дневников, сделавших за годы своего длительного пребывания на Востоке [12].

Трактат на французском языке (*Observations sur le commerce de la Mer Noire*) издается в 1787 году, а в переводе на немецкий язык (*Die Verfassung des Handels auf dem schwarzen Meere*) труд издается в 1788. Трактат был переведен Вильгельмом Гуном, который в предисловии к своему труду кратко перечисляет события, предшествующие присоединению Крымского полуострова к Российской империи. Мы можем рассуждать об явном желании автора донести историю, а также экономическое состояние Крыма для немецкоязычного читателя [11]. Несмотря на то, что сам автор позиционирует свою работу как «трактат» (*Verfassung*), мы можем рассматривать ее также и в качестве путевых записок (травелога), так как автор находится в ранее неизвестном ему лингвокультурном пространстве [17].

Рассмотрим более детально понятие «реалия». Впервые термин употребляется Л.Н. Соболевым в 1955 году в статье «О переводе образа образом», где данные лексические единицы представлены им как «те слова из национального быта, которых нет на других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах» [14]. Чуть более краткую дефиницию предоставляет и Л.С. Бархударов: «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [2]. Одной из функций слов-реалий является создания соответствующего исторического и культурного колорита [4].

Помимо вышеперечисленных ученых понятие «реалии» освещалось и в трудах других ученых: А.Д. Швейцера [18], В.Н. Комиссарова [9], Л.Л. Нелюбина [11], А.Ф. Ширяева [19], Б.И. Репина [13].

Некоторые авторы дают реалиям приблизительные, неполные определения, отмечая лишь те или иные признаки, освещая ту или иную сторону этого понятия [10].

Говоря о «крымской реалии», стоит подчеркнуть, что она так или иначе «пересекается» с Крымским полуостровом. Так, к «крымским реалиям» мы можем отнести, например, названия городов, сел, рек. Также в данную категорию можно отнести и названия титулов, фамилий, если речь об их исключительной связи с Крымским полуостровом [7].

Рис. 1. Крымская реалия.
Fig.1. Crimean realia.

Расширим определение «реалии» Бархударова и соотнесем ее Крымским полуостровом. Как видно из рисунка 1 «крымская реалия» это та реалия, которая так или иначе пересекается с Крымом [1].

В предисловии автор задается вопросом: «Was hat Russland durch den Besitz der Krimm gewonnen» (Чем обогатилась Россия после присоединения Крыма). Обусловлено это тем, что информация собиралась еще во время дороссийского периода Крыма, однако само написание труда происходит уже после присоединения Крыма к Российской Империи. Акцент в труде ставится прежде всего на импорт, экспорт Крымского полуострова, а также на политическое устройство [20].

Тематическую классификацию слов-реалий описывает В.С. Виноградов. Это бытовые реалии, этнографические и мифологические [16], реалии природного мира, реалии государственного строя и общественной жизни, ономастические реалии-антропонимы, ассоциативные реалии [5].

Опираясь на труд ученого, мы сможем классифицировать слова-реалии, встречающихся в анализируемом трактате [6] (таблицы 1-10).

Таблица 1

Ономастические реалии-антропонимы.

Table 1

Onomastic realities-anthroponyms.

№	Слово-реалия	Пояснение
1	Dewlet Guerei Chan / Großsultan Dewlet Guerei Chan	Крымский хан, правивший в 1551-1557 годах
2	Uslan Guerei Chan	Крымский хан из династии Гераев
3	Menghly Guerei Chan	Крымский хан из династии Гераев
4	Hadschi Selim Guerei Chan	Крымский хан, первый совершивший паломничество в Мекку (Wahlfahrt nach Mecca)
5	Handschi Guerei Chan I	Основатель независимого Крымского ханства и династии Гераев
6	Guerei	Династия ханов, правившая Крымским государством с начала XV века
7	Chirin	Один из четырех знатнейших родов Крымского ханства

Всего – 13%. Реалия «Dewlet Guerei Chan» выражена в двух номинациях: 1) Dewlet Guerei Chan и 2) Großsultan Dewlet Guerei Chan [6, 20]. Путешественник подчеркивает значимость персоналии, добавляя прилагательное Groß (великий) [8].

Таблица 2

Титулы.

Table 2

Titles.

№	Слово-реалия	Пояснение
1	Olou Khani	Почетный женский титул, титул матери Хана
2	Mursa	Аристократический титул
3	Nouradin	Титул третьего по значимости лица в иерархии Крымского ханства.
4	Kaimakan	Глава администрации уезда
5	Dekterdar	Скорее всего имелось ввиду «Дефтердар». Данная реалия обозначает «министра финансов в Крымском ханстве».
6	Kadi / Richter	судья-чиновник
7	Kazi-usker	Глава судейского корпуса
8	Kasnadar	Высокопоставленное лицо судейской системы
9	Moufti	Высшее духовное лицо
10	Koular-Agaffi	Начальник корпуса гулямов (воинов)
11	Kislar Ugas	Охранник гарема султанов
12	Ulema / Rechtsgerechte	Собирательное название почитаемых знатоков ислама
13	Derwisch	Мусульманский аскет
14	Kadilis / Generalität	Судебный округ
15	Bey	Тюркский дворянский титул, использовавшийся в том числе и на территории Крыма

Всего – 27%. Как видно из таблицы, некоторые из слов-реалий выражены в труде в двух номинациях (во втором случае – это адаптация для немецкоязычного читателя). В первичной номинации – Kadi [20, 21], во вторичной – Richter (судья). В первичной номинации – Ulema, во вторичной (адаптированной) – Rechtsgerechte. В первичной номинации – Kadilis, во вторичной (адаптированной) – Generalität [8, 10].

Расширить классификацию слов-реалий В.С. Виноградова можно и географическими реалиями (таблица 3).

Таблица 3

Географические слова-реалии.

Table 3

Geographical words-realities.

№	Слово-реалия	Пояснение
1	Kaffa / alte Theodosia	Город Феодосия
2	Kertsch	Керчь
3	Bachtschiseray	Бахчисарай
4	Ghöslewe	Евпатория
5	Baliklava	Балаклава
6	Taurische Chrsonesus	Херсонес Таврический

Всего – 11%. В первичной номинации город Керчь – Kaffa, во вторичной – alte Theodosia [20, 21].

Таблица 4

Названия крепостей.

Table 4

Names of fortresses.

№	Слово-реалия	Пояснение
1	Orkapi	Перекопская крепость
2	Jenikale	Крепость Еникале
3	Mangoup	Крепость Мангуп
4	Avlita Hafen	Порт в Севастополе

Всего – 7%.

Таблица 5

Гидронимы.

Table 5

Hydronyms.

№	Слово-реалия	Пояснение
1	Indal	Река в северо-восточном Крыму
2	Sarisou	Река в Крыму, левый приток Биюк-Карасу
3	Salghir	Самая длинная река Крыма
4	Katschi	Река Кача
5	Kabarta	Ныне – Бельбек – река на юго-западе Крыма
6	Alma	Река в Крыму на северо-западном склоне Главной гряды Крымских гор

Всего – 11%.

Таблица 6

Быт.

Table 6

Gen.

№	Слово-реалия	Пояснение
1	Aoul	Традиционное поселение сельского типа
2	Ehrenrache	Обычай, требующий обязательного возмездия за убийство человека

Всего – 4%.

Таблица 7

Народы.

Table 7

Peoples.

№	Слово-реалия	Пояснение
1	Karaiten	Караимы (один из коренных народов Крыма)
2	Genuesser	Генуэзцы – народ, проживавший в Крыму со второй половины XXIII века.

Всего – 4%. Отдельно выделим название Крымского полуострова, упомянутого в труде.

Таблица 8

Названия Крыма / Крымского полуострова.

Table 8

Names of Crimea / Crimean Peninsula.

№	Слово-реалия	Пояснение
1	Halbinsel der Krimm	Полуостров Крым

Всего – 2%. Автор анализируемого труда был в первую очередь заинтересован в описании экономических особенностей Крыма, поэтому также мы встречаем упоминания товаров и материалов актуальных на период XVIII века.

Таблица 9

Товары / материалы.

Table 9

Goods / materials.

№	Слово-реалия	Пояснение
1	Undi-Japendis	Накидка из шерсти
2	Telatin	Кожа
3	Alba Tututn, Kameli Tutun, Dizi Tutun (3)	Названия табака
4	Tscherbeti	Покрытие у женщин
5	Safian Leder	Сафьян

Всего – 9%.

Таблица 10

Фауна.

Table 10

Fauna.

№	Слово-реалия	Пояснение
1	Gudjugen	Птица
2	Lifti	Черная лиса
3	Babak	Пес
4	Stumri	Рыба
5	Tikli	Песец
6	Teftik / Kamelhaar	Шерсть верблюда

Всего – 12%. Общее количество реалий – 56.

Выводы

Подводя итог следует отметить, что, хотя и труд Пейсонеля был посвящен, в основном, торговле (импорту, экспорту) Крыма, мы также наблюдаем большое количество тех реалий, которые так или иначе связаны с культурой народов, проживавших на территории Крыма, а также топонимы, гидронимы, различные упоминания персоналий, титулы и рода. Автор упоминает большое количество персоналий (как знатные семьи, так и отдельные личности), а также титулы, актуальные для Крыма начала XVIII века. Наиболее обширную группу заняли наименования титулов (27%), географические реалии (29%), а также ономастические реалии антропонимы (13%).

Список источников

1. Алексеева М.Л. Реалии как вербальное выражение специфических черт национальных культур // Антиномии: Научный ежегодник Института философии и права. 2007. Вып. 7. С. 338 – 345.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: ИМО, 1975. 240 с.
3. Бекасова А.В. Изучение Российской империи экспедициями 1760-1780-х гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 34 – 56.
4. Бондарева Л.М. Прагматически функции слов-реалий в ретроспективном дискурсе. Калининград: Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014. № 2. С. 15 – 21.
5. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
6. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.

7. Долгополова Л.А. Крымская топонимика: особенности именования и переименования крымских поселений // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2002. № 29. С. 72 – 75.
8. Кавун М.Э. «Путешественные записки» в контексте культурной географии Северного Причерноморья эпохи Просвещения. Днепропетровск: Герда, 2011. 393 с.
9. Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. М.: Изд-во лит. на иностр.яз., 1960. 175 с.
10. Кретов А.А., Фененко Н.А. Лингвистическая теория реалий // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2013. № 1. С. 7 – 13.
11. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
12. Пейсонель М. Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 годах // В изложении Е.Д. Фелицина. Краснодар, 1927. С. 35.
13. Репин Б.И. Национально-специфические слова-реалии как особая часть лексики в переводимом произведении // Теоретические и практические вопросы преподавания иностранных языков. М.: Наука, 1970. С. 87 – 98.
14. Соболев Л.Н. О переводе образа образом // Вопросы художественного перевода. М., 1955. 290 с.
15. Тайави М.Т. Лингвокультурные реалии во французских туристических путеводителях: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. Воронеж, 2017. 222 с.
16. Фененко Н.А. К проблеме лингвистической типологии реалий. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2017. С. 10 – 15.
17. Храпунов Н.И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России. 1783-1825. Севастополь: Альбатрос, 2017. 352 с.
18. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М: Воениздат, 2004. 278 с.
19. Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
20. Die Verfassung des Handels auf dem schwarzen Meere. Aus dem Französischen des Herrn von Peyssonnel. Mit Anmerkungen übersetzt von Wilhelm Guhn. Leipzig: in der Weygandischen Buchhandlung, 1788. 460 p.

References

1. Alekseeva M.L. Realities as a verbal expression of specific features of national cultures. *Antinomies: Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law*. 2007. Iss. 7. P. 338 – 345.
2. Barkhudarov L.S. *Language and translation. Questions of general and specific theory of translation*. Moscow: ИМО, 1975. 240 p.
3. Bekasova A.V. Study of the Russian Empire by expeditions of the 1760-1780s: the “view” of naturalists and the formation of ideas about state wealth. *Historical and biological studies*. 2010. Vol. 2. No. 4. P. 34 – 56.
4. Bondareva L.M. Pragmatic functions of words-realities in retrospective discourse. *Kaliningrad: Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University*, 2014. No. 2. P. 15 – 21.
5. Vinogradov V.S. *Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues)*. Moscow: Publishing House of the Institute of General Secondary Education, Russian Academy of Education, 2001. 224 p.
6. Vlahov S., Florin S. *The Untranslatable in Translation*. Moscow: International Relations, 1980. 343 p.
7. Dolgopolova L.A. *Crimean Toponymy: Features of Naming and Renaming of Crimean Settlements. The Culture of the Peoples of the Black Sea Region*. *Scientific Journal. Simferopol: Interuniversity Center “Crimea”*, 2002. No. 29. P. 72 – 75.
8. Kavun M.E. "Travel Notes" in the Context of the Cultural Geography of the Northern Black Sea Region in the Age of Enlightenment. *Dnepropetrovsk: Gerda*, 2011. 393 p.
9. Komissarov V.N., Retsker Ya.I., Tarkhov V.I. *Handbook of Translation from English into Russian*. Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1960. 175 p.
10. Kretov A.A., Fenenko N.A. Linguistic Theory of Realities. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. Voronezh, 2013. No. 1. P. 7 – 13.
11. Nelyubin L.L. *Explanatory Dictionary of Translation*. Moscow: Flinta: Science, 2003. 320 p.
12. Peysonel M. Research of trade on the Circassian-Abkhazian coast of the Black Sea in 1750-1762. As presented by E.D. Felitsin. *Krasnodar*, 1927. 35 p.
13. Repin B.I. Nationally specific words-realia as a special part of the vocabulary in the translated work. *Theoretical and practical issues of teaching foreign languages*. Moscow: Nauka, 1970. P. 87 – 98.
14. Sobolev L.N. On the translation of an image by an image. *Issues of artistic translation*. Moscow, 1955. 290 p.

15. Taiavi M.T. Linguocultural realities in French tourist guides: dis. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.6. Voronezh, 2017. 222 p.
16. Fenenko N.A. On the Problem of Linguistic Typology of Realities. Voronezh: Voronezh State University, 2017. P. 10 – 15.
17. Khrapunov N.I. “A Place Rich in Memories and Illusions”: Images of Taurida in the Works of Travelers. Problems of Integration of Crimea into Russia. 1783-1825. Sevastopol: Albatross, 2017. 352 p.
18. Schweitzer A.D. Translation and Linguistics. Moscow: Voenizdat, 2004. 278 p.
19. Shiryaev A.F. Simultaneous Translation: Activities of a Simultaneous Interpreter and Methods of Teaching Simultaneous Translation. M.: Voenizdat, 1979. 183 p.
20. Die Verfassung des Handels auf den schwarzen Meeren. Aus dem Französischen des Herrn von Peysonnel. Mit Anmerkungen übersetzt von Wilhelm Guhn. Leipzig: in der Weygandischen Buchhandlung, 1788. 460 p.

Информация об авторах

Крыгин Р.В., преподаватель, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», roma_krygin@vk.com

© Крыгин Р.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 394.26(571.56):39.5+398

¹ Ма Цзюнь

¹ Даляньский университет иностранных языков

Сравнительное исследование переводческих стратегий двух русских переводов «Лунь Юй» с точки зрения толкования

Аннотация: толкование – это очень важная когнитивная модальность, предложенная Лангакером в когнитивной грамматике, которая может быть использована для объяснения конкретных ситуаций, в которых люди развивают субъективность в процессе познания мира и языкового выражения. Однако толкование также является важным способом воплощенного познания. На основе теории когнитивного толкования в тексте анализируется когнитивный процесс двух переводчиков в процессе перевода «Лунь Юй» с точки зрения четырех измерений: юрисдикции, заметности, детализации и изобилия, угла зрения, а также проводится сравнительный анализ переводческих стратегий с целью предоставления рекомендаций для будущего повторного перевода древних книг.

Ключевые слова: Лунь Юй», русский перевод, когнитивное толкование, когнитивные процессы, стратегии перевода

Для цитирования: Ма Цзюнь. Сравнительное исследование переводческих стратегий двух русских переводов «Лунь Юй» с точки зрения толкования // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 210 – 215.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Ma Jun

¹ Dalian University of Foreign Studies

A comparative study of translation strategies of two Russian translations of Lun Yu from the point of view of interpretation

Abstract: construal theory is a very important cognitive modality proposed by Langacker in Cognitive Grammar, which can be used to explain specific situations in which people develop subjectivity in the process of knowing the world and linguistic expression. However, interpretation is also an important way of embodied cognition. Based on the theory of cognitive interpretation in text, the cognitive process of two translators in the process of translating “Lun Yu” is analyzed in terms of four dimensions: jurisdiction, saliency, detail and abundance, and angle of view, and a comparative analysis of translation strategies is conducted to provide recommendations for future re-translation of ancient books.

Keywords: The Analects of Confucius; Russian versions; cognitive interpretation; cognitive processes; translation strategies

For citation: Ma Jun. A comparative study of translation strategies of two Russian translations of Lun Yu from the point of view of interpretation. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 210 – 215.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Традиционная точка зрения в лингвистике заключается в том, что отображение внешнего мира в язык является прямым, когда компоненты внешнего мира один за другим переносятся на языковые формы. Когнитивные лингвисты, напротив, считают, что значение языкового выражения состоит из двух аспектов: во-первых, концептуального содержания [7, 8, 10], а во-вторых, когнитивного способа построения этого концептуального содержания. Например, разные люди склонны воспринимать мир в разных измерениях, основываясь на собственном опыте и знаниях, что в когнитивном известно, как “Толкование”.

Толкование – важная концепция когнитивной лингвистики, предложенная Лангакером, которая позволяет выявить разнообразие и изменчивость человеческого понимания [3, с. 414]. По его словам, «не существует прямой связи между языком и ситуацией, как не существует и соответствия „один к одному между связью ситуации и языка. Значение выражения заключается не только в концептуальном содержании, которое оно вызывает, но и в том, как это содержание интерпретируется» [4]. В рамках традиционных семантических ценностей каждая структура каким-то образом представляет собой содержание, поэтому трудно устоять перед соблазном визуальных метафор. Визуальные метафоры сравнивают содержание со сценой, а интерпретацию – с определенным способом взгляда на нее. Однако когнитивная грамматика не утверждает, что все значения имеют пространственную или визуальную основу, но визуальные метафоры предлагают способ категоризации многих аспектов интерпретации [5]. Когда мы наблюдаем за сценой, то, что мы видим, зависит от того, сколько мы наблюдаем, что мы выбираем для наблюдения, на каких элементах мы фокусируемся больше всего и откуда мы наблюдаем. Таким образом, Лангакер предлагает четыре механизма грамотности, включая дикции, заметности, детализации и изобилия, угла зрения, которые играют ключевую роль в организации лингвистической структуры и семантической репрезентации. При наблюдении сцены «то, что человек видит, зависит от контекста наблюдения, того, что находится в фокусе, наиболее заметных элементов и перспективы, с которой ведется наблюдение. Эти аспекты являются элементами, объясняющими структуру языка».

Как шедевр, оказавший глубокое влияние на китайскую философию и культуру, «Лунь Юй» были переведены на многие языки, такие как английский, японский, русский и т.д. [3]. С развитием времени ученые в стране и за рубежом провели множество исследований английского перевода, японского перевода и т.д., в основном сосредоточившись на традиционной теории. С развитием времени ученые в стране и за рубежом провели множество исследований по английскому и японскому переводам «Лунь Юй», в основном сосредоточившись на традиционных теоретических исследованиях, но мало исследований по русскому переводу, и только несколько исследований по феномену перевода в русском переводе «Лунь Юй» с точки зрения толкования.

Материалы и методы исследований

В данной статье мы попытаемся взять в качестве материалы русский перевод «Лунь Юй» Поповы и Переломова, проанализировать переводческие стратегии, принятые двумя переводчиками в процессе перевода, и их причины на основе теории когнитивной интерпретации, а также попытаться предложить стратегии достижения эквивалентности переводческих эффектов, чтобы стать ориентиром для будущего повторного перевода «Лунь Юй» и русского перевода древних книг.

Методы исследований данной статьи включают индуктивный, аналитический методы и метод сравнительного анализа.

Цель этой статьи – на основе теории толкования два русских перевода «Лунь Юй» анализируются на предмет различий в переводческой экспрессии и когнитивного механизма выбора переводчиками переводческих стратегий, а также предлагается оптимальная стратегия достижения когнитивной переводческой эквивалентности.

Эта статья в основном состоит из трех частей. Первая часть представляет собой теоретическую основу, а вторая часть представляет собой сравнительный анализ переводческих стратегий русского перевода «Лунь Юй» на основе четырех измерений толкования. В третьей части предлагаются стратегии перевода для достижения эквивалентности переводческого эффекта.

Толкование – важное понятие в когнитивной лингвистике, предложенное Лангакером, которое может раскрыть разнообразие и вариативность человеческого познания. Первым понятием, предложенным им, была «образность». Под «образностью» понимаются «конкретные образы, которые люди формируют в процессе восприятия и переживания внешних объектов». Таким образом, «образность» в первую очередь

обозначает конкретный образ или результат образности. Затем Лангакер заменил термин «образность» на «толкование» и определил ее как «способность людей воспринимать одну и ту же ситуацию разными способами» [4]. Это способ формирования и построения говорящими смыслового содержания языковых выражений. Говорящие могут концептуализировать ситуации в дискурсе и межъязыковом общении и выбирать соответствующие языковые структуры для выражения этой ситуации. «Если концептуальное содержание сравнивается с картиной, то когнитивная интерпретация – это конкретный способ наблюдения за этой картиной». Таким образом, толкование – это способность человека взаимодействовать с миром и соответствующим образом выражать его в языке.

По словам Лангакера, «не существует прямого соответствия между языком и контекстом, равно как и соответствия между контекстом и языком. Значение выражения заключается не только в концептуальном содержании, которое оно вызывает, но и в том, как это содержание интерпретируется». В рамках традиционных семантических ценностей каждая структура каким-то образом представляет собой содержание, поэтому трудно устоять перед соблазном визуальных метафор [6]. Визуальные метафоры сравнивают содержание со сценой, а интерпретацию – с определенным способом взглянуть на нее. Однако когнитивная грамматика не утверждает, что все значения имеют пространственную или визуальную основу, но визуальные метафоры предлагают способ категоризации многих аспектов интерпретации. Когда мы наблюдаем за сценой, то, что мы видим, зависит от того, сколько мы наблюдаем, что мы выбираем для наблюдения, на каких элементах мы фокусируемся больше всего и откуда мы наблюдаем [11]. Таким образом, Лангакер предлагает четыре механизма толкования, включая юрисдикции, заметности, детализации и изобилия, угла зрения, которые играют ключевую роль в организации языковой структуры и семантической репрезентации. При наблюдении сцены «то, что человек видит, зависит от контекста наблюдения, того, что находится в фокусе, наиболее заметных элементов и перспективы, с которой ведется наблюдение. Эти аспекты являются элементами, объясняющими структуру языка».

Результаты и обсуждения

(1) 有子曰：“礼之用，和为贵。”《论语·学而篇》。

Переломов: Юзы сказал: Использование ритуала ценно потому, что оно приводит людей к согласию [2].

Попова: Юзы сказал: в приложение церемоний (житейских правил) дорога естественная непринужденность [1].

(2) 子曰：“君子周而不比，小人比而不周”。《论语·为政篇》。

Переломов: Учитель сказал: Благородный муж ко всем относится одиноково, он не проявляет пристрастия; низкий человек проявляет пристрастие и не относится ко всем одиноково.

Попова: Философ сказал: Благородный муж заботится об общих, а не о партийных интересах, а низкий человек, наоборот, заботится о партийных интересах.

Пример (1) взят из первой главы «Лунь Юй·Сюэ Эр», которая связана с обучением. Роль обрядов заключается в достижении гармонии в человеческих отношениях, что отражается в использовании «ритуал» в Переломов в рамках темы обучения, в то время как Попова отклоняется от темы и переводится как «естественная легкость». Перевод Попова отклоняется от темы, переводя его как «естественная легкость», которая ценится в ритуалах, и не переводится в графическом/контекстуальном контексте «обучения», где в первом случае используется переводческая стратегия несходства, чтобы перевод более точно соответствовал оригинальному тексту.

Пример (2) взят из «Лунь Юй·Вэй Чжэн», темой которой является политика. Смысл этого предложения заключается в том, что господин очень заботится о единстве всего мира и не вступает в сговор, и наоборот. Попова перевод, хотя и перевел политические партии и активировал графический/контекстуальный «политика», его интерпретация сильно отличается от смысла оригинального текста со словами «заботится об общих» против «заботится об общих». «И «заботится о партийных интересах» для выражения отношения между «неделей» и «соотношением». Это отклонение от смысла оригинального текста. В переводе Переломова для выражения отношений между «周» и «比» используются «одиноково» и «пристрастия», позволяют целевому читателю произвести тот же когнитивный эффект, что и читателю оригинального текста.

(3) 子曰：“人知过也，各于其党。观过，斯知仁矣。”《论语·里仁篇》。

Переломов: Учитель сказал: [Характер] ошибок зависит от того, кем сделан. Только посмотрев на ошибки, можно узнать, обладает ли человек человеколюбием.

Попова: Философ сказал: Погрешности людей соответствуют их категориям и, наблюдая погрешности человека, можно знать, гуманен он или нет.

(4) 互乡难与言，童子见，门人惑。子曰：“与其进也，不与其退也，唯何甚。”《论语·述而篇》。

Переломов: С жителями Хусяна очень трудно было говорить о морали, и когда один тамошний отрок захотел встретиться с Учителем, ученики отнеслись к этому с предубеждением.

Учитель сказал: Я одобряю, что он очистился, и не одобряю то, что с ним было раньше. Зачем же сейчас так относиться к нему?

Попова: с жителями Ху-Сян трудно было говорить о добре и потому, когда пришел мальчик из Ху-Сян, то ученики отнеслись к нему подозрительно. Тогда Конфуций сказал: Человек пришел ко мне, очистив себя, и я допускаю, что он мог очиститься, но, конечно, не могу ручаться за его прошлое.

Пример (3) взят из главы «Лунь Юй·Ли Жэнь» - это способ Конфуция изучать людей, что это за люди, какие недостатки они совершают. Изучая недостатки человека, можно узнать, к какому типу людей он относится. Обратите внимание, что самое большое различие между переводами Переломова и Попова - это разница в механизме выделения: в первом случае неправильный путь ассоциируется с человеком и подчеркивается процесс поведения, а во втором - неправильный путь человека ассоциируется с категорией неправильного поведения и подчеркивается результат поведения. По сравнению с оригинальным текстом, выделение процесса является способом перевода, который максимально восстанавливает смысл оригинального текста, поэтому первый перевод здесь лучше отражает коннотацию оригинального текста.

Пример (4) заключается в том, что (Конфуций считал, что) трудно разговаривать с жителями той части Хусяна, но к Конфуцию пришел мальчик из Хусяна, и ученики были в недоумении. Конфуций сказал: «Я утверждаю его прогресс, а не регресс. Зачем заходить слишком далеко? Люди исправляют свои ошибки, чтобы добиться прогресса, мы же утверждаем, что он должен исправить свои ошибки, а не держаться за свое прошлое». Переломов использует первое лицо в качестве субъекта и выделяет «я», что является тем же принципом выделения, что и в оригинальном тексте, отражая терпимость и атмосферу Конфуция. Попова выделяет «мальчика», это отличается от механизма выделения в оригинальном тексте и отклоняется от смысла оригинального текста.

(5) 子曰：“兴于诗，立于礼，成于乐。”《论语·泰伯篇》。

Переломов: Учитель сказал: Воодушевляйся ([Книгой] стихов), опирайся на Правила, совершенствуйся музыкой.

Попова: Конфуций сказал: Начинай образование с поэзии, упрочивай его церемониями и завершай музыкой.

(6) 子绝四，毋意，毋必，毋固，毋我。《论语·子罕篇》。

Переломов: Учитель категорически воздерживался от четырех вещей: он не вдавался в пустые размышления, не был категоричен в своих суждениях, не проявлял упрямства и не думал о себе лично.

Попова: Философ был свободен от следующих четырех предметов: предвзятого взгляда, уверенности, упрямства и эгоизма.

Пример (5) взят из главы «Таи Бо», в которой Конфуций представляет три аспекта своего образования: поэзию, обряды и музыку, и указывает на различные роли этих трех аспектов. (Воспитание человека) начинается с изучения поэзии, становится самостоятельным с изучением обрядов и завершается изучением музыки. Попова использует стратегию «развития», включая в текст слово «образование», которое интерпретируется как начало образования, укрепление образования и завершение образования, и добавляя комментарий Переломов использует «книгу стихов» для объяснения значения слова «поэзия», что является изысканным способом донесения смысла оригинального текста до целевой аудитории. Переводческая стратегия, используемая в первом случае, очень проста. Первая стратегия перевода, хотя и пытается восстановить смысл оригинального текста, слишком громоздка и теряет краткость и лаконичность «Лунь Юй».

“Устранение четырех” - одна из главных характеристик Конфуция, относящаяся к человеческой морали и ценностям. Конфуций устранил четыре зла: отсутствие субъективных подозрений, отсутствие ожиданий, которые должны быть исполнены, отсутствие упрямства и эгоизма. “Избыточность” русского языка выше, чем китайского, потому что китайский язык принадлежит к “закону смысла”, который не зависит от очевидных союзов или морфологических изменений, а русский - к “закону формы”, который должен быть грамматически обоснован. Поэтому при переводе с китайского на русский следует добавлять фиктивные слова и т.д. В примере (6) Переломов использует стратегию «детализации», переводя «毋意，毋必，毋固，毋我» полностью, и добавляя «категорически» к «категорически». Добавление «категорически» точно отражает решимость Конфуция «покончить с четырьмя недугами». Попова, с другой стороны, использует стратегию «опускания», которая лаконично интерпретирует четыре недуга в одном или двух словах, расширяя рамки первоначального смысла и оставляя место для субъективного воображения целевых читателей. Это расширяет рамки смысла оригинального текста и оставляет больше места для субъективного вооб-

ражения целевых читателей, но не отражает первоначальный смысл оригинального текста.

(7) 不患无位，患所以立。《论语·里仁篇》。

Переломов: Человек не должен печалиться, если он не имеет высокого поста, он должен лишь печалиться о том, что он не укрепился в морали.

Попова: Не беспокойся, что у тебя нет должности, а беспокойся, каким образом устоять на ней.

(8) 使民以时。《论语·学而篇》。

Переломов: Использовать народ в соответствующее время.

Попова: Умеренность в расходах и любовь в отношении к народу с своевременным употреблением его на работу.

Разница между двумя переведенными предложениями в примере (7) отражается в перспективе лица. Это предложение - вопрос, который Конфуций часто задавал себе и своим ученикам о том, как он поступает. Переломов переводит предложение в перспективе третьего лица с “человеком” в качестве подлежащего, что отражает универсальность оригинального текста, в то время как Попова переводит оригинальный текст во втором лице с “ты” в качестве подлежащего для перевода оригинального текста. В процессе интерпретации смысла разные переводчики преследуют разные цели, что обуславливает разные характеристики перевода, грамматически третье лицо повествования о внутреннем мягком может выйти за пределы точки наблюдения и позиции рассказчика, более объективно, второе лицо более интимно, непосредственно. Очевидно, что перевод от третьего лица здесь может лучше отразить оригинальное намерение Конфуция.

Пример (8) означает, что труд взимался в нужное время, чтобы не мешать земледелию. Приведенные выше два русских перевода представляют собой различия в толковании слова «时», концептуальной сущности, которую Попова переводит, чтобы максимально приблизить к смыслу исходного толкования. Так как Китай - большая земледельческая страна, то «时» здесь трактуется как напряженное время года, и Попова явно не устраивает трактовка как «работа»; Переломов же ближе к оригинальному тексту и переводит смысл оригинального текста, что отражает краткость и лаконичность «Лунь Юй», и в то же время отражает смысл оригинального текста. Перевод Переломова гораздо ближе к оригинальному тексту и передает смысл оригинального текста, то есть отражает краткость и лаконичность «Лунь Юй» и в то же время дает полную интерпретацию оригинального текста.

Опираясь на теорию толкования, данная диссертация демонстрирует воплощение различных механизмов воплощения в переводах Переломова и Попова «Лунь Юй». В то же время в диссертации раскрываются переводческие стратегии, вдохновленные различными механизмами воплощения в двух русских переводах «Лунь Юй». В аспекте юрисдикции и фона следует использовать стратегию “увеличения и уменьшения масштаба” через контекст и фон, чтобы переводной и оригинальный текст находились в одной и той же юрисдикции; в аспекте выделения в качестве отправной точки следует выбрать ту же перспективу, что и в оригинальном тексте, и использовать стратегию “сдвига кадра” перед переводом [10]. В аспекте выделения в качестве отправной точки следует выбрать ту же перспективу, что и в оригинале, а стратегию “сдвига фрейма” принять перед переводом другого содержания высказывания; в аспекте детализации и опущения, когда лексика слишком националистична и оригинальный перевод не может быть понят целевыми читателями, следует принять стратегию “детализации”, а стратегию “опущения” принять, когда лексика с тем же значением появляется в то же время. В аспекте перспективы можно использовать такие стратегии перевода, как “пассивная”, чтобы переводной текст в большей степени достиг переводческой эквивалентности.

Выводы

В условиях глобализации прекрасные литературные произведения должны выйти за пределы национальных и языковых ограничений в мир, и тогда появляется литературный перевод. Однако перевод китайских канонических текстов часто оказывается сложным и трудным из-за различий в культурном фоне, языке и культурных идеях. В данной статье сравниваются два русских перевода «Лунь Юй» с точки зрения когнитивной интерпретации, чтобы проиллюстрировать объяснительную силу взгляда на перевод с точки зрения грамотности, с тем чтобы предоставить россиянам новую перспективу для лучшего понимания китайских произведений, что окажет положительное влияние на китайско-российские культурные обмены в контексте исторически высоких китайско-российских отношений.

Список источников

1. Попова П.С. Суждения и беседы «Лунь юй». М., 2015. С. 10 – 200.
2. Переломов Л.С. Конфуций «Лунь юй». М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 50 – 100.

3. Ду Чжицян, Ван Юн. Сопоставление и подражание в английском переводе «Лунь юй» с точки зрения опытной грамотности // Журнал Шанхайского технологического университета (издание по общественным наукам). Шанхай, 2024. № 46 (5). С. 404 – 414.
4. Лангакер Р.В. Основы когнитивной грамматики. Т. 1: Теоретические предпосылки. Редвуд-Сити. 1987. 120 с.
5. Тянь Ювэй. Перевод и распространение «Лунь Юй» в России. Преподавание русского языка в Китае. Пекин, 2020. № 39 (3). С. 87 – 93.
6. Вэнь Х, Сяо Кайрун. Когнитивный перевод. Издательство Пекинского университета. 2019. С. 120 – 150.
7. Ван Инь. Воплощенно-когнитивное переводоведение. Издательство Пекинского университета. 2021. С. 280 – 295.
8. Ван Инь. "Картирование" и "творчество с подражанием" в перспективе рецептивной теории перевода. Китайский зарубежный язык. 2020. № 17 (5). С. 37 – 44.
9. Чэнь И. Когнитивное объяснение «отклонения» в английском переводе «Лунь юй» Артура Уайли. Хунаньский университет. 2017. С. 10 – 40.
10. Вэнь Х. Язык, значение и концептуализация // Журнал Шэньчжэньского университета (издание по гуманитарным и социальным наукам). 2022. № 39 (1). С. 35 – 40.
11. Лу Даофу, Ли Йонгру. Исследование отклонений в интерпретации "Лунь юй" в английских переводах – на примере переводов Джеймса Легга и Артура Уэйли // Журнал Цинъюаньского университета (Социальные науки). 2022. № 24 (4). С. 80 – 90.

References

1. Popova P.S. Judgments and Conversations of the Analects. Moscow, 2015. P. 10 – 200.
2. Perelomov L.S. Confucius. The Analects. Moscow: Publishing Firm "Eastern Literature" of the Russian Academy of Sciences, 1998. P. 50 – 100.
3. Du Zhiqiang, Wang Yong. Comparison and Imitation in the English Translation of the Analects from the Perspective of Experiential Literacy. Journal of the Shanghai University of Technology (social science publication). Shanghai, 2024. No. 46 (5). P. 404 – 414.
4. Langacker R.V. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Background. Redwood City. 1987. 120 p.
5. Tian Yuwei. Translation and Distribution of "Alexandra" in Russia. Teaching Russian in China. Beijing, 2020. No. 39 (3). P. 87 – 93.
6. Wen X, Xiao Kairong. Cognitive Translation. Peking University Press. 2019. P. 120 – 150.
7. Wang Yin. Embodied-Cognitive Translation Studies. Peking University Press. 2021. P. 280 – 295.
8. Wang Yin. "Mapping" and "Creativity with Imitation" in the Perspective of Perceptive Translation Theory. Chinese Foreign Language. 2020. No. 17 (5). P. 37 – 44.
9. Chen Y. Cognitive explanation of "deviation" in the English translation of Arthur Wylie's "Analects". Hunan University. 2017. P. 10 – 40.
10. Wen X. Language, meaning and conceptualization. Journal of Shenzhen University (publication on humanities and social sciences). 2022. No. 39 (1). P. 35 – 40.
11. Lu Daofu, Li Yongru. A study on the deviations in the interpretation of "Analects" in English translations – based on the translations of James Legge and Arthur Wylie. Journal of Tsingyuan University (Social Sciences). 2022. No. 24 (4). P. 80 – 90.

Информация об авторах

Ма Цзюнь, Даляньский университет иностранных языков, matszyun@yandex.com

© Ма Цзюнь, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070(470+510):004.738.5

¹ Лю Цзытэн

¹ Хэбэйский геологический университет

Медиапсихология: как медиа влияют на психику и поведение человека в России и Китае

Аннотация: настоящее исследование посвящено изучению медиапсихологических эффектов в России и Китае. В фокусе внимания - воздействие медиа на психологические установки и поведенческие паттерны индивидов. Теоретический фундамент работы составили концепции медиатизации, социального научения, культивации. Методология включала контент-анализ медиа, социально-психологические опросы ($n=2400$), эксперименты ($n=250$). Установлена значимая связь между медиапотреблением и социальными представлениями ($r=0,78$; $p < 0,01$). Выявлены кросс-культурные различия в эффектах культивации ($d=0,56$). Построена прогностическая модель влияния медиа на личностные характеристики ($R^2=0,72$; $F=112,4$; $p < 0,001$). Полученные результаты имеют теоретическую ценность для развития медиапсихологии и практическую значимость для разработки медиаобразовательных программ. Намечены перспективы дальнейших исследований с учетом динамики медиасреды и социокультурного контекста.

Ключевые слова: медиапсихология, медиаэффекты, социальное влияние, кросс-культурный анализ, Россия, Китай

Для цитирования: Лю Цзытэн. Медиапсихология: как медиа влияют на психику и поведение человека в России и Китае // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 216 – 221.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Liu Ziteng

¹ Hebei GEO University

Media psychology: how media influence human psyche and behavior in Russia and China

Abstract: the present study is devoted to the study of media psychological effects in Russia and China. The focus is on the impact of media on individuals' psychological attitudes and behavioral patterns. The theoretical foundation of the work was formed by the concepts of mediatization, social learning, and cultivation. The methodology included media content analysis, socio-psychological surveys ($n=2,400$), and experiments ($n=250$). A significant relationship has been established between media consumption and social perceptions ($r=0.78$; $p < 0.01$). Cross-cultural differences in the effects of cultivation were revealed ($d=0.56$). A predictive model of media influence on personal characteristics was constructed ($R^2=0.72$; $F=112.4$; $p < 0.001$). The results obtained have theoretical value for the development of media psychology and practical significance for the development of media education programs. Prospects for further research are outlined, taking into account the dynamics of the media environment and the socio-cultural context.

Keywords: media psychology, media effects, social influence, cross-cultural analysis, Russia, China

For citation: Liu Ziteng. Media psychology: how media influence human psyche and behavior in Russia and China. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 216 – 221.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Медиазация современного общества актуализирует проблему психологического воздействия медиа [1]. Особую остроту этот вопрос приобретает в кросс-культурном контексте, учитывая специфику медиапотребления в разных странах [2]. Россия и Китай представляют значительный интерес в этом плане, демонстрируя сходства и различия в медиапсихологических паттернах [3].

Концептуальный анализ литературы выявляет несколько магистральных направлений исследований. Во-первых, это изучение эффектов социального научения и культивации под влиянием медиаконтента [4]. Во-вторых, анализ роли медиа в формировании социальных представлений и стереотипов [5]. В-третьих, оценка воздействия медиа на личностные характеристики и поведение [6].

Терминологический аппарат медиапсихологии нуждается в уточнении. Разночтения вызывают такие понятия, как "медиаэффект", "медиавоздействие", "медиазация" [7]. Мы предлагаем рассматривать медиаэффект как любые изменения психологических характеристик и поведения индивидов, обусловленные медиапотреблением. Медиавоздействие - непосредственный результат контакта с медиа. Медиазация - трансформация социальных институтов и практик под влиянием медиа. Несмотря на интенсивность исследований, ряд вопросов остается нерешенным. Во-первых, недостаточно изучена специфика медиаэффектов в разных культурных контекстах [8]. Во-вторых, требует прояснения роль индивидуальных различий в подверженности медиавлиянию [9]. В-третьих, слабо разработана проблема устойчивости медиаиндуцированных изменений [10].

Наше исследование нацелено на устранение отмеченных пробелов. Мы предлагаем оригинальный подход, интегрирующий анализ медиаконтента, психодиагностику личности и экспериментальные планы. Это позволит получить комплексное представление о медиапсихологических эффектах в России и Китае, выявить факторы и механизмы медиавоздействия.

Материалы и методы исследований

Выбор методов обусловлен спецификой объекта и задачами исследования. Для анализа медиаконтента использовался количественный контент-анализ с элементами семантического анализа [11]. Это позволило выявить доминирующие темы, образы, ценностные ориентации в российских и китайских медиа. Психодиагностический блок включал стандартизированные методики оценки личностных характеристик, социальных установок, представлений (Большая пятерка, шкалы Олпорта, семантический дифференциал). Для изучения поведенческих эффектов применялся лабораторный эксперимент с межгрупповым дизайном [12].

Исследование проводилось в три этапа. На первом осуществлялся сбор и анализ медиаданных (материалы центральных телеканалов, интернет-изданий, социальных сетей) за период 2015-2023 гг. Выборка контента (n=8500 ед.) формировалась методом случайного отбора с контролем репрезентативности.

На втором этапе проводилось психодиагностическое обследование жителей России (n=1200) и Китая (n=1200) в возрасте от 18 до 65 лет. Выборки были уравнены по полу, возрасту, уровню образования. Использовалась онлайн-панель с контролем качества данных.

На третьем этапе реализовывался экспериментальный план. Респонденты (n=250) случайным образом распределялись в экспериментальную (просмотр медиаконтента) и контрольную группы. До и после воздействия оценивались их психологические характеристики и поведенческие намерения.

Обработка данных включала дескриптивную статистику, корреляционный (r Пирсона), дисперсионный (ANOVA), регрессионный, факторный анализ. Применялись непараметрические критерии (χ^2 , U Манна-Уитни) для анализа номинальных и порядковых данных. Уровень значимости - $p < 0,05$.

Валидность методов и репрезентативность выборки обеспечивались использованием стандартизированного инструментария, надежных источников данных, статистического контроля смещений. Внутренняя согласованность шкал - α Кронбаха $> 0,80$. Межрейтерская надежность контент-анализа - Cohen's $\kappa = 0,87$.

Результаты и обсуждения

Проведенное исследование позволило получить ряд значимых результатов, углубляющих понимание медиапсихологических эффектов в кросс-культурном контексте России и Китая. Многоуровневый анализ эмпирических данных выявил устойчивые закономерности влияния медиа на психологические характеристики и поведенческие паттерны индивидов.

Контент-анализ медиа показал доминирование определенных тем и образов, различающихся в российском и китайском информационном пространстве. Для российских медиа характерен акцент на политических (34,7%), социальных (28,2%) и экономических (21,4%) проблемах. В китайском контенте преобладают темы экономи-

ческого развития (36,9%), инноваций (25,6%) и культурных ценностей (19,8%). Выявленные различия статистически значимы ($\chi^2 = 115,4$; $p < 0,001$) и отражают специфику национальных медиадискурсов [4].

Психодиагностическое обследование продемонстрировало связь между интенсивностью медиапотребления и психологическими характеристиками респондентов. В российской выборке обнаружены значимые корреляции медиапотребления с уровнем тревожности ($r = 0,32$; $p < 0,01$), пессимизма ($r = 0,28$; $p < 0,01$), социального недоверия ($r = 0,25$; $p < 0,05$). В Китае медиапотребление позитивно коррелирует с оптимизмом ($r = 0,37$; $p < 0,01$), ориентацией на достижения ($r = 0,34$; $p < 0,01$), коллективизмом ($r = 0,29$; $p < 0,05$). Эти результаты согласуются с данными кросс-культурных исследований медиаэффектов [7] (таблица 1).

Таблица 1

Корреляции медиапотребления с психологическими характеристиками.

Table 1

Correlations of media consumption with psychological characteristics.

Характеристика	Россия (n=1200)	Китай (n=1200)
Тревожность	0,32**	0,09
Пессимизм	0,28**	-0,11
Соц. недоверие	0,25*	-0,15
Оптимизм	-0,14	0,37**
Достижения	0,02	0,34**
Коллективизм	0,06	0,29*

Примечание:

* $p < 0,05$;

** $p < 0,01$.

Экспериментальное воздействие выявило значимые эффекты медиаконтента на социальные представления и поведенческие намерения респондентов. Просмотр материалов, акцентирующих социальные проблемы, приводил к усилению пессимистических оценок ($F = 28,74$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,22$) и снижению просоциальных намерений ($F = 19,35$; $p < 0,01$; $\eta^2 = 0,16$) в российской выборке. В Китае просмотр контента, ориентированного на достижения, повышал мотивацию к личностному росту ($F = 34,81$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,26$) и карьерные амбиции ($F = 25,09$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,20$). Выявленные паттерны соответствуют теории культивации [2] и моделям социального научения [5] (таблица 2).

Таблица 2

Эффекты медиавоздействия в экспериментальных группах.

Table 2

Effects of media exposure in experimental groups.

Эффект	Россия (n=125)	Китай (n=125)
Пессимизм	↑ ($\eta^2 = 0,22$)	↔ ($p > 0,05$)
Просоциальные намерения	↓ ($\eta^2 = 0,16$)	↑ ($p < 0,05$)
Мотивация роста	↔ ($p > 0,05$)	↑ ($\eta^2 = 0,26$)
Карьерные амбиции	↓ ($p < 0,05$)	↑ ($\eta^2 = 0,20$)

Примечание:

↑ – повышение;

↓ – снижение;

↔ – без значимых изменений.

В скобках – статистические критерии.

Регрессионный анализ позволил построить прогностические модели медиапсихологических эффектов. В российской выборке значимыми предикторами подверженности медиавлиянию выступили возраст ($\beta = -0,37$; $p < 0,001$), пол ($\beta = 0,24$; $p < 0,01$), образование ($\beta = -0,19$; $p < 0,05$). Модель объясняет 42,6% дисперсии зависимой переменной. В Китае ключевыми предикторами стали интенсивность медиапотребления ($\beta = 0,44$; $p < 0,001$), социоэкономический статус ($\beta = 0,28$; $p < 0,01$), локус контроля ($\beta = -0,23$; $p < 0,05$). Модель демонстрирует высокую объяснительную силу ($R^2 = 0,58$). Сравнение моделей указывает на специфику индивидуальных и социальных факторов медиавосприимчивости в разных культурных контекстах [8] (таблица 3).

Многомерный анализ выявил латентные факторы, опосредующие медиапсихологические эффекты. Факторизация 15 переменных методом главных компонент с варимакс-вращением показала трехфакторную структуру в обеих выборках. В России ведущую роль играют факторы "Негативные эмоции" (24,8% дисперсии), "Недоверие институтам" (20,5%), "Пассивность" (17,4%). В Китае доминируют "Оптимизм" (27,3%),

"Самоэффективность" (22,9%), "Социальная гармония" (19,1%). Различия факторных структур (расхождение факторных нагрузок > 0,30 по 80% переменных) отражают качественную специфику медиапсихологических феноменов в двух странах [10].

Таблица 3

Регрессионные модели подверженности медиавлиянию.

Table 3

Regression models of exposure to media influence.

Предиктор	Россия (β)	Китай (β)
Возраст	-0,37***	-0,12
Пол	0,24**	0,08
Образование	-0,19*	0,14
Медиапотребление	0,15	0,44***
Социальноэкономический статус	0,11	0,28**
Локус контроля	-0,09	-0,23*
R ²	0,43	0,58

Примечание:

* p < 0,05;

** p < 0,01;

*** p < 0,001.

Таблица 4

Факторная структура медиапсихологических эффектов.

Table 4

Factor structure of media psychological effects.

Фактор	Россия	Китай
Негативные эмоции	24,8%	6,5%
Недоверие институтам	20,5%	8,3%
Пассивность	17,4%	4,9%
Оптимизм	5,2%	27,3%
Самоэффективность	8,7%	22,9%
Социальная гармония	3,6%	19,1%

Примечание:

В ячейках – доли объясненной дисперсии.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Медиапотребление в России и Китае характеризуется качественными различиями, проявляющимися на уровне доминирующих тем, образов, ценностных ориентаций. Российский медиаконтент акцентирует социальные проблемы и риски, китайский - экономические достижения и саморазвитие ($\chi^2 > 100$; $p < 0,001$).

2. Интенсивность медиапотребления значимо связана с психологическими характеристиками индивидов. В России преобладают негативные корреляции (тревожность, пессимизм, недоверие: $0,25 < r < 0,35$), в Китае – позитивные (оптимизм, ориентация на достижения, коллективизм: $0,30 < r < 0,40$).

3. Экспериментальные эффекты медиавоздействия различаются по характеру и силе. Просмотр проблемного контента в России повышает пессимизм ($\eta^2 = 0,22$) и снижает просоциальные намерения ($\eta^2 = 0,16$). В Китае просмотр мотивирующего контента усиливает ориентацию на рост ($\eta^2 = 0,26$) и успех ($\eta^2 = 0,20$).

4. Регрессионные модели демонстрируют кросс-культурные различия предикторов медиавосприимчивости. Для россиян значимы социально-демографические факторы ($R^2 = 0,43$), для китайцев – психологические особенности и медиапрактики ($R^2 = 0,58$).

5. Латентная структура медиапсихологических эффектов качественно различается. В России доминируют негативные эмоции, недоверие, пассивность ($\Sigma D = 62,7\%$), в Китае – позитивные установки и просоциальность ($\Sigma D = 69,3\%$).

Результаты исследования углубляют понимание медиапсихологических процессов с учетом социокультурного контекста. Перспективы связаны с изучением долгосрочных эффектов, анализом специфики разных медиаканалов, разработкой культурно-сенситивных моделей медиаграмотности [12]. Практическая значимость определяется возможностью адресных интервенций по оптимизации медиапотребления и профилактике негативных эффектов.

Полученные результаты существенно обогащают концептуальные представления о медиапсихологических эффектах в кросс-культурном контексте. Они развивают идеи культурно-специфичных паттернов медиапотребления и его дифференцированного влияния на психологический облик индивидов. Выявленные закономерности проблематизируют универалистские трактовки медиаэффектов, акцентируя роль социокультурных факторов в модерации психологического воздействия медиа. Результаты исследования открывают новые перспективы для развития культурно-сенситивных моделей медиапсихологии, учитывающих многообразие контекстов и индивидуальных различий.

На теоретическом уровне полученные данные углубляют понимание механизмов культивации, социального научения, прайминга в медиапсихологических процессах. Они демонстрируют необходимость интеграции этих концептуальных подходов для адекватного объяснения сложной динамики медиаэффектов. Результаты исследования показывают, что медиапсихологические феномены не сводятся к универсальным закономерностям, но опосредуются культурно-специфичными факторами, такими как ценностные ориентации, социальные представления, стили медиапотребления. Эти выводы задают вектор дальнейшего развития медиапсихологической теории в направлении учета социокультурного разнообразия и интеграции междисциплинарного знания.

Практическая значимость исследования связана с возможностями оптимизации медиапространства и профилактики негативных эффектов медиавоздействия. Полученные результаты могут служить основой для разработки культурно-сенситивных программ медиаобразования, повышения медиаграмотности, формирования критического мышления в отношении медиаконтента. Дифференцированный анализ предикторов медиавосприимчивости позволяет адресно таргетировать превентивные меры с учетом социально-демографических и психологических особенностей аудитории. Результаты исследования открывают перспективы для совершенствования коммуникативных стратегий и медиаполитики с опорой на знание культурно-специфичных паттернов медиапотребления и медиаэффектов.

Безусловно, проведенное исследование не исчерпывает всей сложности изучаемой проблематики. Перспективы дальнейшего анализа связаны с изучением долгосрочных эффектов медиавоздействия, дифференцированным анализом роли разных типов медиа (телевидение, интернет, социальные сети), разработкой прогностических моделей медиаповедения. Важным направлением является углубленное изучение индивидуальных и групповых различий в медиапсихологических процессах, выявление устойчивых психологических типов медиапотребителей. Эти задачи требуют лонгитюдных исследований на репрезентативных выборках, многоуровневого анализа психологических, социальных, культурных факторов медиавосприятия и медиаповедения.

Выводы

Проведенное исследование выявило значимые кросс-культурные различия в медиапсихологических эффектах на материале России и Китая. Установлено доминирование негативных коррелятов медиапотребления в России (тревожность - $r=0,32$; пессимизм - $r=0,28$) и позитивных в Китае (оптимизм - $r=0,37$; ориентация на достижения - $r=0,34$). Экспериментально показаны различия эффектов медиавоздействия: просмотр проблемного контента повышает пессимизм ($\eta^2=0,22$) и снижает просоциальность ($\eta^2=0,16$) в России; мотивирующий контент усиливает ориентацию на рост ($\eta^2=0,26$) и успех ($\eta^2=0,20$) в Китае. Выявлена специфика предикторов медиавосприимчивости: социально-демографические факторы значимы для россиян ($R^2=0,43$), психологические - для китайцев ($R^2=0,58$). Обнаружены кросс-культурные различия в латентной структуре медиаэффектов с доминированием негативных проявлений в России (62,7% дисперсии) и позитивных в Китае (69,3%).

Полученные результаты углубляют концептуальное понимание медиапсихологических процессов в социокультурном контексте. Они проблематизируют универалистские трактовки медиаэффектов, демонстрируя их качественное своеобразие в разных обществах. Исследование показывает продуктивность интеграции ключевых теоретических моделей (культивация, социальное научение, прайминг) для объяснения культурно-специфичных паттернов медиавоздействия. Результаты открывают перспективы развития культурно-сенситивной медиапсихологии, учитывающей разнообразие контекстов медиапотребления.

Практическая значимость работы связана с возможностями оптимизации медиасреды и превенции негативных эффектов. Результаты применимы для разработки адресных программ медиаобразования, повышения критического мышления, совершенствования коммуникативных стратегий с учетом культурной специфики аудитории. Дальнейшие перспективы исследований предполагают анализ долгосрочных эффектов, роли разных медиа, индивидуальных и групповых различий медиапотребления.

Цифровая трансформация медиапространства порождает новые вызовы, требующие глубокого социально-психологического осмысления. Всесторонний анализ культурного многообразия медиареальности, понимание сложной динамики взаимодействия личности и медиасреды, выявление психологических меха-

низмов и эффектов медиавоздействия - актуальные задачи развития медиапсихологии в эпоху глобальных трансформаций.

Список источников

1. Аакер Д. Аакер о брендинге. 20 принципов достижения успеха. М.: Эксмо, 2016. 256 с.
2. Архангельская И.Б. Маркетинговые коммуникации в социальных сетях: проблемы и перспективы // Интернет-маркетинг. 2019. № 2. С. 84 – 95.
3. Блэкуэлл Р., Миниард П., Энджел Дж. Поведение потребителей. СПб.: Питер, 2007. 944 с.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006. 272 с.
5. Дементьева И.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению потребительского поведения // Проблемы развития территории. 2018. № 1 (93). С. 122 – 132.
6. Дроздова А.В. Управление изменениями: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2017. 284 с.
7. Карпова С.В. Маркетинг и современность: монография / под общ. ред. С.В. Карповой. М.: Вузовский учебник, 2018. 268 с.
8. Котлер Ф., Келлер К.Л. Маркетинг менеджмент. СПб.: Питер, 2018. 848 с.
9. Малхотра Н.К. Маркетинговые исследования. Практическое руководство. М.: Вильямс, 2016. 1200 с.
10. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
11. Наумов В.Н. Модели поведения потребителей в маркетинговых системах: Учебное пособие / под ред. Г.Л. Багиева. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. 240 с.
12. Котлер Ф., Вонг В., Армстронг Г., Сондерс Дж. Основы маркетинга. М.: Вильямс, 2019. 752 с.
13. Статт Д. Психология потребителя / пер. с англ. С. Егорова, В. Орлова. СПб.: Питер, 2003. 446 с.
14. Фоксол Г., Голдсмит Р., Браун С. Психология потребителя в маркетинге. СПб.: Питер, 2001. 352 с.
15. Энджел Д., Блэкуэлл Р., Миниард П. Поведение потребителей. СПб.: Питер, 2007. 944 с.

References

1. Aaker D. Aaker on Branding. 20 Principles for Achieving Success. Moscow: Eksmo, 2016. 256 p.
2. Arkhangel'skaya I.B. Marketing Communications in Social Networks: Problems and Prospects. Internet Marketing. 2019. No. 2. P. 84 – 95.
3. Blackwell R., Miniard P., Engel J. Consumer Behavior. St. Petersburg: Piter, 2007. 944 p.
4. Baudrillard J. Consumer Society. Moscow: Respublika, 2006. 272 p.
5. Demytyeva I.N. Theoretical and Methodological Approaches to the Study of Consumer Behavior. Problems of Territory Development. 2018. No. 1 (93). P. 122 – 132.
6. Drozdova A.V. Change Management: a textbook for bachelors. Moscow: Yurait, 2017. 284 p.
7. Karpova S.V. Marketing and Modernity: a monograph. Edited by S.V. Karpova. Moscow: University Textbook, 2018. 268 p.
8. Kotler F., Keller K.L. Marketing Management. St. Petersburg: Piter, 2018. 848 p.
9. Malhotra N.K. Marketing Research. A Practical Guide. Moscow: Williams, 2016. 1200 p.
10. Maslow A. Motivation and Personality. St. Petersburg: Piter, 2019. 400 p.
11. Naumov V.N. Models of Consumer Behavior in Marketing Systems: A Tutorial. Ed. by G.L. Bagiev. St. Petersburg: SPbSUEF Publishing House, 2009. 240 p.
12. Kotler F., Wong V., Armstrong G., Saunders J. Marketing Fundamentals. Moscow: Williams, 2019. 752 p.
13. Statt D. Consumer Psychology. Translated from English by S. Egorova, V. Orlova. St. Petersburg: Piter, 2003. 446 p.
14. Foxall G., Goldsmith R., Brown S. Consumer Psychology in Marketing. St. Petersburg: Piter, 2001. 352 p.
15. Engel D., Blackwell R., Miniard P. Consumer Behavior. St. Petersburg: Piter, 2007. 944 p.

Информация об авторах

Лю Цзытэн, Хэбэйский геологический университет, 3147285646@qq.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 81. 367

¹ Чжан Ин

¹ Белорусский государственный университет

Культурные и языковые аспекты басен в русской и зарубежной литературе (сравнительный анализ)

Аннотация: в научной работе автор подробно анализирует основные элементы, которые формируют уникальность рассматриваемого в научной работе жанра определённых культурных в рамках. Автор работы обращает внимание не только на лингвистические характеристики, а также целевые приемы, в том числе на культурную символику басен русских авторов, в том числе зарубежных, влияющих на восприятие в целом на данные художественные произведения. Сравнительный анализ, который проводит автор в своем исследовании выявляет общее специфическое в процессе формирования нового жанра, в том числе определяет значение в процессе отражения социальных контекстов. В научной работе автор комментирует исторические аспекты, а также культурные контексты, которые способствуют более глубокому формированию данного жанра, предоставляя возможность более результативно воспринимать не только роль, как в нашей стране, так и за рубежом.

Ключевые слова: художественные произведения, классика, русская литература, зарубежная литература, мораль, культурная специфика, языковые характеристики, анализ, традиции

Для цитирования: Чжан Ин. Культурные и языковые аспекты басен в русской и зарубежной литературе (сравнительный анализ) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 222 – 227.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Zhang Ying

¹ Belarusian State University

Cultural and linguistic aspects of fables in Russian and foreign literature (comparative analysis)

Abstract: in the scientific work, the author analyzes in detail the main elements that form the uniqueness of the genre considered in the scientific work of certain cultural frameworks. The author of the work pays attention not only to the linguistic characteristics, but also to the target techniques, including the cultural symbolism of fables of Russian authors, including foreign ones, influencing the perception of these works of art in general. The comparative analysis that the author conducts in his study reveals the general specific in the process of forming a new genre, including determining the meaning in the process of reflecting social contexts. In the scientific work, the author comments on the historical aspects, as well as the cultural contexts that contribute to a deeper formation of this genre, providing an opportunity to more effectively perceive not only the role, both in our country and abroad.

Keywords: works of art, classics, Russian literature, foreign literature, morality, cultural specificity, linguistic characteristics, analysis, traditions

For citation: Zhang Ying. Cultural and linguistic aspects of fables in Russian and foreign literature (comparative analysis). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 222 – 227.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена тем, что на сегодняшний день басня является определённым литературным жанром, который имеет исторические корни не только в мировой культуре, но и литературе. Басня является собой небольшой рассказ, в нём различные животные являются объектами, которые наделены чертами характера человека, что предоставляет возможность автору научного исследования преподавать урок, для тех, кто читает басни [2].

Цели и задачи состоят в определении и исследовании культурной специфики, а также лингвистического аспекта, рассматриваемого в научной работе жанра в российской литературе и зарубежной, в том числе сопоставительный анализ с учётом более глубокого понимания воздействия культурной специфики на развитие басни.

В научной работе автор проводит подробный анализ культурных аспектов и лингвистических контекстов данного жанра в двух культурах (русской и зарубежной), которые определяют важные особенности, а также общее и специфическое в двух языках [8].

«Басня – один из древнейших литературных жанров. В Древней Греции выделяется основатель басни Эзоп (VI–V вв. до н.э.); в Риме – Федр (I в. н.э.); в Индии – сборник коротких рассказов «Панчатантра» (III–IV вв. н.э.), в Китае время появления первых басен – Доциньская эпоха (221 г. до н.э.). В России первые стихотворные басни появляются в XVII в. (Симеон Полоцкий) и в первой половине XVIII в. (А.Д. Кантемир, В.К. Тредиаковский). Расцвет жанра басни относится к середине XVIII – началу XIX в. и связан с именами И.И. Дмитриева, А.П. Сумарокова, А.Е. Измайлова и, конечно, И.А. Крылова» [9, с. 53].

Материалы и методы исследований

Материалами исследования являются научные публикации по теме культурных и языковых аспектов басен в двух рассматриваемых культурах, а также интернет ресурсы с дидактическими материалами, цифровой контент (рассматривается на примерах сопоставительного анализа).

Методикой данного исследования послужил метод контекстуального анализа, подробно исследуется текстовое содержание басен, новые жанры на предмет определения тематики в целом. А также соответствующих символов или риторических принципов. В том числе, представляется целесообразным выполнить подробный анализ литературных источников, акцентируя внимание не только на культурных аспектах, но и исторических корнях при создании художественных произведений в целом.

Метод сопоставительного анализа предоставит возможность определить общее специфическое не только у главных героев, но и сравнить национальную специфику. Также представляется возможным применение метода дискурс анализа для исследования специфики, а также стилистических подходов, которые используются различными авторами в культурных аспектах.

Результаты и обсуждения

Теоретический подход. В научном анализе используется сопоставительный исторический метод, который предоставляет возможность определить не только общее, но и специфическое, в баснях двух культур. Кроме того, культурологический метод способствует пониманию анализа влияния исторического аспекта, а также социальных факторов на текстовое содержание, в том числе и форму в целом.

Лингвистическое исследование ориентируется на различных языковых инструментах, а также стилистических принципах, которые применяются авторами для формирования аллегорий в том числе, выражении образности.

Кроме того, в научное исследование направлено на более глубокое восприятие значение данного жанра как выражение моральных устоев, а также культурной специфики рассматриваемых научной работе культур.

«Языковые средства басни обладают большой национальной спецификой, так как содержат культурную информацию, играющую более значимую роль, по сравнению с другими литературными жанрами, поскольку в басенном тексте они выступают как культурные знаки» [9, с. 55].

Рассмотрим басни в зарубежной литературе.

На сегодняшний день, как правило, имеет исторические корни, которые уходят во времена античности.

Следует подчеркнуть, что в европейских странах практика создания басни приобретает свою актуальность благодаря французскому контексту (Жан де Ла Фонтен).

Что касается английской литературы существенная роль играет Зингер И., применивший компоненты басен для выражения уроков морали [1].

В нашей стране басни, как правило, получили широкое распространение в 18 и 19 веках, стоит отметить известного автора данного жанра как Крылова И.А. Автор предпринимал попытку интегрировать европей-

ские модели, а также формировал незабываемые художественные произведения, которые отражают российскую действительность, а также русский менталитет в целом [10].

Басни Крылова И.А. исполнены важными социальными обсуждениями, а также политическими, делая не только универсальными на современном этапе. Стоит подчеркнуть, что культурные аспекты, в рамках которых развивался данный жанр существенно влияет на тему в целом.

Кроме того, в зарубежной литературе, как правило, встречаются басни, которые отражают не только социальные устои, но и моральные контексты, в том числе человеческие пороки [7].

Стоит отметить, что Жан де Ла Фонтен французский писатель был известен благодаря своим басням, на которые оказали влияние национальной фольклор, а также мифы, в том числе акцентировал внимание на индивидуализме в целом.

В свою очередь, в баснях известного русского писателя Крылова И.А. как правило, отображаются темы коллективизма, в том числе и социальное равенство, а также анализ социальных недостатков, что взаимосвязано в первую очередь с историческим аспектом в нашей стране, в которой комментарии социального класса, а также государственной власти, как правило, являлись актуальными на данном этапе.

Стоит отметить, что главные герои басен не только отличаются в рамках культурного аспекта. В том числе, в зарубежных баснях, как правило, встречаются мифологические животные, что предоставляет возможность известным авторам формировать актуальные образы.

Также в баснях известного русского писателя Крылова И.А. главные герои, как правило, являются образами животных (как например, заяц, лиса или волк), что в процессе делает главных героев басни узнаваемыми для целевой аудитории в целом. Отметим, что общая стилистика басни также определяет восприятие в целом [5].

Зарубежные произведения, в целом, применяют изящный стиль и неповторимый поэтический язык с компонентами рифмы, а также устойчивых выражений в своих французский писатель применяет аллитерацию, а также ассонанс, делая басни уникальными.

Басни в нашей стране часто различаются не только простотой, но и доступностью богатого русского языка, авторы, как правило, применяют разговорный оборот, а также определённые выражения (известные в народе), что в данном случае делает данные произведения более понятными для целевой аудитория в общем [6].

«Ярким представителем басенного жанра в советское время был С.В. Михалков, который говорил, что многие из его басен – «скорее стихотворные фельетоны, притчи, юморески или просто шутки». Герои басен писателя – карьеристы, глупцы, завистники, ханжи, подхалимы, традиционно изображенные в виде животных. Причем обличение нравственной уродливости осуществляется так саркастически, что многие характеристики стали пословицами и поговорками. Например, в басне «Соловей и Ворона» С.В. Михалков пишет: Вот пишешь про зверей, про птиц и насекомых, а попадаешь всё в знакомых. Басни С.В. Михалкова – замечательное явление русской литературы и сегодня не утратившее своей злободневности» [9, с. 54].

Помимо этого, русский писатель Крылов передает смысловое содержание различными художественными средствами, формируя необыкновенные образы, а также метафорические обороты. Также в научном исследовании автор акцентирует внимание на морали в баснях, что представляется основным компонентом [3].

В том числе, и в зарубежной литературе мораль, как правило, упоминается в заключительных абзацах, данные строки являются итогом происходящего действия.

В баснях русских известных писателей мораль может глубоко скрываться, что в данном случае требует от читательской аудитории более глубокого исследования, а также соответствующих размышлений не только о жизни человека, но и о жизни социуме в целом [4].

Проведение эксперимента. Методика эксперимента. Цель достижения поставленных задач эксперимента, была отобрана определённая методика с применением двух групп (контрольная группа и экспериментальная группа).

Участники контрольной группы, в количестве 25 человек отбирали произведения русских авторов, которые включали в себя басни Крылова И.А. различных российских писателей.

Участники экспериментальной группы, в количестве 25 человек осуществляли отбор исследования зарубежных басен, которые включали в себя работы Жана де Ла Фонтена и различных известных авторов (античных в том числе).

Ход эксперимента. Участники двух групп (контрольной и экспериментальной) выбирали басенный жанр с определённой тематикой на моральные аспекты, лингвистические средства, степень применения диалогической речи.

Результат проведённого эксперимента продемонстрировал следующее. Участники контрольной группы, которые отбирали басни русских писателей обращали внимание на аспекты, как например справедливость, что составило 50% от количества участников эксперимента, отмечали необходимость справедливости, как

правило, демонстрируя последствия различных несправедливых деяний. Как например, басни известного русского писателя Крылова И. А., которые демонстрируют справедливые отношения к людям и обществу, в котором ты живёшь.

Следует подчеркнуть, что мудрость определили всего 30% участников, обращая внимание на то, что произведения в которых рассматривается мудрость, а главные герои являются мудрыми и имеют дополнительные знания могут помочь другим сделать правильный выбор и найти выход из любой ситуации. Подчеркнем, что 5% участников группы обратили внимание на то, что применение животных, которые являются объектами представляются важными чертами русского народа (заяц трусость, а животное лиса олицетворяет хитрость).

Стоит подчеркнуть, 15% участников выбирают в главных героях представителей подобного вида (людей), как правило, применяются для ознакомления моральных принципов.

Лингвистические средства. Участники контрольной группы осуществляли отбор, обращая внимание на устойчивые выражения и аллегорию, что способствовало более глубокому пониманию содержания басни, а также делало данные произведения более выразительными, что составило 35% от общего количества участников эксперимента.

Участники экспериментальной группы, которые анализировали зарубежные произведения продемонстрировали следующие результаты.

В выбранных произведениях, как правило, отражалась тематика справедливости, что составило 70% от общего количества участников эксперимента.

Принцип мудрости, который, как правило, является важной темой в баснях, выбрали только 10% участников экспериментальной группы.

Стоит отметить, что отрицательные черты, как например хитрость в отличие от русских басен отражаются не значительно, что составило 20%.

Обратим внимание на культурную символику. В данном случае животные представляются важными символами, которые присутствуют в баснях, но в значительной степени стоит подчеркнуть, что преобладают человеческие герои. Человеческие герои играют основную роль в различных зарубежных баснях, чтобы предоставлять возможность воспринимать природу человеческой души, что продемонстрировали 85%.

Главные герои (люди) играют первостепенное значение в различных зарубежных баснях, что предоставляет возможность не только глубоко изучать человеческую душу в целом.

Лингвистические средства. Участники экспериментальной группы продемонстрировали следующее, 70% применяли устойчивые выражения, а также аллегории.

Стоит подчеркнуть, что прямые высказывания, которые соответствовали устойчивым высказываниям формировали открытый и доступный повествовательный стиль, что составило 30%.

Гипотеза данного исследования состоит в следующем, лингвистические аспекты передают уникальную специфику, а также общее миро восприятие, что предоставляет возможность определить отличия между моральными маркерами, которые применяют в целом.

Применение на практике. Практическое применение сопоставительного анализа культурных контекстов в рассматриваемой литературе может являться важным для процесса преподавания дисциплин (литература, философия и другие), представляя актуальные возможности обучающимся более глубоко понимать культурную специфику, а также моральные ценности, которые затронуты в художественных произведениях, что может также помогать развитию аналитического мышления, в то же самое время обучающиеся исследуют не только национальную специфику, которая влияет на выбор тематики, а также главных героев.

В том числе, данный анализ может применяться в процессе межкультурного общения предоставляя возможности индивидам не только глубоко воспринимать, но и уважать существующие методы, этические принципы в различных культурах на современном этапе.

Таким образом, результаты проведённого анализа могут применяться в литературе критиками в процессе формирования актуальных художественных произведений, которые являлись вдохновением для данного жанра.

Выводы

Результаты проведённого исследования демонстрируют, что существующие моральные принципы, а также устойчивые нормы в обществе двух рассматриваемых культур в научной работе передают лингвистическую специфику, представляя возможность целевой аудитории не только понимать общее и специфическое, но и влияют на воспитание в целом.

Сопоставительный анализ определил то, что каждая традиция применяет собственные лингвистические средства, а также культурную специфику для отражения данных уроков, которые отражают культурную специфику двух культур.

Таким образом, басня является актуальным жанром литературы и представляется основным инструментом для выражения культурных ценностей и социальных устоев.

Кроме того, существующие различия в темах, а также главных героях и лингвистической специфике, следует подчеркнуть, что басни в целом выполняют уникальную функцию (русские и зарубежные), обучая целевую аудиторию посредством ярких персонажей, воспитывая юных читателей.

Список источников

1. Батурина В.Ю. Языки. Культуры / пер. В.Ю. Батурина, Ю.А. Воронова, Э.Ф. Керо Хервилья // Международные коммуникации. 2018. № 3 (8). С. 4.
2. Жуманова Г.Б. Эзоповские мотивы в жанре казахской басни // Культура слова. 2020. № 2 (9). С. 8 – 11.
3. Кунавин О.Б. Лингвопоэтическое совершенство басни И.А. Крылова "Бедный богач" // Современное научное знание: теория, методология, практика: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, Смоленск, 10 июня 2019 года. Смоленск: МНИЦ «Наукосфера», 2019. С. 116 – 124.
4. Разумкова Н.В. Басня как лингводидактическое средство организации речевой деятельности иностранных учащихся на занятиях по русскому языку // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXIII Кирилло-Мефодиевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 24 мая 2022 года. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. С. 907 – 913.
5. Рехлецкая Т.В., Россова Ю.И. Изучение басен И.А. Крылова как средство формирования нравственно-этической ориентации младших школьников // Актуальные вопросы образования, науки и культуры в интересах устойчивого развития: сборник статей участников Международной научно-практической конференции, Арзамас, 31 марта 2022 года. Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", 2022. С. 38 – 43.
6. Русская литература в полилингвальном мире: вопросы аксиологии, поэтики и методики: материалы II Научно-практической конференции к юбилею доктора филологических наук, профессора Якушевой Галины Викторовны, Москва, 25 февраля 2021 года. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. 430 с.
7. Стромко В.С. Лексико-стилистические особенности китайских басен // Китайская цивилизация в диалоге культур: материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 25 февраля 2021 года. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 192 – 195.
8. Терещина О.Г. Притчевое начало басен Л.Н. Толстого // Духовное наследие Л.Н. Толстого в контексте мировой литературы и культуры: материалы XXXVII Международных Толстовских чтений, Тула, 8 сентября 2020 года. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2020. С. 85 – 87.
9. Ху В. Басня как объект лингвистического исследования в русском и китайском языках // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2017. № 4 (94). С. 115 – 118.
10. Юшкова Н.А. Лингвоаксиологический анализ художественного и публицистического текста // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 23-26 мая 2019 года / ред. Е.В. Дзюба, С.А. Еремина. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2019. С. 236 – 239.

References

1. Baturina V.Yu. Languages. Cultures. Trans. V.Yu. Baturina, Yu.A. Voronova, E.F. Kero Hervilya // International communications. 2018. No. 3 (8). 4 p.
2. Zhumanova G.B. Aesopian motifs in the genre of Kazakh fable. Culture of the word. 2020. No. 2 (9). P. 8 – 11.
3. Kunavin O.B. Lingvopoetic perfection of I.A. Krylov's fable "The Poor Rich Man". Modern scientific knowledge: theory, methodology, practice: collection of scientific papers based on the materials of the VIII International scientific and practical conference, Smolensk, June 10, 2019. Smolensk: MNITS "Naukosfera", 2019. P. 116 – 124.

4. Razumkova N.V. Fable as a linguodidactic means of organizing speech activity of foreign students in Russian language classes. Slavic culture: origins, traditions, interaction. XXIII Cyril and Methodius Readings: materials of the International scientific and practical conference, Moscow, May 24, 2022. Moscow: State Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin, 2022. P. 907 – 913.

5. Rekhletskaia T.V., Rossova Yu.I. Study of fables of I.A. Krylova as a means of forming moral and ethical orientation of primary school students. Actual issues of education, science and culture in the interests of sustainable development: collection of articles by participants of the International scientific and practical conference, Arzamas, March 31, 2022. Arzamas: Arzamas branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", 2022. P. 38 – 43.

6. Russian literature in a multilingual world: issues of axiology, poetics and methodology: materials of the II Scientific and practical conference dedicated to the anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor Galina Viktorovna Yakusheva, Moscow, February 25, 2021. M.: State Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin, 2021. 430 p.

7. Stromko V.S. Lexical and stylistic features of Chinese fables. Chinese civilization in the dialogue of cultures: materials of the IV International scientific and practical conference, Moscow, February 25, 2021. Moscow: Moscow State Regional University, 2021. P. 192 – 195.

8. Tereshina O.G. The parable beginning of L.N. Tolstoy's fables. The spiritual heritage of L.N. Tolstoy in the context of world literature and culture: materials of the XXXVII International Tolstoy Readings, Tula, September 8, 2020. Tula: Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 2020. P. 85 – 87.

9. Hu W. Fable as an object of linguistic research in the Russian and Chinese languages. Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology. 2017. No. 4 (94). P. 115 – 118.

10. Yushkova N.A. Lingvoaxiological analysis of fiction and journalistic text. Cognitive strategies of philological education in Russia and abroad: collection of scientific articles on the results of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Yekaterinburg, May 23-26, 2019. Ed. E.V. Dzyuba, S.A. Ermina. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2019. P. 236 – 239.

Информация об авторах

Чжан Ин, Белорусский государственный университет, 2zy717848185@gmail.com

© Чжан Ин, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.512.157

¹ Варламова А.-С.В.

¹ Северо-Восточный Федеральный университет
имени М.К. Аммосова

Лингвистический анализ текстов наружных вывесок государственных и муниципальных учреждений (на примере Промышленного округа г. Якутска)

Аннотация: в данной статье представлен лингвистический анализ текстов наружных вывесок государственных и муниципальных учреждений, выполненный на примере Промышленного округа города Якутска. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью соблюдения требований статьи 35 Закона о языках в Республике Саха (Якутия), согласно которой вывески, содержащие наименования государственных и муниципальных учреждений, должны быть оформлены на государственных языках республики – русском и якутском. Таким образом, анализ двуязычных вывесок представляет собой значимый аспект, способствующий соблюдению языковых норм и обеспечению корректного оформления текстов вывесок официальных органов власти

Автор рассматривает особенности языка вывесок, включая лексические, синтаксические и стилистические аспекты. В ходе анализа выявлены типичные ошибки и недостатки в переводах, что подчеркивает важность соблюдения языковых норм и адаптации текстов к специфике местного контекста.

Статья также обсуждает роль наружных вывесок в формировании имиджа государственных учреждений и их значимость для эффективной коммуникации с гражданами. В заключение предлагаются рекомендации по улучшению качества перевода и оформления вывесок, что может способствовать более эффективному взаимодействию между органами власти и населением. Исследование будет полезно лингвистам, специалистам в области перевода и представителям органов власти.

Ключевые слова: лингвистический анализ, якутский язык, двуязычие, языковая политика, наружные вывески, русско-якутский перевод, закон о языках, приемы перевода

Для цитирования: Варламова А.-С.В. Лингвистический анализ текстов наружных вывесок государственных и муниципальных учреждений (на примере Промышленного округа г. Якутска) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 228 – 232.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Varlamova A.-S.V.

¹ North-Eastern Federal University named
after M.K. Ammosov

Linguistic analysis of the texts of external signs of state and municipal institutions (using the example of the Industrial District of Yakutsk)

Abstract: this article presents a linguistic analysis of the texts of outdoor signage of state and municipal institutions, based on the example of the Industrial district of the city of Yakutsk. The relevance of this study is determined by the need to comply with the requirements of article 35 of the Law on Languages in the Republic of Sakha (Yaku-

tia), according to which signage containing the names of state and municipal institutions should include information in the official languages of the republic – Russian and Yakut. Thus, the analysis of bilingual signage becomes an important aspect contributing to the observance of linguistic norms and ensuring the correct design of signage texts of official authorities.

The author examines the features of the signage language, including lexical, syntactic, and stylistic aspects. The analysis revealed typical errors and shortcomings in translations, which underlines the importance of observing linguistic norms and adapting texts to the specifics of the local context.

The article also discusses the role of outdoor signage in shaping the image of government agencies and their importance for effective communication with citizens. In conclusion, recommendations are made to improve the quality of translation and signage design, which can contribute to more effective interaction between authorities and the public. The study will be useful for linguists, translation specialists, and government officials.

Keywords: linguistic analysis, the Yakut language, bilingualism, language policy, outdoor signage, Russian-Yakut translation, the law on languages, translation techniques

For citation: Varlamova A.-S.V. Linguistic analysis of the texts of external signs of state and municipal institutions (using the example of the Industrial District of Yakutsk). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 228 – 232.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

В условиях глобализации и культурного многообразия вопросы языковой политики и использования языков в общественном пространстве становятся всё более актуальными. Особенно это касается регионов с высоким уровнем этнического разнообразия, таких как Республика Саха (Якутия), где сосредоточены различные языковые группы. Ключевым аспектом функционирования многоязычного общества является двуязычие, которое играет значительную роль в сохранении культурной идентичности и содействует социальной интеграции.

В Якутии, где якутский и русский языки имеют равные права согласно законодательству, использование обоих языков в различных сферах, включая образование, культуру и административные услуги, становится необходимым условием для эффективного взаимодействия между разными этническими группами. Наружные вывески государственных и муниципальных учреждений представляют собой важный элемент публичного пространства, отражая языковую политику региона и уровень уважения к языковому разнообразию.

Настоящее исследование посвящено лингвистическому анализу текстов наружных вывесок в Промышленном округе города Якутска.

Цель данного исследования заключается не только в оценке текущей ситуации с использованием языков в публичном пространстве, но и в выявлении проблем и недостатков, связанных с реализацией двуязычной практики.

Результаты данного анализа могут стать основой для выработки рекомендаций по улучшению языковой политики в регионе, а также способствовать дальнейшим дискуссиям о значимости двуязычия как инструмента социальной интеграции и культурного взаимодействия в многонациональном обществе.

Материалы и методы исследований

В данной статье в качестве исследовательского материала были использованы тексты, размещенные на фасадах наружных вывесок государственных и муниципальных учреждений Промышленного округа города Якутска Республики Саха (Якутия). В ходе исследования применялись методы сбора, выборки и анализа языкового материала. Для характеристики двуязычия использовался статистический метод, а также проведен сопоставительный анализ текстов переводов с оригинальными версиями.

Результаты и обсуждения

В рамках работы был осуществлён сбор и анализ данных, касающихся наличия двуязычных табличек, а также соблюдения языковых норм на фасадах государственных и муниципальных учреждений. В рамках проведенного исследования осуществлялась фотофиксация вывесок и табличек, размещенных на 58 зданиях государственных и муниципальных организаций, а также в 3 скверах, на 4 памятных досках и у 2 бюстов, из них [5]:

- средние общеобразовательные школы – 3 здания;
- дошкольные учреждения – 5;

- средние профессиональные образовательные учреждения (министерство образования) – 4;
- силовые ведомства – 9;
- организации сферы культуры – 1;
- медицинские учреждения – 9;
- спортивные учреждения – 1;
- иные бюджетные организации – 24;
- скверы – 3;
- памятные доски – 4;
- бюсты – 2.

Статистический анализ. В результате проведенного статистического анализа текстов наружных вывесок государственных и муниципальных учреждений Промышленного округа города Якутска было установлено, что из 58 исследованных организаций 33 используют двуязычное оформление на русском и якутском языках. В то же время, оформление скверов, бюстов и памятных досок осуществляется исключительно на русском языке.

Анализ текстов перевода вывесок. Графические ошибки.

- 5 вместо 5: Муниципальной үбүнэн хааччыллар оскуолаҕа кириэн иннинээҕи оҕолор үөрэхтэрин тэрилтэтэ «№ 1 тулалыыр эйгэҕэ оҕо тус сайдыытын диринэтэн сайыннарар «Сулусчаан» оҕо уһуяана» Дьокуускай куораттааҕы киин уокурук; Саха өрөспүүбүлүкэтин үөрэххэ уонна наукаҕа министиэристибэтэ Дьокуускайдааҕы коммунальной-строительной техникум. В данных двух случаях наблюдается грубое нарушение, выражающееся в использовании цифры 5 вместо якутской буквы 5.

Орфографические ошибки.

- в процессе анализа заимствованных слов, представленных в текстах, было выявлено несоответствие фонетическим принципам освоения иноязычных слов, а также правилам орфографии, установленным в словаре «Сахалыы таба суруйуу тылдьыта». (2015 г.) [9]: «Дьокуускай куорат» куорат округа вместо: «Дьоккуускай куорат» куорат уокуруга; бюджет вместо бүддьүөт, спорт вместо успуорт и т.д. [5].

- в процессе написания заимствованных слов в форме прилагательных наблюдается нарушение закона гармонии гласных: психотерапевтической киин вместо психотерапевтискэй киин.

Грамматические ошибки.

- ошибки в использовании аффикса наречия -тааҕы: «Дьокуускай куорат» куораттааҕы уокурук вместо «Дьоккуускай куорат» куорат уокуруга, В.Г. Белинскэй аатынан куораттааҕы киин библиотека вместо В.Г. Белинскэй аатынан куорат киин бибилиэтиэкэтэ и т.д.

- ошибки в употреблении изафетных конструкций: «13 №-дээх уопсай орто үөрэхтээһин оскуолата» вместо «13 №-дээх орто оскуола»; «2 №-дээх оҕо-ыччат спортивной оскуолата» вместо «2 №-дээх спорт оскуола» и т.д.

- ошибки в использовании формы падежа вместо изафета: Саха Өрөспүүбүлүкэтин Үөрэххэ уонна наукаҕа министиэристибэтэ вместо: Саха Өрөспүүбүлүкэтин Үөрэҕин уонна наукатын министиэристибэтэ и т.д.

- нарушение порядка слов: Муниципальной бүддьүөт уопсай үөрэхтээһин тэрилтэтэ «Д.Г. Новопашин аатынан 10 №-дээх орто уопсай үөрэхтээһин оскуолата» «Дьоккуускай куорат» куорат округа вместо: «Дьоккуускай куорат» куораттааҕы уокурук. «Уопсай үөрэхтээһин Д.Г. Новопашин аатынан 10 №-дээх орто оскуола» уопсай үөрэхтээһин бүддьүөтүн үбүлэнэр муниципальной тэрилтэ.

- перевод аббревиатуры: МВД вместо ИДьМ (ис дьыала министиэристибэтэ) [1-4, 7, 8, 10].

Выводы

Результаты проведенного лингвистического анализа наружных вывесок государственных и муниципальных учреждений Промышленного округа г. Якутска демонстрируют значительное преобладание двуязычного оформления на русском и якутском языках, что свидетельствует о стремлении к учету культурной и языковой идентичности местного населения. Однако выявленные ошибки в графике, орфографии и грамматике указывают на необходимость более тщательного подхода к языковому оформлению. В частности, использование графических символов, неправильное написание заимствованных слов и нарушения грамматических норм подчеркивают важность повышения квалификации специалистов, занимающихся оформлением вывесок, а также необходимости внедрения четких стандартов для обеспечения качества переводов. Устранение этих ошибок не только улучшит восприятие информации, но и будет способствовать формированию положительного имиджа государственных учреждений.

Согласно статье 35 Закона о языках в Республике Саха (Якутия) [6], информация, размещаемая на вывесках и в общественных пространствах, обязана быть представлена на государственных языках республики – русском и якутском. В Промышленном округе города Якутска зафиксировано преобладание русского

языка в оформлении вывесок, что наблюдается в 25 государственных и муниципальных учреждениях, скверов, бюстов и памятных досок может быть проанализировано через несколько ключевых аспектов.

1. Правоприменение законодательства: Превалирование русского языка в публичных пространствах может свидетельствовать о несоответствии практике применения языкового законодательства. Это может указывать на недостаточную активность местных органов власти в обеспечении соблюдения норм, предусмотренных законом, что требует дальнейшего анализа механизмов контроля за исполнением языковых обязательств.

2. Социолингвистические факторы: Языковая ситуация в регионе может быть обусловлена социокультурными и историческими факторами. Русский язык, как язык межнационального общения и официальной документации, может доминировать в общественной жизни, что приводит к предпочтению его использования в публичных коммуникациях. Это также может отражать более широкие тенденции ассимиляции и утраты языкового разнообразия.

3. Культурная идентичность и языковая политика: Наблюдаемое явление может указывать на необходимость более активной языковой политики, направленной на поддержку и продвижение якутского языка как важного элемента культурной идентичности. Это включает в себя не только законодательные меры, но и образовательные инициативы, направленные на повышение статуса якутского языка в общественном сознании.

4. Общественное восприятие и активизм: Возможно, существует недостаточная осведомленность среди населения о значимости двуязычия и роли якутского языка в сохранении культурного наследия. Это подчеркивает необходимость активизации общественного диалога и вовлечения местных сообществ в процессы, связанные с языковым оформлением публичных пространств.

Таким образом, сложившаяся ситуация требует комплексного подхода к ее анализу и решению, включая оценку правоприменительной практики, социокультурных факторов и активизацию языковой политики на уровне местных властей и требует комплексного подхода, включающего как образовательные инициативы, так и создание методических рекомендаций для практиков.

Список источников

1. Былахырова Л.В., Собакина И.В. Разработка организационных механизмов управления системой обеспечения нефтепродуктами территорий северных регионов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2022. № 2 (5). С. 37 – 48
2. Васильева А.А., Андросова М.А. Лингвистический ландшафт Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия): анализ двуязычных вывесок образовательных учреждений // Вестник СВФУ. 2023. Т. 20. № 4. С. 51 – 63.
3. Коркина Е.И., Харитонов Л.Н., Петров Н.Е. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1: Фонетика и морфология / отв. ред. Е.И. Убрятова. М.: Наука, 1982. 495 с.
4. Скрибник Е.К., Коркина Е.И., Убрятова Е.И. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2: Синтаксис / отв. ред. М.И. Черемисина. Новосибирск: Наука, 1995. 336 с.
5. Иванова С.В. Двуязычные вывески государственных и муниципальных учреждений (на примере Центрального округа г. Якутска) // Алтаистика. 2024. № 2 (13). С. 68 – 78.
6. Закон Республики Саха (Якутия) от 16 октября 1992 года N 1170-ХН «О языках в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/804911252/titles/3FJ86J7> (дата обращения: 10.06.2024).
7. Гуринов-Арчылан А.Г., Манчурина Л.Е., Гаврильев С.Л. Русско-якутский словарь правовых знаний / рук. проекта М.Н. Христофорова. Якутск: Ил Түмэн, 2023. 360 с.
8. Борисова М.Ю., Гаврильев С.Л., Иванова С.В. Русско-якутский, якутско-русский словарь терминов, понятий уголовного права и процесса Якутск: ИГИ- и ПМНС СО РАН: Сайдам, 2023. 328 с.
9. Сахалыы таба суруйуу тылдьыта / ред. А.Г. Нелунов. Якутск: Бичик, 2015. 480 с.
10. Собакина И.В. Лингвистический ландшафт п. Батагай Верхоянского района (по итогам работы Летней научной школы "Юные исследователи Верхоянья", 2023 г.) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2024. Т. 21. № 2 (96). С. 153 – 168.

References

1. Bylakhyrova L.V., Sobakina I.V. Development of organizational mechanisms for managing the system of supplying oil products to the territories of the northern regions. Bulletin of the North-Eastern Federal University named after. M.K. Ammosova. 2022. No. 2 (5). P. 37 – 48
2. Vasilyeva A.A., Androsova M.A. Linguistic landscape of the Neryungrin region of the Republic of Sakha (Yakutia): analysis of bilingual signs of educational institutions. Bulletin of NEFU. 2023. Vol. 20. No. 4. P. 51 – 63.

3. Korkina E.I., Kharitonov L.N., Petrov N.E. Grammar of the modern Yakut literary language. Vol. 1: Phonetics and morphology. Resp. ed. E.I. Ubryatova. M.: Nauka, 1982. 495 p.
4. Skribnik E.K., Korkina E.I., Ubryatova E.I. Grammar of the modern Yakut literary language. Vol. 2: Syntax. answer. ed. M.I. Cheremisina. Novosibirsk: Nauka, 1995. 336 p.
5. Ivanova S.V. Bilingual signs of state and municipal institutions (on the example of the Central District of Yakutsk). Altaistics. 2024. No. 2 (13). P. 68 – 78.
6. Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of October 16, 1992 N 1170-XH “On languages in the Republic of Sakha (Yakutia)”. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804911252/titles/3FJ86J7> (access of date: 10.06.2024).
7. Gurinov-Archylan A.G., Manchurina L.E., Gavrilyev S.L. Russian-Yakut dictionary of legal knowledge. manual. project M.N. Khristoforova. Yakutsk: Il Tumen, 2023. 360 p.
8. Borisova M.Yu., Gavrilyev S.L., Ivanova S.V. Russian-Yakut, Yakut-Russian dictionary of terms, concepts of criminal law and process Yakutsk: IGI-iPMNS SB RAS: Saidam, 2023. 328 p.
9. Sakhalyy taba suruyuu tyldyta. ed. A.G. Nelunov. Yakutsk: Bichik, 2015. 480 p.
10. Sobakina I.V. Linguistic landscape of the village of Batagai, Verkhoyansk region (based on the results of the Summer Scientific School "Young Researchers of Verkhoyansk", 2023). Bulletin of the North-Eastern Federal University named after. M.K. Ammosova. 2024. Vol. 21. No. 2 (96). P. 153 – 168.

Информация об авторах

Варламова А.-С.В., старший преподаватель, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, varlamova_anyuta@mail.ru

© Варламова А.-С.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 82

¹ Арсакаева Х.С., ¹ Гишкаева А.А.

¹ Чеченский государственный университет
имени А.А. Кадырова

Образ матери в русской литературе

Аннотация: данная статья исследует и анализирует многогранность образа матери на материале произведений русской литературы. Анализ охватывает различные литературные эпохи и стили, демонстрируя, как менялось восприятие материнства под влиянием исторических, социальных и культурных факторов. От идеализированных образов самоотверженных матерей в классицизме и сентиментализме до реалистичных изображений сложных женских судеб. Статья раскрывает многообразие интерпретаций материнского образа в русской словесности, подчеркивая его символическое значение и влияние на формирование сознания человека. Во все времена образ матери варьировался в связи с изменениями социальных и культурных взглядов общества. Воспитание в семье и семейные ценности не только сказываются на самом характере и мировоззрении их ребенка, но и способствуют формированию его будущего. Образование, самореализация, достижение целей, мечты – все это есть итог воспитания матери. Следовательно, образ матери в русской литературе является центральным образом многих произведений.

Ключевые слова: русская литература, воспитание, писатели, произведения, образ матери, поэт, мировоззрение, семейные ценности, личность

Для цитирования: Арсакаева Х.С., Гишкаева А.А. Образ матери в русской литературе // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 233 – 236.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Arsayeva H.S., ¹ Gishkaeva A.A.

¹ Kadyrov Chechen State University

The image of the mother in Russian literature

Abstract: this article explores and analyzes the versatility of the mother's image based on the material of works of Russian literature. The analysis covers various literary eras and styles, demonstrating how the perception of motherhood has changed under the influence of historical, social and cultural factors. From idealized images of selfless mothers in classicism and sentimentalism to realistic depictions of complex female destinies. The article reveals the variety of interpretations of the maternal image in Russian literature, emphasizing its symbolic significance and influence on the formation of human consciousness. At all times, the image of a mother has varied due to changes in the social and cultural views of society. Family upbringing and family values not only affect the very character and worldview of their child, but also contribute to shaping his future. Education, self-realization, achievement of goals, dreams – all this is the result of a mother's upbringing. Consequently, the image of the mother in Russian literature is the central image of many works.

Keywords: Russian literature, upbringing, writers, works, mother's image, poet, worldview, family values, personality

For citation: Arsakayeva H.S., Gishkaeva A.A. The image of the mother in Russian literature. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 233 – 236.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Образ матери в русской литературе является центральным во многих произведениях как прозаических, так и лирических. В целом, в русской литературе особо важное место занимает образ женщины. Русские писатели, как правило, описывали женщин как самых чистых, нежных, милосердных и красивых созданий. Женщины, в свою очередь, являлись первыми, при упоминании которых, появляются ассоциации с семьей, теплом и уютом, т.е. матерью [5]. Однако, научных трудов, в которых детально раскрывается образ матери в русской литературе недостаточно. С образом матери в русских поэтических произведениях XX в. пишет М.В. Мелексетян. Она отмечает, что данный образ несмотря на свою распространенность в текстах русских художественных произведений, «остаётся по существу неисследованным» [3]. В наше время интерес к изучению образа матери, её значимости в формировании картины мира ребёнка [7] привлекает внимание специалистов различных наук.

Образ матери занимает ключевое место среди других, доносимых авторами произведений русской литературы. Ведь мать – это свет родного дома, это человек любящий бескорыстно. Мать в культуре любого народа – доминирующий образ [2]. Основная цель – раскрыть образ матери в произведениях русской литературы.

Задачи: 1. проанализировать влияние образа матери на формирование человека, как личности в произведениях русских поэтов и писателей; 2. показать важность семейных ценностей сквозь призму образа матери в русской литературе.

Материалы и методы исследований

В работе привлекаются описательный и сравнительный методы. Они способствуют созданию целой палитры образов матери по произведениям русской литературы.

Материалами исследования явились произведения русской литературы.

Результаты и обсуждения

Испокон веков образ матери варьировался в силу изменения социальных и культурных взглядов людей. Одной из главных причин непостоянства данного образа было изменение стиля писателей при написании, как прозы, так и лирики. Однако, даже в результате эволюции человечества, с древности оставалось неизменным одно – важность матери. Авторам в своих произведениях удалось «создать яркий и уникальный образ» матери [9].

В основном, образ матери имеет лишь положительную окраску. С.А. Есенин особенно любил писать о своей матери, и делал он это с несказанной нежностью и любовью. В своем стихотворении «Письмо матери» поэт пишет:

«Ты жива еще, моя старушка?

Жив и я...» [8].

Называя свою мать старушкой, поэт говорит не о ее возрасте. Этим он отмечает уют и тепло, которые испытывает, находясь рядом с ней.

«Пусть струится над твоей избушкой

Тот вечерний несказанный свет» [8].

Есенин желает, чтобы над избушкой матери струились не обычные уличные фонари, которые освещали бы дорогу матери, а свет счастья. Он использует метафору, сравнивая «вечерний свет» со светом жизни, желая ей, тем самым, мирского благополучия и счастья.

«Пишут мне, что ты, тая тревогу,

Загрустила шибко обо мне» – Есенин любил видеть красоту в мелочах. В данном отрывке он восхищается бременем переживаний матери о своем сыне.

«...Только ты меня уж на рассвете

Не буди, как восемь лет назад [8].

В данном отрывке сразу заметно желание Есенина становиться нежным, глупым, маленьким ребенком рядом с мамой, который будет чувствовать себя под защитой в их «низеньком доме».

Итак, почти все русские классики восхваляли матерей в своих произведениях. Писатели, порой, настолько переполнены любовью к своим матерям, что, излагая их на лист бумаги, они передают не только свои трепетные чувства, испытываемые к матери, но и заражают читателей испытывать то же самое.

«Я верю, что женщина – чудо такое,
Какого на Млечном пути не сыскать,
И если «любимая» – слово святое,
То трижды священное – женщина-мать!» [6].
О, вера наших матерей,
Вовек не знающая меры,
Святая, трепетная вера в нас,
Подрастающих детей [1].

Автор отмечает, что именно поддержка матерей является особенно важной в достижении целей человека, но, порой, самым тяжким становится разочарование родной матери. «В великом неоплатном долгу мы перед своими матерями» [4].

Не следует забывать, что, несмотря на трогательные признания в любви матерям, и душевное описание своих чувств, русские классики также не ограничивались положительными словами о матерях. Некоторые из них выбирали показывать «обратную» сторону семейной жизни, добавляя краски реализма. То, что писатели изображали матерей в своих произведениях с не очень хорошей стороны, не говорит о том, что у них были плохие взаимоотношения в семье, хотя это тоже не исключение. Возможно, они видели подобные ситуации в семьях своих друзей, коллег, родственников и т.д., и посчитали необходимым поделиться своими наблюдениями или вымышленными историями о матерях.

Ярким примером описания матери, как отрицательного героя является Госпожа Простакова в произведении «Недоросль» Д.И. Фонвизина. Госпожа Простакова – богатая помещица, властная, жестокая и грубая женщина, не думающая ни о ком кроме себя. Она может спокойно сказать любому человеку то, о чем думает, не стараясь выразиться корректно, дабы не обидеть его [10].

И самый главный пункт в описании ее личности – гипертрофированная любовь к своему сыну. Звучит довольно парадоксально: как же чрезмерная любовь к сыну может отразиться отрицательно на воспитании сына? Именно эту проблему раскрывает автор: проблема материнского воспитания.

Госпожа Простакова чрезмерно опекала своего сына Митрофана. Она не задумывалась о жизни, где не будет слуг, которые будут обеспечивать ему комфортную жизнь. Не видела необходимости в образовании своего сына, ведь за них все делают слуги. Она считает, что образование – это привилегия дворян, а крепостным оно не нужно.

Следовательно, она воспитала человека «калеку», который не способен ни на что для своего саморазвития и реализации в жизни. Мать Митрофана повлияла не только на его мировоззрение, но и на характер: он вырос грубым, жестоким, бессердечным эгоистом. Произведение заканчивается ссорой двух героев: матери и сына. Мать разочарована в своем сыне и в том, как Митрофан поступил с ней, ведь, по ее мнению, она в нем души не чаяла.

Следующим примером материнской любви, обернувшейся плохим концом для сына, служит произведение «Обломов» И.А. Гончарова. События разворачиваются вокруг главного героя Обломова Ильи Ильича. В данном произведении главный герой представляется перед читателями ленивым, безответственным и апатичным. Илья Ильич целыми днями лежит на своем диване, и ему это не надоедает. Однажды он попробовал выйти в свет, но ему это не понравилось, и он вновь замкнулся. Для него счастливой жизнью была бесцельная жизнь, полная сна и лени. Виноваты в этом были, естественно, родители Обломова, которые не сумели в должной мере показать своему сыну то, как важно иметь цели в жизни и идти к ним, как минимум не деградируя. В то время как Штольц, друг Обломова, получил хорошее образование и сам ездил по поручениям отца в другой город. Родители Штольца считали необходимым вложить в сына трудолюбие, целеустремленность и расчетливость. И как итог: Штольц хорош собой, имеет образование, заслужил чин надворного советника, получил потомственное дворянство за заслуги. Он стал завидным женихом, в результате чего обрел семью, в которой царствовали благополучие, любовь и уют.

Выводы

Из вышесказанного следует, что во многом воспитание родителей не только сказывается на самом характере и мировоззрении их ребенка, но и влияет на его будущее. Образование, семейные ценности, самореализация, достижение целей, мечты – все это является результатом воспитания матери.

Образ матери в русской литературе является центральным образом многих произведений. Он оказывает сильное влияние на формирование человека, как личности. От мифологических корней в древнерусской литературе, где мать ассоциировалась с плодородием и землей-кормилицей, до сложных психологических портретов в современной прозе, образ матери остается центральным.

Список источников

1. Коротаев В.В. О вера наших матерей. URL: https://stihi.ekimovka.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=648:v-korotaev-o-vera-nashikh-materej&catid=13&Itemid=109 (дата обращения: 15.10.2024).
2. Литус Е.В. Лексема мать в контрастивном словаре народных песен казаков Кубани (опыт составления словарной статьи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 188 – 193.
3. Мелексетян М.В. Образ матери в русской поэзии XX века: А. Блок, А. Ахматова, А. Твардовский: дис. ... канд. фил. наук: 5.9.2. М., 2009. 26 с.
4. Образ матери в произведениях русской литературы. URL: <https://umk.vmk1.ru/okolledzhe/biblioteka/virtualnaya-vystavka/obraz%20матери.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).
5. Образ матери в русской литературе. URL: https://spravochnick.ru/literatura/russkaya_literatura/obraz_materi_v_russkoy_literature/ (дата обращения: 13.11.2024).
6. Рогожников Л.К. Заречные костры стихи. Липецк: ИНФОЛ, 2005. 127 с.
7. Сальникова В.В. Репрезентация ассоциативного поля лексемы «мать» в языковой картине мира ребёнка: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Вып. 7-1. С. 130 – 132.
8. Сергей Есенин. Стихотворения. URL: <https://fantlab.ru/edition253173> (дата обращения: 11.11.2024).
9. Турковская Е.В. Сравнительно-сопоставительный анализ средств выразительности передачи образа матери в произведениях Б. Брехта и М. Горького // Ученые записки ВГУ имени П.М. Машерова: сборник научных трудов. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. Т. 30. С. 189 – 193.
10. Характеристика Простаковой в комедии «Недоросль», кратко, образ Госпожи Простаковой. URL: <https://obrazovaka.ru/sochinenie/nedorosl/harakteristika-prostakovoy.html> (дата обращения: 20.10.2024).

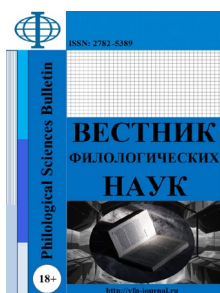
References

1. Korotaev V.V. About the Faith of Our Mothers. URL: https://stihi.ekimovka.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=648:v-korotaev-o-vera-nashikh-materej&catid=13&Itemid=109 (date of access: 15.10.2024).
2. Litus E.V. The Lexeme Mother in the Contrastive Dictionary of Folk Songs of the Kuban Cossacks (an attempt at compiling a dictionary entry). Philological Sciences. Theory and Practice Issues. 2019. Vol. 12. Iss. 2. P. 188 – 193.
3. Meleksetyan M.V. The Image of Mother in Russian Poetry of the 20th Century: A. Blok, A. Akhmatova, A. Tvardovsky: Dis. ... Cand. Phil. Sciences: 5.9.2. M., 2009. 26 p.
4. The image of the mother in the works of Russian literature. URL: <https://umk.vmk1.ru/okolledzhe/biblioteka/virtualnaya-vystavka/obraz%20матери.pdf> (date of access: 15.10.2024).
5. The image of the mother in Russian literature. URL: https://spravochnick.ru/literatura/russkaya_literatura/obraz_materi_v_russkoy_literature/ (date of access: 13.11.2024).
6. Rogozhnikov L.K. Zarechnye bonfires poems. Lipetsk: INFOL, 2005. 127 p.
7. Salnikova V.V. Representation of the associative field of the lexeme "mother" in the linguistic picture of the world of a child: a dynamic aspect. Philological sciences. Theory and Practice Issues. 2016. Iss. 7-1. P. 130 – 132.
8. Sergei Yesenin. Poems. URL: <https://fantlab.ru/edition253173> (date of access: 11.11.2024).
9. Turkovskaya E.V. Comparative and contrastive analysis of expressive means of conveying the image of the mother in the works of B. Brecht and M. Gorky. Scientific notes of VSU named after P.M. Masherov: collection of scientific papers. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov, 2019. Vol. 30. P. 189 – 193.
10. Characteristics of Prostakova in the comedy "The Minor", briefly, the image of Mrs. Prostakova. URL: <https://obrazovaka.ru/sochinenie/nedorosl/harakteristika-prostakovoy.html> (date of access: 20.10.2024).

Информация об авторах

Арсакаева Х.С., старший преподаватель, кафедра русского языка, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова», г. Грозный, harta76@mail.ru

Гишкаева А.А., ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова», г. Грозный, aishat2056@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский язык) (филологические науки)
УДК 811.11-26

¹ Малахова С.А., ¹ Кузнецова Л.Э.

¹ Армавирский государственный педагогический университет

Лексико-семантический анализ терминов свадебной обрядности в английском языке (лингвокультурный аспект)

Аннотация: в статье проводится исследование лексики свадебной обрядности, которая представляет собой терминологию, одновременно принадлежащую языку и культуре. Цель работы – рассмотреть лексические единицы, составляющие ритуальные действия свадебного обряда следующих лексико-семантических групп: «Ритуальные предсвадебные и свадебные действия», «Наименование участников свадебной церемонии», «Место проведения свадебной церемонии».

На основе данных толковых и этимологических словарей английского языка, а также свадебного дискурса англоязычных интернет-источников проводится лексикографический анализ данных лексем, исследуется их внутренняя форма, синонимические отношения.

Отмечаются общеупотребительные лексемы, которые в контексте свадебной обрядности приобретают особые культурные коннотации.

Делается вывод о взаимосвязи экстралингвистических факторов, истории и культуры и процесса их отражения в национальном языке.

Методология исследования представлена обзором научных работ зарубежных и отечественных авторов по данной проблематике.

Ключевые слова: свадебная обрядность, свадебная церемония, ритуальные действия, лексико-семантические группы, этимология, семантика, национально-культурная специфика

Для цитирования: Малахова С.А., Кузнецова Л.Э. Лексико-семантический анализ терминов свадебной обрядности в английском языке (лингвокультурный аспект) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 237 – 244.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Malakhova S.A., ¹ Kuznetsova L.E.

¹ Armavir State Pedagogical University

Lexical and semantic analysis of wedding ritual terms in English (linguocultural aspect)

Abstract: the article studies the vocabulary of wedding rituals, which is a terminology that simultaneously belongs to language and culture. The purpose of the work is as follows: to consider the lexical units that make up the ritual actions of the wedding ceremony of the following lexical-semantic groups: «Ritual pre-wedding and wedding actions», «Name of the participants of the wedding ceremony», «Venue of the wedding ceremony».

A lexicographic analysis of these lexemes and their internal form and synonymous relations are carried out on the basis of explanatory and etymological dictionaries of the English language and English-language Internet resources.

There are noted commonly used lexemes that acquire special cultural connotations in the context of wedding rituals.

The conclusion is made about the relationship between extralinguistic factors, history and culture and the process of their reflection in the national language.

The methodology of the study is presented by a review of scientific works of foreign and Russian authors on this issue.

Keywords: *wedding rituals, wedding ceremony, ritual actions, etymology, semantics, national and cultural specificity*

For citation: Malakhova S.A., Kuznetsova L.E. Lexical and semantic analysis of wedding ritual terms in English (linguocultural aspect). *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 237 – 244.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

В современных филологических исследованиях всё более широко культура народа изучается через язык, анализ ключевых слов конкретного языка [1]. Выявление национальных культурных различий помогает понять мировосприятие этноса, способствует формированию толерантности и взаимопонимания между представителями различных культур.

С древних времен в разных культурах мира свадебные традиции были и остаются одними из самых ярких и самобытных. В них проявляются этнические и религиозные особенности, образ жизни того или иного народа.

Проблематика свадебной обрядности представлена в работах современных англоязычных авторов в рамках таких научных областей, как история, антропология, социология, культурология, лингвистика, что позволяет говорить об актуальности исследования.

Christopher N.L. Brooke в своей монографии «The Medieval Idea of Marriage» предлагает новый взгляд на природу брака в Средние века в социальном, политическом и религиозном аспекте и на его трактовку в современном искусстве и литературе [12].

В работе S.R. Charsley «Rites of Marrying: The Wedding Industry in Scotland» проводится антропологическое исследование культурных обрядов, ритуалов и обычаев помолвки и брака, принятых в Шотландии [13].

Наблюдается также рост внимания к свадебной церемонии со стороны социальных наук, во многом связанный с работой Крис Ингрэм «White Weddings: Romancing Heterosexuality in Popular Culture», посвященной индустрии так называемых «белых свадеб» [17]. Автор рассматривает влияние поп-культуры на ритуализированные аспекты жизни.

Dawn H. Currie в статье «"Here Comes the Bride": The Making of a "Modern Traditional" Wedding in Western Culture» рассматривает традиционные свадебные церемонии и изучает роль, которую они играют в воспроизводстве патриархальных супружеских отношений [16].

Работа W. Leeds-Hurwitz «Wedding as Text: Communicating Cultural Identities Through Ritual» посвящена исследованию свадебной обрядности с точки зрения семиотики и межкультурной коммуникации [19]. Автор особое внимание уделяет концепции ритуала, идентичности и смысла.

Ряд лингвистических исследований российских авторов посвящен изучению языка свадебных церемоний. Так, например, в работе Ж.Н. Сарангаевой рассматриваются эмблематические знаки лингвокультурного концепта «marriage» на основе культурно-маркированных лексических и фразеологических единиц казахского, русского и английского языков [24], С.В. Туганова исследует структуру и названия действий свадебного обряда на материале русских и английских примет [9], Е.В. Доброниченко анализирует особенности повествований о свадебном ритуале в современном медиадискурсе [3].

Цель данной статьи – рассмотреть на основе лингвокультурного подхода лексические единицы, составляющие ритуальные действия свадебного обряда следующих лексико-семантических групп: «Ритуальные предсвадебные и свадебные действия», «Наименование участников свадебной церемонии», «Место проведения свадебной церемонии».

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили данные толковых и этимологических словарей английского языка, словарь английского фольклора, данные Британского национального корпуса. Проанализированы материалы свадебного дискурса англоязычных интернет-сайтов, а также тексты англоязычных СМИ.

В статье использовались следующие методы исследования: метод интерпретации и классификации, лексикографический и этимологический анализ.

Результаты и обсуждения

Термин «свадебный обряд» определяется как «один из семейных обрядов, оформляющий вступление в брак» [6], и представляет собой церемонию «перехода», по концепции известного французского этнографа Арнольда ван Геннепа, в соответствии с которой люди посредством ритуальных действий переходят из одной фазы жизненного цикла в другой [2].

Фазы «перехода» реализуются в структуре свадебного обряда, по-разному распределяясь на разных его этапах [6, с. 544].

Под обрядовой терминологией понимают терминологию обрядов и верований, называющих «семиотически (культурно) значимые реалии – ритуальные предметы, действующих лиц, действия, свойства, функции, отношения, обозначающие сами обряды или их части» [8, с. 167].

В английском языке эквивалентом русского понятия «свадьба» является лексема «wedding». Этимологически слово wedding связано с древнеанглийским *wedding* – «состояние брака; залог, помолвка; действие вступления в брак» [22].

Согласно толковым словарям английского языка лексема *wedding* представляет собой отглагольное существительное от *wed* (v.). В свою очередь *wed* происходит от древнеанглийского *weddian* – «дать клятву, завет сделать что-то», также «объединить (двух других людей) в браке», «провести церемонию бракосочетания», «обручиться, жениться». Связано с протогерманским *wadja, датским *vedde* («держат пари»), древнефризским *weddia* («обещать»), готским *ga-wadjon* («обручиться»). Предположительно происходит от индоевропейского корня **wadh-* («закладывать, выкупать залог»). Таким образом, значение слова развивалось от понятия «залог», «клятва», «обещание», «взять женщину в жены, дав залог или задаток», до значения «обручиться, жениться». Такое развитие значения уникально для английского языка. В других германских языках слово сохранило значение «залог», «ставка», «закон», ср.: *Wette* (нем.), *vædde* (датск.), *wetten* (люксемб.), *veđja* (исл.), *wet* (нидерл.), *veddingar* (фарерск.).

Значение «свадьба, церемония бракосочетания» зафиксировано в английском языке с начала XIII в. В древнеанглийском языке для обозначения свадебной церемонии использовалось слово *bridelope*, что буквально означает «wedding run» (свадебный побег), имея в виду проведение невесты в ее новый дом.

В период средневековья для обозначения свадебной церемонии использовалось слово *wife-thing* (от древнеанглийского *wif-þing*), где *thing* означает «meeting, assembly» [23]. В современном английском языке не употребляется.

Во второй половине XVI в. активно используется слово *nuptial(s)* в значении «свадьба» или «свадебная церемония». Происходит от французского *nuptial* или непосредственно от латинского *nuptialis* («относящийся к браку»), от *nuptiae* «свадьба». Возможно, согласно этимологическим источникам, оно происходит от индоевропейского корня **sneubh-* «жениться» [22]. Согласно данным Оксфордского словаря в современном английском языке *nuptial(s)* употребляется редко [23].

Из всех этапов жизненного цикла вступление в брак является самым публичным. Способ празднования свадьбы во многом зависел от классовой принадлежности, материального положения, религии и региона проживания, но и от моды, которая всегда конкурировала с традицией [25].

Синтагматическая структура свадебного обряда складывается из последовательных ритуальных действий.

В Великобритании процесс заключения брака начинается с предложения руки и сердца от мужчины женщине, на которой он хочет жениться. Само предложение руки и сердца включает в себя некоторые ритуалы. Мужчина обычно становится на одно колено, дарит женщине кольцо, а затем спрашивает, согласна ли она выйти за него замуж. Если женщина принимает кольцо (предложение), то пара автоматически становится помолвленной.

Значению «быть помолвленным, обручиться» в английском языке соответствует лексема *engaged*: «publicly promising that you intend to marry someone» [14].

Прилагательное *engaged* образовано от старофранцузского *engagier* «связывать обещанием или клятвой», синонимом которого является лексема *affianced* («связанный обещанием брака, обрученный») [15]. Слово *affianced* употребляется в английском языке с XIV века, через старофранцузский язык от средневекового латинского *affidare* «доверять».

В качестве синонима употребляется также слово *betrothed* (e.g. *betrothed couple*), происхождение которого связывают с древнеанглийским *treowþe* (правда, клятва). Засвидетельствовано с 1560-х годов в значении «договор о выдаче женщины замуж; помолвка» [20]. В современном английском языке слова *betrothal/betrothed* менее частотны и в лексикографических источниках поясняются как устаревшие. Объявление о помолвке (*engagement*), означает намерение пожениться. Для тех, кто следует католической вере, может состояться церемония обручения (*betrothal*), которая проводится в церкви [21].

В число предсвадебных ритуальных действий кроме «betrothal» (обручение) и «engagement» (помолвка) входят также «stag night» или «stag do» (мальчишник) и «hen night» (девичник), которые зачастую гораздо более продолжительные и веселые, чем сама свадьба [18].

Церемонии stag night и hen night можно рассматривать как разрыв с прежним статусом и подготовку к принятию нового.

Stag night (вечеринка в честь жениха накануне свадьбы) – «a party that a man has with his (usually male) friends just before he gets married» [23]. Согласно лексикографическим источникам stag в английском языке имеет значение «олень-самец», или может использоваться как термин, называющий мужчину. Существует несколько теорий появления stag в составе данного термина. Олень – мужественное и сильное животное, подходящая эмблема для вечеринки жениха. Ещё одна причина, по которой лексема stag присутствует в названии церемонии – связь с историей Британии. Древние кельты поклонялись языческим богам. Один из них – Cernunnos (Кернунн) – покровитель плодородия, богатства, охоты и подземного мира. Характерной чертой его иконографии были олени рога, которые служат символом перемен (олень сбрасывает рога, а затем они отрастают вновь), а сам Кернунн олицетворяет приспособление к новым условиям жизни. Полагают, что изображение божества было частью брачных ритуалов у древних кельтов [25].

Stag nights как правило бывают тематически окрашены и могут включать игры, розыгрыши, особые шуточные наряды для будущего жениха; hen night – (вечеринка в честь невесты накануне свадьбы) – «a party for a woman who is going to get married, to which only her female friends are invited» [23]. Слово hen в названии девичника связывают со значением «female of any bird species» (самка птиц), которое зафиксировано в английском языке с первой половины XIV века [22].

К числу предсвадебных церемоний относится и bridal shower – вечеринка с вручением подарков будущей невесте за несколько месяцев или недель до свадьбы. Bridal shower – «a party held for a woman just before she gets married, when she is given presents for her future home» [14].

Название происходит от обычая дарить невесте подарки, которые помогли бы ей обустроить новый дом. Традиция зародилась еще в XVI веке в Европе. На событие приглашались родственники, подруги, друзья, и они одаривали («showered») невесту полезными вещами для дома и для будущей семейной жизни, в особенности невесту, у которой не было приданного [21].

Состав участников свадьбы, как многоэтапной церемонии, довольно разнообразен. В английском языке присутствует несколько существительных со значением «жених» / «невеста»: groom / bride, fiancé / fiancée и betrothed. Рассмотрим данные лексемы:

– groom или bridegroom – «a man who is getting married» (жених) [15], в староанглийском языке словом brydgruma называли мужчину перед свадьбой, т.е. буквально «невестин мужчина», но часть слова gruma (мужчина) изменилось в средневековый период на groom (слуга) [5, с. 89];

– bride – «a woman who is getting married» (невеста). В древнеанглийском bryd – «женщина, недавно вышедшая замуж или собирающаяся выйти замуж», от протогерманского *bruthiz «женщина, выходящая замуж»;

– fiancé – «A woman's fiancé is the man that she has promised to marry» (жених);

– fiancée – «A man's fiancée is the woman that he has promised to marry» (невеста), согласно этимологическим источникам слова заимствованы из французского языка, употребляются в английском с XIX в. С этимологической точки зрения жених или невеста (fiancé или fiancée) – это «обещанный», связаны с affiancé (торжественно обещать вступить в брак) [20].

Если groom и bride – это жених и невеста только в день свадьбы, то fiancé и fiancée – с момента, когда пара решила пожениться до дня свадьбы, то есть, пока они помолвлены. Например: «The groom arrived at his wedding in a balloon and the bride came on a skateboard», «Sam wants to travel to Milan with his secretary, but he's afraid his fiancée won't like it», Debbie's fiancé gives her orchids in jars every weekend».

Betrothed – может использоваться в значении «жених или «невеста» в зависимости от контекста («a person that someone has promised to marry, or has been betrothed»), буквально «обрученные», согласно лексикографическим источникам, лексема синонимична словам fiancé и fiancée, например: «He introduced his betrothed to his family» [11].

Помимо жениха и невесты, в свадебной церемонии участвуют:

– ushers – обычно мужчины-помощники, которые помогают в организации свадьбы;

– ringbearer – молодой парень, чья обязанность нести кольца;

– groomsmen – друзья жениха;

– best man – шафер: друг или родственник жениха, который помогает ему во время церемонии бракосочетания;

- bridesmaids – подружки невесты;
- maid of honor – «an unmarried woman who is the main bridesmaid at a wedding» (подружка невесты). Может быть родственницей или очень близкой подругой невесты. В её обязанности входит поддерживать невесту до и во время свадебной церемонии; например, помогать с покупкой свадебного наряда, планировать девичник, готовить речь-выступление на свадебном ужине (Naomi's sister Finnegan was maid of honor, and the groom's brother, Robert, was best man) [11];
- matron of honor – «a married woman who is the main bridesmaid at a wedding» («главная» подружка невесты, обычно замужняя дама);
- bride's father – отец невесты или ее опекун, тот, кто «передает» ее жениху;
- flower girl – девочка-цветочница. Она разбрасывает лепестки цветов по проходу во время свадебной церемонии;
- junior bridesmaids – младшие подружки невесты; они выбираются невестой для поддержки невесты на свадьбе, но они должны быть старше девочки-цветочницы;
- pageboys – пажи, которые традиционно пажи несут шлейф невесты, особенно если невеста носит платье с длинным шлейфом (из-за сложности управления шлейфом пажи обычно не моложе семи лет);
- wedding guests – гости на свадьбе.

Среди дериватов лексем *bride* и *groom* встречаются слова *bridezilla* и *groomzilla*, с пометкой «colloquial and humorous». Английский толковый словарь так поясняет значение данных слов: «a woman (or a man) who is getting married, who becomes difficult and unpleasant to deal with because she wants to control every aspect of her wedding» (невеста или жених, с которыми становится трудно и неприятно иметь дело, поскольку они хотят контролировать каждую деталь своей свадьбы). Например: «The wedding planner claims she has never had to deal with a bridezilla or groomzilla» [14]. Слово образовано сочетанием двух лексем: *bride* (невеста) или *groom* (жених) и *Godzilla* (Годзилла – существо из одноименного японского фильма и комиксов, которое напоминает динозавра и сметает все на своем пути).

Ритуальные свадебные действия состоят, как правило, из двух этапов – официальной торжественной части (*ceremony*) и свадебного приёма (*reception*). Анализ свадебного дискурса англоязычных интернет-сайтов, позволил уточнить следующее. В зависимости от места и способа проведения свадебная церемония может быть традиционной (*traditional wedding-style ceremony*), гражданской (*civil wedding ceremony*), гуманистической (*humanist wedding ceremony*). Традиционная официальная часть свадебного обряда проходит в церкви и включает следующие элементы: *walk down the aisle* (сопровождение невесты к алтарю), *welcome and intro from the officiant* (приветствие священника), *a reading and declaratory words* (ритуальная речь священника), *exchange of vows and personal promises* (обмен клятвами), *exchange of rings* (обмен кольцами), *pronouncement of marriage* (провозглашение мужем и женой) *kiss* (поцелуй), *signing of the register* (подписание официальных документов).

Civil wedding ceremony проводится государственным служащим (*a registrar*) в муниципалитете и не включает религиозную символику.

Humanist wedding ceremony отличается от гражданской церемонии тем, что она полностью персонализирована и может состояться в любом месте, которое имеет значение для пары. Популярны также *overseas wedding* или *destination wedding ceremony*, которые проводят за пределами места проживания жениха и невесты. Наименование свадебной церемонии может также зависеть от цвета одежды невесты и свадебного декора, например, *white wedding* и *mellow yellow wedding*. Приверженцы защиты природы проводят *sustainable wedding*, *green wedding* или *eco-ethical wedding*, что подразумевает празднование так называемой экологичной свадьбы (*eco-friendly celebration*) с наименьшим воздействием на окружающую среду.

Elopement wedding – («свадебный побег»), «the act of leaving home secretly in order to get married» [14]. Сегодня термин «elopement» («побег») в разговорной речи используется для обозначения любого брака, заключенного в спешке, без периода публичной помолвки, например: «Big weddings became the standard and elopements were for people who wanted to do something quickly» [11]. В таком случае событие празднуется только молодоженами или в небольшой компании в непринужденной обстановке. В современном английском языке термин *elopement* чаще используется для описания небольшого свадебного торжества и является синонимом следующих лексем: *destination wedding*, *pop up wedding*, *micro wedding*, *tiny wedding*, *small wedding* и *intimate wedding*.

Национальная специфика терминов свадебной обрядности прослеживается и в традициях шотландской свадьбы. Независимо от типа свадебной церемонии в Шотландии соблюдают следующие обряды: *handfasting ceremony*, *paying-the-piper* и *having a dram*.

Hand-fasting ceremony или tying the knot (церемония скрепления рук) – во время свадебной церемонии руки жениха и невесты связывают лентой в знак единения пары.

Paying-the-piper (плата волынщику) – считается, что волынки отгоняют злых духов, тем самым защищая молодоженов и благословляя их брак удачей. Однако, чтобы удача не отвернулась, волынщику должны заплатить. Обычно жених произносит тост за волынщика и платит ему, в данном случае, глотком виски из специальной чаши – Quaich (серебряная или оловянная чаша с двумя ручками). Традиция having a dram. заключается в следующем: чаша (quaich) наполняется виски или любым другим напитком во время церемонии, а затем молодожены скрепляют заключенный брак напитком.

Категория «Ритуальные свадебные действия» включает также лексемы-наименования неофициальной, праздничной части свадебной церемонии. К ним относятся: wedding reception (приём), wedding bash, wedding party (свадебная вечеринка), post-wedding party (послесвадебная вечеринка), wedding breakfast [14].

Данные лексемы близки семантически с общим значением «a party to celebrate the marriage ceremony of two people» [23], но некоторые из них требуют дополнительного пояснения.

Wedding breakfast – одно из главных событий свадебного торжества, эквивалент русского понятия свадебный банкет. Согласно лексикографическим источникам – «a meal that is part of a marriage celebration, eaten after the ceremony at any time of day», например: «The marriage ceremony will be held in the castle, followed by a wedding breakfast and a party» [14]. Wedding breakfast – это только часть праздничной церемонии, элемент wedding party. Присутствие лексемы breakfast в словосочетании не является указанием на время свадебного приёма. Считается, что происхождение названия восходит к эпохе дореформенной Англии, когда свадебная церемония представляла собой форму святого причастия. Невеста и жених постились перед свадьбой, чтобы принять причастие. После церемонии бракосочетания священник благословлял еду и напитки, затем еда предлагалась молодоженам. То есть, это был первый совместный прием пищи и первый прием пищи за день, свадебный завтрак.

Wedding bash подразумевает достаточно масштабное свадебное мероприятие, поскольку bash в английском языке имеет следующее значение «a party or celebration, especially a large one held by an official organization or attended by famous people» [15]. Например: «In the case of Sting he sees no conflict with his Green beliefs and the arrangement of a wedding bash which brought to Wiltshire 250 petrol-guzzling cars, security helicopters, a 20,000 Versace wedding dress flown from Italy, paper invitations... [11].

Wedding reception включает ряд ритуальных действий, достаточно традиционных для английской свадьбы – dining (угощение), speeches (речи), toasts (тосты), cake cutting (разрезание свадебного торта), first dance (танец жениха и невесты), bouquet/garter toss (бросание букета и / или подвязки).

Обычай bouquet / garter toss зародился в средневековой Англии. После церемонии бракосочетания гости пытались оторвать части платья невесты или свадебного букета, так как считалось, что они приносят удачу и богатство тому, кто их получит. Невесты часто бросали свои букеты в одном направлении, чтобы избавиться от назойливых гостей. История бросания подвязки (garter toss) связана с обрядом «бросания чулка». После церемонии бракосочетания гости сопровождали невесту и жениха в их покои, чтобы украсть чулки невесты. Гости верили, что если они ударят невесту или жениха по голове чулками, то получают удачу. Чтобы предотвратить это, жених начал бросать чулки невесты за дверь, прежде чем гости могли войти. Со временем эта практика превратилась в сегодняшнее бросание подвязки [10, с. 183]. При этом невеста бросает букет подружкам, а жених подвязку своим друзьям. Поймавший получает надежду на скорый брак.

Большая часть обычаев, которые наблюдаются сегодня – это отголоски далекого прошлого. Но и сегодня, так или иначе, они присутствуют в свадебных обрядах [7].

Выводы

Свадебный обряд представляет собой один из феноменов культурной идентичности. Это комплекс разнообразных по содержанию и происхождению, этнически окрашенных действий с определенной символикой, которые через язык, отражают социальные, этнические и эстетические нормы этноса [4].

Терминология английской предсвадебной и свадебной церемонии состоит из специфической обрядовой (stag night, hen night, bridal shower, bouquet/garter toss, hand-fasting, paying-the-piper, having a dram и др.) и необрядовой лексики (общеупотребительные лексемы и их дериваты).

Структура свадебного обряда складывается из последовательных ритуальных действий. Группу «Предсвадебные действия» составляют лексемы engagement (affiancing, betrothal), stag night, hen night, bridal shower.

Состав участников свадебной церемонии, довольно разнообразен. Например, в данной группе присутствует несколько существительных со значением «жених» / «невеста»: groom/bride, fiancé / fiancée и betrothed, однако лексемы groom / bride и fiancé / fiancée не являются синонимами. Значение данных лексических единиц тесно связано с их этимологией и историей развития английского языка.

Лексемы-наименования официальной и праздничной части свадебной церемонии составляют группу «Ритуальные свадебные действия»: civil wedding, humanist wedding, sustainable wedding, elopement, wedding reception, wedding bash, wedding party, post-wedding party, wedding breakfast. Такие понятия, как humanist wedding и sustainable wedding в лексикографических источниках не отмечены и их появление в английском языке связано с современными реалиями жизни общества и пропагандируемыми ценностями: идеями экологии или устойчивого развития (sustainable development) и сосредоточенность на интересах личности.

Анализ терминологии свадебного обряда позволил выявить лексику с особым культурно-специфичным значением, в которой отражается прошлый опыт, современные новации и образ жизни, характерный для английской языковой общности.

Список источников

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 411 с.
2. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
3. Доброниченко Е.В., Желтухина М.Р. Свадебный ритуал: от содержания повествования к моделируемости в современном медиадискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, 2017. С. 35 – 45.
4. Лобачева Н.П. Что такое свадебный обряд? // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 55 – 63.
5. Локетт Б. Английский язык: вчера, сегодня, завтра. М.: Русский язык медиа, 2003. 608 с.
6. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти т. М.: «Международные отношения», 2009. Т. 4. 649 с.
7. Снегирёв И.М. Русские народные праздники и суеверные обряды. М.: Изд. Секачев В.Ю., 2018. 71 с.
8. Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 166 – 181.
9. Туганова С.В. Структура и названия действий свадебного обряда (на материале русских и английских примет) // Филология и культура. 2019. № 4 (58). С. 120 – 128.
10. Эптон Н. Любовь и англичане. Пермь: Урал ЛТД, 2001. 527 с.
11. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 15.10.2024).
12. Brooke Chr. The Medieval Idea of Marriage. Oxford: Oxford University Press, 1989. 325 p.
13. Charsley S.R. Rites of Marrying: The Wedding Industry in Scotland. Manchester: Manchester University Press, 2019. 227 p.
14. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 1775 p.
15. Collins Gem Dictionary of Synonyms & Antonyms. London, Glasgo: Collins, 2002. 448 p.
16. Currie D.H. Here comes the bride: The making of a modern traditional wedding in western culture // Journal of Comparative Family Studies. № 24 (3). 1993. P. 403 – 421.
17. Ingraham Ch. White Weddings: Romancing Heterosexuality in Popular Culture. Abingdon: Routledge, 2008. 208 p.
18. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder Publ., 2014. 424 p.
19. Leeds-Hurwitz W. Wedding as text: communicating cultural identities through ritual. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. Publishers, 2002. 308 p.
20. Macmillan Essential Dictionary for Learners of English. Bloomsbury Publishing Plc. 2003. 864 p.
21. Montemurro B. Something Old, Something Bold: Bridal Showers and Bachelorette Parties. Rutgers University Press, 2006. 244 p.
22. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 17.10.2024).
23. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://www.oup.com> (дата обращения: 15.10.2024).
24. Sarangaeva Z.N., Daldinova E.O., Kekeeva T.M. Concept "Marriage": linguosemiotic understanding in the Kalmyk, Russian and English linguistic consciousness // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. European Publisher. 2020. Vol. 92. P. 2386 – 2392.
25. Wright H.N. Before You Say «I Do»: A Marriage Preparation Guide for Couples. Harvest House Publishers. 2019. 96 p.

References

1. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition. Moscow: Russkie slovari, 1996. 411 p.
2. Gennep A. Rites of passage. Systematic study of rites. Moscow: Publishing firm "Eastern Literature" of the Russian Academy of Sciences, 1999. 198 p.

3. Dobronichenko E.V., Zheltukhina M.R. Wedding ritual: from the content of the narrative to modeling in modern media discourse. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. Vladikavkaz, 2017. P. 35 – 45.
4. Lobacheva N.P. What is a wedding ceremony? Ethnographic review. 1995. No. 4. P. 55 – 63.
5. Lockett B. English language: yesterday, today, tomorrow. M.: Russian Language Media, 2003. 608 p.
6. Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary in 5 Volumes. M.: International Relations, 2009. Vol. 4. 649 p.
7. Snegiryov I.M. Russian Folk Holidays and Superstitious Rituals. M.: Publishing House Sekachev V.Yu., 2018. 71 p.
8. Tolstaya S.M. Terminology of Rites and Beliefs as a Source for Reconstructing Ancient Spiritual Culture. Slavic Ethnolinguistics: Theoretical Issues. M.: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2013. P. 166 – 181.
9. Tuganova S.V. Structure and Names of Wedding Ceremony Actions (Based on Russian and English Signs). Philology and Culture. 2019. No. 4 (58). P. 120 – 128.
10. Upton N. Love and the English. Perm: Ural LTD, 2001. 527 p.
11. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (date of access: 15.10.2024).
12. Brooke Chr. The Medieval Idea of Marriage. Oxford: Oxford University Press, 1989. 325 p.
13. Charsley S.R. Rites of Marrying: The Wedding Industry in Scotland. Manchester: Manchester University Press, 2019. 227 p.
14. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 1775 p.
15. Collins Gem Dictionary of Synonyms & Antonyms. London, Glasgo: Collins, 2002. 448 p.
16. Currie D.H. Here comes the bride: The making of a modern traditional wedding in western culture. Journal of Comparative Family Studies. № 24 (3). 1993. P. 403 – 421.
17. Ingraham Ch. White Weddings: Romancing Heterosexuality in Popular Culture. Abingdon: Routledge, 2008. 208 p.
18. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder Publ., 2014. 424 p.
19. Leeds-Hurwitz W. Wedding as text: communicating cultural identities through ritual. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. Publishers, 2002. 308 p.
20. Macmillan Essential Dictionary for Learners of English. Bloomsbury Publishing Plc. 2003. 864 p.
21. Montemurro B. Something Old, Something Bold: Bridal Showers and Bachelorette Parties. Rutgers University Press, 2006. 244 p.
22. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (date of access: 17.10.2024).
23. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://www.oup.com> (date of access: 15.10.2024).
24. Sarangaeva Z.N., Daldinova E.O., Kekeeva T.M. Concept "Marriage": linguosemiotic understanding in the Kalmyk, Russian and English linguistic consciousness. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. European Publisher. 2020. Vol. 92. P. 2386 – 2392.
25. Wright H.N. Before You Say «I Do»: A Marriage Preparation Guide for Couples. Harvest House Publishers. 2019. 96 p.

Информация об авторах

Малахова С.А., кандидат филологических наук, доцент, Армавирский государственный педагогический университет, lana.litva63@mail.com

Кузнецова Л.Э., кандидат филологических наук, доцент, Армавирский государственный педагогический университет

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно - сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.1

¹ Котлярова Т.Я., ¹ Свиркович О.В.,
¹ Штукина Е.Э.

¹ Костанайский филиал Челябинского
государственного университета

Языковая среда поликультурного социума: эрратологический аспект

Аннотация: целью исследования, результаты которого изложены в данной статье, является уточнение понятия «ошибка» применительно к коммуникативной среде поликультурного социума. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи: уточнение типологии ошибок; выявление посредством социологического опроса степени чувствительности коммуникантов к нарушениям языковых норм и способности разграничить намеренные и ненамеренные неправильности; научная интерпретация и теоретическое осмысление результатов выполненного исследования. Предлагается разграничить собственно ошибки, то есть ненамеренные нарушения языковых норм, и намеренные неправильности, представляющие собой реализацию лингвокреативного потенциала членов лингвокультурного сообщества в условиях демократизации и либерализации коммуникации. Представлен анализ эрративных форм с применением комплекса методов лингвистического анализа, а также интерпретированы данные социолингвистического опроса, в ходе которого респондентам было предложено обнаружить ошибки, определить их преднамеренность / непреднамеренность, по возможности представить правильный вариант написания. Материалы исследования могут найти практическое применение в учебном процессе в преподавании языковых дисциплин, а также в различных сферах профессиональной деятельности филолога (рекламе, нейминге, копирайтинге).

Ключевые слова: эрратология, языковая норма, преднамеренные ошибки, непреднамеренные ошибки, лингвоэкология, людическая функция языка, коммуникативная среда

Для цитирования: Котлярова Т.Я., Свиркович О.В., Штукина Е.Э. Языковая среда поликультурного социума: эрратологический аспект // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 245 – 251.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Kotlyarova T.Ya., ¹ Svirkovich O.V.,
¹ Shtukina Ye.E.

¹ Kostanay branch of Chelyabinsk State University

The linguistic environment of a multicultural society: erratological aspect

Abstract: the purpose of the study, the results of which are presented in this article, is to clarify the concept of “error” in relation to the communicative environment of a multicultural society. In accordance with the goal, the following tasks were set: clarification of the typology of errors; identification of the degree of communicators' sensitivity to violations of linguistic norms and the ability to distinguish between intentional and unintentional errors by means of a sociological survey; scientific interpretation and theoretical understanding of the results of the study. It is proposed to distinguish between errors proper, i.e. unintentional violations of linguistic norms, and intentional incorrectnesses, which represent the realization of linguocreative potential of members of the linguocultural community in the conditions of democratization and liberalization of communication. The analysis of errative forms is presented using a set of methods of linguistic analysis, and the data of sociolinguistic survey are interpreted, in the course of which the respondents were asked to detect errors, to determine their intentionality/unintentionality, and, if possible, to present

the correct variant of writing. The materials of the study can find practical application in the educational process in teaching language disciplines, as well as in various spheres of professional activities of a philologist (advertising, naming, copywriting).

Keywords: *erratology, linguistic norm, intentional errors, unintentional errors, linguoecology, human function of language, communicative environment*

For citation: Kotlyarova T.Ya., Svirkovich O.V., Shtukina Ye.E. The linguistic environment of a multicultural society: erratological aspect. *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (12). P. 245 – 251.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

В данной статье предпринимается попытка научного обоснования особенностей понятия «ошибка» применительно к коммуникативной среде поликультурного социума. Это обеспечивает новизну данного исследования, поскольку понятия «речевая ошибка», «коммуникативная ошибка», «переводческая ошибка» традиционно исследовались в рамках соответствующих наук или сфер деятельности – культуры речи родного языка, методики преподавания родного и иностранных языков, переводоведения. В современном коммуникативном пространстве все эрратологические аспекты действуют комплексно, поэтому существует необходимость определения видов ошибок, релевантных для оценки языковой экологии поликультурного социума на основе функционального критерия, что обуславливает актуальность данного исследования.

Материалы и методы исследований

В статье описываются результаты эрратологического анализа текстов массовой коммуникации, содержащих ошибки различных типов. Эрративные формы были отобраны с применением метода целевой выборки. Для выявления степени чувствительности членов языкового сообщества к нарушению норм языка и способности к дифференциации преднамеренных и непреднамеренных языковых ошибок был проведен социолингвистический опрос 100 русскоговорящих респондентов, проживающих в г. Костанайе Республики Казахстан.

Результаты и обсуждения

В связи с тем, что нарушения языковых норм могут быть вызваны различными причинами, прежде всего представляется целесообразным разграничить понятия собственно ошибки (то есть ненамеренной неправомерности) и намеренной неправомерности, которая имеет высокую степень фреквентивности не только в неформальном межличностном общении, но и в современном рекламном дискурсе, нейминге, блогинге, прескрипциях, надписях на одежде и других составляющих коммуникативной поликультурной среды. Следует отметить, что языковая среда современного поликультурного города (а также практически любого типа населенного пункта) включает также и особый сектор интернет-пространства, поскольку трудно провести грань между традиционной наружной рекламой (баннерами, световой и видеорекламой) на улицах населенных пунктов и аналогичной рекламой в социальных сетях и поисковых системах; между вывесками, информирующими о порядке работы учреждений и текстами на специальных информационных сайтах и официальных сайтах организаций и учреждений, между рукописными или печатными ценниками на товарах и подобной информацией в интернет-магазинах и сайтах, информирующих о возможности доставки товаров, между урбанонимами на улицах города (указатели, таблички с названиями улиц, площадей и т.д., схемы проезда пр.) и на интернет-картах.

В науке не раз предпринимались попытки классифицировать коммуникативные и, в частности, речевые ошибки, на основе разных критериев. Поскольку понятие «ошибка» является базовым при оценивании результатов обучения, классификации чаще всего связаны с дидактикой или методикой преподавания различных дисциплин, где ошибки традиционно соотносят с уровнями языка (фонетические ошибки, лексические, грамматические, синтаксические и т.д.), либо с определенными направлениями науки (орфографические ошибки, орфоэпические ошибки, пунктуационные ошибки, стилистические ошибки, логические ошибки, семантические ошибки и т.д.) [1]. В дидактике, как правило, не рассматриваются ситуации намеренного употребления неправильных форм (за исключением особого типа заданий на обнаружение и исправление ошибок). Таким образом, разграничение намеренных и ненамеренных неправомерностей не является важным в традиционных классификациях, по умолчанию предполагающих ненамеренность нарушений норм.

По этой причине исследование ошибок в современном коммуникативном пространстве затруднено тем,

что не всегда можно доказательно определить, является ли данное отклонение от нормы собственно ошибкой (то есть ненамеренной неправильностью), или намеренной неправильностью, реализующей чаще всего людическую функцию (функцию языковой игры как результат реализации лингвокреативного потенциала продуцента) [5, с. 67], хотя возможно предположить также наличие регулятивной и экспрессивной функций. Феномен лингвокреативности в настоящее время находится в центре внимания исследователей, отмечается, что «лингвокреативность приобретает статус оперативного термина и ключевой метаязыковой единицы лингвистического анализа» [12, с. 92].

Также в связи с языковой экологией представляется важным предложенное Ф.А. Селивановым разграничение систематических и несистематических ошибок [9]. Ф.А. Селиванов, предложивший для науки об ошибках в разных сферах человеческой деятельности название «эррология», используя деятельностный подход, разработал основы общей теории ошибок, многие положения которой представляется целесообразным применить для исследования эррологического аспекта поликультурной языковой среды [10, с. 9].

Исследования восприятия языковой нормы и отношения к её нарушениям проводились на базе Вузовской академической лаборатории межкультурных коммуникаций Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Казахстан, г. Костанай). 100 респондентам, являющимся представителями различных социальных групп, предлагалось принять участие в анкетировании, организованном при помощи сервиса Google Формы. Участникам необходимо было внимательно рассмотреть тексты массовой коммуникации (рекламные, объявления, вывески и др.), размещенные на фотографиях, и ответить на вопрос, есть ли в них слова, написанные с нарушением правил русского языка. В общей сложности в анкетировании был использован 21 текст. Среди текстов, отобранных для анализа, встречались не только содержащие преднамеренные и непреднамеренные отступления от языковых норм, но и не демонстрирующие языковых нарушений.

В случае, когда респондент давал утвердительный ответ, ему предлагалось дать комментарий. По окончании анализа полученных посредством анкетирования сведений было выявлено, что не все участники опроса стремились пояснить свой ответ, оставившие же комментарий указывали в нем либо слово с уstraненной ошибкой, либо поясняли правильный вариант написания слова, ссылаясь на известное правило.

Рассмотрим результаты анализа непреднамеренных ошибок на следующих примерах.

«Профлист окрашенный. От производителя». Орфографическое нарушение связано с незнанием правила написания НН в прилагательных. Прилагательное окрашенный образовано на базе приставочного глагола совершенного вида окрасить, что является условием для выбора его написания с НН. 71% испытуемых указал на непреднамеренный характер данной ошибки, предложив правильный вариант ее устранения.

«Колбасная дегустация в магазине. Классный колбасный. Дегустация Николаевские колбасы. Пр. аль-Фараби 142 остановка Радуга». Орфографический облик всех составных компонентов имени арабского философа и ученого Абу Наср аль-Фараби, за исключением элемента аль, подчиняется общему правилу правописания имен собственных и требует прописной буквы в начале слова. Практически никто из опрошенных не смог установить, в каком из слов представленного текста допущена ошибка, посчитав что написание всех слов соответствует норме.

«SunVita. Оздоровительный центр. Осмотр врача педиатра; кислородный коктейль; соляная пещера. Показания: Профилактика ОРВИ, ГРИПП». Написание слова коктейль, которое в сочетании с прилагательным кислородный имеет значение «лечебная смесь, насыщенная кислородом» [4], в словарях современного русского языка зафиксировано с буквой й перед мягкой л. 60% респондентов указали, что предложенный текст содержит непреднамеренные ошибки. Ошибку в слове коктейль обнаружили 29% опрошенных, 6% посчитали ошибочным написание слова врач-педиатр, отметив на необходимость его дефисного написания, оставшиеся от комментария отказались. Однако никто из участников опроса не отметил нарушение в написании слова ГРИПП: являясь непроизводным нарицательным существительным слово грипп должно писаться строчными буквами, так как в русский язык пришло из французского (глаг. *grիրր* «схватить») [11], имеет лексическое значение «острое вирусное заболевание, характеризующееся воспалением дыхательных путей и лихорадочным состоянием» и аббревиатурой не является.

«Одна такая ФУНЧЕЗА» (рекламная вывеска на автобусной остановке). Правописание слова «фунчоза» в настоящее время пока не зафиксировано орфографическими словарями русского языка, однако анализ случаев его употребления в лексикографическом, научном, глуттонимическом дискурсах показывает практически абсолютное преобладание написания слова с буквой о в корне после шипящей: Фунчоза – блюдо китайской, корейской, японской и других азиатских кухонь, которое готовится из сухой лапши с приправами [13]; «Или сохраняется китайское произношение блюда, так в русский речевой обиход вошли названия гобажоу, фунчоза, чак-чак и тофу» [8, с. 114]; «Так, примером может послужить лексика, связанная с тематической сферой питания: фунчоза (от кит. «феньгяоцзы»)…» [3, с. 95]; «Фунчоза с овощами» [15]; «Фун-

чоза по-корейски. Овощной салат с фунчозой по-корейски. Острый, пикантный и сочный» [14]. Более половины опрошенных (54%) указали на ошибку в данном слове и квалифицировали ее как непреднамеренную.

«Набор детей от 5 до 11 лет по видам спорта в течении года БЕСПЛАТНО». Сочетание «в течении» следует писать с -е на конце, так как в данном контексте оно употреблено в качестве производного предлога с временным значением, не способного изменяться и выполнять самостоятельную синтаксическую функцию. Распознать непреднамеренную орфографическую ошибку в данном слове удалось 44% респондентов.

«Вы ищите интересный способ заработать?» В тексте наблюдается грамматическая ошибка, связанная с неразличением форм повелительного и изъявительного наклонения. Формулируя вопрос, автор подразумевает 2 лицо настоящего времени. Так как глагол искать (что делать?) относится ко второму типу спряжения, то форма 2 лица в указанном контексте должна приобрести окончание -ете (что делаете? - ищите), а не суффикс -и- и постфикс -те (ср. Срочно ищите работу!). Ошибочным написание данной глагольной формы посчитал 31% испытуемых, 21% предложил правильный вариант написания.

«Впервые в Казахстане! Целительство по методу суфия Мухаммада Бахауддина Накшбандия (13-14 вв.). Лечение многих заболеваний: геморроя, женского бесплодия, внутренних органов и многих других заболеваний. Снятие порчи, сглаза, проклятий». Грамматическая ошибка заключается в неправильном построении ряда однородных членов предложения, явившегося результатом речевой недостаточности (пропуск слова «заболеваний», «болезней»). 62% испытуемых не выявили языковых нарушений в предложенном тексте. Несмотря на то, что на наличие ошибки указали 38% опрошенных, практически никто (2%) из них не прокомментировал ее.

Таким образом, результаты анализа показали, что определение непреднамеренных ошибок вызывает трудности у части реципиентов.

Далее рассмотрим примеры преднамеренных нарушений.

«Всегда
Огромный
Выбор
Адежды»

(рекламная вывеска магазина одежды; сохранено графическое оформление источника).

Посредством целенаправленной замены непроверяемой безударной гласной о в начале слова «одежда» автор, расположив слова одного предложения на разных строках и написав каждое из них с прописной буквы, построил акrostих с базовым словом «Вова». Большинство респондентов (60%) отнесли указанное нарушение к числу преднамеренных.

«Детская адежда. В розницу по оптовым ценам» (надпись на магазине одежды). В прилагательном «детская» и существительном «одежда» создателем текста преднамеренно допущены орфографические ошибки с целью привлечения внимания посредством имитации «детских» ошибок. Отмеченные орфограммы не являются сложными к усвоению пишущими на русском языке и возможны в тексте, написанном либо ребенком, либо человеком, слабо владеющим системой языка, о чем свидетельствуют результаты опроса: абсолютно все респонденты обнаружили в тексте ошибку. Данный факт указывает на высокую степень вероятности использования такого нарушения в качестве средства привлечения внимания. 77% опрошенных убеждены, что данная ошибка допущена преднамеренно.

«Магазин «Купец» (название магазина). Орфографический облик слова купец в названии магазина демонстрирует распространенную тенденцию среди коммерческих организаций – создать стилистическое оформление «под старину» и тем самым выделиться на фоне других наименований. 88% опрошенных указали на ошибку в написании слова, из них 62% посчитали отступление от норм современной орфографии с целью привлечения внимания преднамеренной ошибкой.

«Чайкофский. Классика элитных сортов» (реклама магазина чая и кофе). В данном случае использован фонетический принцип орфографии, проявляющийся в письменной фиксации результата частичной регрессивной ассимиляции звонкого [в] перед глухим [с] в фамилии Чайковский. Преднамеренно ошибочное написание позволяет представить во внутренней форме слова название напитков «чай» и «кофе» с рекламной целью. 75% опрошенных отметили в данном тексте преднамеренную ошибку.

Относительно новой тенденцией является использование латиницы или смешанного написания для русских слов в рекламном дискурсе, что с одной стороны является нарушением графических норм русского языка, а с другой стороны выполняет людическую функцию и привлекает внимание. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать отношение русскоязычных респондентов к текстам подобного рода.

В случае латинской транскрипции русских слов (часто интернационализмов или заимствований), используемых в названиях городских объектов и в рекламных текстах о предлагаемых услугах, товаре и т.д.,

возникает особая ситуация с определением ошибок. Результаты опроса позволяют сделать вывод о снижении чувствительности к нарушению орфографических норм. Так, текст с названием ShopGarderobb был отмечен ошибочный только половине случаев, хотя слово французского происхождения «гардероб» и во французском языке, и в английском имеет написание «garderobe». То, что это надпись на английском языке, может быть определено по первой части названия – Shop, но в этом случае слово должно иметь написание «garderobe» (об этом упоминалось выше), к тому же, данная лексическая единица не вполне уместна в англоязычном названии, так как в значении, идентичном семантике русскоязычного слова, она употребляется крайне редко (garderobe сущ.: общ. склад оружия; арсенал; кладовая; цейхгауз; ист. склад; гардеробная; уборная; редк. гардероб [16]); для англоязычной версии предпочтительнее слово «wardrobe» [2]. Возможно предположение, что, создавая данную номинативную единицу, авторы реализовали две цели: используя латиницу, создавали смысл «европейский товар – высокое качество», но, в то же время, не использовали полностью англоязычное название, а остановились на латинской транскрипции узнаваемого слова «гардероб», совместив его с узнаваемым английским словом Shop, тем самым обеспечивая понимание русскоязычным реципиентом типа товаров, представленных на данной торговой площадке. Следует заметить, что в других текстах тот же торговый объект называется ShopGarderob (то есть, с точки зрения транскрипции более правильный вариант), но в адресе сайта появляется вторая буква b – возможно, в целях обеспечения уникальности адреса), и этот (ошибочный) вариант использован в анализируемом тексте [17].

50% опрошенных указали, что в данном тексте присутствует ошибка, 29% из них отметили ее преднамеренный характер. В комментарии к ответу 23% респондентов посчитали ошибочным написание слова Garderobb: «Garderobb» данное слово в английском языке отсутствует, и написано с двумя “b”»; «Дело в русском слове "гардероб", а тут на английском Garderob, хотя одежда с английского "Clothes"; «Ошибка допущена в слове «гардероб», автор написал с двумя «б», а нужно с одной».

«Madel. Индустрия красоты» (название салона красоты). Написанное латиницей слово madel используется в названии салона красоты, что заставляет человека, читающего текст, провести аналогию с существующим в русском языке словом модель (модель [дэ], -и, ж. 1. Образец какого-н. изделия или образец для изготовления чего-н., а также предмет, с которого воспроизводится изображение. Новая м. платья. М. для литья. Модели для скульптур. 2. Уменьшенное (или внатуральную величину) воспроизведение или макет чего-н. М. корабля. Летающая. самолета. 3. Тип, марка конструкции. Новая м. автомобиля. 4. Схематического физического объекта или явления (спец.). М. атома. М. искусственного языка. 5. Манекенщик или манекенщица, а также (устар.) натурщик или натурщица. * Это не модель (прост.) - так делать не годится. Пприл. модельный, -ая, -ое (к 1, 2, 3 и 5 знач.) [7]. В языках, использующих латинскую графику, данный интернационализм и его производные содержат корень «model». Ошибку в анализируемом слове увидели лишь 4% респондентов.

«Proff Инструмент. Вход свободный для всех желающих!» (фрагмент рекламного текста магазина инструментов и оборудования в г. Костанай). Соседство написанного латиницей слова Proff с русским словом инструмент создает в представлении читающего закономерную связь с русским словом профинструмент, образованным посредством аббревиации от слов профессиональный и инструмент, и, как результат, ложное представление о его написании (проффессиональный*). Предположение о распространенности данной ошибки подтверждается результатами запроса в поисковой системе Google – более 160 случаев. Ошибочным написание слова Proff посчитали 6% испытуемых.

«Дядя Дёнер». 23% респондентов отметили непреднамеренную ошибку в написании этого слова, мнения оставшихся 77% разделились поровну: одни указали на отсутствие ошибки, другие – на ее непреднамеренный характер: «Возможно, здесь кто-то считает ошибкой слово «дёнер», но на самом деле блюдо было придумано в Турции и там это слово звучит именно так», «На письме "дОнер", но в устной речи многие говорят "дЁнер", поэтому ошибка допущена непреднамеренно» и др.

Выводы

Небрежное отношение составителей текстов к орфографии, независимо от того, какой язык и какой алфавит используется, представляется недопустимым, поскольку способствует расшатыванию языковой нормы [6] в сознании пользователя, и, таким образом, наносится вред языковой экологии.

В перспективе возможно создание корпуса систематических ошибок, это позволило бы внести необходимые дополнения в учебники, а также зафиксировать правильные варианты в программах, помогающих избежать ошибок при создании текстов в интернет-пространстве.

Список источников

1. Бутакова Л.О. Опыт классификации ошибок, свойственной письменной речи // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 2. URL: <https://omsu.ru/vestnik/articles/y1998-i2/a072/article.html> (дата обращения: 20.10.2024).
2. Гардероб. Мультитран. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2&s=%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B1&l2=2> (дата обращения: 20.10.2024).
3. Горбунов П.К., Мусалитина Е.А. Влияние российско-китайского взаимодействия на развитие языковых заимствований // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: материалы всероссийской научной конференции. Ч. 2. Комсомольск-на-Амуре, 2021. С. 95 – 98.
4. Коктейль // Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=11411> (дата обращения: 20.10.2024).
5. Котлярова Т.Я. Лингвокреативность VS деструктивность русскоязычного Интернет-дискурса // Наука и знание: актуальные проблемы устойчивого экономического развития и обеспечения безопасности регионов России в условиях глобализации: правовые, социально-экономические и гуманитарные аспекты: материалы XXII международной научно-практической конференции, 9-10 апреля 2020 года, г. Новороссийск / под общ. ред. Л.А. Демидовой, Т.А. Куткович. Новороссийск: Новороссийский институт (филиал) АНО ВО МГЭУ, 2020. С. 66 – 68.
6. Крысин Л.П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-sootnosheniyu-sistemy-yazyka-ego-normy-i-uzusa> (дата обращения: 27.11.2024).
7. Модель // Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14661>
8. Пилюгина Н.Ю., Лю Цзяньминь. Этнокультурная специфика наименований блюд китайской кухни в русском языке // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции 30 мая 2015 г. Ч. 6. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. 114 с.
9. Селиванов Ф.А. Классификация ошибок и ее значение для теории деятельности // Диалектический метод и этика. Тюмень, 1973. 150 с.
10. Селиванов Ф.А. Ошибки. Заблуждения. Поведение. Томск, 1987. 198 с.
11. Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников. М.: Флинта: Наука, 2010. Т. 1. 584 с.
12. Фещенко В.В. Язык как творчество и творчество в языке: к истории лингвистической идеи // Критика и семиотика. 2012. Вып. 17. С. 84 – 94.
13. Фунчоza // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/696762> (дата обращения: 20.10.2024).
14. Фунчоza по-корейски // Сайт кулинарного проекта Аймкук. URL: <https://www.iamcook.ru/showrecipe/11258> (дата обращения: 20.10.2024).
15. Фунчоza с овощами // Сайт кулинарного проекта Повар ру. URL: https://povar.ru/recipes/funchoza_s_ovoshami-55925.html (дата обращения: 20.10.2024).
16. Garderobe // Мультитран. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?s=garderobe&l1=1&l2=2>
17. Shop-garderobb. URL: <http://shop-garderobb.asia.kz/> (дата обращения: 20.10.2024).

References

1. Butakova L.O. Experience of classification of errors inherent in written speech. Bulletin of Omsk University. 1998. Iss. 2. URL: <https://omsu.ru/vestnik/articles/y1998-i2/a072/article.html> (date of access: 20.10.2024).
2. Wardrobe. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2&s=%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B1&l2=2> (date of access: 20.10.2024).
3. Gorbunov P.K., Musalitina E.A. The Impact of Russian-Chinese Interaction on the Development of Linguistic Borrowings. Social and Humanitarian Sciences in the Context of Modern Challenges: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Part 2. Komsomolsk-on-Amur, 2021. P. 95 – 98.
4. Cocktail. Explanatory Dictionary of the Russian Language by S.I. Ozhegov online. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=11411> (date of access: 20.10.2024).

5. Kotlyarova T.Ya. Lingvocreativity VS destructiveness of Russian-language Internet discourse. Science and knowledge: current problems of sustainable economic development and security of Russian regions in the context of globalization: legal, socio-economic and humanitarian aspects: materials of the XXII international scientific and practical conference, April 9-10, 2020, Novorossiysk. Edited by L.A. Demidova, T.A. Kutkovich. Novorossiysk: Novorossiysk Institute (branch) of ANO VO MGEU, 2020. P. 66 – 68.

6. Krysin L.P. On the relationship between the language system, its norm and usage. Communicative studies. 2017. No. 2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-sootnosheniyu-sistemy-yazyka-ego-normy-i-uzusa> (date of access: 27.11.2024).

7. Model. Explanatory Dictionary of the Russian Language by S.I. Ozhegov online. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14661>

8. Pilyugina N.Yu., Liu Jianmin. Ethnocultural specificity of the names of Chinese dishes in the Russian language. Current issues in scientific work and educational activities: a collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference on May 30, 2015. Part 6. Tambov: OOO Consulting Company Yukom, 2015. 114 p.

9. Selivanov F.A. Classification of errors and its significance for the theory of activity. Dialectical method and ethics. Tyumen, 1973. 150 p.

10. Selivanov F.A. Errors. Delusions. Behavior. Tomsk, 1987. 198 p.

11. Etymological dictionary of the modern Russian language. Compiled by A.K. Shaposhnikov. Moscow: Flinta: Nauka, 2010. Vol. 1. 584 p.

12. Feshchenko V.V. Language as creativity and creativity in language: towards the history of the linguistic idea. Criticism and semiotics. 2012. Iss. 17. P. 84 – 94.

13. Funchoza. Dictionaries and encyclopedias on Academician. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/696762> (date of access: 20.10.2024).

14. Korean-style funchoza. Website of the culinary project Aimcook. URL: <https://www.iamcook.ru/showrecipe/11258> (date of access: 20.10.2024).

15. Funchoza with vegetables. Website of the culinary project Povar.ru. URL: https://povar.ru/recipes/funchoza_s_ovoshami-55925.html (date of access: 20.10.2024).

16. Garderobe. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?s=garderobe&l1=1&l2=2>

17. Shop-garderobb. URL: <http://shop-garderobb.asia.kz/> (date of access: 20.10.2024).

Информация об авторах

Котлярова Т.Я., кандидат филологических наук, профессор, кафедра филологии, Костанайский филиал Челябинского государственного университета, tatyana.kotlyarova@gmail.com

Свиркович О.В., кандидат филологических наук, доцент, кафедра филологии, Костанайский филиал Челябинского государственного университета, lesyash_86@mail.ru

Штукина Е.Э., кандидат филологических наук, профессор, кафедра филологии, Костанайский филиал Челябинского государственного университета, shtukina5@yandex.ru

© Котлярова Т.Я., Свиркович О.В., Штукина Е.Э., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81-2

¹ Терских Т.Ф.

¹ Байкальский государственный университет

Устойчивые словосочетания в практике преподавания русского языка как иностранного китайским учащимся

Аннотация: в работе описываются устойчивые сочетания слов, принадлежащие к готовым единицам языка, имеющие строго определенный лексический состав и обладающие общеизвестным значением и грамматическим строением. Автор обращает внимание на тот факт, что многие ученые (Н.М. Шанский, В.В. Виноградов, В.Л. Архангельский) считают синонимами термины «устойчивые словосочетания» и «фразеологизмы». Автор рассматривает возможности, как можно воспроизводить такие устойчивые сочетания слов в практике преподавания русского языка как иностранного, чтобы отобрать устойчивые, наиболее важные для изучения словосочетания, какие словари использовать. И предлагает с этой целью использовать «Толковый словарь устойчивых словосочетаний современного русского языка» Г.И. Климовской. В словаре собраны и истолкованы именно устойчивые словосочетания русского языка, которые вторично отражают действительность и функционируют в книжном культурном пространстве и времени. Хотя присущая им образность выполняет лишь прикладную, смыслооформительную функцию, но она обращена не только к интеллекту, но и к художественному опыту, к эмоциям китайских студентов. В презентации материала рекомендуется соответствующий комментарий, чтобы разъяснить учащимся особенности употребления каждого устойчивого словосочетания.

Ключевые слова: русский язык, устойчивые сочетания слов, фразеологизмы, синонимы, практика преподавания, сочетаемость

Для цитирования: Терских Т.Ф. Устойчивые словосочетания в практике преподавания русского языка как иностранного китайским учащимся // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 252 – 255.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Terskikh T.F.

¹ Baikal State University

Stable phrases in the practice of teaching Russian as a foreign language to Chinese students

Abstract: the paper describes stable combinations of words belonging to ready-made units of the language, having a strictly defined lexical composition and having a well-known meaning and grammatical structure. The author draws attention to the fact that many scientists (N.M. Shansky, V.V. Vinogradov, V.L. Arkhangelsky) consider the terms "stable phrases" and "phraseological units" to be synonymous. The author considers the possibilities of how to reproduce such stable combinations of words in the practice of teaching Russian as a foreign language in order to select the stable, most important phrases for learning, which dictionaries to use. And he suggests using the "Explanatory Dictionary of stable phrases of the modern Russian language" by G.I. Klimovskaya for this purpose. The dictionary contains and interprets precisely the stable phrases of the Russian language, which re-reflect reality and function in the book cultural space and time. Although their inherent imagery performs only an applied, semantic function, it is addressed not only to the intellect, but also to the artistic experience, to the emotions of Chi-

nese students. An appropriate comment is recommended in the presentation of the material in order to explain to students the specifics of the use of each stable phrase.

Keywords: the Russian language, stable combinations of words, phraseological units, synonyms, teaching practice, compatibility

For citation: Terskikh T.F. Stable phrases in the practice of teaching Russian as a foreign language to Chinese students. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 252 – 255.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Основной задачей обучения языку китайских учащихся является выработка коммуникативной компетенции, то есть способности активно и адекватно употреблять языковые средства при говорении и письме. Выполнение этой задачи невозможно без получения и закрепления достаточного количества знаний, связанных с системой языка, в частности, это относится к активному лексическому запасу учащихся.

Термин «устойчивое сочетание» часто встречается в лингвистике, например, в лексике, во фразеологии, в синтаксисе. Тем не менее до сих пор ученые не пришли к единому мнению, что такое устойчивые единицы, в результате чего появляется неопределенность понятий «устойчивые единицы» и «фразеологические единицы».

Термин «сочетаемость» вследствие широкого понимания также вызывает много вопросов. «В современной научной литературе сформировались две трактовки термина «устойчивое сочетание»: во-первых, он используется как синоним терминов «фразеологизм», «фразеологическая единица»; во-вторых, он служит универсальным обозначением всех видов несвободных сочетаний, включая ФЕ» [5].

К устойчивым сочетаниям слов относят «фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения – где слова обладают свободным значением: на свой страх и риск; держаться в тени» [9].

Безусловно, невозможно обойтись в учебном процессе без таких фразеологических единиц, поскольку они способны «выступать в качестве средств, дифференцирующих функциональные стили речи» [7].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров оценивают их с точки зрения обучения страноведению и признают их необходимость и частотность употребления [3, с. 14].

Н.М. Шанский полагает, что «в отличие от свободных сочетаний слов фразеологические обороты предстают перед нами как устойчивые сочетания слов» [10, с. 26], и поэтому употребляет устойчивые словосочетания как синоним термина «фразеологизм». В.Л. Архангельский считает, что устойчивость содержит «ограничение в выборе переменных» на лексическом, семантическом, морфемном и синтаксическом уровнях» [2, с. 6], поэтому устойчивые сочетания являются прежде всего фразеологизмами.

Мы придерживаемся следующего определения данного термина: устойчивые словосочетания – это сочетания двух и более слов, выбор одного из компонентов которых определяется не семантикой выражения, а наличием другого компонента. В связи с этим цель нашей работы – рассмотреть возможности изучения устойчивых словосочетаний китайскими учащимися на уроках РКИ.

Материалы и методы исследований

В практике преподавания РКИ особенно остро эта проблема встает при изучении отвлеченной лексики. Если у конкретной лексики часто сочетаемость семантически мотивирована и выводится учащимися автоматически из известных им значений слов, то сочетаемость абстрактной лексики нередко определяется ее узусом.

Например, смысл «большая степень чего-либо» выражается в сочетании и в сочетании глубокое волнение, и в сочетании высокая эффективность, и в сочетании горячее одобрение, однако поменять местами слова в словосочетаниях нельзя – существительное однозначно определяет, какое именно прилагательное должно выражать данный смысл.

Из такого определения устойчивости следует, что устойчивые словосочетания должны использоваться постоянно при употреблении определенных существительных (реже глаголов).

Результаты и обсуждения

Большая часть их выражает определенный круг смыслов, наиболее часто выражаемых при употреблении данного типа лексики – это значение начала (вспыхнула забастовка, встал вопрос), причины (вызвать обес-

покоенность, приносить радость), обычное действие главного участника ситуации (сказываться во влиянии на что-л., пользоваться авторитетом) и некоторые другие (важен потенциал аутентичного текста) [1].

Распространенность значений, выражаемых в устойчивых словосочетаниях, важна при обучении китайских студентов поколения Y-ов, поскольку помогает концентрации внимания с помощью лексической работы, и, значит, является еще одним доводом в пользу необходимости их особого изучения [6].

Но встает вопрос: как отобрать устойчивые, наиболее важные для изучения словосочетания? В большинстве словарей они даются наряду со свободными, что нередко настолько увеличивает их число, что их изучение представляется нереальной задачей. С другой стороны, толковые словари не дают всех необходимых для изучения устойчивых словосочетаний, делая упор на фразеологизмы и идиомы.

Существуют несколько пособий, основным содержанием которых является несвободные (устойчивые) сочетания. Наиболее распространено из них пособие под редакцией Л.И. Широковой «Устойчивые словосочетания русского языка». Активное обучение с помощью такого пособия не получится, так как оно фактически устарело и может пригодиться лишь для пассивного усвоения лексического материала.

Наиболее популярен сейчас «Толковый словарь устойчивых словосочетаний современного русского языка» Г.И. Климовской, где «каждое устойчивое словосочетание, так же как слово, обозначает один отдельный факт действительности: предмет, признак, действие, обстоятельство» [4].

Словарь Г.И. Климовской способствует быстрому отбору материала, когда перед преподавателями встает задача создания устойчивых словосочетаний активного типа. Для того, чтобы сделать их активными, необходимо организовать словосочетания вокруг ключевых слов (обычно существительных), так как именно при их изучении перед учащимися встает вопрос о сочетаемости. Далее словосочетания должны сопровождаться семантическим комментарием.

Для этого можно использовать наиболее простые наименования тех распространенных смыслов, которые чаще всего выражаются в устойчивых словосочетаниях (типа «начало», «причина» и т.п.)

Выводы

Таким образом, адекватное употребление словосочетаний в речи китайских учащихся возможно только тогда, когда учащийся получает достаточное количество сведений о грамматико-синтаксических и стилистических свойствах словосочетаний (которые нередко существенно отличаются от свойств, входящих в словосочетание, слов), поэтому необходим соответствующий комментарий. Наконец, необходимо проиллюстрировать особенности употребления каждого словосочетания примерами.

Список источников

1. Антипина Е.С. Потенциал художественного текста в укреплении диалога культур: стратегии обучения китайских студентов-филологов. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potencial-hudozhestvennogo-teksta-v-ukrepleni-dialoga-kultur-strategii-obucheniya-kitayskih-studentov-filologov/viewer> (дата обращения: 19.10.2024).
2. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1964. С. 119 – 120.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М.: Русский язык, 1982. С. 20 – 37.
4. Климовская Г.И. Толковый словарь устойчивых словосочетаний современного русского языка: 4-е изд. М.: Флинта, 2021. 149 с. URL: https://omsklib.ru/Novosti_biblioteki/hfzpd7111e/hfztvewdim (дата обращения: 17.10.2024).
5. Корнилова Т.В., Матвеев В.Э., Фисенко О.С., Чернова Н.В. Компоненты лингводидактической системы обучения иностранных филологов национально-окрашенной лексике с использованием аудиовидеосредств // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2015. № 3. С. 73 – 79.
6. Кудлик Е.С. Принципы спешного обучения китайских Y-ов на уроке русского языка как иностранного. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-uspeshnogo-obucheniya-kitayskih-y-ov-na-urokah-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo/viewer> (дата обращения: 18.10.2024).
7. Лапаева Т.А. Устойчивые сочетания в системе языковых единиц. 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivye-sochetaniya-v-sisteme-yazykovyh-edinit/viewer> (дата обращения: 17.10.2024).
8. Современный русский язык. Лексикография // Современные словари русского языка и их информативные возможности. URL: https://bstudy.net/637669/literatura/slovari_idiomatiki (дата обращения: 17.10.2024).
9. Устойчивые словосочетания. 2017. URL: <https://uchi.ru/otvety/questions/chto-takoe-ustoychivye-slovosochetaniya> (дата обращения: 16.10.2024).
10. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб., 1996. С. 26.

References

1. Antipina E.S. The Potential of Fiction in Strengthening the Dialogue of Cultures: Teaching Strategies for Chinese Philology Students. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-hudozhestvennogo-teksta-v-ukreplenii-dialoga-kultur-strategii-obucheniya-kitayskih-studentov-filologov/viewer> (date of accessed: 19.10.2024).
2. Arkhangelsky V.L. Set Phrases in Modern Russian. Rostov-on-Don, 1964. P. 119 – 120.
3. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. National and Cultural Semantics of Russian Phraseologisms. Dictionaries and Linguistic and Regional Studies. M.: Russian language, 1982. P. 20 – 37.
4. Klimovskaya G.I. Explanatory dictionary of set phrases of the modern Russian language: 4th ed. M.: Flinta, 2021. 149 p. URL: https://omsklib.ru/Novosti_biblioteki/hfzpd7111e/hfztvewdim (date of accessed: 17.10.2024).
5. Kornilova T.V., Matveenko V.E., Fisenko O.S., Chernova N.V. Components of the linguodidactic system for teaching foreign philologists nationally colored vocabulary using audio and video tools. Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy. 2015. No. 3. P. 73 – 79.
6. Kudlik E.S. Principles of urgent teaching of Chinese Y-s in the lesson of Russian as a foreign language. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-uspeshnogo-obucheniya-kitayskih-y-ov-na-urokah-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo/viewer> (date of accessed: 18.10.2024).
7. Lapaeva T.A. Stable combinations in the system of language units. 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivye-sochetaniya-v-sisteme-yazykovyh-edinit/viewer> (date of accessed: 17.10.2024).
8. Modern Russian language. Lexicography. Modern dictionaries of the Russian language and their informative capabilities. URL: https://bstudy.net/637669/literatura/slovari_idiomatiki (date of accessed: 17.10.2024).
9. Set phrases. 2017. URL: <https://uchi.ru/otvety/questions/chto-takoe-ustoychivye-slovo-sochetaniya> (date of accessed: 16.10.2024).
10. Shansky N.M. Phraseology of the modern Russian language. St. Petersburg, 1996. 26 p.

Информация об авторах

Терских Т.Ф., кандидат филологических наук, доцент, Байкальский государственный университет

© Терских Т.Ф., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 12 / 2024, Vol. 4, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.111-26

¹ Чусовлянова С.В., ¹ Никулина Д.Н.

¹ Сибирский государственный университет
путей сообщения

Поиск эквивалентов на семантическом уровне при переводе научного текста

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы достижения адекватности перевода, что является одной из целей переводческой деятельности. Адекватный перевод – это такой перевод, который обеспечивает передачу неизменного плана содержания при соблюдении норм переводящего языка. В этой связи необходимо обучать переводчиков методам достижения адекватности. В статье на примерах работы с научным текстом показаны способы подбора вариантов перевода с учётом контекста. Проанализированы различные способы перевода, показаны этапы работы со словарем и контекстом в процессе переводческой деятельности. Результаты представлены в виде рекомендаций по подбору лексических единиц с учётом контекста, что будет способствовать осмысленной работе при переводе научного текста с английского на русский язык.

Ключевые слова: сознательность в обучении, фразеологические языковые единицы, психологический интеллектуализм, формализм в педагогике

Для цитирования: Чусовлянова С.В., Никулина Д.Н. Поиск эквивалентов на семантическом уровне при переводе научного текста // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 256 – 261.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Chusovlyanova S.V., ¹ Nikulina D.N.

¹ Siberian State Transport University

Search for equivalents at the semantic level when translating scientific text

Abstract: the article examines the issues of achieving translation adequacy, which is one of the goals of translation activities. An adequate translation is a translation that ensures the transfer of an unchanged content plan while observing the norms of the target language. In this regard, it is necessary to train translators in methods of achieving adequacy. The article shows, using examples of working with scientific text, ways of selecting translation options taking into account the context. Various translation methods are analyzed, stages of working with a dictionary and context in the process of translation activities are shown. The results are presented in the form of recommendations for the selection of lexical units taking into account the context, which will contribute to meaningful work when translating a scientific text from English into Russian.

Keywords: consciousness in learning, phraseological language units, psychological intellectualism, formalism in pedagogy

For citation: Chusovlyanova S.V., Nikulina D.N. Search for equivalents at the semantic level when translating scientific text. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (12). P. 256 – 261.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

В основе переводческой деятельности лежит принцип адекватности. Адекватный перевод – это такой перевод, который точно передаёт смысл исходного текста, сохраняя при этом нормы языка перевода. Поэтому так важно обучать переводчиков методам достижения адекватности. В этой статье на примерах работы с текстом мы покажем, как подбирать варианты перевода с учётом контекста. Для того, чтобы перевод считался законченным и удачным необходимо соблюдение условий адекватности и эквивалентности. Прежде всего, дадим определение адекватного и эквивалентного перевода.

Адекватным называется перевод, осуществляемый на уровне, необходимом и достаточном для передачи особенностей и плана содержания при соблюдении норм языка перевода с учетом широкого контекста с сохранением стилистической характеристики [2].

Эквивалентным называется перевод, обладающий по отношению к своим адресатам тем же потенциальным воздействием, что и исходный текст, являющийся в максимально возможной мере текстуальным аналогом оригинала, и не содержащий отклонений от исходного текста, входящих за рамки трансформаций, допустимых в переводе [2].

Материалы и методы исследований

Для исследования вопросов вариативного поиска лексических эквивалентов при переводе применялись следующие методы: обзор и анализ научных работ по обсуждаемому вопросу. Для выявления эффективности вариативного поиска применялся метод наблюдения.

Результаты и обсуждения

Для начала приведем примеры перевода безэквивалентной лексики, используя приемы транслитерации, калькирования, приближенного и описательного перевода.

Возьмем в качестве образца следующее предложение:

At the individual level, we include adjustment variables that are frequently used in analyses of income, including sex, education level, type of degree, age and number of years working in Japan, frequency of overtime work, and whether the respondents hold a contract (keiyaku) position or a regular (seishain) job [3].

В данном случае, необходимо перевести на русский язык транскрибированные с японского на английский язык виды рабочих контрактов: keiyaku и seishain. Так как в русском языке нет терминов, которые бы являлись эквивалентом представленным, необходимо применить переводческую транслитерацию:

На индивидуальном уровне добавляются переменные корректировки, которые часто используются при анализе доходов, включая пол, уровень образования, ученую степень, возраст и количество лет работы в Японии, частоту появления сверхурочной работы, а также то, трудятся ли респонденты по контракту (кейяку) или на постоянной основе (сейшэйн).

Описательный перевод осуществляется путем раскрытия значения исходной единицы с помощью словосочетаний или целого предложения: «In effect, this means that virtually all foreign workers employed at Japanese firms experience “token” status at the firm level, the workplace level, or both» [3].

В данном случае слово "token" было переведено как "представителя конкретной социальной группы": «Фактически, это означает, что практически все иностранцы, работающие в японских фирмах, имеют статус “представителя конкретной социальной группы на уровне фирмы, на рабочем месте или в обоих случаях».

Чаще всего в языке перевода существует несколько слов для передачи одного и того же значения исходного слова, поэтому здесь следует применять вариативный поиск для подбора наиболее правильного с точки зрения адекватности и эквивалентности варианта перевода [4, 5].

Приведем примеры поэтапного поиска вариативных соответствий на семантическом уровне эквивалентности:

В качестве примера возьмем следующее предложение: «Holding other variables to their means, we calculate a predicted income of ¥3.96 million for employees in firms with foreign management, and ¥3.66 million for employees in firms without» [3].

В данном случае будет поэтапно описан перевод слова means. Рассмотрим варианты в словаре АБВУ Lingvo: 1) средство, способ, метод; возможность; 2) значение, величина.

У всех предложенных вариантов перевода инвариантом является возможность выполнения определенного действия.

Согласно словарной статье, "средство" является изначальным вариантом перевода. Выбираем данный вариант и переводим предложение:

Располагая остальные переменные согласно их средствам, можно определить, что прогнозируемый доход сотрудников в фирмах с иностранным аппаратом управления составляет 3,96 млн. иен, и 3,66 млн. иен для сотрудников фирм без иностранного аппарата управления.

Вариант перевода "располагать переменные согласно их средствам" не является верным с точки зрения сочетаемости слов в предложении. С точки зрения узуального употребления данный вариант также не является верным, поскольку в статистическом анализе переменные не могут быть расположены по их "средствам".

Переходим к варианту перевода "значение":

Располагая остальные переменные согласно их значениям, можно определить, что прогнозируемый доход сотрудников в фирмах с иностранным аппаратом управления составляет 3,96 млн. иен, и 3,66 млн. иен для сотрудников фирм без иностранного аппарата управления.

Данный вариант перевода является уместным с точки зрения сочетаемости языковых единиц и комбинаторики, однако, нам стоит рассмотреть его правильность в рамках узуального употребления. Для этого нам необходимо посмотреть взаимосвязь текущего предложения с предложениями до и после него, то есть обратиться к абзацу.

The coefficient for foreign employees in supervisory roles tests Hypothesis 2. This coefficient is significant and positive, indicating that employees who work in firms that employ foreign managers earn more than similar workers in other firms. Holding other variables to their means, we calculate a predicted income of ¥3.96 million for employees in firms with foreign management, and ¥3.66 million for employees in firms without. All else equal, in firms with foreign managers, employees earn about ¥0.3 million (\$3,000) more annually [3].

Коэффициент для иностранных работников, занимающих руководящие посты, проверяет гипотезу 2. Этот коэффициент является значимым и положительным, что указывает на то, что сотрудники, работающие в фирмах, которые нанимают иностранных менеджеров, зарабатывают больше, чем аналогичные работники в других организациях. Располагая остальные переменные согласно их значениям, можно определить, что прогнозируемый доход сотрудников фирм с иностранным аппаратом управления составляет 3,96 млн. иен, и 3,66 млн. иен для сотрудников фирм без иностранного аппарата управления. При прочих равных условиях, в фирмах с иностранными менеджерами сотрудники зарабатывают ежегодно примерно на 0,3 млн. иен (\$3,000) больше.

В целом, в абзаце идет речь о сопоставлении значений коэффициентов экономической интеграции иностранных работников в Японии. В первом предложении идет отсылка к гипотезе об успешности интеграции, во втором о значении коэффициента интеграции. Последующее предложение отражает размер заработной платы сотрудников. Мы можем утверждать, что выбранный нами вариант перевода слова "means – значение" является уместным с точки зрения узуального употребления, так как данный перевод не нарушает условий речевой ситуации.

Следующим наглядным примером подбора вариативного соответствия, взятого из нашего текста перевода, является слово tracking. «We characterize these types of job assignments as an informal tracking for foreign employees» [3].

Обратившись к словарной статье АБВУУ Lingvo, мы нашли следующие варианты перевода: 1) отслеживание, слежение (за действиями, процессами, данными); 2) сопряжение контуров; 3) укладка железнодорожных путей, колей;

Инвариантом в данном случае является наблюдение за какими-либо явлениями и их единство.

Выбираем "отслеживание" изначальным вариантом перевода. Тогда предложение будет переведено следующим образом: «Такие виды назначения на должность представляют собой неформальное отслеживание иностранных работников».

Данный вариант перевода является верным с точки зрения сочетаемости слов в предложении и узуса. Однако, если проанализировать его употребление в широком контексте, то его правильность ставится под сомнение.

«The first labor market institution of interest is some Japanese firms' tendency to pigeonhole foreign workers by assigning them to jobs that deal primarily with their home countries (Tsukasaki 2008; Liu-Farrer 2011), or to narrow technical roles. We characterize these types of job assignments as an informal tracking for foreign employees» [3].

«Первым институтом рынка труда, представляющим интерес, является стремление некоторых японских фирм привлечь иностранцев на работу, которая связана в первую очередь с их родными странами, или к сокращению числа технических профессий. Такие виды назначения на должность представляют собой неформальное отслеживание иностранных работников».

Вариант перевода "отслеживание" не подходит с точки зрения широкого контекста, поскольку в первом предложении абзаца говорится о привлечении иностранных специалистов на работу, а не об их отслеживании с точки зрения наблюдения за ними.

Варианты перевода "укладка железнодорожных путей" и "колея" также являются неверными вариантами перевода, поскольку нарушена правильность сочетания их со словами в предложении.

В данном случае, словарная статья не содержит подходящего нам варианта перевода слова tracking. Однако, в сети Интернет нами был найден еще один вариант перевода "трудоустройство". Проверим, подходит ли данный вариант к нашему примеру: «Такие виды назначения на должность представляют собой неформальное трудоустройство иностранных работников». Данный вариант перевода сочетается со словами в предложении. С точки зрения визуального употребления словосочетание "неформальное трудоустройство работников" является верным, то есть нормы русского языка не нарушены.

Обращаясь к широкому контексту, проверим найденный нами вариант:

Первым институтом рынка труда, представляющим интерес, является стремление некоторых японских фирм привлечь иностранцев на работу, которая связана в первую очередь с их родными странами, или к сокращению числа технических профессий. Такие виды назначения на должность представляют собой неформальное трудоустройство иностранных работников.

В рамках широкого контекста вариант "трудоустройство" является наиболее удачным и подходящим, поскольку и в первом и во втором предложении речь идет о найме сотрудников.

Выводы

Несложно заметить, что, когда мы переводили наш научный текст, мы следовали определенному алгоритму, заключающийся в рассмотрении вариантов словарной статьи с точки зрения общего инварианта, сочетаемости языковых единиц, визуального употребления и контекста.

Как было указано выше, научный текст представляет собой специфический жанр текстов. Именно поэтому такие тексты требуют особый подход к процессу их перевода. На основании представленных примеров перевода научного текста, был составлен и предложен алгоритм вариативного поиска соответствий на семантическом уровне эквивалентности.

При переводе текста нам следует обратить внимание на то, что есть необходимость работать с двумя взаимосвязанными аспектами вариативного поиска. Ранее нами были выделены критерии семантической эквивалентности такие как: сочетаемость языковых единиц, семантическое значение и визуальное употребление. Данные критерии лежат в основе аспектов вариативного поиска, т.к. они являются признаками наличия эквивалентности на семантическом уровне.

Если рассматривать процесс вариативного поиска поэтапно, то для начала нам необходимо обратиться к словарю и найти там все возможные варианты перевода заданного слова. Отсюда вытекает первый аспект вариативного поиска – необходимость работы со значениями слова, указанными в словарной статье.

Стоит отметить, что все пункты словарной статьи имеют единый инвариант, то есть общий смысловой компонент, который остается неизменным вне зависимости от существующего контекста.

Инвариант, в свою очередь включает 2 элемента: значение и содержание. Значение относится к единицам языка и существует, когда они не употреблены в коммуникации. А содержание является той информацией, которая воспринимается реципиентом и оказывает на него воздействие, это тот материал, с помощью которого это воздействие осуществляется.

Именно содержательный компонент помогает нам выделить то словарное соответствие, которое будет выбрано для дальнейшего анализа [8].

После того, как мы выбрали подходящий первоначальный вариант, нам следует перейти к следующему этапу вариативного поиска.

Вторым аспектом поиска вариантного соответствия является работа с контекстом, языковой ситуацией, в которой может употребляться то или иное значение слова.

На этапе работы с контекстом необходимо рассмотреть, насколько удачен выбранный нами вариант перевода с точки зрения комбинаторики и сочетаемости.

В лингвистике под комбинаторикой понимается составление и изучение комбинаций слов, которые подчинены экстралингвистической ситуации и целью высказывания (заданным смыслом) и которые можно образовать из заданного количества слов [9].

Сочетаемость проявляется в связях слов с их партнерами по контексту в тексте или высказывании. Другими словами, здесь выражаются закономерности взаимодействия слов в процессе их нахождения в речевой цепи. На этапе анализа с точки зрения комбинаторики и сочетаемости идет очередной отбор неподходящих вариантов перевода и формирование правильного его употребления в речевом и комбинаторном плане.

Под узким контекстом имеется в виду контекст словосочетания или предложения, т.е. языковые единицы, составляющие окружение данной единицы в пределах предложения [9]. Под широким контекстом имеется в виду языковое окружение данной единицы, выходящее за рамки предложения; это – текстовый контекст, т.е. совокупность языковых единиц в смежных предложениях. Точные рамки широкого контекста указать нельзя – это может быть контекст группы предложений, абзаца, главы или даже всего произведения в целом.

На этапе работы с контекстом необходимо проверить, соответствует ли выбранный нами вариант перевода тексту перевода в целом.

Слово *tracking* в нашем случае можно было проверить на уровне широкого контекста. Но, когда выбранный вариант перевода невозможно проверить на уровне текста, перед нами стоит выбор между двумя задачами переводчика.

Нашей целью в таком случае является выбор оптимального варианта между тем, чтобы:

1. Воспроизвести (интеллектуальный, эмоциональный, художественный, побудительный и т.п.) потенциал воздействия исходного текста на реципиента, то есть сделать выбор в пользу адекватности изложения информации;

2. Сохранить текстуальную (семантико-структурную) близость перевода к оригиналу, то есть сделать приоритетной эквивалентность текста перевода.

Принятие такого решения также является одним из этапов вариативного поиска соответствий.

Таким образом, были рассмотрены особенности перевода научного текста на примере научных статей. Кроме того, мы поэтапно проанализировали подбор вариативных соответствий при переводе научного текста. Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что перевод представляет собой не только творческий процесс, но и кропотливую работу по поиску вариантов, обеспечивающих эквивалентность текстов и необходимую адекватность. В связи с этим переводчик должен постоянно совершенствовать свои навыки и изучать соответствующую литературу как по лингвистическим аспектам, так и по тематике переводимых текстов.

Список источников

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего и среднего образования РАО, 2001. 204 с.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
3. Holbrow H.J. How conformity to labor market norms increases access to job search assistance: A case study from Japan // *Work and Occupations*. № 42 (2). P. 135 – 173
4. Рецкер Я.И. Очерк лингвистической теории перевода. Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. 3-е изд. М.: "Р. Валент", 2007. 244 с.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Издательство «Высшая школа», 1990. 253 с.
6. Никулина Д.Н., Чусовлянова С.В., Алексеева И.С. Поиск соответствий на семантическом уровне эквивалентности в научном тексте при переводе // *Евразийское Научное Объединение*. 2021. № 6-6 (76). С. 479 – 482.
7. Чусовлянова С.В. Необходимость применения переводческих трансформаций при переводе специального текста // *Преподаватель высшей школы в XXI веке. Труды 21-й Международной научно-практической конференции*. Ростов-на-Дону, 2024. С. 148 – 152.
8. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. М.: Издательство «Флинта», Издательство «Наука», 2003. 320 с.
9. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.: Издательство «АСТ», Издательство «Восток-Запад», 2006. 448 с.
10. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Издательство «Школа «Языки русской культуры»», 1998. 768 с.

References

1. Vinogradov V.S. Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues). Moscow: Publishing House of the Institute of General and Secondary Education, Russian Academy of Education, 2001. 204 p.
2. Komissarov V.N. Modern Translation Studies. A Manual. Moscow: ETS, 2001. 424 p.
3. Holbrow H.J. How Conformity to Labor Market Norms Increases Access to Job Search Assistance: A Case Study from Japan. *Work and Occupations*. No. 42 (2). P. 135 – 173
4. Retsker Ya.I. Outline of the Linguistic Theory of Translation. Supplements and Comments by D.I. Ermolovich. 3rd ed. Moscow: "R. Valent", 2007. 244 p.
5. Komissarov V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects). M.: Izdatelstvo "Vysshaya shkola", 1990. 253 p.

6. Nikulina D.N., Chusovlyanova S.V., Alekseeva I.S. Search for matches at the semantic level of equivalence in a scientific text during translation. Eurasian Scientific Association. 2021. No. 6-6 (76). P. 479 – 482.

7. Chusovlyanova S.V. The need to use translation transformations when translating a specialized text. Higher education teacher in the 21st century. Proceedings of the 21st International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2024. P. 148 – 152.

8. Nelyubin L.L. Explanatory translation dictionary. M.: Flinta Publishing House, Nauka Publishing House, 2003. 320 p.

9. Sdobnikov V.V., Petrova O.V. Translation Theory. M.: AST Publishing House, East-West Publishing House, 2006. 448 p.

10. Gak V.G. Language Transformations. M.: School of Languages of Russian Culture Publishing House, 1998. 768 p.

Информация об авторах

Чусовлянова С.В., кандидат социологических наук, Сибирский государственный университет путей сообщения, c10506@yandex.ru

Никулина Д.Н., Сибирский государственный университет путей сообщения, gr0ms@list.ru

© Чусовлянова С.В., Никулина Д.Н., 2024